Министерство образования и науки
Российской Федерации
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный юридический университет»
Институт юстиции

Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 60-летнему юбилею кафедры криминалистики
Уральского государственного юридического университета
(6 октября 2017 года)

Екатеринбург 2017

УДК 343.98(063)
ББК 67.52я 431
П78

Печатается по постановлению редакционного совета
Уральского государственного юридического университета

Редакционная коллегия:
доктор юридических наук, профессор *А. А. Беляков* (отв. ред.),
кандидат юридических наук, старший преподаватель *Д. В. Бахтеев*,
доктор юридических наук, профессор *В. В. Бирюков*

П78 **Проблемы** современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летнему юбилею кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета (6 октября 2017 года). – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2017. – 416 с.

ISBN 978-5-7845-0558-3

В докладах участников конференции раскрываются проблемы и достижения современной криминалистической науки, относящиеся к следственной, оперативно-розыскной, экспертной, прокурорской и судебной деятельности.

Научным и практическим работникам, а также всем интересующимся вопросами криминалистики

Статьи печатаются в авторской редакции

УДК 343.98(063)
ББК 67.52я 431

ISBN 978-5-7845-0558-3

© Уральский государственный
юридический университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Л. Я. Драпкина 7

АБРАМОВСКИЙ А. А. Перспективы и возможности использования зарубежного опыта в установлении личности экстремиста в российской следственной практике 10

АМИНЕВ Ф. Г. По вопросу судебно-экспертной профилактики как разновидности криминалистической профилактики 16

АНТРОПОВ А. В. Оценка выводов идентификационного почерковедческого исследования на основе сравнительного анализа частных признаков 21

БАЕВ О. Я. Сущность криминалистической тактики и ее субъекты 28

БАЛЕЕВСКИХ Ф. В. Возможности использования специальных психологических знаний для преодоления противодействия допрашиваемого 35

БАЛКО В. И. К вопросу о пяти сгруппированных приемах техники традиционного подхода дактилоскопирования пальцев рук живых лиц 39

БАРИНОВ С. В. Криминалистическая характеристика личности работников организаций, предоставляющих услуги подвижной (сотовой) связи, привлекаемых к ответственности за совершение преступлений по ч. 2 ст. 138 УК РФ 43

БАХТЕЕВ Д. В. Об алгоритмизации расследования и следственном мышлении 48

БЕЛЯКОВ А. А. Становление криминалистического взрывоведения как пример формирования криминалистических учений и теорий 55

БИРЮКОВ В. В. Алгоритмизация в условиях информатизации: современные резервы оптимизации расследования 60

БИРЮКОВА Т. П. Значение информации о внешности человека в расследовании преступлений 66

БОЙКО М. А. Некоторые особенности производства выемки по делам о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью 71

ВЕХОВ В. Б. «Электронная криминалистика»: что за этим понятием? 77

ГИТИНОВ Р. К. Допрос по делам о мошенничестве в сфере автострахования и перечень вопросов, подлежащих выяснению в ходе производства допросов 84

ГЛАЗУНОВА И. В., КУДРЯВЦЕВ П. А. Привлечение сведущих лиц как тактический аспект процессуального освидетельствования 88
ГАЛИМЬЯНОВ А. А. Проблемы собирания доказательств с электронных носителей 93
ГОЛОВИН А. Ю., БАРАНОВ М. В., ГОЛОВИНА Е. В. Криминалистическая стратегия как объект криминалистического исследования 96
ДАВЫДОВ С. И. Криминалистические предпосылки развития ситуационных основ оперативно-розыскной методики раскрытия преступлений 102
ДОЛИНИН В. Н. Особенности программирования первоначального этапа расследования убийств, совершенных на открытой местности 108
ДРАПКИН Л. Я. Ситуационный подход в криминалистической теории и практической деятельности правоохранительных органов 115
ЕВСТРАТОВА Ю. А. Криминалистическая стратегия: быть или не быть – вот в чем вопрос 131
КУЕМЖИЕВА С. А., ЗЕЛЕНСКИЙ В. Д. К вопросу о групповой методике расследования преступлений 135
ИВАНОВА А. А. Ситуационная обусловленность как свойство тактического приема 139
ИГНАТЬЕВ М. Е. Несколько тезисов о проблеме установления криминалистических причинно-следственных связей в преступном бездействии 143
ИЛЬИН Н. Н. Признаки внешнего облика человека, необходимые для проведения предъявления лица для опознания 149
ИЩЕНКО Е. П. О технико-криминалистическом сопровождении расследования преступлений 153
КАБАНОВ А. В. Проблемы использования криминалистической техники в «полевых» условиях 160
КАРАГОДИН В. Н. О некоторых критериях оценки криминалистических исследований 164
КАРЕПАНОВ Н. В. Некоторые вопросы соотношения терминов «следы» и «доказательства» 171
КИМ Д. В. К вопросу о тенденциях развития предмета криминалистики 177
КОКУРИН Г. А. Организация и тактика засады 183
КОЛОТУШКИН С. М. Комплексные экспертизы по делам, связанным с ДТП, с использованием методов позиционирования 191
КОМАРОВ И. М. И снова о современной криминалистической дидактике и криминалистическом образовании (тезисы) 196

КОРЖ В. П. Проблемы формирования новых методик расследования преступлений, совершаемых организованными группами в сфере экономической деятельности 201
КОРЧАГИН А. А. Значение ситуационного подхода в криминалистической методике предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах 207
КОСАРЕВ С. Ю. Процессуальные и тактические способы защиты свидетеля в уголовном судопроизводстве 213
КРАМАРЕНКО В. П., КУХАРЕВ Л. Ю. Исходная информация о преступлении и способы краж чужого имущества 219
КУЧИН О. С. О некоторых проблемах тактики допроса в современном досудебном производстве 225
ЛАКОМСКАЯ М. Ю. Криминалистическая сущность тактических операций и их прикладное назначение в расследовании преступлений 230
ЛИСОВЕЦКИЙ А. Л. Криминалистика в контексте юридической компаративистики 235
МАЗУНИН Я. М. О необходимости криминалистического обеспечения судебного разбирательства 239
МАТВЕЕВ М. М. Понятие иных переговоров в смысле ст. 186 УПК РФ 246
МИТРОФАНОВА А. А. К вопросу о криминалистической профилактике преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта 250
МИТЮШКИН Ю. И. Некоторые проблемы государственной защиты свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного процесса (по материалам анкетирования следователей) 259
НАРОЖНАЯ Е. В. К вопросу проверки заключения эксперта в процессе доказывания по законодательству Украины 266
НИЗАМОВА Д. Д. Некоторые аспекты полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела 270
НИКИТИНА Е. В. К вопросу о криминалистическом исследовании с применением полиграфа 277
ПОГРЕБНОЙ А. А. Получение криминалистически значимой информации по частицам пороха в следах выстрела 6,35-мм патроном к пистолету «браунинг» образца 1906 г. 281
РАХМАТУЛЛИН Р. Р. Некоторые тенденции развития частных криминалистических теорий 285
РАЧЕВА Н. В. Некоторые особенности подготовки к проведению очной ставки 291
РОМАНЕНКО Н. В. О некоторых проблемах осуществления оперативно-розыскной деятельности в отношении судей 298
РОССИНСКАЯ Е. Р. Вектор развития криминалистики и криминалистической дидактики в русле современных технологий 306

РУСАКОВА Е. А. Криминалистическая характеристика субъекта, незаконно использующего специальные технические средства для негласного получения информации в целях совершения преступления 314
САНЬКОВ В. И. Электронное судопроизводство и криминалистика 318
СЕМЕНЦОВ В. А. Криминалистика в системе номенклатуры специальностей научных работников по юриспруденции 324
СИВАК К. А. Тактика проведения судебной экспертизы 332
СИДОРОВ А. С. К вопросу о содержании способов грабежей и разбоев 337
СМАХТИН Е. В. Уточнение содержания закономерностей, входящих в предмет криминалистики 344
СЛАВГОРОДСКАЯ О. А. К вопросу о криминалистическом анализе показаний свидетеля 351
СОЛОДОВНИКОВ А. Г. Анализ и пути разрешения проблемных следственных ситуаций, возникающих в ходе расследования корыстных нападений, совершаемых организованными группами 358
СОКОЛ В. Ю. О проблемах вхождения российской криминалистики в мировое криминалистическое пространство 365
СОРОКОТЯГИН И. Н., СОРОКОТЯГИНА Д. А. Оценка юристом заключения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы 371
ФАЙЗУЛИНА А. А. Некоторые проблемы судебно-медицинской экспертизы при расследовании умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога 380
ХАЛИКОВ А. Н. Криминалистика как практическое направление познания уголовной сферы в системе юриспруденции 384
ХАМИДУЛЛИН Р. С. Типовые следственные ситуации, возникающие в процессе расследования при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве 388
ХОРОШЕВА А. Е. Деидеологизация современной криминалистической методики судебного разбирательства уголовных дел: миф или реальность? 395
ХРИСТИНИНА Е. В. Взаимодействие следователя с органом дознания при расследовании и раскрытии получения взятки в системе высшего образования 400
ШИШКИНА Е. В. Правовая природа и тактика проверки показаний на месте 405
ЩЕРБАКОВСКИЙ М. Г., ЩЕРБАКОВСКАЯ Л. П. О недопустимости проведения правовых экспертиз в судопроизводстве 410

Вступительное слово

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Я счастлив и рад этой памятной встрече и от всего сердца, от себя и от нашей кафедры, от руководства Института юстиции, в здании которого проходит наша конференция, и от имени руководства университета желаю всем участникам конференции больших научных успехов, поделиться с коллегами своими достижениями и сомнениями и – самое главное – скорейшей реализации положительных результатов конференции в практической деятельности правоохранительных органов.

Дорогие друзья, из всех юридических дисциплин наука криминалистики наиболее тесно связана с практикой раскрытия и расследования преступлений, и поэтому ее успехи и неудачи неизменно отражаются на показателях работы следователей, оперативных сотрудников, экспертов и специалистов.

5 сентября 1957 г. была основана кафедра криминалистики Свердловского юридического института. Первым ее заведующим стал кандидат юридических наук, доцент Д. Я. Мирский. Первые кандидаты юридических наук Ф. В. Глазырин, С. П. Сухов защитили свои диссертации под его руководством. По настоящему наша научная школа создавалась, когда у руля кафедры встал И. Ф. Герасимов, создавший отличные деловые отношения в нашем коллективе.

Научные интересы кафедры были определены в середине 1960-х гг. и охватывали несколько тем: раскрытие преступлений, особенности версионного процесса. Позже, в 1970-е гг., к этим научным темам, определяющим лицо нашей кафедры, добавились всесторонняя разработка ситуационного направления (ситуационной парадигмы) в криминалистике и практической деятельности правоохранительных органов.

Позже заведующим кафдерой стал известный ученый, профессор В. Н. Карагодин, который продолжил уверенно вести коллектив кафедры по пути развития науки и совершенствования практики.

В настоящее время кафедру возглавляет известный криминалист, профессор А. А. Беляков.

Кто бы ни руководил нашей кафедрой, вся ее научная деятельность, все научные идеи были пронизаны задачами раскрытия преступлений. Однако для решения всех сложных задач, стоящих перед кафедрой, необходимы были новые идея, подходы и методы. Таким новым подходом стала ситуационная методика (ситуационная парадигма).

В криминалистике накопилось много нерешенных вопросов или же – решенных неверно, сложилось немало острых дискуссионных проблем. Поверхностный взгляд на эту очень непростую ситуацию может привести к печальному выводу о наличии кризисных явлений в нашей науке, но это не так! Столкновения различных научных гипотез, мнений и взглядов, это не свидетельство кризиса, а важные показатели творческого роста и научной самостоятельности молодых ученых. Однако в этих дискуссиях возрастной фактор не имеет решающего значения, поскольку многие молодые ученые первое время после защиты диссертации поддерживают позиции своих учителей научных руководителей и консультантов. Самое главное в этих научных дискуссиях – обоснованность своих взглядов и их полезность.

По поручению президиума конференции желаю всем ее участникам успешной работы, оживленных принципиальных, но уважительных к оппонентам дискуссий.

Наиболее важным результатам конференции должна быть разработка оптимальных рекомендаций для следствия и дознания, позволяющих существенно повысить раскрываемость преступлений, уменьшить остаток нераскрытых преступлений, исключить оправдательные приговоры.

Еще раз желаю успехов в Вашей сложной и очень нужной деятельности, а в заключение приведу небольшое стихотворение, посвященное нашей любимой науке.

Любимая моя криминалистика!

Между практикой и теорией,
Отразившись в томах и листиках,
Заняла свою нишу в истории
Моя славная криминалистика.

Соблюдая каноны логики,
Подчиняясь законам эвристики,
Создавала свои методики
Моя мудрая криминалистика.

Разработала операции,
Выполняя запросы практики,
Подготовила рекомендации
Для методики, техники, тактики.

Познавала мир вероятностей,
Но без всякой ненужной мистики,
Прорвалась сквозь огонь неприятностей
Моя гордая криминалистика.

Создавали свои творения
Кибернетика, психолингвистика…
Их освоила с вдохновением
Моя чуткая криминалистика.

Каждый шаг и успех чередуется с трудностью:
Нет в науке дороги без гроз.
Но помогут нам всем своей мудростью
Эйсман, Белкин, Потапов и Гросс.

Л. Я. Драпкин,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор,
почетный профессор УрГЮУ,
почетный работник прокуратуры РФ

*А. А. АБРАМОВСКИЙ**

Перспективы и возможности использования зарубежного опыта в установлении личности экстремиста в российской следственной практике

При расследовании преступлений, в том числе экстремисткой направленности, следователю необходимо установить личность преступника и определить тактические основы взаимодействия с ним. Д. Н. Еремин также в подтверждение этого отмечает, что «информация о личности политического экстремиста дает возможность следователю, ведущему расследование, установить причины, способствовавшие совершению преступления, связанного с политическим экстремизмом, ответить на вопросы, касающиеся мотива и цели совершения указанного преступления, эффективно решать задачи, возникающие в ходе расследования уголовного дела, в том числе возникающие при производстве отдельных следственных действий, а также прогнозировать возможные варианты поведения преступника»[1]. При установлении личности экстремиста применяются различные тактические комбинации и операции[2]. Существует также определенный алгоритм по его выявлению, состоящий из пяти способов[3].

В вопросе установления личности экстремиста нельзя не пренебрегать опытом зарубежных стран, потому что эта информация дает возможность совершенствовать способы по установлению личности экстремиста, а также создает почву для дальнейшего развития сотрудничества между странами. Поэтому в данной работе будет проанализирован опыт по изучению и решению этой проблемы Федеративной Республикой Германии, а также Соединенными Штатами Америки, помимо этого будут выдвинуты ряд тезисов о возможности применения

* Магистрант юридического института Балтийского федерального университете им. Иммануила Канта, кафедра уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики.

[1] *Еремин Д. Н.* Методика расследования преступлений, связанных с политическим экстремизмом: на материалах Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2016. С. 51.

[2] Подробнее см.: *Бедризов А. Г., Волчецкая Т. С., Галяшин Н. В. и др.* Криминалистическое изучение личности: науч.-практ. пособие для магистров. Гл. 7 / отв. ред. Я. В. Комиссарова. М., 2016. С. 56.

[3] Там же. С. 57.

опыта этих стран в рамках установления личности экстремиста в отечественной криминалистике.

Так, в США в ходе расследования теракта на Бостонском марафоне в кратчайшие сроки правоохранительным органам необходимо было установить личности злоумышленников. Помимо стандартных следственных мероприятий активно использовались возможности киберпространства[1]. Исследователи этой проблемы Johnny Nhan, Laura Huey и Ryan Broll отмечают следующее:

1) помимо официального расследования параллельно шло расследование большими группами «онлайн-сыщиков» (online sleuths) или, как их часто называют, кибер-дружинниками (cyber-vigilantes);

2) эти группы, сформированные в особом порядке, использовали силу коллективного знания и ресурсов – «краудсорсинг»[2] – для достижения общей цели[3].

В рамках расследования теракта на Бостонском марафоне эти кибер-дружины объединяли различные ресурсы и информацию, чтобы помочь полиции в расследовании преступления. Так, авторы указывают, что следствие активно взаимодействовало с онлайн-форумом «Реддит» (Reddit), пользователи которого сразу после теракта стали делать «посты» (сообщения на форуме) с «хэштегом» (привязка к сообщению) «Взрыв на Бостонском марафоне. Обновление в прямом эфире.» (Boston Marathon Explosions: Live Update Thread #). По этому «хэштегу» отсеивалась и направлялась информация полиции о произошедшем теракте. Так, за все время, которое было потрачено на установление личностей преступников (с 15 по 20 апреля 2013 г.) было проанализировано 1034 сообщений («тредов») (за исключением ответов в виде комментариев под постами), и в общей сложности было изучено 20 000 анонимных комментариев. В процессе онлайн обсуждения произошедшего взрыва пользователи установили приблизительное орудие преступления – самодельное взрывчатое устройство и приблизительные его размеры, а впоследствии по фотографиям, которые выкладывались в Интернете, установили внешний вид террориста (рис. 1).

---

[1] Подробнее о киберпространстве и киберпреступности см.: Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: коллективная монография / отв. ред. Е. П. Ищенко. М., 2016.

[2] Подробнее см.: *Schneider C., Trottier D.* 'The 2011 Vancouver Riot and the Role of Facebook in Crowd-Sourced Policing', BC Studies, (2011), 175, 57–72.

[3] *Nhan J., Huey L., Broll R.* Digilantism: An analysis of crowdsourcing and the Boston marathon bombings (2017) British Journal of Criminology, 57 (2). P. 4.

Рис. 1. Фотографии, которые обсуждались
пользователями форума

В дальнейшем эти фотографии и рассуждения пользователей были переданы правоохранительным органам, и уже ФБР (Федеральное бюро расследований) после анализа этих данных опубликовала эти снимки в СМИ для оперативного поиска преступника. Таким образом, авторы приходят к выводу о том, что привлечение широких слоев общества, а именно интернет-аудитории, сможет оказать существенную помощь при расследовании преступлений.

Исследователи из ФРГ сконцентрировали свое внимание на другом аспекте, а именно на так называемой «открытой базе данных террористических и экстремистских преступлений» (open-source terrorist and

extremist crime databases)[1], где, в том числе, исследуется личность экстремиста. Существует определенная последовательность, по которой строится эта база данных:

Во-первых, авторы открытой немецкой базы данных изучали информацию с официальных новостных порталов die Zeit и der Tagesspiegel[2], где упоминаются праворадикальные экстремистские преступления. После они собирали информацию из открытых источников в Интернете, где упоминаются нападения «скинхедов», атаки на эмигрантов и т. д. Затем исследователи следовали «трем шагам», которые позаимствовали у ученых из США[3].

1. Удаление из списка базы данных всех убийств государственных деятелей на почве праворадикальной экстремисткой идеологии

2. Оставление в списке других убийств на идеологической почве, совершенных праворадикальными экстремистами

3. Включение в базу данных убийств, совершенных праворадикальными экстремистами, при условии, что жертва идеологически близка убийце.

Затем вся информация делилась на следующие подгруппы: подозреваемый, место преступления, жертва. В подгруппу подозреваемый заносилась вся информация о личности экстремиста: возраст, пол, совершенно ли было преступление по идеологическим или не идеологическим мотивам. Кроме того, эта информация добывалась во всех федеральных землях Германии (16 земель). Таким образом, по окончанию анализа помимо характеристики места преступлений (51,8 % убийств, совершенных экстремистами – в Восточной Германии), времени (вечернее время / ночное время), жертвы (только 37 % жертв были эмигрантами) была дана характеристика экстремистов:

1) среди преступников только 2,5 % женщин;

2) все экстремисты рождены в ФРГ и являются представителями европеоидной расы (white people);

3) большинство преступников в возрасте от 20 до 30 лет (mid-20s and older);

4) из них осуждено только 92,5 % из всех подсудимых.

---

[1] *Parkin, W. S., Gruenewald, J., Jandro, E.* Extremist Violence from the Fatherland to the Homeland: A Comparison of Far-Right Homicide in Germany and the United States // International Criminal Justice Review. 2017. № 27 (2). P. 2.

[2] Там же. С. 9.

[3] Там же. С. 11.

Table 2. Suspect Characteristics.

Variable	Germany (n = 378)		United States (n = 322)	
	Count	Percentage	Count	Percentage
Sex				
Male	355	97.5	295	91.6
Female	9	2.5	27	8.4
Total	364	100.0	322	100.0
Race				
White	378	100.0	310	96.3
Other	0	0.0	12	3.7
Total	378	100.0	322	100.0
Immigrant				
Yes	0	0.0	3	0.9
No	378	100.0	319	99.1
Total	378	100.0	322	100.0
Age				
17 or less	40	21.6	42	14.2
18–24	87	47.0	139	45.7
25–34	33	17.8	70	23.7
35–49	6	3.2	36	12.2
50+	1	0.5	8	2.7
Total	185	100.0	295	100.0
Prior arrest				
Yes	55	14.6	132	41.0
Unknown	323	85.4	190	59.0
Total	378	100.0	322	100.0
Conviction				
Conviction	351	95.9	235	92.5
Acquitted/mistrial	5	1.4	5	2.0
Charges dropped	10	2.7	14	5.5
Total	366	100.0	254	100.0

Рис. 2. Таблица, составленная по результатам анализа базы данных (в сравнении с США). Указаны критерии, по которым проводились анализ и сравнение: пол, раса, иммиграционный статус, возраст, применялся ли арест, осужден или не осужден

Также немецкие исследователи приводят интересное сравнение с выводами американских специалистов по схожей базе данных: ультраправые экстремисты имеют такие убеждения: они сторонники антиглобализма, подозрительно относятся к органам власти, и трепетно относятся к индивидуальным свободам, особенно к их праву на владение оружием и право быть освобожденным от уплаты налогов. Они верят в теорию заговора с непосредственными угрозами национальному суверенитету или личной свободе и их убеждениям, что их личная или национальная «жизнь» находится под атакой. Иногда такие убеждения расплывчаты, но для некоторых угроза исходит от конкретных расовых или религиозных групп. Они считают, что они должны быть готовы защищаться от этого нападения, участвуя в боевой подготовке и выживанию[1].

Так каким же образом могут повлиять эти исследования на отечественную криминалистику?

[1] *Freilich, J., Chermak, S., Belli, R., Gruenewald, J., & Parkin, W.* Introducing the Extremist Crime Database (ECDB) // Terrorism & Political Violence. 2014. № 26. P. 380.

Во-первых, если говорить об опыте США, то эта модель взаимодействия с сетевым сообществом может оптимизировать процесс криминалистического моделирования личности неустановленного преступника. Во-вторых, это может ускорить поиск, например, если при совершении террористического акта, как наиболее радикальной формы выражения экстремисткой деятельности, было множество свидетелей, то с большой степенью вероятности вся информация о произошедшем попадет во всемирную сеть. Во-вторых, помимо решения криминалистических задач эта форма взаимодействия способствует расширению доверительных связей между правоохранительными органами и гражданами.

Если обратиться к опыту ученых из ФРГ, то здесь следует говорить об учетно-регистрационной деятельности при моделировании личности неустановленного преступника. На сегодняшний день «криминалистический учет, как отмечается в научной литературе, не дает реальной возможности для формирования версии, установления факта совершения нескольких преступлений одним лицом, сужения круга подозреваемых лиц и установления конкретного лица, совершившего уголовно наказуемое деяние»[1]. Возможно, «привнесение такого разнообразия» в учетную деятельность создаст основы для установления факта совершения нескольких преступлений одним лицом, так как помимо оперативной и следственной информации в руках следствия будут еще и данные из открытых источников, что значительно расширит возможности правоохранительных органов для поиска нужной информации.

Таким образом, опыт зарубежных правоохранительных органов весьма интересен, но в нем имеются спорные моменты. Так, имеются большие сложности при проверке достоверности информации в Интернете, будь то форум или комментарии к фотографии. Возникает также и ряд вопросов. Как отсеивать достоверную и недостоверную информацию? Стоит ли вообще тратить время и ресурсы на анализ этой информации, ведь пока неизвестно, будут ли эти поиски эффективны, так как пример расследования теракта в США, в Бостоне, пока что один из немногих успешных примеров такого сотрудничества следствия и пользователей сети Интернет. Не будет ли здесь злоупотреблений со стороны пользователей? Аналогично встает вопрос о достоверности информации из открытых источников, если говорить об опыте ФРГ. Исследование и последующее решение этих проблемных моментов и даст ответ на вопрос о том, что стоит ли или не стоит внедрять эти методы в российскую следственную практику.

---

[1] *Бедризов А. Г., Волчецкая Т. С., Галяшин Н. В. и др.* Указ. соч. С. 86.

*Ф. Г. АМИНЕВ**

По вопросу судебно-экспертной профилактики как разновидности криминалистической профилактики

Одним из усиленно развивающихся направлений современного учения о судебно-экспертной деятельности является судебно-экспертная профилактика. Следует признать, что основой функционирования этого направления является криминалистическая профилактика. Данное положение объясняется ходом развития научных положений криминалистической профилактики, получившем отражение в трудах В. Ф. Зудина[1], М. Ш. Махтаева[2], Н. П. Яблокова[3], в результате чего был расширен круг криминалистических средств и методов предупреждения преступлений. Это способствовало разработке целой структуры криминалистической деятельности по предупреждению преступлений, в которую была включен еще один вид криминалистической профилактики – экспертно-криминалистическая:

1) следственная профилактика;

2) экспертно-криминалистическая (судебно-экспертная. – *Ф. А.*) профилактика;

3) совместная профилактическая деятельность следственных и оперативно-розыскных органов[4].

Изучение современного состояния теории и практики криминалистической и судебно-экспертной профилактики позволило установить следующее:

---

* Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Башкирского государственного университета.

[1] *Зудин В. Ф.* Криминалистическая профилактика преступлений (концепция, принципы, средства реализации). Воронеж, 1995.

[2] *Махтаев М. Ш.* Основы теории криминалистического предупреждения преступлений: моногр. М., 2001.

[3] *Яблоков Н. П.* Криминалистическое предупреждение преступлений // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. по проблемам профилактики правонарушений. М., 1997. С. 107–108.

[4] *Яблоков Н. П.* Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: моногр. М., 2016. С. 161.

1. Одними из первых методы судебно-экспертной профилактики описали ученые-криминалисты Т. В. Аверьянова, И. А. Алиев, а также Д. П. Поташник[1], И. Я. Фридман[2].

2. Как и частные теории в криминалистике и в других юридических науках, частная теория судебно-экспертной профилактики имеет общее начало и обоснование. Общее начало обозначено Т. В. Аверьяновой и И. А. Алиевым (и следует согласиться с этим) как система взаимосвязанных элементов экспертной профилактической деятельности, в которую входят: идея, принципы, обширный эмпирический материал, лежащий в основе теории, общие и частные задачи, функции и цели теории и т. д. Идея формирования теории экспертной профилактики заключалась в необходимости создания этой теории в целях успешной борьбы с преступностью при помощи специальных знаний. Обоснованием создания этой теории служат принципы системного подхода и построения, которые предполагают структурированность частной теории, связь с общей теорией судебной экспертизы и с общей теорией криминалистики, сочетание теоретических и прикладных (практических) исследований. И важнейшим обоснованием создания частной теории экспертной профилактики явилась следственная, судебная и экспертная практика, подтвердившие жизнестойкость данной теории, отразившуюся не только в постоянном получении нового знания, но и в реальных результатах профилактической экспертной деятельности[3].

3. Проведенный анализ определений предмета судебно-экспертной профилактики, результатов критического обсуждения и высказываний ученых[4], позволяет утверждать, что предметом судебно-экспертной профилактики являются закономерности возникновения, обнаружения, собирания, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений, полученной в ходе судебно-экспертной деятельности, а также основанных на познании этих закономерностей специаль-

---

[1] *Поташник Д. П.* Предупреждение преступлений по материалам криминалистической экспертизы: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1964. С. 8.

[2] *Фридман И. Я.* Судебная экспертиза и вопросы предупреждения преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. Киев, 1974.

[3] *Алиев И. А., Аверьянова Т. В.* Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку, 1992. С. 158.

[4] *Митричев С. П.* Предупреждение преступлений и задачи судебной экспертизы // Соц. законность. 1961. № 12; *Ледащев В. А.* О предмете криминалистической профилактики // Правоведение. 1984. № 6. С. 56; *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза: курс общей теории. С. 396–400; *Махтаев М. Ш.* Теория криминалистического предупреждения преступлений. М., 2015. С. 63.

ных средствах и методах устранения указанных обстоятельств и предупреждения готовящихся преступлений (правонарушений).

4. Так же, как и система криминалистической профилактики, судебно-экспертная профилактика имеет свои: предмет, объект, субъекты, задачи, язык теории, закономерности, принципы, система понятий, функции теории, методы.

Объекты экспертной профилактики делятся на:

общие объекты (материальные носители информации о преступном событии: например, документы, предметы, живые лица и т. д.);

типовые объекты (специальные объекты родов и видов судебных экспертиз: например, документы бухгалтерского учета, акты ревизий, приказы и т. д.);

конкретные объекты (объекты, исследуемые в ходе проведения конкретной судебной экспертизы).

Субъектами экспертной профилактики являются: судебный эксперт, руководитель судебно-экспертной организации.

Задачи, решаемые частной теорией судебно-экспертной профилактики, как и во многих других частных теориях, делятся на две группы: общие и специальные. Общей задачей теории следует определить содействие в борьбе с преступностью путем разработки научных положений по использованию судебно-экспертной деятельности в предупреждении преступлений.

Специальные задачи судебно-экспертной профилактики тесно связаны с задачами криминалистической профилактики, наиболее значимыми отметим следующие:

установление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, при проведении экспертных исследований;

разработка методов и средств получения достоверных знаний, которые предоставили судебным экспертам новые возможности по установлению условий, способствующих совершению преступлений;

разработка и совершенствование мер по улучшению взаимодействия субъектов судебно-экспертной деятельности;

разработка судебно-экспертной профилактики в гражданском, арбитражном, административном процессах и т. д.

Специфическими закономерностями судебно-экспертной профилактики являются:

1) закономерности разработки типовых профилактических задач для конкретных родов и видов судебных экспертиз;

2) закономерности совершенствования научно-технических средств и методов решения этих задач;

3) закономерности привлечения современных достижений науки и техники, ученых соответствующих отраслей знаний для разработки и совершенствования методов и средств решения профилактических задач;

4) закономерности информационно-компьютерного обеспечения решения экспертных профилактических задач.

Основными принципами судебно-экспертной профилактики являются:

принцип причинности (исследование причинно-следственных связей, причинно-обусловленных действий эксперта по установлению криминогенных факторов и разработке предложений по их устранению и т. д.);

принцип преемственности (заключается в том, что частная теория экспертной профилактики реализует закономерности теории криминалистической профилактики) и т. д.

Функции теории судебно-экспертной профилактики также тесно коррелируют с функциями криминалистической профилактики:

1) информационная (должна содержаться информация о системе судебно-экспертной профилактики, о порядке взаимодействия элементов этой системы внутри и с пограничными системами и т. д.);

2) объяснительная (не только описывает, но и разъясняет функционирование всей системы судебно-экспертной профилактики);

3) эвристическая (требования к постоянному совершенствованию системы судебно-экспертной профилактики могут быть реализованы только при творческом подходе во всех элементах профилактической деятельности);

4) практическая (вся профилактическая судебно-экспертная деятельность должна быть направлена на разработку практических рекомендаций и их реализацию в практике расследования преступлений);

5) прогностическая (в соответствие с теорией криминалистического прогнозирования прогностическая функция реализуется в виде прогнозирования результатов научных исследований, позволяющих выявлять условия, способствующие совершению преступлений; в виде применения на практике экспериментальных исследований по разработке организационно-технических профилактических мероприятий; в виде разработки прогнозов в профилактической деятельности относительно отдельных родов и видов судебных экспертиз).

Методы и средства судебно-экспертной профилактики по источнику происхождения делятся на две группы:

1) разрабатываются и содержатся в экспертном исследовании;

2) разрабатываются в качестве отдельной профилактической деятельности судебно-экспертной организации.

Частная теория судебно-экспертной профилактики имеет неразрывную связь с теориями, стоящими в вертикальном ряду, а именно: с общей теорией судебной экспертизы, частными теориями криминалистики, с теорией доказательств и др.

По объекту и направлению воздействия судебно-экспертной профилактической деятельности, как и в криминалистической профилактике, судебно-экспертную профилактику можно разделить на:

а) внутреннюю;

б) внешнюю профилактику.

Внешняя судебно-экспертная профилактика представляет собой деятельность в ходе проведенного судебным экспертом экспертного исследования, состоящую в выявлении, исследовании, сохранении сведений об условиях, способствующих совершению правонарушений, а также в разработке практических рекомендаций по их устранению и дальнейшему предупреждению преступлений.

Внутренняя судебно-экспертная профилактика производится в целях выявления и предупреждения преступлений (правонарушений) судебных экспертов, в деятельности которых выявлены признаки правонарушений, либо факты, потенциально способствующие совершению правонарушения, как внутри судебно-экспертной организации в отношении конкретных своих работников, так и в отношении судебных экспертов иных судебно-экспертных организаций.

В этой связи хотелось бы обозначить наиболее эффективные меры внутренней судебно-экспертной профилактики, имеющие одинаковые основы с мерами внутренней криминалистической профилактики:

внедрение современного оборудования, инновационных технологий;

внедрение новых научно разработанных методик;

повышение статуса судебного эксперта в судопроизводстве;

внедрение такой формы анализа заключения эксперта, как «Мнение Общественного совета по судебно-экспертной деятельности в Республике Башкортостан», которое представляет собой письменный анализ содержания представленного заключения эксперта с указанием допущенных процессуальных, гносеологических и деятельностных ошибок. Этот анализ имеет консультативный и рекомендательный характер, в нем отсутствует оценка вывода заключения эксперта, а показывается профессиональный взгляд (мнение) на анализируемую судебную экспертизу; указываются ошибки и недостатки при проведении судебных экспертиз; в результате чего оказывается профилактическое воздействие на судебных экспертов в целях исключения повторения выявленных ошибок в их деятельности;

введение Единого реестра судебных экспертов Российской Федерации для открытого пользования судами, следователями, адвокатами. В то же время отсутствие судебного эксперта в Едином реестре судебных экспертов Российской Федерации будет свидетельствовать о том, что на основании данных об ошибочных выводах проведена аттестация судебного эксперта, и он исключен из Единого реестра судебных экспертов за совершение правонарушений в профессиональной деятельности;

обязательная для всех экспертов сдача квалификационных экзаменов по экспертной специальности;

аттестация судебных экспертов только в очной форме;

проведение контрольных судебных экспертиз только по объектам, предоставленным вневедомственной Высшей федеральной квалификационной комиссией по аттестации (приему квалификационных экзаменов) судебных экспертов с филиалами в территориальных округах Российской Федерации;

разработка и утверждение Кодекса этики судебного эксперта Российской Федерации, соблюдение которого позволит повысить морально-этический уровень судебных экспертов, объективность, независимость, качество результатов судебно-экспертной деятельности и судопроизводства в целом.

Вышеописанные положения судебно-экспертной профилактики, свидетельствующие о неразрывной связи ее с криминалистической профилактикой, не являются исчерпывающими: требуется дальнейшая научная разработка новых и совершенствование обозначенных направлений этой части судебной экспертологии.

*А. В. АНТРОПОВ**

Оценка выводов идентификационного почерковедческого исследования на основе сравнительного анализа частных признаков

Одним из самых распространенных и востребованных видов криминалистических экспертиз является почерковедческая.

Основной задачей исследования почерка является идентификация исполнителя (идентификационная задача). Но также немаловажно и решение диагностических, классификационных и ситуационных за-

* Старший преподаватель кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, подполковник милиции в отставке.

дач (решение вопросов авторства, условий исполнения рукописей, целевой установки пишущего (имитация или искажение почерка), свойств его личности и признаков внешности (пол, возраст, состояние опьянения).

В качестве объектов исследования выступают рукописи (дневники, письма) и краткие записи (удостоверительные записи, резолюции, даты, цифры и символы), а также подписи, в которых проявились устойчивые индивидуальные особенности письма.

Предметом исследования является почерк – относительно устойчивая система движений, отображающаяся в рукописях, в основе формирования которой лежит функционально-динамический письменно-двигательный навык.

Оценка результатов проведенного исследования и формирование выводов эксперта, согласно типовой методики исследования почерка (текста, кратких записей и подписей), соответствует заключительной стадии почерковедческой экспертизы. Данную стадию можно охарактеризовать как сложный акт осознания количественной и качественной ценности (определенности) признаков. Ее итоги во многом зависят от качества всей проведенной работы на всех предыдущих стадиях экспертизы.

Вывод о наличии или отсутствии тождества в почерковедческой экспертизе будет обоснованным только в том случае, когда в основу его положены результаты качественной и количественной оценки всех выявленных признаков. На основании такой оценки признаков в сравниваемых почерках эксперт приходит к определенному логическому выводу, истинность и обоснованность которого оценивается следователем и судом в совокупности с другими доказательствами, собранными по конкретному делу.

Оценка – это специальная форма отражения, содержанием которой являются объективное отношение, взаимосвязь, существующие до и независимо от оценки[1].

Оценка в почерковедении с одной стороны – субъективна, так как проводится субъектом и зависит от него, от цели его деятельности, потребностей, но и в то же время – объективна, так как основана на объективном знании изучаемых явлений и предметов, осуществляется почерковедом как в отношении спорной рукописи, так и представленных сравнительных образцов.

Оценка связана с выражением отношения к какому-то эталону, приближения к нему или определения соответствия эталону. На этой ста-

[1] Почерковедение и почерковедческая экспертиза / под ред. В. В. Серегина: учеб. Волгоград, 2014.

дии осуществляется основная и заключительная оценка количественных и качественных аспектов признаков, включаемых в общую совокупность.

В зависимости от степени соотношения объективности и субъективности выбранных методов и методик исследования выделяются различные уровни оценочного познания:

качественно-описательная методика,

количественная (вероятно-статистическая),

методики компьютерных технологий.

Объективными критериями типовой качественно-описательной методики являются: степень отклонения либо соответствия признака от норм прописи, частота встречаемости признака в существующих почерках. Главная причина субъективизма при оценке признака всегда взаимосвязана с личностными качествами эксперта.

Принципы оценки

Если эксперт использовал несколько методик исследования, то результаты применения каждой из них оцениваются отдельно, а затем все результаты оцениваются в совокупности (комплексный подход).

При оценке совпадающих признаков почерка для положительного вывода эксперт:

устанавливает их индивидуальность и неповторимость, и формулирует свой вывод на редко встречающихся признаках;

формирует совокупность устойчивых признаков;

решает вопрос о сходстве почерков или подражания почерку другого лица;

оценивает наличие различающихся признаков по частоте встречаемости, устойчивости, сложности исполнения для определения их значимости.

При оценке различающихся признаков при отрицательном выводе эксперт определяет:

являются ли данные признаки случайными;

обусловлены ли они большим разрывом во времени между исполнением исследуемого объекта и представленных сравнительных образцов;

имеется ли у исполнителя навыка нескольких вариантов почерка;

чем вызваны признаки, выразившиеся в наличии сбивающих факторов;

являются ли они результатом умышленного изменения или связаны с ограниченным объемом сравнительных материалов.

Эти признаки обязательно должны быть объяснены следующими установками исполнителя: желанием изменить свой почерк, необыч-

ным состоянием писавшего, исполнением рукописи в непривычных условиях, вариационностью признаков почерка.

Если различающиеся признаки не могут быть объяснены указанными причинами, то они признаются существенными, устойчивыми и являются основанием для отрицания тождества.

Совпадающие признаки при этом должны быть объяснены:

частотой встречаемости признаков;

случайным сходством почерков разных лиц;

простотой исполнения письменных знаков;

подражанием почерку предполагаемого исполнителя.

Итоговая оценка складывается из следующих этапов:

оценка результатов проведенных ранее исследований;

анализ комплекса совпадающих признаков;

анализ происхождения различающихся признаков;

анализ признаков, которые должны войти в совокупность;

установление идентификационного значения совокупности признаков и их идентификационной значимости;

формирование и формулирование оценочного суждения;

формирование и формулирование вывода.

Итоговая оценка должна привести эксперта к твердому убеждению в истинности своих выводов. Этому способствует и использование количественных (математических) методик оценки идентификационной значимости совпадающих и различающихся признаков.

Все экспертные исследования, в том числе и почерковедческие, проводятся с учетом количественной и качественной оценки сравниваемых признаков.

На основании только количественной оценки эксперт не может прийти к какому-либо выводу. Для того чтобы эксперт смог решить вопрос по существу, он должен дать качественную оценку совокупности выявленных признаков, ибо почерк каждого человека строго индивидуален. Только качественная определенность письменно-двигательного навыка (почерка) нужна для идентификации человека по почерку.

Всегда необходимо учитывать, что в формулировании вывода эксперта включаются не все совпадающие или различающиеся признаки, а только наиболее *существенные, устойчивые и достаточные.* Это во многом зависит от таких субъективных факторов, как личный опыт эксперта, его квалификация, специализация и т. д. Но использование при оценке установленных признаков только субъективных критериев может привести эксперта к ошибочным выводам.

Анализ экспертной практики показывает, что основные недостатки проведения почерковедческих идентификационных экспертиз состоят в неумении выявлять, изучать и правильно оценивать признаки почерка.

Часто в основу выводов берутся признаки, часто встречающиеся в почерках разных лиц, т. е. не представляющие идентификационной ценности. Основой для объективной оценки идентификационной значимости частного признака является частота его встречаемости в почерках разных лиц. Используя вероятностно-статистические методы, исследователь на основании частоты встречаемости определенных частных признаков в состоянии не только дать им количественную оценку, но и объективно оценить их качественную сторону.

Количественный критерий оценки признаков на базе вероятно статистических методов является фактором объективизации оценки совпадающих и различающихся признаков.

Субъективный фактор является основополагающим при решении идентификационной задачи традиционными методами исследования: при выявлении идентификационных признаков в процессе раздельного анализа почерка, которым исполнена спорная рукопись, и сравнительных образцов почерка, оценке признаков и формировании выводов.

Основная цель применения идентификационных методов математического моделирования – объективизация процесса отождествления исполнителя рукописи[1].

В ходе сравнительного исследования почерка эксперт выявляет совокупность определенных признаков, которая оценивается им с точки зрения достаточности для дачи заключения о наличии или отсутствии тождества. В процессе формирования общих оценочных суждений эксперт в зависимости от качества и количества выявленных совпадающих или различающихся признаков (совокупности признаков) может прийти к категорическому положительному, отрицательному, вероятному выводу о наличии или отсутствии тождества либо о невозможности решения вопроса, по существу.

В основе градации выводов эксперта на категорические и вероятные лежит степень уверенности в истинности полученного знания и степень научной обоснованности данного суждения.

Категорический положительный вывод о наличии тождества – установление конкретного исполнителя спорной рукописи – эксперт вправе сделать только в том случае, когда совпадающие признаки образуют совокупность, не повторяемую в почерках других лиц.

---

[1] *Комиссаров А. Ю.* Математические методы и ЭВМ в комплексной судебно-почерковедческой экспертизе // Использование математических методов и ЭВМ в экспертной практике. М., 1989.

К объективным основаниям верной оценки совпадающих признаков для категорического суждения о наличии тождества относятся:

индивидуальность признаков установленной совокупности;

устойчивость признаков;

отсутствие необъяснимых различающихся признаков.

Эксперт, придя к положительному категорическому выводу, обязан объяснить происхождение имеющихся различающихся признаков. Различия могут быть объяснены вариационностью почерка, желанием пишущего умышленно изменить свою привычную скоропись, необычными условиями, в которых выполнялась рукопись, и т. д. Категорический отрицательный вывод делается в случае обнаружения в сравниваемых почерках устойчивых различающихся общих и, главным образом, частных признаков.

Совпадения в случае отрицательного вывода могут быть объяснены сходством почерков, общими типовыми свойствами или подражанием почерку предполагаемого исполнителя.

Вывод эксперта является достоверным, категорическим положительным или категорическим отрицательным только в том случае, когда всем ходом исследования установлена невозможность противоположного утверждения.

Вероятный вывод обусловлен наличием двух критериев:

степень убежденности эксперта в правильности, сделанной им оценки выявленной совокупности признаков, оценки отдельных признаков и их идентификационной значимости;

степень научной обоснованности, значимости совокупности выявленных признаков.

Предположительное знание о предмете исследования различается по степени вероятности. Известны случаи, когда эксперт вполне определенно оценивает совокупность выявленных признаков и в то же время на поставленный перед ним вопрос дает ответ в вероятной форме.

При этом вероятное заключение, как правило, вытекает из следующих объективных обстоятельств:

выявленная совокупность, с одной стороны, содержит признаки, идентификационная значимость которых относительно высока, с другой, – их количество недостаточно в силу ограниченного объема почеркового материала (например, исследование почерка мало выработанного, высоко выработанного простого по строению, наличию на исследовании копии документа) таких заключениях оцениваются вся совокупность признаков и обязательно должна быть объяснена.

Вероятное суждение носит предположительный характер и, как правило, не является доказательством. Однако не следует пренебрегать

таким суждением. В судебной и следственной практике встречаются случаи, когда заключения вероятного характера, обоснованно аргументированные всем ходом исследования, послужили основанием для изменения направления расследования уголовного дела, способствовали осуществлению дополнительных процессуальных действий для обнаружения новых доказательств и явились промежуточным звеном на пути следователя к познанию истины.

Если эксперт не уверен в правильности оценки выявленной при сравнительном исследовании совокупности признаков (например, при наличии выявленной совокупности совпадающих признаков он не может объяснить происхождение имеющихся различающихся признаков), его вывод по степени вероятности далек от достоверности.

Когда эксперт не в состоянии объяснить происхождение признаков, он обязан отказаться от решения, поставленного перед ним вопроса и аргументировать свой отказ.

Вывод о невозможности решения вопроса об исполнителе спорной рукописи формируется у эксперта, как правило, при исследовании крайне ограниченного объема почеркового материала, когда невозможно выявить, а выявив, объяснить совокупность идентификационных признаков, достаточную для категорического или вероятного заключения о наличии или отсутствии тождества.

Причинами, не позволяющими эксперту решать вопрос по существу при наличии ограниченного объема почеркового материала, содержащегося в спорной рукописи, являются:

ограниченный объем сравнительных образцов почерка;

простота исследуемого почерка;

наличие признаков умышленного или неумышленного изменения почерка.

Анализ практики производства почерковедческих экспертиз показывает, что заключения в основном составляются в соответствии с требованиями ведомственных инструкций (МВД и Минюст) и не всегда отвечают требованиям Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изм. от 30 декабря 2001 г.). Результаты исследований не всегда отражаются достаточно полно. Недостатки относятся главным образом к обоснованности выводов, к описанию методики исследования, конкретизации частных признаков, оценке установленных совпадающих и различающихся признаков, формулировке вывода и оформлению иллюстраций.

Анализ причин и условий, способствующих появлению экспертных ошибок в почерковедческой экспертизе обусловлен как субъективным

фактором – недостаточная квалификация эксперта, так и объективным – недостаточное число точных количественных методов оценки частных идентификационных признаков почерка в типовой почерковедческой методике.

*О. Я. БАЕВ**

Сущность криминалистической тактики и ее субъекты

В 1925 г. один из известных отечественных криминалистов И. Н. Якимов понимал под уголовной тактикой часть криминалистики, «излагающую методы преследования преступников»[1].

Спустя десять лет, в учебнике криминалистики уточнялось: «Уголовная тактика изучает, с одной стороны, наилучшие примы проведения отдельных следственных действий (допросов, осмотров, обысков и т. д.), а с другой стороны, наиболее целесообразное взаимное расположение этих действий, систему и планирование процесса расследования»[2].

Подобным образом, в принципе криминалистическая тактика определяется и в современной юридической литературе.

«Криминалистическая тактика, – считал, например, Р. С. Белкин, – это система научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения отдельных процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствовавших совершению и сокрытию преступлений»[3].

---

* Доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Воронежского государственного университета.

[1] *Якимов И. Н.* Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 2003. С. 28.

[2] Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений / под ред. А. Я. Вышинского. М., 1935. Кн. 1. С. 7.

[3] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 287–288. В принципе так же понимается (с некоторыми, главным образом, редакционными модификациями) криминалистическая тактика и большинством других современных отечественных ученых-криминалистов. См., например: *Яблоков Н. П.* Криминалистика: базовый курс. М., 2013. С. 173 и др.

Как видно из всех приведенных определений, в них, в сущности, целевое назначение криминалистической тактики сводится к оптимизации деятельности по расследованию преступлений и судебному разбирательству уголовных дел, так сказать, в целом.

С одной стороны, такой подход оправдан, ибо «стремление к оптимизации достижения целей, удовлетворению интересов наиболее рациональным и экономичным способом присуще любому виду человеческой деятельности, тем более деятельности профессиональной»[1].

Но, с другой стороны, – позволим себе высказать несколько эпатажную (в свете приведенного выше традиционного понимания криминалистической тактики) мысль, – сами по себе способы и средства оптимизации деятельности – это не есть тактика как таковая.

«Во всех сферах деятельности человека, где имеет место тактика, – заметил некогда Н. В. Ведерников, – будь то классовая борьба, военное искусство, дипломатия, спорт или расследование преступлений, присутствует элемент конфликтности и борьбы отношений, и каждая из сторон стремится избрать наиболее эффективные приемы достижения своих целей»[2]; иными словами, именно особенности деятельности в перечисленных автором областях и сферах жизни вызывает необходимость возникновения, развития использования соответствующего вида тактики; именно для оптимизации деятельности в подобных конфликтных условиях и требуется использовать все теоретические и прикладные наработки тактики.

И потому далеко не случайно, что Альберт Вейнгарт в предисловии к «Руководству по расследованию преступлений» (1910 г.; русский перевод – 1912 г.) – а именно в нем впервые в научный оборот было введено понятие «уголовной тактики», следующим образом раскрыл сущность своей работы: «Книга эта имеет целью служить руководством по составлению планов расследования и их выполнения. Она должна дать криминалисту-практику все то, вместе взятое, что стратегия и тактика дают военному. Вот почему я и называю это руководство к методическому расследованию преступлений – «уголовной тактикой»[3].

Действительно, сам термин «тактика» возник в военной науке, предметом которой являются закономерности деятельности в самом «конфликтном» и в самом, к сожалению, одном из древнейших видов

---

[1] *Моисеев Н. Н., Иванилов Ю. П., Столяров Е. М.* Методы оптимизации. М., 1978. С. 8–9.

[2] *Ведерников Н. Т.* Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978. С. 74.

[3] *Вейнгарт А.* Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений. СПб., 1912. С. 5.

деятельности человечества. В ней он обозначает не просто организацию, линию поведения и приемы осуществления отдельных действий, а «особую область теории и практики военного искусства, которая изучает объективные закономерности боя и разрабатывает способы подготовки и ведения его»[1].

Сразу же обратим внимание на следующую особенность военной тактики (ее следует иметь в виду, ведя речь о различных видах криминалистической тактики): «Каждый вид вооруженных сил и род войск, исходя из присущих им особенностей, имеет свою теорию и практику по организации и ведению боя, а, следовательно, и свою тактику, которая называется тактикой вида вооруженных сил или рода войск»[2].

Таким образом, в первоначальном и самом широком смысле, понятие «тактика» как система способов действий, существует только там, где есть необходимость предупреждать и преодолевать непосредственное или опосредованное противодействие оптимальному (или хотя бы рациональному) достижению интересов действующего в этих условиях субъекта. Нет потенциального или реального противодействия, нет потенциальной или реальной конфликтности интересов с кем-либо в достижении стоящей перед субъектом цели – нет нужды в тактике[3].

Криминалистическая тактика – это часть науки криминалистики, не просто разрабатывающая на основе соответствующих научных положений рекомендации по организации и планированию, определению линии поведения субъектов и приемы проведения отдельных действий. Криминалистическая тактика все это изучает и разрабатывает, во-первых, для совершенно определенных условий – условий потенциальной или реальной конфликтности интересов субъектов, взаимодействующих в уголовном судопроизводстве. Во-вторых, в четко определяемых целях – для преодоления реального и предупреждения потенциального непосредственного или опосредованного противодействия со стороны субъектов, имеющих иные интересы, чем интересы (цели деятельности) субъекта, для которого данный вид тактики изучается и разрабатывается.

---

[1] Словарь основных военных терминов. М., 1965. С. 224.

[2] Там же.

[3] К примеру, нет тактики производства судебной экспертизы, цель которой есть, в сущности, микронаучное исследование, проводимое специалистами по поручению следователя (суда), и которым должно быть безразлично, «работают» ли выводы их исследования «в пользу» стороны обвинения или защиты, но, несомненно, есть тактика назначения экспертизы и использования его результатов. См. об этом: *Баев О. Я.* «Судебно-экспертная» деятельность следователя // Библиотека криминалиста. Вып. 1. 2017.

Совершенно очевидно, что цели деятельности состязающихся в уголовном судопроизводстве сторон (стороны обвинения и стороны защиты) различны. И, соответственно, этому способы и средства преодоления (предупреждения, нейтрализации последствий) их интересам различны. Сказанное относится и к лицам, имеющем в уголовном судопроизводстве личные интересы, и к профессиональным представителям этих сторон (в силу выполняемых различных уголовно – процессуальных функций и правовой компетенцией: прав, обязанностей и т. д.).

Так, по результатам недавнего опроса П. С. Пастуховым репрезентативного количества следователей и дознавателей, более половины из них (54,8 %) рассматривает защитника как противника, цель деятельности которого сводится исключительно к защите частного интереса обвиняемого, не брезгующего никакими средствами[1].

Все это неизбежно обусловливает необходимость использования следователем для преодоления такого противодействия соответствующих тактических средств.

Даже принципиальное единство профессиональных интересов некоторых участников исследования преступлений не исключает возможность возникновения между ними противоречий, предупреждение и разрешение которых предполагает использование тактических средств. Так, по результатам наших исследований, более 82 % опрошенных следователей и оперативных работников признали факты существования между ними конфликтов. Весьма примечательно, но вполне естественно, что респонденты называли различные их причины: следователи – нежелание оперуполномоченных выполнять ответственно свои обязанности; сотрудники органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, – неумение следователей использовать представляемую ими оперативную информацию и дачу следователями поручений о производстве следственных и иных действий, не свойственных функциональным обязанностям данных должностных лиц. Иногда причиной противоречий во взаимодействиях является неверное понимание процессуальных функций взаимодействующих между собой субъектов уголовно-процессуального исследования преступлений. Скажем, противоречия между следователем и обвиняемым более отчетливы, чем противоречия во взаимодействиях того же обвиняемого и его адвоката; естественно, они требуют для своего предупреждения и разрешения разных усилий и различных тактических средств и т. д.

---

[1] *Пастухов П. С.* Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 449.

Каких-либо сомнений в существовании тактики лиц, осуществляющих уголовное преследование (дознавателя, следователя, прокурора, государственного обвинителя в суде), и профессиональных представителей стороны защиты (адвокатов) в силу различий целей их деятельности в уголовном судопроизводстве, нет, и быть не может.

Подчеркнем: эти виды тактик (как упомянутые выше тактики отдельных родов войск) содержательно различаются между собой тем, что создаются в целях оптимизации деятельности совершенно определенных субъектов в условиях противодействия достижению их профессиональных целей.

А потому, скажем, изучение проблем производства следственных и судебных действий – а таких множество, лежит в предметной области тактики уголовного преследования; изучение же проблем участия защитника в производстве следственных и большинства судебных действий – а их еще больше, составляет весьма значительный раздел другого вида тактики – тактики профессиональной защиты от обвинения[1].

Однако многие ученые к субъектам криминалистической тактики относят также и суд (судью). «Ее (тактики. – *О. Б.*) применение судом (председательствующим), – считает, например, А. Ю. Корчагин, – неизбежно при исследовании судом доказательств даже в предусмотренной действующим уголовно – процессуальным законом пассивной форме […]. Тактика судебного следствия является суммарной. Это тактика обвинения, тактика защиты плюс объединяющая их тактика суда (судьи)»[2].

Но тактика, повторим, есть средства предупреждения и преодоления противодействия. Должен ли в этой связи суд заниматься тактикой, является ли суд субъектом криминалистической тактики?

Осуществляя правосудие по уголовным делам, «суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав», при этом «стороны обвинения и защиты равноправны перед судом» (ст. 15 УПК РФ).

Применение же тактики (в очередной раз, напомним) предполагает заинтересованность в ее результатах, преопределенную конечным целями участия данного субъекта в уголовном судопроизводстве. Именно

---

[1] *Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М., 2008.

[2] *Корчагин А. Ю.* Основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел. М., 2009. С. 120, 122. См. также: *Сычева О. А.* Тактика судебного следствия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 14–15.

каждая из состязающихся в суде сторон, «осуществляя каждый свою функцию, должны преодолевать противодействие друг друга и убеждать суд в правомерности и обоснованности избранной ими позиции»[1].

Задача суда как единственного органа осуществления правосудия по уголовным делам – слушать, исследовать и принимать законное, обоснованное и справедливое решение. Суд по определению решает задачи не поискового, а чисто исследовательского характера. Он должен проверить имеющиеся в уголовном деле доказательства «на прочность»; подвергнуть тщательному анализу доказательства, впервые представляемые ему сторонами на этапе судебного следствия; выслушать мнения состязающихся в процессе сторон о доказанности обвинения, его юридической оценке, личности подсудимого, наказании, о других связанных с обвинением вопросам. А затем на этой основе, руководствуясь законом и совестью, правилами проверки и оценки доказательств, по своему внутреннему убеждению (ст. 17, 87, 88 УПК РФ) решить дело[2].

По нашему глубокому убеждению, не суд как таковой, а две состязающиеся в суде стороны (обвинения и защиты) являются субъектами криминалистической тактики при судебном рассмотрении уголовных дел: прокурор – государственный обвинитель и адвокат – защитник подсудимого. Именно они, осуществляя каждый свою процессуальную функцию, используют тактические средства для собирания, представления, исследования доказательств и убеждения суда в правомерности и обоснованности избранной позиции; суд же – напомним, лишь «создает необходимые условия» для осуществления сторонами их таковой деятельности, в пределах, предоставленных ему действующим уголовно – процессуальным законом, организует и «структурирует» судебный процесс.

Задача суда, можно сказать, линейна. Состоит она в проверке «на прочность» в условиях состязательного судебного следствия и судоговорения двух версий – обвинения и защиты по каждому из обстоя-

---

[1] *Кисленко С. Л.* Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 135.

[2] На такой характер судебной деятельности обращал внимание еще А. Ф. Кони. «Розыск доказательств, – писал он, – в самом широком смысле слова производит судья, вооруженный опытом и знаниями (в реалиях действующего УПК – следователь и другие профессиональные участники осуществления уголовного преследования), и свою работу он передает другим судьям, которые уже ее оценивают, присутствуя при совокупной работе сторон при разработке этих доказательств… Обязанность суда не заподозривать и исследовать, а разбирать исследованное и приговаривать (*Кони А. Ф.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 38, 390).

тельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, формирования убеждения о достоверности одной из них и достижения по результатам этого конечной цели своей деятельности – осуществления правосудия. Суд при наличии разумных оснований сомневаться в достоверности и / или доказанности версии обвинения просто обязан постановить в отношении подсудимого оправдательный вердикт, что прямо предполагает принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК).

Выскажем и более радикальное мнение: как это, на первый взгляд, не выглядит парадоксальным, задача (конечная цель) суда состоит не в установлении истины по уголовному делу; он устанавливает достоверность, истинность обвинения, предъявленного подсудимому (в рамках, предоставленным ему законом, в необходимых случаях смягчая квалификацию инкриминированного подсудимому преступления). То, что чаще всего доказанная достоверность этой версии и есть, к счастью, истина по уголовному делу, думается, не колеблет принципиальной обоснованности сформулированного положения.

Мы отдаем себе отчет, что психологически такая позиция для суда крайне сложна. Но лишь это будет правосудие, осуществление которого (автор просит извинений за некий пафос) – карма судьи.

Сказанное отнюдь не означает, что профессиональный судья не должен обладать определенными криминалистическими знаниями, хотя бы в части планирования судебного исследования доказательств, принципов проверки следственных версий, информационно-познавательных возможностей отдельных следственных и судебных действий, отдельных видов судебных экспертиз, методологии их производства.

Но реализация судьей своих познаний в криминалистике – не есть криминалистическая тактика, это есть то, что Л. Е. Ароцкер называл совершенно точно и научно корректно: использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел (в данном случае – судьей)[1].

[1] *Ароцкер Л. Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964.

*Ф. В. БАЛЕЕВСКИХ**

Возможности использования специальных психологических знаний для преодоления противодействия допрашиваемого

Одной из форм воспрепятствования выполнению задач расследования, является противодействие допрашиваемого, представляющее собой умышленное манипулятивное воздействие, оказываемое допрашиваемым на допрашивающего путем передачи ему вербальной и невербальной информации с целью воспрепятствования, установлению выясняемых в ходе допроса обстоятельств и решению других задач расследования. В социальной психологии под манипуляцией понимаются скрытое воздействие на адресата с целью принятия им решения, выполнения действий, которых он бы не совершил, будучи полностью осведомленным о намерениях воздействующего субъекта и условиях реальной ситуации. Процесс манипулирования растянут по времени и представляет многошаговую процедуру воздействия на властные субъекты уголовного судопроизводства. Противодействие допрашиваемого начинается еще до начала допроса и продолжается при его производстве. На последнем из названных этапов с целью замедлить решение предусмотренных законом целей и задач, убедить следователя в правоте допрашиваемого или отвлечь его внимание, оно может заключаться в даче ложных показаний.

В ситуациях распознавания манипулятивного характера противодействия допрашиваемого у следователя имеется как минимум два варианта действия. Первый – это сообщение противодействующему субъекту, что он разоблачен и предъявление соответствующих доказательств. Вторым возможным вариантом может быть маскировка следователем степени своей осведомленности о характере деятельности противодействующего допрашиваемого. В этой ситуации в целях выявления противоречий в показаниях, полученных от самого допрашиваемого, доказательств его неискренности рекомендуется использование тактических приемов допущения легенды и предельной детализации показаний. В данном случае незаметно для противодействующего субъекта он из манипулятора становится манипулируем объектом. В описываемых условиях следо-

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры правовой психологии и судебных экспертиз Уральского государственного юридического университета.

ватель дезинформирует противодействующего субъекта, приступая к первому этапу манипулирования – созданию несоответствующего действительности впечатления о создавшейся ситуации.

Объект манипулятивного воздействия психологами рассматривается в качестве носителя определенных нужных манипулятору свойств, качеств, характеристик личности. В теории криминалистики свойства личности противодействующего субъекта справедливо оцениваются как фактор, детерминирующий не только оказываемое противодействие, но и деятельность по его преодолению. С учетом свойств личности противодействующего допрашиваемого может быть конкретизирована перспективная, прогностическая версия о возможном его поведении в ходе планируемого допроса, его реакции на реализацию тех или иных приемов, методов преодоления. В ходе допроса следователь лично проверяет обоснованность своего предположения, воспринимая продолжение, изменение или прекращение допрашиваемым своего противодействия. Следует отметить, что в данном случае должны учитываться не только различные свойства и качества личности противодействующего допрашиваемого, но и особенности их проявления в несовпадающих условиях.

Свойства личности допрашиваемого влияют непосредственно на оказываемое им противодействие и его результаты, обуславливая, таким образом, и деятельность по его преодолению. В связи с этим возникает потребность использования специальных знаний для установления свойств личности противодействующих субъектов и мотивов, которыми они руководствуются. В особо сложных случаях при анализе сложившейся ситуации и оценке поведения противодействующего допрашиваемого, составлении прогноза его возможной реакции на те или иные приемы целесообразно использование помощи специалиста психолога, владеющего специальными профессиональными психологическими знаниями, полученными в результате соответствующей подготовки (физическое лицо, имеющее высшее психологическое образование, с уровнем профессиональной подготовки не ниже специалиста), обладающего необходимым опытом исследовательской и практической деятельности в той области, в которой требуется психологическое знание.

Существует две формы использования специальных психологических знаний для преодоления противодействия допрашиваемого.

1. Процессуальная – привлечение психолога в качестве эксперта или специалиста в соответствии с требованиями УПК РФ.

2. Непроцессуальная – использование психологических знаний вне соответствующих процессуальных процедур (консультирование след-

ственных или судебных органов, помощь в установлении психологического контакта, предварительное определение вопросов для экспертизы).

Оптимальным вариантом использования специальных психологических знаний является производство психологической экспертизы. В реальных ситуациях следователь испытывает дефицит времени и других ресурсов для изучения личности допрашиваемого, у него не всегда есть возможность для ее производства в указанных целях. В таких случаях такая информация от специалиста должна быть получена не процессуальным путем, возможны консультации с психологом после ознакомления его с необходимыми материалами и личного наблюдения за поведением допрашиваемого. Эффективность помощи специалистов во многом обуславливается полнотой и достоверностью представляемых им сведений. Однако суждения и выводы специалистов, как и другая информация, должны подвергаться обязательной проверке. Возможности специалистов-психологов и судебно-психологической экспертизы по диагностике свойств личности не вызывают сомнений.

Представляется, что психолог может задать направление изучения личности допрашиваемого в зависимости от формы оказываемого им противодействия, обратить внимание на возможные источники актуальной психологической информации о личности. Психологи, по нашему мнению, могут указать на преобладающие, доминирующие свойства личности, которые могли оказать влияние на формирование мотивов преступления. Например, у ряда людей существуют устойчивые взгляды, представления о жизненных приоритетах. Для одних главное уровень материального достатка, для других – социальное положение, для третьих – степень интеллектуального развития, возможность познания неизведанного.

Большую помощь психологи могут оказать и в изучении эмоциональных и волевых качеств подозреваемых, обвиняемых, которые влияют на принятие и реализацию решений о совершении преступления. Как известно воля представляет собой способность преодолевать трудности. К волевым качествам относятся и способности сдерживать негативные эмоции, предупреждать превращение неприятных переживаний в агрессивное поведение в отношении окружающих. Известно, что в результате неоднократного повторения переживаний определенных эмоциональных состояний и принятия сходных решений, исполнения их однородным способом у субъекта появляются стереотипы поведения, включающие в себя повторяющиеся мотивационные процессы. Названные стереотипы первоначально могут формироваться и по-

вторяться в поведении, не носящем криминального характера. Однако со временем некоторые субъекты вполне осознанно или непроизвольно переступают грань дозволенного и совершают преступления. Вероятно, выявить наличие подобных стереотипов у конкретных субъектов эксперты могут, но констатировать их проявление в конкретной, реальной ситуации не имеют права. Для этого они сначала должны признать доказанным совершение субъектом определенных действий, а затем констатировать влияние конкретных мотивов. Представляется, что все это не относится к компетенции специалистов.

Заключение специалистов может даваться по поводу тех или иных индивидуально-типических свойств личности допрашиваемых, их проявлениях во время допроса и интересующих следствие событий, способности субъекта противодействия давать объективную оценку своему поведению и признавать собственную неправоту. Такая способность может быть охарактеризована как сложное качество, включающее в себя определенные интеллектуальные, волевые и нравственные свойства. Желательно определить комплекс свойств личности допрашиваемых, оказывающих доминирующее, преобладающее влияние на их поведение в тех или иных ситуациях.

Представляется что специалист, используя специальные психологические знания, способен оказать помощь в разработке контрманипулятивной пошаговой технологии воздействия на противодействующего допрашиваемого. Предлагая конкретные приемы психологического воздействия с учетом особенностей личности допрашиваемого, его когнитивных и эмоциональных состояний.

Думается, что следователь непосредственно или с помощью других лиц должен изучать свойства личности, проявляющиеся в условиях сходных с ситуациями, формирующимися в процессе допроса. Несомненно, это займет определенное время, иногда достаточно продолжительное, но лучше пойти на эти затраты, чем потерпеть неудачу.

Не следует забывать и о том, что это направление деятельности следователя является лишь одним из компонентов расследования. Необходимо правильно определить целесообразные пределы изучения личности допрашиваемого и соотношение этой деятельности с другими операциями по доказыванию. Следователь несет полную ответственность за эффективность и полноту расследования и не может перекладывать ее на специалиста, поскольку выбор и реализация методов расследования относятся исключительно к компетенции следователя.

*В. И. БАЛКО**

К вопросу о пяти сгруппированных приемах техники традиционного подхода дактилоскопирования пальцев рук живых лиц

Дактилоскопирование пальцев рук живых лиц теоретически и практически отличается от дактилоскопирования пальцев рук трупов. Дактилоскопирование пальцев рук живых лиц носит условно «локальный» характер, в то же время дактилоскопирование пальцев рук трупов имеет «комплексный» характер, что связано с другими «параллельными» мероприятиями, приемами и действиями, которые необходимо надлежащим образом совершать. Иногда по рекомендации сведущего лица указываются определенные условия для получения сравнительных образцов папиллярных узоров живого лица, если необходимо умозрительно представить и воссоздать условия и механизм следообразования следов рук (ног), обнаруженных на месте происшествия. Если объектом исследования являются локальные следы папиллярной поверхности ладонных частей руки, где имеются трехлучевые образования, межпальцевые и подпальцевые петли, качество сравнительных образцов папиллярной поверхности рук должно быть высокое, чтобы исключить локальный след дельты петлевого или завиткового узора папиллярной поверхности верхней фаланги пальцев рук.

По рекомендации эксперта-дактилоскописта необходимо проведение пороскопического и эджеоскопического исследований. Кроме окрашенных отпечатков следов рук (рекомендованный слой типографской черной краски с удельной интенсивностью 0,25 мг/см^2), также иногда необходимы и сравнительные неокрашенные отпечатки этих рук. Последние могут быть оставлены заранее вымытыми руками на чистом стекле с последующим фотографированием или на чистом листе бумаги с последующим выявлением определенными методами (например, парами йода).

Совершенствование дактилоскопической карты – это совершенствование показателей форм и форматов дактилоскопической карты, в частности, которые возможны, например, за счет совершенствования применения количества и качества приемов техники традиционного подхода дактилоскопирования пальцев рук живых лиц.

---

* Преподаватель ПЦК правоведения и социально-гуманитарных дисциплин, подполковник полиции РК в отставке.

Просматривая «показатели качества отображения пальцев рук»[1], приходим к выводу о необходимости совершенствования и разнообразия приемов техники традиционного подхода дактилоскопирования пальцев рук. Были изучены три тысячи дактилоскопических карт, которые были изготовлены в г. Семей за период 2013–2016 гг.

Просмотрены подзаконные акты правил заполнения дактилоскопических карт в СНГ (Россия, Казахстан и Белоруссия), где они хорошо расписаны в ведомственных инструкциях стран СНГ и отличаются только нюансами, например, в Белоруссии в гл. 2 «Порядок дактилоскопирования и заполнения дактилоскопических карт» в п. 14 указывается, что «дактилоскопирование начинается с большого пальца правой руки и заканчивается мизинцем. Дактилоскопируемый гражданин выпрямляет пальцы последовательно, начиная с большого, прижав остальные пальцы руки к ладони. Сотрудник тремя пальцами левой руки (большим, указательным и средним) берет нужный палец дактилоскопируемого гражданина у основания (ближе к ладони), а одноименными пальцами правой руки берет ногтевую (верхнюю) фалангу этого же пальца. Затем палец дактилоскопируемого левой боковой стороной ногтевой (верхней) фаланги кладется на край окрашенной пластины и прокатывается по ней слева направо, от одной кромки ногтя до другой… После этого покрытый краской палец таким же способом прокатывается на отведенном ему месте дактилоскопической карты для получения отпечатка. Аналогичным образом получают отпечатки остальных пальцев»[2]. Это условно обозначим как стандартные приемы. На практике используются кроме стандартных приемов и другие различные приемы при дактилоскопировании пальцев рук живых лиц, которые нигде не систематизированы и не зафиксированы, хотя на самом деле они есть благодаря нашим «Кулибиным от дактилоскопирования». Эти приемы носят локальный характер и имеют свою практическую целесообразность применения при определенных условиях, обстоятельствах и навыках дактилоскопирующего.

В настоящее время можно условно различать 14 вариантов разновидностей приемов техники традиционного подхода дактилоскопирования пальцев рук (хотя на самом деле их гораздо больше) для полу-

---

[1] *Балко В. И.* К вопросу о классификации качества отпечатков и оттисков пальцев рук // Библиотека криминалиста. 2017. № 1. С. 276–281.

[2] Об утверждении Инструкции о порядке осуществления государственной дактилоскопической регистрации: постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 9 февраля 2005 г. № 35 // URL: http://pravo.newsby.org/belarus/postanov18/ pst043.htm.

чения конечного результата – отображений пальцев рук дактилоскопируемого на дактилоскопической карте.

Первый вариант разновидности приема техники дактилоскопирования пальцев рук при отображении отпечатка пальцев рук – это стандартная техника дактилоскопирования пальцев рук, которая хорошо расписана в ведомственных инструкциях стран СНГ – обозначим это как прием «стандартный».

Второй вариант обозначим как прием фиксации «центровки» средним пальцем.

Третий вариант обозначим как прием «мужского формата дактилоскопической карты».

Четвертый вариант обозначим как прием «свободного формата».

Пятый вариант обозначим как прием «пальцевой» стеклянной пластины.

Шестой вариант обозначим как прием «дактилоскопическим валиком».

Седьмой вариант обозначим как прием «подушкой дактилоскопической».

Восьмой вариант обозначим как прием «экспертного формата дактилоскопической карты».

Девятый вариант обозначим как прием «пороскопический и эджескопический».

Десятый вариант обозначим как прием «оттиска».

Одиннадцатый вариант обозначим как прием «отпечатка».

Двенадцатый вариант обозначим как прием «пассивный».

Тринадцатый вариант обозначим как прием «деформированных пальцев рук».

Четырнадцатый вариант обозначим как прием «принудительный».

Названия каждого из приемов раскрывает сущность самого приема техники традиционного подхода дактилоскопирования пальцев рук, которые понятны специалистам в этой области.

С учетом анализа дактилоскопических карт с индивидуальным почерком каждого дактилоскопирующего, общения, опроса и личной практики попробуем систематизировать группы разновидностей приемов техники традиционного дактилоскопирования пальцев рук.

Поэтому с теоретической и практической точки зрения, все разновидности приемов техники традиционного дактилоскопирования пальцев условно разделим на пять групп.

Первая группа приемов – это группа подготовительно-организационных приемов.

Вторая группа приемов – это приемы техники фиксации пальцев рук для окрашивания папиллярных поверхностей пальцев рук.

Третья группа приемов – это приемы техники при переносе краски на папиллярные поверхности пальцев рук.

Четвертая группа приемов – это приемы техники фиксации пальцев рук для получения отпечатка (оттиска) на бланке дактилоскопической карты.

Пятая группа приемов – это приемы при переносе краски с окрашенной папиллярной поверхности пальцев рук на бланк дактилоскопической карты для отображения (оттиска) пальцев рук.

Таким образом, можем предложить следующее.

Первый вариант разновидности приема техники традиционного подхода дактилоскопирования пальцев рук живых – это прием «стандартный», который будет относиться ко всем пяти группам приемов техники традиционного подхода дактилоскопирования пальцев рук живых лиц.

*Второй вариан*т – это прием «центровки» средним пальцем», который будет относиться ко 2-й и 4-й группам приемов.

Третий вариант – это прием «мужского формата дактилоскопической карты», который будет относиться к 1-й и 5-й группам приемов.

*Четвертый вариан*т – это прием «свободного формата», который будет относиться к 1-й и 5-й группам приемов.

Пятый вариант – прием «пальцевой» стеклянной пластины, будет относиться к 1-й и 5-й группам приемов.

Шестой вариант – это прием «дактилоскопическим валиком», который будет относиться к 1-й и 3-й группам приемов.

Седьмой вариант – это прием «подушкой дактилоскопической», который будет относиться к 1-й и 3-й группам приемов.

Восьмой вариант – прием «экспертного формата дактилоскопической карты», который будет относиться к 1-й и 3-й группам приемов.

Девятый вариант – это прием «пороскопический и эджескопический», который будет относиться к 1-й, 3-й и 5-й группам приемов.

Десятый вариант – это прием «оттиска», который будет относиться к 1-й и 5-й группам приемов.

Одиннадцатый вариант – это прием «отпечатка», который будет относиться к 1-й и 5-й группам приемов.

Двенадцатый вариант – это прием «пассивный», который будет относиться ко всем пяти группам приемов.

Тринадцатый вариант – это прием «деформированных пальцев рук», который будет относиться ко всем пяти группам приемов.

Четырнадцатый вариант – это прием «принудительный», который будет относиться ко всем пяти группам приемов.

Группирование приемов техники традиционного подхода дактилоскопирования пальцев рук живых лиц дает возможность быстрее и более качественнее обучать будущих сотрудников-дактилоскопирующих надлежащему дактилоскопированию, что скажется на качестве сравнительных образцов отпечатков (оттисков) пальцев рук живых лиц. Появляется возможность разнообразить в зависимости от конкретных обстоятельств меры по улучшению качества дактилоскопической карты с отображением пальцев руки, что скажется на кодировании изображения пальцев руки в БД АДИС и ее поисковой характеристике, и в конечном итоге на качестве дактилоскопической экспертизы.

*С. В. БАРИНОВ**

Криминалистическая характеристика личности работников организаций, предоставляющих услуги подвижной (сотовой) связи, привлекаемых к ответственности за совершение преступлений по ч. 2 ст. 138 УК РФ

Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, гарантируется на территории Российской Федерации в соответствии с ч. 2 ст. ст. 23 Конституции Российской Федерации, а также ст. 63 Федерального закона от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи».

Уголовную ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, устанавливает часть 2 ст. 138 УК РФ.

В настоящее время широкое распространение в потребительской сфере получили услуги подвижной (сотовой) связи, представляющей из себя один из видов мобильной радиосвязи, в основе которого ле-

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Военного учебного научного центра Военно-воздушных Сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина».

жит сотовая сеть. Распространение подвижной связи сопровождается ростом количества нарушений тайны связи, совершаемых работниками организаций, предоставляющих соответствующие услуги.

Р. Л. Ахмедшин определяет криминалистическую характеристику личности преступника как систему данных о лице, совершившем преступление, которые способствуют его поиску и изобличению[1].

Согласно результатам исследования, которое проводилось нами путем обобщения судебно-следственной практики, можно сделать вывод о том, что криминалистическая характеристика личности преступников в значительной степени определена основными параметрами занятости в сфере связи. Так как относительно молодая сфера подвижной (сотовой) связи в настоящее время бурно развивается, увеличивая зону покрытия, привлекая новых абонентов, расширяя перечень предоставляемых услуг, внедряя новейшее оборудование, то отмечаемые процессы требуют от работников наличия таких качеств, как техническая и компьютерная грамотность, способность к освоению новых технологий. Именно предъявляемые работодателем требования определяют их возрастной состав, уровень образования, место жительства. Так, значительную относительно других возрастную группу преступников составляют лица от 20 до 35 лет. Привлекаемые к ответственности имели образование не ниже среднего. Все они обладали навыками работы с персональным компьютером на уровне «пользователя» или «продвинутого пользователя». Виновные являются жителями как крупных городов (Москва, Новосибирск, Пенза, Чита, Екатеринбург, Саранск, Казань и т. д.), так и небольших муниципальных образований (например, пос. Тюльган Оренбургской области). Среди работников организаций, предоставляющих услуги подвижной (сотовой) связи, привлекаемых к ответственности за совершение преступных нарушений неприкосновенности частной жизни большую часть (55 %) составляют женщины, что также отражает структуру занятости в отрасли.

Решающее значение для криминалистической характеристики личности рассматриваемой категории преступников имел их статус в организации. Среди работников организаций, предоставляющих услуги подвижной (сотовой) связи и признанных виновными в совершении преступлений по ч. 2 ст. 138 УК РФ, можно выделить три группы:

1) лица, занимающие должности, предполагающие установление непосредственного контакта с клиентами организации (помощник в офисе продаж, продавец службы продаж и обслуживания салона связи, менед-

[1] См.: *Ахмедшин Р. Л.* Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 117.

жер по продажам, специалист офиса продаж, специалист группы контактного центра, продавец-консультант территориального офиса и т. д.).

2) лица, занимающие должности, связанные с техническим обслуживанием оборудования и компьютерной техники (оператор связи, специалист по тестированию, системный администратор и т. д.). Функции, выполняемые работниками данной группы, обычно основываются на осуществлении контактов только с работниками организации и не предполагают непосредственных контактов с иными лицами.

3) лица, занимающие руководящие должности в организации, предоставляющей услуги подвижной связи или ее филиалах и представительствах (управляющий салона связи, управляющей офиса филиала, руководитель контактного центра и т. д.). Должностное положение таких работников предполагает наличие властных полномочий по отношению к другим работникам, получение доступа к большому объему конфиденциальной информации, сниженный уровень контроля со стороны вышестоящих руководителей, особенно при возникновении доверительных отношений.

Предложенное разделение работников организаций, предоставляющих услуги подвижной (сотовой) связи, причастных к совершению преступлений с использованием служебного положения позволяет определить факторы риска, оказывающие влияние на подверженность определенной группы к совершению преступления, возможную мотивацию преступников, способ преступной деятельности.

Среди таких факторов можно выделить:

наличие контактов с посторонними лицами (в т. ч. с абонентами, клиентами);

объем доступа к конфиденциальной информации;

наличие властных полномочий;

подконтрольность.

Указанные работники имеют в силу своего служебного положения доступ к информационным системам, содержащим такие сведения об абонентах, как: фамилия, имя, отчество, дата рождения, адрес регистрации, паспортные данные, телефонные номера, сведения о движении денежных средств на лицевом счете, а также детализации телефонных переговоров абонента с указанием статуса, времени и абонентских номеров установленных соединений и др.

Одним из часто встречающихся в следственно-судебной практике мотивов осуществления преступных нарушений тайны связи, совершаемых работниками организаций, предоставляющих услуги подвижной (сотовой) связи является ревность.

Так, в ходе расследования уголовного дела, возбужденного в отношении специалиста обслуживания и продаж группы офисов Новосибирского филиала ОАО «ВымпелКом» гражданина М. было установлено, что между ним и его сожительницей произошла ссора на почве ревности к бывшему мужу последней, в результате которой у М. возник преступный умысел, направленный на нарушение тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений граждан.

Осуществляя задуманное, преступник, используя свое служебное положение, имея в силу занимаемой должности доступ к программе для обслуживания абонентов, посредством рабочего персонального компьютера вошел в программу для обслуживания клиентов где, вопреки воле легального абонента, получил доступ к его конфиденциальной информации, а именно к протоколам соединений (детализации), после чего незаконно, без согласия соответствующего лица, ознакомился с указанными протоколами соединений (детализацией)[1].

Примером совершения преступного нарушения неприкосновенности частной жизни работниками организаций, предоставляющих услуги подвижной (сотовой) связи в целях извлечения материальной выгоды является уголовное дело, возбужденное в отношении управляющего салона связи гражданина Х. который, в точно неустановленное следствием время, но не позднее апреля 2013 г. зарегистрировался на интернет-сайтах под вымышленным именем и поместил объявление на форуме об оказании содействия в получении детализированного отчета о соединениях абонентов оператора сотовой связи. В ходе расследования уголовного дела было доказано совершение преступником девяти эпизодов преступной деятельности. Также было установлено, что для получения за свои противоправные действия денежного вознаграждения преступником использовался зарегистрированный на его имя электронный кошелек[2].

В отдельных случаях преступный умысел на получение материальной выгоды сформировался у работника организации связи после обращения с соответствующим предложением заинтересованного в получении конфиденциальной информации лица.

Например, в ходе расследования уголовного дела в отношении продавца столичного филиала службы продаж и обслуживания салона связи «МегаФон» гражданина Б. было установлено, что в точно неустановленное следствием время в салоне связи к последнему обратилось неустановленное следствием лицо с предложением предоставления

[1] Дело № 1-255/15 // Архив Октябрьского районного суда Новосибирска.

[2] Дело № 1-297/2014 // Архив Тверского районного суда Москвы.

ему сведений о телефонных соединениях за денежное вознаграждение в размере 500 руб. за каждый предоставленный детализированный отчет абонентского номера. Реализуя свой преступный умысел, гражданин Б. посредством переписки в приложении «Telegram Messanger» получил интересующий сообщника абонентский номер, и, используя предоставленную ему для исполнения должностных обязанностей учетную запись, зашел в информационную систему «SBMS», где сделал запрос детализированных отчетов, который распечатал на бумажный носитель[1].

Необдуманное желание оказать помощь в получении информации с ограниченным доступом посторонним лицам также является часто встречающимся мотивом осуществления преступных нарушений неприкосновенности частной жизни, совершаемых работниками организаций, предоставляющих услуги подвижной (сотовой) связи.

Так, в ходе расследования уголовного дела, возбужденного в отношении продавца-консультанта в территориальном офисе связи ОАО «МегаФон» гражданки А., было установлено, что в период времени, когда последняя находилась на своем рабочем месте, ей на сотовый телефон позвонил ранее знакомый мужчина и попросил предоставить ему информацию о телефонных соединениях абонентского номера, принадлежащего его подруге, объяснив это чувством ревности к последней. После чего у гражданки А. на почве приятельских отношений с позвонившим, с целью проверки его подозрений относительно наличия у потерпевшей отношений с другим молодым человеком, возник преступный умысел, направленный на нарушение телефонных переговоров абонента путем просмотра информации о телефонных соединениях и передачи этой информации своему знакомому. Реализовав свой преступный умысел, гражданка А. совершила деяние, впоследствии квалифицированное по ч. 2 ст. 138 УК РФ[2].

Важное значение для криминалистической характеристики работников организаций, предоставляющих услуги подвижной (сотовой) связи, имеют такие их качества, как отсутствие судимости и устойчивых связей с криминалитетом. Совершаемые преступления – чаще всего первый криминальный опыт в их жизни. Виновный в большинстве случаев соглашается с доводами следствия и сотрудничает с правоохранителями. Подсудимый в судебном заседании выражает свое согласие с предъявленным ему обвинением и ходатайствует о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства.

---

[1] Дело № 1-298/15 // Архив Чертановского районного суда Москвы.

[2] Дело № 1-103/2015 // Архив Буинского городского суда Республики Татарстан.

Принимая во внимание, что ходатайство заявлено подсудимым добровольно, после консультации с защитником, последствия заявленного ходатайства подсудимый осознает, санкция ч. 2 ст. ст. 138 УК РФ не превышает 10 лет лишения свободы, суд, учитывая мнение всех участников процесса, с соблюдением требований ст. 314 УПК РФ рассматривает возможность постановить приговор без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

Определяя вид и размер наказания, суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, данные о личности подсудимого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Назначаемые по рассматриваемой категории дел наказания в основном не связаны с лишением свободы: штрафы от 7 до 100 тыс. руб., обязательные работы, исправительные работы, лишение права занимать должности в государственных, муниципальных и коммерческих организациях, связанные с обеспечением тайны информаций и конфиденциальности информаций ограниченного доступа. В 28 % случаев уголовные дела прекращаются в связи с примирением сторон. Фактов повторного совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 138 УК РФ, лицами, ранее осужденными за совершение указанных деяний, не установлено.

*Д. В. БАХТЕЕВ**

Об алгоритмизации расследования и следственном мышлении

Процесс раскрытия и расследования преступлений представляет собой одну из наиболее трудно поддающихся формализации и системному анализу форм человеческой деятельности, вполне сопоставимую с решением задач или совершением научного открытия, которое, с точки зрения Т. Куна, «сопровождается трудностями, встречает сопротивление, утверждается вопреки принципам, на которых основано ожидание»[1]. Уникальность такого процесса обусловлена с одной стороны его нормативностью, ориентацией на реализацию задач уголовного процесса, а с другой – ярко выраженным творческим, эвристическим характером. Вполне закономерно, что ученые-криминалисты второй половины XX в., как и многие их коллеги из других областей научного

* Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

[1] *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2015. С. 107.

знания[1], попытались создать условно универсальный метод решения сложных задач. В роли такого метода в криминалистике выступили программирование и алгоритмизация расследования.

Пик научных и практических работ, посвященных этим вопросам, пришелся на середину 1980-х гг., что вполне соответствовало тенденциям научно-технической парадигмы тех лет. Именно в то время усилиями советских программистов, возглавляемых профессором Е. П. Ершовым в курс школьных дисциплин была внесена информатика, вышел первый школьный учебник «Основы информатики и вычислительной техники», были созданы первые советские языки программирования. Разумеется, криминалистика, как юридическая наука, стоящая на переднем крае прогресса, не могла проигнорировать такие возможности. Расследование рассматривалось как полностью познаваемая (вычисляемая) последовательность событий, для облегчения понимания и управления которой наукой для нужд практики создавались алгоритмы как структурных элементов, так и всего процесса расследования. Так, значительный вклад в криминалистическую теорию программирования и алгоритмизации расследования внесли Г. А. Густов[2], Л. Г. Видонов[3], В. Ф. Робозеров[4], А. С. Шаталов[5], посвятившие свои работы как общим методам программирования деятельности следователя, так и частным криминалистическим алгоритмам расследования отдельных преступлений, в основном насильственного характера.

Важность разработки криминалистических алгоритмов подчеркивалась многими известными учеными-криминалистами. Так, Л. Я. Драпкин верно отмечает, что «алгоритмические программы обладают свойством полной детерминированности, то есть они однозначно определяют действия человека, обусловливают успешное достижение цели»[6].

---

[1] *Бэкон Ф.* Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы. М., 1978; *Декарт Р.* Рассуждение о методе для верного направления разума и отыскания истины в науках. М., 2015.

[2] *Густов Г. А.* Программно-целевой метод организации раскрытия убийств. СПб., 1993.

[3] *Видонов Л. Г.* Типовые следственные ситуации первоначального этапа следствия по делам об убийствах. Криминалистические элементы взаимосвязи между элементами состава преступлений данного вида и методика выдвижения версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев, на основе указанных взаимосвязей. Н. Новгород, 2003.

[4] *Робозеров В. Ф.* Установление лиц, совершивших преступления в условиях неочевидности: науч.-метод. рекомендации. Л., 1991.

[5] *Шаталов А. С.* Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000.

[6] *Драпкин Л. Я.* Теоретические предпосылки и практические возможности программиро-вания в расследовании преступлений // Теоретические и практические

Р. С. Белкин подчеркивал, что «рядовой следователь без обширного профессионального опыта, в условиях дефицита времени и экстремальной ситуации не в состоянии воспроизвести в памяти десятки страниц «книжной методики» в качестве оперативного руководства к действиям». В качестве решения он предлагал разработку на основе научных разработок лаконичных, четких и ясных алгоритмов действий следователя, их вариантов для выбора в зависимости от следственных ситуаций[1].

Е. П. Ищенко указывает, что «основу программы первоначального этапа расследования преступлений должны составлять методические предписания, свободные от «информационного шума» – полемики, объяснений, отступлений – и облеченные в форму кратких и конкретных алгоритмов, систематизированных так, чтобы потребовался минимум усилий на поиск необходимых сведений и осмысление связей между ними»[2]. Он же определяет выбор алгоритмизированных действий как «метод полной критериальной зависимости от следственной ситуации, которую с новой точки зрения – в аспекте криминалистической алгоритмизации – необходимо представлять как набор критериальных фактов»[3]. Это позволяет, отсеяв все компоненты информационного шума, увидеть наиболее существенное в следственной ситуации, что сделает более структурированной, четкой.

При всей очевидной полезности алгоритмизации следственной деятельности, она обладает рядом недостатков.

Во-первых, следует отметить определенный разрыв между наукой как источником криминалистических алгоритмов и практикой как их потребителем. Так, исследование, проведенное К. А. Нелюбиным, демонстрирует, что лишь 26 % следователей при выдвижении версий о лице, совершившем убийство, пользуются криминалистическими методиками, остальные опираются на собственный профессиональный опыт, оперативные сведения, логику, фантазию и т. п.[4]

проблемы программирования процесса расследования преступлений: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1989. С. 14.

[1] *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы современной криминалистики. М., 2001. С. 127–128.

[2] *Ищенко Е. П.* Проблемы первоначального этапа расследования преступлений. Красноярск, 1987. С. 39.

[3] Алгоритмизация следственной деятельности: моногр. / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2010. С. 52.

[4] *Нелюбин К. А.* Программирование и алгоритмизация установления лица, совершившего убийство (по материалам Свердловской области): дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 20.

Во-вторых, большое количество категорий и видов совершаемых преступлений, складывающихся ситуаций, моделей поведения участников процесса расследования создают определенные сложности в разработке прикладных алгоритмов деятельности следователя. Алгоритмические программы обладают свойством полной детерминированности, то есть они однозначно определяют действия человека, обусловливают успешное достижение цели, кроме того им присуще свойство массовости, т. е. пригодности для использования и понятности для неограниченного числа исполнителей. Однако индивидуальному конкретному следователю зачастую необходимы рекомендации по действиям не общего характера, а частные технологические решения, заблаговременно предусмотреть и сформулировать которые как правило невозможно. Алгоритм предполагает заблаговременное установление всех важных закономерностей следственной ситуации. «В то же время некоторые связи не могут быть использованы при алгоритмизации расследования, ибо не являются закономерными, либо такие закономерности пока еще не выявлены. Примером может служить связь между характеристиками преступления и потерпевшего, с одной стороны, и признаками личности преступника, с другой. Некая связь здесь действительно присутствует, но она очень осложнена элементом случайности»[1].

В-третьих, алгоритмизация деятельности следователя нивелирует самостоятельность в принятии решений, накопление как положительного, так и отрицательного опыта и, как следствие, влечет замедление темпов повышения квалификации следственных кадров, что может приводить опять же к снижению качества расследования. Проведенный автором настоящей работы опрос следователей показал, что большинство опрошенных крайне положительно относятся к алгоритмизации доследственной проверки и первоначального этапа расследования, поскольку это позволяет «разгрузить» ресурсы мышления и действовать «на автомате», что нельзя считать достойной характеристикой самостоятельно мыслящего субъекта.

Кроме того, идея применения теории алгоритмов в сложных системах, требующих вероятностной оценки доказательств и принятия категорических выводов (к которым, безусловно, стоит отнести и некоторые сложные ситуации процесса расследования), противоречит теоремам К. Геделя о неполноте, согласно которым «не существует алгоритма, с помощью которого можно было во всех случаях проверить истинность или ложность доказательства».

---

[1] Алгоритмизация следственной деятельности: моногр. / под ред. Е. П. Ищенко. С. 52.

Если продолжить проведение параллелей между развитием криминалистики и программирования, то следует упомянуть тот факт, что тенденция развития инженерного программирования в настоящее время смещается от императивной парадигмы к декларативной.

Императивные программы содержат подробный перечень возможных вариантов решений проблем и способов получения ожидаемых результатов (спецификацию), что предполагает наличие детального алгоритма. В свою очередь, декларативная программа может вообще не содержать алгоритмических составляющих и представляет описание самой проблемы, «формальную теорию», которая «доказывается» в процессе реализации такой программы, последовательность шагов решения заранее не создается и формируется каждый раз заново, что можно считать своего рода «человеческой» логикой. Иначе говоря, программирование от машинного подхода («от машины к человеку») двигается к идее человеческого способа решения задач («от человека к машине»).

Представляется, что на заре криминалистической алгоритмизации учеными-криминалистами было выбрано не совсем верное направление развития данной концепции, что к настоящему времени привело к описанным выше негативным последствиям. Несмотря на вполне очевидную важность и значимость алгоритмизации деятельности следователя необходимо также уделять внимание и фундаментальной основе такой деятельности – мышлению следователя, актуальное предложение о необходимости его криминалистического понимания было выдвинуто Н. П. Яблоковым[1].

Именно характеристиками мышления во многом определяется как точность реализации криминалистических алгоритмов, так и общие эффективность и результативность расследования. Деятельность следователя, как и любого другого познающего субъекта, является производной от его мышления, при этом «криминалистическое мышление не сводится к простому переструктурированию имеющихся сведений, но позволяет воссоздать и предвосхитить будущий результат наступления того или иного события, определить дальнейший вектор в деятельности по расследованию преступлений»[2].

---

[1] *Яблоков Н. П.* Некоторые проблемы криминалистики в свете сегодняшнего дня // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Междунар. научн.-практ. конф., приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 г.). М., 2014. С. 116.

[2] *Соколов А. Б.* Криминалистическое мышление: понятие и содержание // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4. С. 71.

Несмотря на то что механизмы мышления человека зачастую считаются неалгоритмичными, областью исследования «человеческой» психологии, а не машинной, формальной логики, их изучение представляется вполне возможным, в том числе с привлечением инструментария «машинного» программирования. Понимание механизмов мышления, в свою очередь, позволит формировать определенные благоприятные установки когнитивного характера. Использование российской криминалистикой когнитивного подхода в исследованиях позволит обеспечить реальный «поворот» как к изучению особенностей индивидуальной деятельности отдельного следователя (как индивидуального человека), так и некой коллективной сущности (коллективный следователь). Ю. В. Сокол правильно отмечает, что «следователь должен изучаться представителями криминалистической науки в целостности его физических, когнитивных, социально-психологических, культурно-исторических и других качеств под углом зрения готовности к применению криминалистического арсенала средств борьбы с преступностью, обеспечивающих оптимальное достижение задач раскрытия и расследования преступлений»[1]. Разумеется, приоритет в изучении личности следователя должен отдавать именно когнитивным (познавательным) качествам, поскольку именно они являются основным детерминантом компетентности следователя. Соответственно, «программирование» мышления следователя является не менее важным, чем программирование его деятельности. «В конечном итоге, криминалистика должна учить мыслить определенным образом, или, точнее, система знаний, сосредоточенная в криминалистике, призвана служить для построения умозаключений, совершения мыслительных операций, необходимых для организации деятельности следователя в сфере познания совершенного преступления»[2].

На наш взгляд, помимо достижений гуманитарных наук (в основном, разумеется, когнитивной психологии) в формировании точной модели следственного мышления нельзя обойтись без результатов научных разработок математических и технических наук. Независимо от уровня личной саморефлексии, любой человек при принятии решений использует ряд механизмов логического и математического характера, таких как оценка вероятностей, формальной убедительности. Ряд ког-

---

[1] *Сокол Ю. В.* Кризис отечественной криминалистики: моногр. Краснодар, 2017. С. 223.

[2] *Холопов А. В.* Системное мышление в криминалистике // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2016. С. 254.

нитивных искажений также основывается на ошибках не психологического, а именно формально-логического характера. Соответственно, для разработки основ системы криминалистического мышления могут быть пригодны определенные методы и инструментарий «машинного мышления». Синергия принципов организации человеческого и машинного подхода к решению задач может стать тем инструментом, который позволит решать сложные задачи расследования, недоступные криминалистическим алгоритмам. Упомянутая выше идея «от человека к машине» позволит в перспективе формировать и оптимизировать качества операционно-ориентированной личности следователя, наделить даже среднего специалиста набором мощных средств для решения большинства стоящих перед ним задач. «Фундаментальная теоретическая база и создание единого стройного учения о криминалистическом мышлении, присущие российскому подходу, помогут обозначить направления в обучении и особенности формирования криминалистического мышления в ходе этого процесса»[1]. Однако разработка прикладной концепции формирования следственного мышления требует качественного изменения процесса подготовки будущих следственных кадров и повышения квалификации действующих сотрудников следствия.

Основными характеристиками следственного мышления следует считать его ситуационную динамику, ускорение и инерцию, нелинейную последовательность, рациональную критичность.

Структуру мышления следователя необходимо формировать исходя из его задач, основной из которых является трансформация разрозненной вероятной информации в достоверные и достаточные доказательства по уголовному делу. Такая структура, на наш взгляд, имеет уровневую характеристику и включает в себя следующие содержательные элементы.

1. На базовом уровне – моральные, ценностные установки, юридическое мировоззрение, рациональное критическое восприятие действительности.

2. На уровне восприятия ситуационных состояний расследования – анализ сложившейся следственной ситуации, ситуационное мысленное моделирование, выдвижение следственных версий и их проверка путем определения логических следствий и сопоставления последних с уже выявленными обстоятельствами расследуемого уголовного дела.

---

[1] *Волчецкая Т. С., Шамшиев П. А., Краснов Е. В.* Российский и американский подходы к изучению феномена «криминалистическое мышление» // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Калининград, 2013. Вып. 9. С. 99.

3. На прикладном уровне криминалистического мышления располагаются механизмы принятия следственных решений, распознавания следственных ошибок, определения необходимых тактических приемов и комплексов, планирования расследования.

Инструментальное наполнение криминалистического мышления формируется логическими, эвристическими и интуитивными информационно-поисковыми и познавательными операциями. Разумеется, окончательная формализация указанных атрибутов мышления следователя в настоящее время представляется невозможной в силу отсутствия методов количественного измерения факторов, определяющих внешние проявления мыслительной деятельности следователя. Однако в будущем это может оказаться вполне возможным: уже разрабатывается комплексная биологическая и математическая модель принятия решений[1], полным ходом идет изучение интуиции[2].

В заключение следует еще раз подчеркнуть важность предложения Н. П. Яблокова о разработке цельной последовательной концепции криминалистического мышления, при этом такая разработка возможна в двух отдельных направлениях: дидактическом и практико-ориентированном.

---

[1] *John R. Anderson, Jon M. Fincham.* Discovering the Sequential Structure of Thought // Cogni-tive Science, 2013. 1–31.

[2] *Сакович Д. В.* Алгоритм пошаговой психологической технологии использования интуиции в деятельности следователя // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 4. С. 21.

*А. А. БЕЛЯКОВ**

Становление криминалистического взрывоведения как пример формирования криминалистических учений и теорий

Теоретические исследования в криминалистике, как и в других прикладных науках, проводятся в целях продуцирования и формулирования идей, построения концепций, разработки дефиниций основных понятий, осуществления их классификаций и создания иных идеальных

---

* Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Уральского государственного юридического университета.

продуктов научного творчества. Эти продукты создают базу для разработки методик, информационных, материально-технических систем и многого другого, рассчитанного на практическое использование, но создаваемого не в рамках теории или учения, а в процессе исследований прикладного характера, реализующих достижения теоретической мысли. Поэтому было бы, по меньшей мере, не корректно включать в содержание частного криминалистического учения или теории приемы, средства, методы поиска и исследования различных объектов, например, взрывотехнических. Те же авторы, которые склонны это делать, по нашему мнению, не проводят различия между теорией криминалистики и тем, что называется отраслями, разделами курса криминалистики. Между тем такое различие очевидно. Криминалистические трасология, баллистика, взрывотехника и прочие подсистемы криминалистики, которые принято называть ее отраслями, представляют собой такие интегративные системы научного знания, которые соединяют результаты и теоретических, и прикладных исследований. Все же то, что имеет основание претендовать на статус теории или учения, выносится за скобки прикладных разделов криминалистики (криминалистической техники, криминалистической тактики, криминалистической методики расследования преступлений), поскольку должно находиться там, где и положено, т. е. в системе теории криминалистики.

Думается, что одним из факторов, сдерживающих дальнейшее развитие теории криминалистической взрывотехники, является допускаемое в литературе смешение предмета данной области криминалистики и предмета судебной взрывотехнической экспертизы.

Между указанными областями научного знания существует тесное взаимодействие. Однако «взаимодействие» наук отнюдь не выражает «сводимость» одной науки к другой или поглощение науки другой наукой. Взаимодействующие науки пополняют друг друга, взаимно корректируют свои результаты, и познаваемый объект предстает во всей своей полноте и многогранности[1].

Судебная экспертиза, как целостная система, объединяет входящие в нее составные элементы: научные основы каждой предметной судебной науки, теории отраслевых знаний, лежащих в основе каждого вида судебной экспертизы. Причем общая теория судебной экспертологии является формой достоверного научного знания о закономерностях и методологии формирования и развития научных основ судебных экспертиз. «Научные основы каждой предметной науки используются для решения задач, возникающих перед судебными экспертизами в тех

[1] *Чепиков М. Г.* Интеграция науки. М., 1975. С. 145.

действующих организационных и правовых формах, которые обеспечивают научную обоснованность и достоверность заключений судебных экспертов»[1].

Специалистами в области взрывотехнических экспертных исследований сделано многое из того, что позднее было необоснованно притянуто в криминалистику.

Поэтому дальнейшему развитию взрывотехнического аспекта теории выявления и расследования преступлений, совершаемых с применением ВВ и ВУ, будет способствовать четкое отграничение предмета криминалистической взрывотехники от предмета взрывотехнической экспертизы.

Криминалистическую технику, как раздел криминалистики, определяют как совокупность теоретических положений и практических рекомендаций для разработки и применения технических средств в целях обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, накопления и передачи криминалистической информации о расследуемом преступлении, а также технических средств и способов предупреждения преступных посягательств[2].

Видимо, с этих позиций, руководствуясь принципом «от общего к менее общему», и следует подходить к криминалистической взрывотехнике, рассматривая ее как одну из составляющих теории выявления и расследования преступлений, связанных с применением ВВ и ВУ. Данная теория может быть определена как криминалистическое взрывоведение в узко смысловом значении этих слов. В данном случае мы воспользовались терминологией других авторов (В. М. Плескачевский, А. А. Топорков, В. А. Ручкин), которые ввели понятие криминалистическое взрывоведение в употребление, считая, что оно более точно отражает смысл, содержание и назначение той реалии, которую принято определять криминалистической взрывотехникой. Однако мы вкладываем в него более широкое содержание, поскольку это понятие, на наш взгляд, как нельзя точно соответствует сути и теории выявления и расследования преступлений, совершаемых с применением ВВ и ВУ, и более широкой системы, элементом которой она является, – теории выявления и расследования всех преступлений, связанных со взрывами.

Под техникой понимается совокупность средств, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания непроизводственных потребностей общества. Основное назначение техники –

---

[1] *Винберг А. И., Малаховская Н. Т.* Судебная экспертология. Волгоград, 1979. С. 5–8.

[2] *Ищенко Е. П.* Криминалистика. Краткий курс. М., 2003. С. 17.

полная или частичная замена производственных функций человека с целью облегчения труда и повышения его производительности. Нередко термин «техника» употребляется для обозначения совокупной характеристики навыков и приемов, используемых в каком-либо деле[1].

Производство криминальных взрывов, как и многие другие виды и общественно опасной, и общественно полезной деятельности, имеет наряду с другими компонентами еще и технический аспект. Несомненно и то, что со средствами, знаниями, навыками технического порядка самым тесным образом связана деятельность служб спасения, специалистов в области взрывного дела и ликвидации последствий взрывов, а также деятельность правоохранительных органов и спецслужб, работающих со следами, последствиями взрывов и взрывоопасными объектами. Взрывотехника – это то, с применением чего производится взрыв, а также те приборы, устройства, оборудование, механизмы, которые применяются при работе (обнаружении, изъятии, транспортировке и др.) с взрывоопасными объектами, следами и последствиями взрыва.

Взрывотехнические знания, навыки, приемы – это атрибуты специалиста как практического взрывоведа, определяемого как взрывотехник. Такой специалист может привлекаться к участию в оперативно-розыскных мероприятиях и следственных действиях, выступать в роли консультанта лиц, осуществляющих расследование. Ему также может быть поручено проведение взрывотехнической экспертизы. В отличие от него, следователь, расследующий преступление, связанное со взрывом, не является взрывотехником, хотя и занимается в данном случае взрывоведением как системой, соединяющей в одно целое технико-криминалистический, организационно-тактический и методико-технологический аспекты в едином процессе следственного познания.

Понятие «взрывоведение» соответствует семантике корневого слова «ведение» – знать, вести, производить, осуществлять[2]. Кроме того, это понятие органично выстраивается в ряд широко употребляемых в криминалистике понятий типа автороведения, почерковедения, документоведения, оружиеведения, орудиеведения, являющихся специфической интерпретацией, конкретным выражением общей категории «следоведение». В данном контексте под следоведением понимается деятельность, нацеленная на обнаружение, отработку следов, овладение, проверку и использование содержащейся в них информации. «Практический следовед – это лицо, осуществляющее, ведущее предварительную (доследственную) проверку, оперативную разработку информации

[1] Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1337.

[2] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1973. С. 67, 71.

о преступлении, ведущее следствие, расследование по уголовному делу, экспертное исследование, судебное разбирательство. Ученый же, осуществляющий научное исследование проблем практического следоведения, – субъект теоретического следоведения»[1].

Таким образом, как интегративная система, как отрасль криминалистики, сориентированная на практические потребности, криминалистическое взрывоведение аккумулирует результаты рассмотрения комплекса не только теоретических, но и прикладных вопросов технико-криминалистического, тактико-криминалистического и методико-криминалистического характера. Все это и позволяет нам присоединиться к мнению о том, что соответствующим содержанию и назначению рассматриваемой отрасли криминалистики как системы научного, практического и дидактического знания будет определение ее не криминалистической взрывотехникой, а криминалистическим взрывоведением[2].

Понятие «криминалистическое взрывоведение», что вполне очевидно, имеет несколько значений. Все зависит от того, в каком смысле и контексте оно употребляется, какой объект характеризуется им. О криминалистическом взрывоведении можно говорить в смысле темы учебного процесса в курсе криминалистики, темы научных криминалистических исследований, а также в смысле характеристики и одного из направлений, одной из сфер уголовно-процессуальной практики.

Если теорию криминалистики рассматривать как систему знаний о том, как выявлять и расследовать самые различные преступления, то теорию криминалистического взрывоведения допустимо характеризовать как систему знаний о том, как выявлять и расследовать преступления, связанные со взрывами. Речь в данном случае идет о соотношении целого и части, множества и подмножества, класса (рода) и вида. В точно таком же соотношении находятся общая и другие частные криминалистические теории.

Общая теория криминалистики представляет систему мировоззренческих принципов данной науки, теоретических концепций, категорий и понятий, методов и связей, определений и терминов, отражающих предмет криминалистики в целом, в то время как каждая частная теория отражает какой-то отдельный элемент или группу элементов целостной системы предмета науки[3].

---

[1] *Образцов В. А.* Проблемы криминалистической систематики // Южно-Уральские криминалистические чтения. Уфа, 2000. № 8. С. 12.

[2] *Топорков А. А.* Проблемы совершенствования традиционных, разработки и внедрения новых криминалистических концепций, методов, рекомендаций: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 18.

[3] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. М., 1997. Т. 1. С. 5, 41, 48.

В свете этого становится понятным, что общая теория криминалистического взрывоведения включает в свое содержание определения основных понятий, принципы, подходы, теоретические построения, классификация изучаемых и создаваемых объектов как систему положений, одинаково важных для всех случаев практического уголовно-процессуального познания и доказывания при выявлении и расследовании преступлений, связанных со взрывами.

Что же касается частных теорий криминалистического взрывоведения, входящих в качестве элементов в его особенную часть, то они могут быть определены как системы знаний того же порядка, но более низкого уровня, отражающие специфику тех сфер уголовно-процессуальной деятельности, на которые распространяется их объективно-предметная компетенция.

Особенностью частных теорий в контексте настоящего исследования (учения о выявлении и расследовании различных видов преступлений, свя-занных с применением ВВ и ВУ; учения о выявлении и расследовании отдельных видов преступлений, связанных с применением ВВ и ВУ; учения о расследовании преступлений, связанных со взрывами техногенного характера и др.) является то, что в их содержание включаются положения, дающие описание, обоснование, объяснение своеобразия закономерностей, характерных для отдельных групп и видов рассматриваемых преступлений, а также для технологии, средств и методов их выявления и раскрытия.

*В. В. БИРЮКОВ**

Алгоритмизация в условиях информатизации: современные резервы оптимизации расследования

Человек всегда стремился к совершенствованию своей деятельности, к качественному и быстрому разрешению стоящих перед ним задач. В каждой конкретной жизненной ситуации, это зависело и зависит от комплекса знаний, которыми обладает исполнитель (исследователь), а также имеющегося в его распоряжения научно-технических средств. Таким образом в обеспечении, а соответственно, и оптимизации любой сферы деятельности человека, включая и деятельность по расследова-

* Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

нию преступлений, можно выделить две составляющие: знания и техническую вооруженность.

Совершенствование знаний как, впрочем, и научно-технических средств базируется на знаниях, полученных и осмысленных предшествующими поколениями, опыте их применения на практике, современных знаниях и опыте, а также задачах на разрешение которых эти знания нацелены. Это в полной мере относится к технологиям и научно-техническим средствам. Таковые создает человек с целью совершенствования какого-либо направления своей деятельности, расширения границ познания. НТС являются продуктом человеческой мысли. Причем создание сложнейших устройств, в число которых можно отнести компьютерную технику, стало возможным благодаря развитию научной мысли и наличию соответствующей технической базы, относительно простых технологий и устройств.

Вполне предсказуемо, что информатизация общества, активно вторгающаяся во все сферы нашей жизни, не смогла оставить в стороне и такую ее разновидность, как расследование преступлений. Потенциал же компьютерных технологий, в каждой конкретной сфере, нередко ограничивается не столько техническими возможностями НТС и операционных систем, сколько качеством прикладного программного обеспечения и исходной информации которую предполагается обрабатывать с их помощью. Созданные человеческим гением, НТС призваны оказывать помощь человеку в разрешении стоящих перед ним задач. При этом только компьютер взял на себя часть функций его мозга. Но и компьютерная техника, и присущие ей технологии работы с информацией, являясь продуктами человеческой мысли, всецело зависят от него. Человек разрабатывает алгоритмы и реализует их в программном обеспечении, задавая принципы, порядок обработки и формы представления информации. От него в полной мере зависит объем и качество информации баз и банков данных, которую предстоит обрабатывать компьютеру. «Компьютер не изменяет заложенную информацию по своему усмотрению, а выполняет четкие инструкции, заданные программистом»[1]. Таким образом, информатизация, влияя на интенсификацию работы, берет на себя лишь часть функций человека. Компьютер выступает в качестве электронного помощника следователя, но никоим образом не подменяет его. Он может выдавать знания в виде рекомендаций по тактике производства следственного действия, предлагать к использованию тактические приемы, но он не может их

[1] *Литвинов В. А.* Информационные технологии в юридической деятельности: учеб. пособие. Стандарт третьего поколения. СПб., 2013. С. 19.

применять самостоятельно. Применение рекомендаций, полученных из баз данных ЭВМ, представленных в виде алгоритма (приема), − задача конкретного следователя, оперативного работника, эксперта.

Сегодня компьютерные технологии оказывают существенное влияние на автоматизацию учетно-регистрационной деятельности, цифровая фотография практически полностью вытеснила пленочную, а стоявшие еще два десятилетия назад на столах следователей пишущие машины, уступили место компьютеру. Однако еще рано говорить об их полномасштабном влиянии на практику расследования. В первую очередь сказанное относится к использованию их возможностей для реализации достижений криминалистической методики и тактики. А ведь именно в методиках комплексно реализуются достижения криминалистики и практики расследования. Впрочем, и здесь проблема кроется не в технике, а в наличии качественного материала, который должна обрабатывать эта техника.

Более чем полсотни лет оптимизацию процесса расследования многие ученые и практики связывают с алгоритмизацией. Заметим, что нацеленные на совершенствование расследования преступлений алгоритмы всецело зависят от сложившейся ситуации. От задачи, на разрешение которой они ориентированы, от ее исходных условий. При этом сами алгоритмы представляя систему знаний по разрешению какой-либо проблемы в определенной ситуации являются эффективными при разрешении частных, относительно небольших задач.

В контексте сказанного заметим, что оппоненты алгоритмизации говоря о нецелесообразности таковой в расследовании, нередко в качестве аргумента ссылаются на математические алгоритмы, указывая на гарантированность их результата. При этом за пределами их внимания остается очевидное – математика одна из самых абстрактных наук и ее идеи и разработки реализуются в других науках, областях знаний и практической деятельности человека. В тех же областях, где на смену абстрактному приходит конкретное применение знаний, оформленных в виде алгоритмов далеко не всегда обеспечивает 100 % гарантии успеха. Возникает необходимость их адаптации к конкретным условиям. Алгоритмизации поддаются решения частных задач, в относительно же емких, а тем более глобальных задачах, когда условия каждой последующей зависят от результатов предшествующей, предложить жесткие алгоритмы их решения изначально достаточно сложно. Любой алгоритм всегда привязан к условию. При этом эффективность его применения зависит непосредственно от профессиональных знаний и качеств применяющего, от умения адаптировать инструментарий, к конкретным ситуациям, для разрешения конкретных задач.

Расследование преступления происходит через познание его составляющих – от частного к общему, в условиях постоянной смены ситуаций под воздействием информации. А. С. Шаталов конструктивно замечает: «…В процессе расследования преступлений следователь сталкивается с огромным многообразием следственных ситуаций, которые необходимо адекватно воспринять, правильно оценить и грамотно разрешить»[1]. Таким образом, достижение цели расследования преступления происходит через разрешение значительного числа задач частного характера, нацеленных на установление объектов, фактов и обстоятельств. Задач, связанных с поиском преступника, свидетелей и потерпевших, материальных следов и объектов, которыми они образованы, а также других обстоятельств, способствующих восстановлению истинной картины события преступления и роли каждого объекта в этой сложной системе. При этом ситуативный характер носит, как весь процесс расследования, так и процессы, связанные с решением конкретных составляющих его задач, более низкого уровня. Задач, разрешаемых в ходе конкретных следственных действий, экспертиз или оперативно-розыскных мероприятий. Их эффективность во многом зависит от применяемых при их производстве тактических приемов. Следовательно, предложить один общий алгоритм для достижения цели расследования по всему уголовному делу, следственному действию или определенной системе таковых в сочетании с оперативно-розыскными мероприятиями с одной стороны задача достаточно емкая и даже можно сказать невыполнимая, с другой ее можно выразить определением высокого уровня абстракции, указав основные черты присущие данной деятельности. В контексте сказанного отметим, что поэтапная изменчивость условий емких задач предполагает некую вариантность выбора алгоритма по разным делам, в которых даже при однотипных исходных данных, последующие могут существенно различаться. Однако кропотливый анализ указанных категорий всегда делает возможным представить их в виде совокупности взаимосвязанных систем более низкого уровня, а соответственно и определить условия задач такого же уровня. Задач, разрешение которых становится возможным путем применения определенных тактических приемов. Причем нередко приемы, сориентированные на решения относительно простых задач, обладают универсальными качествами и могут быть применимы для установления определенных обстоятельств при производстве следственных действий в ходе расследования различных преступлений. Та-

[1] *Шаталов А. С.* Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. М., 2000. С. 25.

кое положение создает условие применения тактических приемов, следователями обладающими достаточным уровнем профессиональных знаний и опыта, по аналогии.

Разумеется, при разработке рабочих алгоритмов можно пойти по проторенному пути, предлагаемом в современных учебниках криминалистики, пособиях и методических рекомендациях, ограничившись несколькими типовыми ситуациями и алгоритмами по их разрешению. Однако следователь имеет дело не с абстрактными, а с конкретными ситуациями. И то, от чего можно абстрагироваться в науке, на практике может сыграть ключевую роль в установлении определенных обстоятельств и привести к ошибке или наоборот к раскрытию преступления. Напрашивается вывод о необходимости разработки алгоритмов по отношению к различным ситуациям, выходящим за пределы типовых. «В идеале алгоритм расследования преступления должен содержать все средства решения возникающих в ходе следственной деятельности задач, начиная с момента возбуждения уголовного дела и кончая алгоритмом составления обвинительного заключения»[1], – говорит Е. П. Ищенко. Детализация задач в свою очередь неизменно приведет к увеличению числа алгоритмов по их разрешению. И путь к таковой один – кропотливый анализ и синтез практики расследования, складывающихся задач и путей их разрешения.

Таким образом, расследование можно представить дискретно, как поэтапное решение множества локальных, но взаимосвязанных задач, результаты которых непосредственно влияют на достижение общей цели. Это диктует необходимость разработки алгоритмов по разрешению задач разного уровня, что связано с обработкой и систематизацией значительных объемов информации в рамках даже одного вида методик. При таком подходе и количество ситуаций, и количество алгоритмов может разрастаться до бесконечности. Также существует риск, что даже известные алгоритмы в нужный момент не будут истребованы и, соответственно, не смогут принести пользы. Именно здесь нам на помощь приходят компьютерные технологии. Эффективный поиск необходимых знаний, в том числе алгоритмов, становится реальностью благодаря информатизации расследования. Е. П. Ищенко и Н. Б. Водянова обоснованно утверждают: «Создание и выбор криминалистических алгоритмов наиболее целесообразны на компьютерной основе,

---

[1] *Ищенко Е. П.* Алгоритмизация следственной деятельности: методологические основы // Актуальные проблемы следственной деятельности: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 29.

ибо реализация этой идеи представляет собой достаточно трудоемкую задачу»[1].

Здесь следует заметить, что при условии интеграции знаний в единую систему, на определенном уровне, происходит переход их количества в качество. Как отмечалось ранее, это становится возможным благодаря тому, что в расследовании значительного числа различных преступлений следователю приходится решать подобные, частные задачи, направленные на установление подобных, а иногда и тех же объектов, проявлявшихся при совершении других преступлений. Для решения таких задач программа использует данные, собранные не только в процессе расследования данного вида или группы преступлений, но и любых других, в которых совпадают условия или иные составляющие.

В контексте рассматриваемого нельзя не упомянуть, что алгоритмы, заложенные в основу программного продукта ориентированы на выработку алгоритмов расследования применительно к ситуациям. И если условием создания качественных алгоритмов расследования является содержание баз и банков данных, то условием качественной обработки этих данных является содержание базы знаний, заложенной в соответствующую программу. Разумеется, базы данных ситуаций и алгоритмов должны быть открытыми для пополнения, а базы знаний прикладных программ – гибкими и обучаемыми.

Рассмотренное выше дает основание сказать следующее:

алгоритмизация представляет реальный резерв оптимизации расследования;

благодаря компьютерным технологиям, составляющим основу информатизации, появилась возможность составления алгоритмов в режиме реального времени;

работа информационных систем, предлагающих следователю алгоритмы по разрешению конкретных задач расследования, должна базироваться на реальных данных расследованных и расследуемых преступлений, а систему их логической обработки составлять знания, извлекаемые из теории и опыта расследования;

базы данных должны быть открытыми для пополнения и корректировки, а базы знаний – для машинного обучения;

компьютер выступает в качестве «электронного помощника» следователя, но не заменяет его;

применение рекомендаций, предложенных компьютером в виде алгоритма, − задача следователя, оперативного работника, эксперта.

---

[1] *Ищенко Е. П., Водянова Н. Б.* Алгоритмизация следственной деятельности: моногр. / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2010. С. 72.

В заключение скажем, что алгоритмизация, базирующаяся на информатизации, создает реальные условия в оптимизации работы следователя. Результаты же использования конкретных алгоритмов в конкретных условиях непосредственно зависят от следователя, его интеллекта, коммуникабельности, профессиональных знаний и опыта. Для грамотного, инициативного сотрудника алгоритмы являются уникальным подспорьем, для малограмотного и безынициативного – бесполезными советами.

*Т. П. БИРЮКОВА**

Значение информации о внешности человека в расследовании преступлений

Расследование преступлений – процесс многогранный, использующий самые разнообразные способы собирания информации, которая также может находиться на различных носителях информации – как на материальных объектах, так и в памяти человека. Особенностью последней является то, что возможность ее обнаружения и запечатления обусловлена визуальным восприятием. Такая информация может быть запечатлена в большинстве случаев в памяти человека – о его действиях, например, или вообще о внешнем облике человека.

То, что любой человек однажды воспринял, подобно снимку фотокамеры, хранится в его памяти. Но, в отличие от фотоснимка или информации, зафиксированной при помощи видеокамер, воспринимаемая человеком информация носит все же более объемный характер, хотя и не лишена субъективного восприятия и оценки.

Встречая ежедневно знакомых, мы сравниваем реально зрительно воспринимаемый в данный момент облик человека с тем, который хранится уже в нашей памяти в результате ранее воспринятой информации, связанной с этим человеком, а точнее, с его внешним обликом, т. е. по сути, не задумываясь даже об этом, мы проводим идентификацию.

Однако применительно к правоохранительной деятельности, проводимым следственным действиям, оперативно-розыскным мероприятиям, или иным задачам, связанным, например, с охраной общественного порядка, такого «бытового» подхода оказывается недостаточно. И здесь на помощь сотрудникам правоохранительных органов прихо-

* Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

дит отрасль криминалистической техники – габитоскопия, основной задачей которой является разработка и совершенствование криминалистического учения о признаках внешности человека и использование их в борьбе с преступностью.

Установлено, что каждый человек имеет индивидуальную, неповторимую внешность. Несмотря на изменения на протяжении всей жизни (человек растет, стареет, болеет, меняет черты внешности искусственно, например, прибегая к услугам пластических хирургов, косметологов и т. д.), черты его внешности остаются относительно устойчивыми. Определенная изменчивость внешности человека не препятствует ее использованию в криминалистической деятельности, поскольку науке известны закономерности ее трансформации.

Надо сказать, что научные методы отождествления человека стали использоваться лишь во второй половине XIX в. и начало их развитию было положено разработкой так называемого антропометрического метода идентификации личности и словесного портрета, «отцом» которых в мировой полицейской практике считается служащий французской полиции Альфонс Бертильон, который разработал систему классификации, основанной на измерении и словесном описании различных частей человеческого тела в целях уголовной регистрации и отождествления.

Понятно, что проблемами отождествления личности по чертам внешности правоохранительные органы занимались и раньше, но решались они очень далекими от науки методами. Исходя из того, что для идентификации человека по признакам внешности особое значение имеют те приметы, которые легко обнаружить и по которым безошибочно можно было бы получить любую информацию о нем, на протяжении длительного существования человечества для этой цели создавались искусственные предпосылки для идентификации. Формирование таких искусственных примет чаще всего происходило путем уродования – вырывание ноздрей, отрубание конечностей, клеймение каленым железом, нанесения татуировок и др.

Однако в современном обществе такие методы давно перестали быть приемлемыми.

Внешний вид человека определяется как совокупность сведений о нем, воспринимаемые визуально. Такие сведения используются в процессе расследования преступлений, в частности, для:

розыска неустановленных лиц, скрывшихся с мест нераскрытых преступлений, если есть информация об их внешности;

розыска установленных лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования или суда, или совершивших побег из места отбывания наказания;

розыска без вести пропавших;

идентификации живых лиц, которые не могут сообщить о себе сведения, или неопознанных трупов.

Главными свойствами признаков внешности человека, позволяющими использовать их в практике расследования преступлений, как известно, является индивидуальность, относительная устойчивость и рефлекторность.

Необходимость и целесообразность использования признаков внешности в борьбе с преступностью вызвана рядом факторов. Среди таковых на первое место можно поставить сложность сокрытия их для преступника и доступность восприятия для наблюдавших. Таким образом, при совершении значительного числа преступлений существует реальная возможность их восприятия и запоминания очевидцами. Даже, если преступник использует различные средства для маскировки определенной части своего тела, скрыть все просто нереально. Например, скрывая под маской лицо он не может скрыть рост и другие элементы внешности – руки, ноги, одежду, походку, жестикуляцию, голос и др. Наряду с положительными, есть и факторы, влияющие на сложность их использования. Далеко не всегда существует вероятность встречи в будущем наблюдавшего с тем, кого ему пришлось наблюдать, а соответственно, и, установление личности преступника по признакам внешности существенно усложняется.

Как справедливо отмечает А. С. Бакотин, «…розыск каждого конкретного человека эффективен только в том случае, если будут задействованы все субъекты проведения розыскных мероприятий…»[1].

С целью привлечения к розыску значительного числа сотрудников правоохранительных органов, организации их целенаправленной деятельности, информация о признаках внешности разыскиваемых должна быть получена от лиц, зрительно воспринимавших определенный объект (живое лицо) и его действия, зафиксирована в доступной и удобной форме и передана им. В ряде случаев к розыску привлекается общественность и сотрудники различных предприятий, учреждений фирм и просто граждане. Не будет преувеличением сказать, что с расширением круга лиц, обладающих информацией о разыскиваемом, значительно возрастает вероятность их узнавания, и впоследствии отождествления.

---

[1] *Бакотин А. С.* Оперативно-розыскная деятельность: учеб. пособие. М., 2006. С. 49.

Как отмечает В. А. Снетков, «…эффективность использования информации о внешнем облике человека в розыскной, следственной и экспертной работе во многом зависит от источников получения такой информации…»[1].

Следует отметить, что благодаря повсеместному внедрению в нашу жизнь современной техники, которая без сомнения оказывает положительное влияние не только на нашу жизнь вообще, но и способствует более эффективному получению информации при расследовании преступлений.

Существенную помощь в данном случае могут оказать современные технологии автоматического распознавания образов, которые все чаще используются в комплексе с видеорегистраторами.

Широкое распространение фотографии и видеозаписи создали уникальные условия их использования для фото и видеофиксации людей и обстановки в местах возможных проявлений разного рода конфликтов, в том числе преступлений.

Сегодня камерами видеонаблюдения и видеорегистраторами все чаще оборудуются различные охраняемые объекты, торговые точки и комплексы, дома и квартиры граждан и даже личные автомобили. Такое положение создает реальные условия использования запечатленной в них информации для розыска и идентификации лиц по признакам внешности. Содержание полученных с их помощью изображений, как правило, включает случайные объекты, попавшие в поле зрения устройства фиксации. Однако они могут оказать существенное влияние на установление ряда обстоятельств в процессе расследования преступлений, в том числе установления конкретных участников и выяснения характера произведенных ими действий.

Значительное количество видеорегистраторов работает в пассивном режиме и просто фиксирует видеофрагменты в реальном времени. Поэтому целесообразно знать, что особенностью работы регистраторов является то, что записи в их памяти длительное время не хранятся. В зависимости от объема памяти интервал сохранности фрагмента может быть от нескольких часов до нескольких суток, так как запись производится по кругу путем замещения фрагментов в устройстве памяти. Причем далеко не во всех регистраторах используются сменные носители информации с большими объемами памяти. О таких особенностях

---

[1] *Снетков В. А.* Криминалистическое учение о внешнем облике человека // Демократия и право развитого социалистического общества: материалы Всесоюзной науч. конф. (21–23 ноября 1973 г.) / отв. ред. А. И. Денисов, Г. В. Иванов, Г. А. Кригер. М., 1975. С. 392–393.

видеорегистраторов необходимо всегда помнить – реальность изъятия видеофрагмента с необходимой информацией определяется периодом возможной перезаписи. Следовательно, таковые должны быть изъяты и приобщены к материалам дела как можно скорее.

Наряду с пассивными, сегодня все чаще в повседневную жизнь внедряются видеорегистраторы, программное обеспечение которых позволяет активно анализировать содержание видеопотока и производить распознавание людей по лицам. Это становится особо актуальным в местах большого скопления людей – в аэропортах, вокзалах, крупных торговых центрах, в местах проведения спортивных и иных мероприятий, где велика вероятность угрозы террористических атак.

Таким образом, любое лицо, зафиксированное в видеопотоке, установочные данные на которое отсутствуют, с целью идентификации может быть проверено по массиву фотоизображений интегрированного банка данных.

Системы распознавания по лицу представляют собой разновидность компьютерных программ, в основе которых лежат алгоритмы распознавания образов. Эти программы по реализованным в них алгоритмам производят анализ, синтез и сравнение изображений лиц людей с целью решения вопроса – одно или разные лица запечатлены в двух изображениях, одно из которых используется в качестве идентификатора, второе берется из видеопотока.

Кроме того, в практике работы органов внутренних дел часто приходится сталкиваться с описанием внешнего вида человека, которое следователь получает в результате допроса конкретного человека. Часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда допрашиваемый не может конкретно описать внешность увиденного человека, однако выражает уверенность в том, что сможет опознать его по «внешнему виду». Такая ситуация не является допустимой, так как лишена объективности. В данном случае на помощь приходит метод «словесного портрета», который помогает в большинстве случаев, детализировать хотя бы некоторые индивидуальные внешние признаки интересующего лица. Поэтому бытовая терминология, которой пользуются обычные граждане в повседневной жизни – «красивые глаза», «милое лицо», «туманный взгляд» и др., – должна быть детализирована при помощи специальной терминологии. Именно за счет правильного применения специальных терминов, использующихся при составлении словесного портрета, можно более точно описать внешность человека, устранить разночтения восприятия внешности.

Однако как результаты использования специализированных программ, так и данные о внешности человека, полученные при допросе, создают лишь предпосылки для отождествления лица по признакам внешности в рамках расследования преступлений и в определенной степени сужают круг разыскиваемых лиц. Для придания статуса доказательств полученные таким образом результаты должны быть подвержены более тщательному анализу, целью которого является идентификация – предъявление для опознания непосредственно лицу, которое его наблюдало, с соблюдением требований УПК, предъявляемых к данному следственному действию, либо проведение различных видов криминалистических исследований, например портретной экспертизы.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что внешность человека индивидуальна, и от того, насколько эффективно будут задействованы знания для получения информации о ней, напрямую будут зависеть результаты расследования в целом.

*М. А. БОЙКО**

Некоторые особенности производства выемки по делам о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью

Изменения социального, экономического и политического характера, произошедшие в России за последнее двадцатилетие, повлекли за собой появление новых видов преступлений, представляющих для органов предварительного расследования особую сложность в их расследовании. К ним можно отнести и преступления, совершенные в связи с выполнением потерпевшими своих служебных обязанностей и связанные с их профессиональной деятельностью.

В подавляющем большинстве случаев данный вид преступлений совершается в отношении работников правоохранительных и таможенных органов, исполнительной и государственной власти, а также работников СМИ, в том числе журналистов, выступающих с разоблачительными публикациями по результатам собственных расследований.

* Преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.

Анализ изучения уголовных дел свидетельствует о том, что значительный процент приостановления предварительного следствия по преступлениям, совершенным в отношении журналистов[1], нередко связан с ошибками, допускаемыми правоохранительными органами при проведении предварительной проверки сообщений о преступлениях рассматриваемой категории, производстве следственных действий на других этапах расследования. Зачастую трудности, связанные с доказыванием вины и установлением связи преступления с законной профессиональной деятельностью потерпевших[2], влекут за собой неверную квалификацию содеянного и, как следствие, неверное определение методов и средств расследования.

Полагаем, своевременное и тактически грамотное проведение оперативно-розыскных мероприятий и комплекса первоначальных следственных действий, позволяющих установить наличие или отсутствие связи преступления с законной профессиональной деятельностью журналиста, позволит вовремя определить необходимые пути расследования, а тем самым повысить раскрываемость данных преступлений.

Одним из следственных действий первоначального этапа расследования преступлений, совершенных в отношении журналистов, является выемка, основания и порядок производства которой предусмотрены в ст. 183 УПК РФ. Из анализа нормы указанной статьи следует, что своей целью проведение данного следственного действия имеет изъятие предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

В криминалистической литературе уделено достаточное внимание определению понятия данного следственного действия и тактике его проведения. Мы остановимся на рассмотрении лишь некоторых особенностей производства выемки по уголовным делам о преступлениях, совершенных в отношении журналистов в связи с их законной профессиональной деятельностью.

Выемка по преступлениям рассматриваемой категории имеет определенную специфику, поскольку необходимость ее проведения обусловлена обстоятельствами, подлежащими доказыванию, а именно установлением связи преступления с законной профессиональной деятельностью потерпевшего. В этой связи своевременность производства

---

[1] Анализ данных, представленных ИЦ МВД РФ из 35 территориальных органов РФ, показал, что количество приостановленных уголовных дел по преступлениям, совершенным в отношении журналистов, составляет 62 % от общего числа возбужденных.

[2] Данное обстоятельство установлено путем анкетирования сотрудников МВД и СУ СК РФ, расследующих уголовные дела по преступлениям, совершенным в отношении журналистов.

выемки и полнота изъятых предметов и документов позволит правильно квалифицировать совершенное преступное деяние, выдвинуть и проверить следственные версии и, в конечном итоге, определить оптимальный ход всего расследования.

В первую очередь необходимо установить статус журналиста и законность его действий, послуживших, по версии следствия, поводом к совершению преступления. В этой связи полагаем, следует провести выемку следующих документов в редакции, где осуществляет свою деятельность журналист, а именно: положение о редакции, согласно которому она имеет право осуществлять законную деятельность по поиску, получению и обнародовании информации и иных действий, например, по организации телерадиотрансляций с места событий; приказ или выписка из приказа о назначении на должность журналиста; трудовой договор, согласно которому журналист принят на работу; должностную инструкцию, в соответствии с которой потерпевший выполняет свои обязанности; служебные записки, согласно которым журналист должен осуществлять свою законную деятельность в то или иное время в определенном месте (которое и могло стать местом преступления); редакционное задание, определяющее сбор и публикацию материалов, которые могли послужить поводом к совершению преступления.

Журналист или члены съемочной группы могут сами запечатлеть факт совершенного преступления, например, если преступление совершено при непосредственном исполнении обязанностей потерпевшими. В этом случае обязательному изъятию с последующим осмотром подлежат материальные носители данной информации. Это может быть диктофон, видеокамера, CD, DVD диски, фотоаппарат. Кроме того, совершить преступление можно в общественном месте, на улице, у входа в подъезд квартиры, здание редакции, где могут быть установлены видеокамеры фиксации происходящего. Данные записи подлежат обязательному изъятию у ответственной за их установку организации.

Если угрозы в адрес журналиста высказывались в виде подброшенных записок, направления писем по почте, необходимо данные документы изъять у потерпевшего в ходе выемки. Кроме того, в редакции либо у самого потерпевшего журналиста следует изымать все материалы, опубликованные или готовящиеся к публикации, которые могли способствовать совершению преступления. Так, если материал уже обнародован, то, возможно изъятие бумажных носителей информации из журналов и газет. Если материал только готовится к публикации, либо есть основания полагать о неправомерности действий журналиста по сбору той или иной информации, в первую очередь следует изъять

электронные версии его статей, для чего необходимо провести выемку электронных носителей информации. Как обоснованно указывает Н. А. Зигура, «существует электронно-цифровая форма предоставления электронных доказательств, которые относятся к таким закрепленным в УПК РФ доказательствам, как иные документы»[1]. Эти материалы могут быть признаны в силу ч. 4 ст. 84 УПК РФ вещественными доказательствами по уголовному делу, поскольку могут обладать признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ и служить средством установления некоторых обстоятельств совершенного преступления.

Выемку указанных материалов необходимо производить еще и потому, что журналист с целью сокрытия сведений о незаконности своих действий, может предпринять попытки по удалению еще не напечатанных материалов, а это приведет к необходимости в дальнейшем использования более глубоких знаний специалистов в области компьютерных технологий, чтобы восстановить эту информацию. Кроме того, подозреваемый с целью сокрытия следов преступления также легко может подвергнуть уничтожению электронные доказательства. Поэтому своевременная и правильная фиксация здесь имеет большое значение, что определяет следующие особенности собирания электронных доказательств: оперативность их собирания, участие специалиста (ч. 9.1 ст. 182, ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ), наличие специальных устройств для сбора такой информации. В качестве специалистов могут приглашаться лица, обладающие знаниями в области электронных устройств – программисты, системные администраторы, компьютерные инженеры, консультанты специализированных магазинов и т. д.

Электронные носители информации – достаточно новая разновидность вещественных доказательств, предусмотренных Федеральным законом № 143-ФЗ[2], они обладают определенной спецификой, поскольку содержатся на персональном компьютере, серверах, жестких дисках, картах памяти. К настоящему времени проведено уже немало исследований в области собирания, проверки и оценки компьютерных и электронных доказательств[3]. Однако законодатель, применяя термин

---

[1] Статья 84 УПК РФ предусматривает, что документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде.

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4332.

[3] *Ефремов И. А.* О достоверности электронных документов при осуществлении уголовного судопроизводства // Информационное право. 2006. № 2; *Зигура Н. А.* Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010; *Тульская О. В.* Некоторые проблемы ис-

«электронные носители информации», к сожалению, не раскрывает его содержание. В соответствии с п. 3.1.9 ГОСТа 2.051-2013 под электронным носителем понимается «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники»[1].

Наиболее простым способом получения содержащейся в компьютерной сети информации является выемка самого носителя информации. При этом чтобы стать доказательством по уголовному делу, изъятые данные с электронных носителей, должны быть допустимыми. В связи с этим их необходимо получать надлежащим субъектом доказывания, с помощью надлежащих способов собирания доказательств; из надлежащего источника доказательств[2]. Изъятые электронные носители информации упаковываются и опечатываются таким образом, чтобы обеспечить сохранность имеющейся в цифровой памяти информации. Для этого опечатываются все порты, слоты, входы и выходы электронного устройства, что удостоверяется подписями следователя, специалиста и понятых[3]. Уголовно-процессуальный закон допускает возможность копирования информации с электронных носителей по ходатайству законного владельца на представленные им электронные носители. Причем такое копирование в ходе производства выемки в присутствии понятых вправе осуществлять только специалист, обладающий определенным объемом знаний в области компьютерных технологий. Извлеченные на отдельный компьютер или флэш-карту данные анализируются с помощью специальной программы UFED Physical Analyzer, которая позволяет создать подробный структурированный отчет с интересующей следствие информацией[4].

Сложнее обстоит дело, если информация с угрозами в адрес журналиста поступала по электронной почте, посредством социальных сетей, мессенджеров (Skype, Viber, WhatsApp). Электронными устрой-

---

пользования электронных документов в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестн. Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 6.

[1] ГОСТ 2.051-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения (введен в действие приказом Росстандарта от 22.11.2013 № 1628-ст) // ИУС «Национальные стандарты». 2014. № 10.

[2] *Калиновский К. Б., Маркелова Т. Ю.* Доказательственное значение «электронной» информации в российском уголовном процессе // Рос. следователь. 2001. № 6. С. 18–19.

[3] *Скобелин С. Ю.* Использование специальных знаний при работе с электронными следами // Рос. следователь. 2014. № 20. С. 33.

[4] Там же. С. 31–33.

ствами, хранящими данную информацию, являются телефоны, смартфоны, компьютеры, портативные устройства GPS. В этой связи актуален вопрос, связанный с обнаружением, фиксацией, изъятием и исследованием информации, содержащейся в памяти таких устройств, а также соблюдением прав граждан на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки[1]. Как правило, потерпевшие журналисты не удаляют угрозы с того устройства, куда поступила информация, чего нельзя сказать о подозреваемых, которые либо тщательно ее вуалируют либо вовсе уничтожают.

Данную информацию возможно изъять посредством ее выемки у провайдера, собственника (владельца) сервера с интернет-ресурсом, на основании постановления следователя в соответствии со ст. 183 УПК РФ. Учитывая, что в УПК РФ отсутствует отдельная регламентация выемки сообщений, поступивших по электронной почте, полагаем возможным, основываясь на принципах обеспечения конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ), проводить указанные действия на основании судебного решения (ст. 165 УПК РФ).

К сожалению, следует констатировать, что выемка может быть произведена только в случае, если имеется возможность непосредственного доступа к электронному носителю, в том случае, если, например, сообщения пересылались посредством социальных сетей «ВКонтакте», «Мэйл.ру», «Одноклассники». Однако сервер с интернет-ресурсом может находиться на значительном удалении от места производства предварительного расследования, за пределами Российской Федерации (Фейсбук или Твиттер) либо сообщение было отправлено анонимно с использованием ремэйлеров[2], ввиду чего изъять данную информацию не представляется возможным. В этой связи при работе с такими доказательствами, как правило, представляется достаточным производство их осмотра, проводимый опосредованно, через информационно-телекоммуникационную сеть.

В заключении следует отметить, что на первоначальном этапе расследования преступлений, совершенных в отношении журналистов, одним из следственных действий, необходимым для установления связи преступления с законной профессиональной деятельностью потерпевшего, однако не всегда проводимым должным образом, является

---

[1] *Волеводз А. Г.* Противодействие компьютерным преступлениям. М., 2002. С. 159.

[2] Как отправить имейл анонимно // URL: http://ru.wikihow.com/отправить-имейл-анонимно.

выемка. В частности, в ходе расследования часто не проводится выемка важных предметов и документов: не изымаются трудовые договоры, заключенные между журналистом и редакцией, и подтверждающие его официальное трудоустройство и принадлежность к журналистской профессии; выписки из приказов о приеме на работу; записки с указанием редакционного задания; электронные носители информации, содержащие угрозы в адрес журналиста и т. д. Зачастую не проводится полная проверка законности действий журналиста при выполнении им своих профессиональных обязанностей, несмотря на то что установление связи преступления с профессиональной деятельности потерпевшего является необходимым условием правильной квалификации содеянного и определения дальнейшего хода расследования.

*В. Б. ВЕХОВ**

«Электронная криминалистика»: что за этим понятием?

В последнее время электронные следы – электронные носители и содержащаяся в их памяти криминалистически значимая компьютерная информация стали все чаще использоваться в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях различных видов. В связи с этим Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был дополнен нормами, регламентирующими порядок работы с ними[1].

Вместе с тем в настоящее время невозможно представить фотографию и видеозапись – без средств цифровой фото- и видеосъемки, документоведение – без компьютерных средств обработки и исследования документов, габитоскопию – без компьютерных средств создания субъективных портретов и восстановления прижизненного облика

* Заслуженный деятель науки и образования РАЕ, член-корреспондент РАЕ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

[1] Об этом подробнее см., например: *Вехов В. Б.* Понятие, виды и особенности фиксации электронных доказательств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. 2016. № 1. С. 155–158; *Его же.* Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства // Рос. следователь. 2013. № 10. С. 22–23.

лица по его костным останкам черепа, дактилоскопию – без средств автоматизированной обработки и идентификации следов пальцев рук, оружиеведение – без компьютерных средств исследования и идентификации следов выстрела на гильзах и пулях, криминалистическую регистрацию – без автоматизированных информационно-поисковых и аналитических систем, криминалистическое и судебно-экспертное исследование электронных доказательств – без соответствующего программно-технического инструментария.

Помимо этого, в современной криминалистике развивается также новое направление – система научных положений и разрабатываемых на их основе автоматизированных методик расследования отдельных видов преступлений, а также приемов, методов и рекомендаций по их использованию в деятельности органов предварительного расследования. Как мы писали ранее, под автоматизированной методикой расследования отдельных видов преступлений полагаем возможным понимать технико-криминалистическое средство, которое представляет собой информационную систему, базирующуюся на типовой компьютерной модели преступлений, выделяемых в отдельную группу по каким-либо криминалистическим основаниям[1].

В настоящее время в кругу ученых-криминалистов и представителей процессуальных наук ведутся дискуссии о необходимости разработки «цифровой» или «электронной» криминалистики, а также новой теории электронных доказательств[2].

К сожалению, как правильно отмечает Е. Р. Россинская, закономерности возникновения, движения и видоизменения потоков криминалистически значимой компьютерной информации, за исключением рассмотрения этих вопросов в рамках методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации, криминалистикой изучаются пока явно недостаточно. Литература на эту тему носит неупорядоченный фрагментарный характер. Возможности получения и использования подобной информации в криминалистических целях большинству сотрудникам органов предварительного расследования и судьям неизвестны и, думается, что для исследования компьютерных средств, си-

[1] *Вехов В. Б.* Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Тула, 2016. Вып. 3. Ч. II. Юрид. науки. С. 8–11.

[2] Подробнее об этом см.: Электронные носители информации в криминалистике: моногр. / И. В. Александров, Д. В. Бахтеев, В. Б. Вехов, М. С. Дунаева, В. Н. Карагодин, А. А. Корчагин, К. В. Костомаров, И. М. Комаров, Е. С. Крюкова, О. С. Кучин, Я. О. Кучина, М. Ш. Махтаев, С. В. Швец, Н. Г. Шурухнов, Е. И. Ян; под ред. О. С. Кучина. М., 2017.

стем, сетей и обрабатываемой с их помощью информации необходим особый комплекс специальных знаний[1]. В связи с чем ею предлагается новая частная теория, которая должна объединять криминалистическое исследование компьютерных средств и систем; рассмотрение в криминалистической тактике особенностей алгоритма и технологии производства следственных действий, направленных на получение криминалистически значимой компьютерной информации и служить базой для разработки новых и совершенствования имеющихся методик расследования компьютерных преступлений[2].

В целом поддерживая данную точку зрения, уточним свою позицию по данной проблематике, которая ранее была изложена в нашей докторской диссертационной работе[3].

Криминалистическое исследование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты определим как систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов, методик и рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию компьютерной информации, средств ее обработки и защиты в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Подразделим ее на следующие направления.

1. Криминалистическое учение о компьютерной информации.

2. Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей.

3. Криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты.

Криминалистическое учение о компьютерной информации – это подраздел криминалистического исследования компьютерной информации, средств ее обработки и защиты, который занимается изучением закономерностей возникновения и сокрытия электронных следов и разработкой этой основе технических средств, приемов и методов по их обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В его систему должны входить:

1) криминалистическое исследование документированной компьютерной информации (электронных документов, их отдельных рек-

---

[1] *Россинская Е. Р.* К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Тула, 2016. Вып. 3. Ч. II. Юрид. науки. С. 110.

[2] Там же.

[3] *Вехов В. Б.* Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 457–477.

визитов, в том числе динамичной и статичной электронной подписи, а также электронно-цифровых ключей);

2) криминалистическое исследование вредоносных компьютерных программ (информационно-программного оружия и следов его применения).

Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей является вторым подразделом. Он представляет собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе технических средств, приемов и методов по исследованию компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей как материальных носителей криминалистически значимой компьютерной информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В его структуре целесообразно выделить криминалистические исследования следующих видов носителей электронных следов:

1) машинных носителей информации;

2) интегральных микросхем и микроконтроллеров;

3) пластиковых карт и других комбинированных документов, имеющих электронные реквизиты;

4) компьютеров – электронных вычислительных машин (ЭВМ);

5) информационных систем;

6) информационно-телекоммуникационных сетей.

Криминалистическое использование компьютерной информации, средств ее обработки и защиты – третий подраздел. Определим его как систему научных положений и разрабатываемых на их основе специальных программно-технических средств, а также приемов, методов и рекомендаций по использованию компьютерных технологий и средств защиты информации для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Основные направления его развития состоят в применении в целях борьбы с преступностью:

1) общедоступных, а также специальных компьютерных программ и устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей, например: автоматизированных методик расследования преступлений отдельных видов; информационных систем и сетей, обеспечивающих ведение и использование розыскных, криминалистических и экспертно-криминалистических учетов; производство криминалистических экспертиз и исследований;

2) программно-технических средств защиты информации, циркулирующей в сфере уголовного судопроизводства, документов, огнестрельного оружия, боеприпасов и чужого имущества;

3) компьютерной информации, в том числе электронных документов, как доказательств по уголовным делам – электронных доказательств.

Как мы писали ранее[1], природа информации, носителями которой выступают объекты следообразования, различна. Следообразующий объект выступает носителем непосредственной, первичной информации, выражающейся в совокупности присущих ему индивидуальных и устойчивых свойств и признаков. Следовоспринимающий объект – это носитель отраженной, производной от первого объекта информации, возникшей вследствие их контакта. В результате устанавливается причинно-следственная связь между ними на основе их связи с расследуемым событием.

Но следовоспринимающий объект несет информацию не только об отражаемом объекте. Он является также носителем информации о механизме следообразования, т. е. о действиях с отражаемым объектом или самого отражаемого объекта. Эта информация передается от системы к системе при помощи каких-либо материальных носителей в виде сигнала, который является отображением сообщения и средством переноса информации в пространстве и во времени.

Сигнал может иметь самую различную физическую природу, в том числе электромагнитную. Он включает в себя содержание информации и форму информации. Отображение определенных свойств объекта или события составляет содержание сигнала. Материальная же его основа как средство отображения, хранения и перемещения служит его формой.

Следы, образующиеся при использовании преступником в качестве средства и (или) предмета преступления компьютерной информации, есть отдельная составная часть системы материально фиксированных следов. Они являются объектом поиска, фиксации, изъятия, предварительного и судебно-экспертного исследования по уголовным делам о преступлениях различных видов, а также источником собираемой и используемой в уголовном судопроизводстве доказательственной информации.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 272 Уголовного кодекса РФ под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи.

---

[1] *Вехов В. Б.* Электронные следы в системе криминалистики / В. Б. Вехов, Б. П. Смагоринский, С. А. Ковалев // Судебная экспертиза. Волгоград, 2016. Вып. 2. С. 10–19.

Общие криминалистические признаки компьютерной информации целесообразно определить следующим образом:

1) является одной из объективных форм существования информации – электронной формой;

2) всегда опосредована через материальный – электронный носитель, вне которого физически не может существовать;

3) доступ к компьютерной информации могут одновременно иметь несколько лиц;

4) достаточно просто и быстро преобразуется из неэлектронных форм в электронную и обратно, например, при сканировании документа с бумажного носителя и последующей распечатки на бумаге его электронного образа;

5) копируется на различные виды электронных носителей и пересылается на любые расстояния, ограниченные только радиусом действия современных средств электросвязи;

6) обнаруживаются, копируются, исследуются и используются в целях уголовного судопроизводства только с помощью специальных научно-технических средств – средств поиска, сбора, хранения, обработки, передачи и предоставления компьютерной информации.

Компьютерную информацию представляется возможным классифицировать по следующим криминалистическим основаниям.

1. По юридическому положению: недокументированная и документированная. Первая – это данные, управляющие команды и сигналы, образующиеся и (или) используемые в процессе обработки информации и не обладающие признаками документа, например, логин и пароль доступа к сети Интернет или ее ресурсу, сетевой адрес, доменное имя, ключ электронной подписи. Вторая – это зафиксированная на электронном носителе путем документирования информация с электронными реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель.

2. По режиму уголовно-правовой охраны: информация общего пользования и охраняемая законом.

3. По форме представления: файл, сетевой адрес, информационная система, база данных, программа для ЭВМ (компьютерная программа), доменное имя, электронное сообщение, электронная подпись, электронный документ, электронный журнал, электронные денежные средства, сайт, страница сайта.

4. По возможности использования в качестве информационного оружия. К этой категории относится вредоносная компьютерная про-

грамма – компьютерная программа либо иная компьютерная информация, которая предназначена для несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств ее защиты (ч. 1 ст. 273 УК РФ). Она является разновидностью информационного оружия – информационно-программным оружием, которое основано на применении разрушающего программного воздействия на аппаратное, программно-математическое обеспечение, компьютерную информацию, в том числе на средства ее защиты, информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети. Фактически вредоносные компьютерные программы представляют собой программные автоматы – самодействующие в электронной среде виртуальные устройства, производящие работу по заданной преступником программе без его непосредственного участия. Они являются как предметом отдельного, предусмотренного ст. 273 УК РФ, так и средством совершения других преступлений[1].

Выделим следующие общие криминалистические признаки вредоносной компьютерной программы:

1) программа способна уничтожать, блокировать, модифицировать либо копировать компьютерную информацию или нейтрализовать средства защиты компьютерной информации;

2) программа не предполагает предварительного уведомления обладателя или пользователя компьютерной информации, компьютерного устройства, информационной системы или информационно-телекоммуникационной сети о характере своих действий;

3) программа не запрашивает согласия (санкции) у обладателя или пользователя компьютерной информации, компьютерного устройства, информационной системы или информационно-телекоммуникационной сети на реализацию своего назначения – алгоритма работы.

Отсутствие у компьютерной программы хотя бы одного из этих признаков делает ее невредоносной.

В связи с изложенным продолжение разработки названной частной криминалистической теории в современных условиях борьбы с преступностью представляется чрезвычайно актуальной.

---

[1] Подробнее см.: *Вехов В. Б.* Вредоносные компьютерные программы как предмет и средство совершения преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. 2015. № 2. С. 43–46.

*Р. К. ГИТИНОВ**

Допрос по делам о мошенничестве в сфере автострахования и перечень вопросов, подлежащих выяснению в ходе производства допросов

Как известно, по своей психологической и гносеологической сущности допрос является одним из процессуальных видов взаимодействия, межличностного общения и обмена информацией в диалоговом режиме с помощью речевых и неречевых (жестов, мимики) коммуникаций двух главных действующих лиц – допрашивающего и допрашиваемого[1].

Учитывая групповой характер совершения мошенничества в сфере автострахования, а также некоторые особенности, связанные, в частности, со сферой деятельности страховых компаний, коммерческих банков, сферы деятельности правоохранительных органов (органов ГИБДД), объективно возникает необходимость производства допроса большого количества лиц, попавших в орбиту уголовного судопроизводства по исследуемой категории преступлений, процессуальное положение которых характеризуется противоположностью их интересов, влияющих на процессуальную и тактическую сторону допроса указанных лиц. Вместе с тем эффективное решение следователем поставленных задач в ходе производства допросов различных участников уголовного процесса объективно зависит от тщательного и тактически продуманного проведения мероприятий в рамках подготовки к предстоящим допросам, к числу которых по исследуемой категории преступлений следует отнести:

анализ имеющихся материалов уголовного дела, включая результаты оперативно-розыскной деятельности;

ознакомление с результатами проверок по выявлению факта страхового мошенничества, проведенных непосредственно страховой компанией, включая результаты внутренних проверок сотрудников страховой компании, подозреваемых в совершении преступления;

---

* Стажер адвоката Московской городской коллегии адвокатов «Бюро адвокатов „Де-юре“».

[1] *Еникеев М. И., Образцов В. А., Эминов В. Е.* Следственные действия: психология, тактика, технология: учеб. пособие. М., 2011. С. 85.

ознакомление с нормативными и иными правовыми актами, регулирующими отношения в сфере имущественного страхования, а также регламентирующими деятельность работников страховой компании, органов ГИБДД (инструкции, приказы, трудовые договора и др.), что в целом обеспечит правильное ориентирование следователя в обстоятельствах совершенного преступления;

сбор и анализ максимально полной информации, характеризующей личность допрашиваемого (характеристики, справки с персональными данными, результаты проведенных допросов свидетелей, друзей, коллег по работе и др.);

определение места, времени и последовательности проведения допроса.

Применительно к расследованию деятельности преступных формирований, совершающих мошенничество в сфере автострахования, тактика проведения допросов участников преступной группы имеет ряд особенностей, которые определяются спецификой их статуса в группе и возложенных на них преступных ролей, тактических целей, решаемых следователем, системы используемых тактических приемов, а также расширенным перечнем вопросов, подлежащих выяснению в ходе производства допросов.

В круг вопросов, подлежащих установлению в ходе производства допросов исполнителей преступления – страхователей (владельцев транспортных средств), относятся следующие: когда, где и при каких обстоятельствах был заключен договор страхования; вид (ОСАГО, КАСКО) и условия договора страхования; заключались ли договоры страхования в других страховых компаниях относительно данного транспортного средства в период действия уже заключенного договора страхования; где, когда, у кого и при каких обстоятельствах было приобретено транспортное средство, интересующее следствие, а также техническое состояние автомобиля на момент его приобретения; водительский стаж допрашиваемого; обстоятельства наступления страхового случая: дата, время, место, погодные условия, наличие и обозначение дорожных знаков и др.; скорость и траектория движения автомобиля в момент столкновения; количество транспортных средств участников ДТП; характер и локализация механических повреждений транспортных средств; наличие и характер вреда, причиненного жизни или здоровью; конкретные действия каждого из участников страхового события; спустя какое время, кто, каким образом и куда сделал сообщение о наступившем страховом случае; через какое время прибыли сотрудники ДПС, работник страховой компании; кто выступал в роли

понятых-свидетелей страхового случая, а также другие ситуационные вопросы, направленные на максимальную детализацию показаний относительно всех обстоятельств происшедшего события; сотрудниками какой экспертно-оценочной организации проводился осмотр автомобиля и выдано заключение о стоимости восстановительного ремонта, кто выступал заказчиком и оплачивал проведение данной экспертизы; попадало ли ранее данное лицо в дорожно-транспортные происшествия, в том числе и при управлении другими транспортными средствами, при каких обстоятельствах; кто был признан виновником ДТП; характер и локализация повреждений транспортного средства; выплачивалось ли страховое возмещение и в каком объеме по данному страховому случаю (полный либо частичный отказ), если нет, то причины отказа выплаты и др.

В рамках производства допросов предполагаемых пособников и организатора преступной группы в круг вопросов, подлежащих выяснению, входят также следующие: кем и когда была создана преступная группа; количественный и качественный состав преступного формирования, а также ролевая дифференциация участников группы и особенности их взаимоотношений; масштабы преступной деятельности и ущерб, причиненный страховым компаниям; наличие в группе коррумпированных сотрудников правоохранительных органов, в частности органов ГИБДД (их имена, должности, звания, при каких обстоятельствах допрашиваемое лицо наблюдало их и сможет ли опознать и др.); на кого были возложены обязанности по установлению коррумпированных связей с сотрудниками органов ГИБДД, а также работников страховой компании; входили ли в состав группы непосредственно работники страховых компаний, а также экспертно-оценочных организаций (какой страховой компании, оценочной организации, их имена и должности, в чем заключались их функции в группе, при каких обстоятельствах допрашиваемое лицо наблюдало их и сможет ли опознать); когда и на каких условиях вступило допрашиваемое лицо в преступную группу и кто конкретно принимал соответствующее решение о его вхождении в группу; непосредственно ролевые функции допрашиваемого в совершении каждого преступления и в преступной группе в целом; обстоятельства, предшествовавшие совершению преступления, т. е. комплекс подготовительных мероприятий, установление которых позволит определить действительные роли каждого из соучастников преступления; установление от кого исходила инициатива совершения первого и последующих преступлений; кто непосредственно разрабатывал преступные схемы, а также распределял роли между участ-

никами группы по каждому эпизоду преступления; кто занимался непосредственно вопросами поиска и вовлечения в преступную группу новых ее участников; как происходило распределение полученной преступной прибыли (кто распределял, какие суммы, каким участникам и за какие действия); обстоятельства совершения преступления по другим эпизодам мошенничества в сфере автострахования, в которых допрашиваемое лицо не принимало участия, но о которых может сообщить следствию и др.

Особое внимание в ходе проводимых допросов участников преступного формирования в процессе расследования мошенничества в сфере автострахования уделяется выявлению и изучению личности руководителя преступной группы. Как справедливо отмечает О. Д. Жук, специфика организации и руководства преступным формированием состоит в том, что подобная деятельность носит своеобразный управленческий характер и, как правило, не оставляет материальных следов. Поэтому перед следователем стоит сложная задача по установлению обстоятельств, подтверждающих факт создания преступной группы конкретным лицом, т. е. вовлечения в данное преступное формирование конкретных отдельных лиц-соучастников, определения и закрепления за ними их ролей и функциональных обязанностей, разработки плана преступления и других обстоятельств, указывающих на причинно-следственную связь между действиями конкретного лица и созданием и функционированием преступного формирования[1]. В этой связи с целью установления личности организатора преступной группы следователю необходимо:

во-первых, исследовать особенности межличностных отношений в преступном формировании путем выявления ценностно-мотивационной, функциональной и социально-психологической составляющей его участников;

во-вторых, «выявить наиболее активных участников, установив распределение ролей во время совершения преступлений»[2], тщательно изучить личности всех подозреваемых, обвиняемых на основе имеющихся оперативных данных;

в-третьих, установить, кем разрабатывался план преступления по каждому эпизоду мошенничества в сфере автострахования (способ, механизм, место, время, состав соучастников, распределение ролей и др.),

---

[1] *Жук О. Д.* Оперативно-розыскное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ. М., 2010. С. 88–89, 116.

[2] *Быков В. М.* Тактика выявления организаторов преступных групп // Следователь. 1997. № 3. С. 15.

кто занимался распределением доходов, получаемых от преступной деятельности группы.

Установление указанных обстоятельств в процессе расследования сравнительно небольшого количества эпизодов преступной деятельности группы позволит следователю правильно определить уголовно-правовую квалификацию групповой преступной деятельности, установить личности всех участников группы, дифференцировать функциональные обязанности исполнителей, пособников и организатора, выбрать наиболее эффективные тактические приемы других следственных действий с их участием, а также степень ответственности участников преступной группы и объем квалификации их деяний.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, при подготовке и производстве допросов различных участников преступной группы по делам о мошенничестве в сфере автострахования следователю необходимо учитывать ряд особенностей, которые определяются спецификой их статуса в группе (исполнитель, пособник организатор), возложенных на них преступных ролевых функций, а также тактических целей, решаемых следователем, во взаимосвязи с обстоятельствами по делу, подлежащими установлению в ходе производства допросов участников преступной группы.

*И. В. ГЛАЗУНОВА**
*П. А. КУДРЯВЦЕВ***

Привлечение сведущих лиц как тактический аспект процессуального освидетельствования

Обнаружением и собирание следов преступления при производстве различных следственных действий часто связано с необходимостью использования знаний, умений и навыков сведущих лиц. В полной мере это относится и к производству освидетельствования.

Под освидетельствованием в ходе досудебного производства понимается следственное действие, заключающееся в обследовании тела

* Кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Российской таможенной академии.

** Старший следователь-криминалист военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ракетным войскам стратегического назначения.

человека с целью обнаружения на нем особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявление иных свойств и признаков лица, свидетельствующих о его связи с уголовным делом, а также выявления состояния опьянения, если для этого не требуется производства судебной экспертизы.

Тактика его организации и производства определяется совокупностью факторов, влияющих на принятие решения о привлечении к участию сведущего лица:

конкретной целью освидетельствования (обнаружение следов преступления или установление особых примет);

характером сведений, послуживших основанием для назначения производства освидетельствования;

полом освидетельствуемого лица и следователя;

видом расследуемого преступления и его характера;

субъектом, осуществляющим непосредственное обследование обнаженного тела освидетельствуемого лица (следователь того же пола или врач);

объектом освидетельствования (обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель либо лицо на стадии доследственной проверки);

возрастом освидетельствуемого лица;

местом возможного расположения следов преступления или особых примет (на открытых или скрытых одеждой участках тела);

характером следов преступления или особых примет, обнаружение которых предполагается при освидетельствовании[1].

Так, ч. 4 ст. 179 УПК РФ установлены ограничения о соответствии пола освидетельствуемого лица (при его обнажении) и пола лица, непосредственно проводящего освидетельствование. Поскольку пределы обнажения ни законом, ни иными нормативными правовыми актами не определены, то формально демонстрация любой части тела (например, плечи или колени) может быть оценена как обнажение. Такое положение определяет необходимость привлечения к проведению освидетельствования либо следователя того же пола, либо врача. В последнем случае в протоколе делается запись о составлении его со слов врача. Отметим, что при этом отсутствует важнейший признак всех видов следственного осмотра (например, осмотр места происшествия, осмотр трупа, осмотр помещений и участков местности, осмотр документов) – исследование объекта лично следователем.

---

[1] *Торбин Ю. Г.* Тактика проведения освидетельствования: методические рекомендации. М., 2001. С. 8.

Такой «опосредованный механизм невербального познания» в специальной литературе однозначной оценки не получил[1]. Вместе с тем некоторыми авторами предлагается на этом основании выделить два вида освидетельствования: проводимое следователем и с привлечением сведущих лиц[2].

В протоколе и приложениях к нему фиксируется наличие на теле освидетельствуемого лица:

повреждений (травм), ссадин, кровоподтеков, царапин и т. д., предположительно полученных в результате преступных действий или при обстоятельствах, с ними связанных;

примет, используемых для идентификации (например, в ходе процессуального опознания): шрамов, родимых пятен, рубцов, татуировок, пигментированных участков кожи, особенностей строения тела (оволосение или облысение участков кожи, большая или маленькая стопа, искривление позвоночника, удлинение или укороченность конечностей), физических недостатков (отсутствие части тела, горб, сросшиеся пальцы) и т. п.;

следов на теле от объектов, с которыми освидетельствуемый, возможно, контактировал при обстоятельствах, интересующих следствие (пыль, почва, краска, горюче-смазочные вещества, губная помада, кровь, сперма, волосы, частицы волокон ткани и др.), в том числе и микрообъекты[3].

Наиболее часто встречающиеся следы, подлежащие фиксации – это телесные повреждения, причиненные как пострадавшим, так и другим участникам (например, в результате ответных мер или противоборства).

Среди них выделяются ссадины, кровоподтеки, раны, переломы костей, разрывы и размозжение внутренних органов, травматическая ампутация, а для выявления и фиксации привлекается врач – судебно-медицинский эксперт, несмотря на альтернативность требований законодателя, заложенную в формулировке ч. 3 ст. 179 УПК РФ – «при необходимости». В противном случае от обоснованных сомнений в правильности описания следов травмирования не оградит даже фото- и видеофиксация следственного действия, поскольку при воспроизведении изображение может искажаться.

---

[1] *Вилкова Т. Ю., Россинский С. Б.* Реализация права на уважение чести и достоинства личности при производстве освидетельствования в судебном следствии // Рос. судья. 2015. № 3. С. 22–26.

[2] *Потапова А. Г.* Освидетельствование в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2007.

[3] *Торбин Ю. Г.* Тактика проведения освидетельствования. С. 17–20.

Посредством методов криминалистической диагностики по характеру наблюдаемых следов может быть установлен характер травмирующего предмета (травмирующей поверхности) уже в процессе фактического осмотра (ногти, зубы, колющие, режущие орудия, предметы с неограниченной поверхностью и т. д.). Например, морфологические особенности раны позволяют достаточно точно индивидуализировать травмирующую поверхность предмета, которым она причинена. Закрытые переломы костей визуально определяются как кровоподтеки, открытые – как раны, поэтому описываются по правилам соответствующим указанным повреждениям. В таких случаях целесообразно применение рентгенологических исследований (как правило, в условиях медучреждения), что дает возможность отразить характер повреждения с описанием «увиденного» изнутри. Аналогичным способом можно обнаружить следы и предметы, внедрившиеся в тело (фрагменты инородных тел под кожей, в органах дыхания после вдыхания и т. д.). В целях получения наиболее точных данных о состоянии здоровья используется медицинское оборудование (например, в условиях медицинского учреждения, передвижных лабораторий и т. д.). Применение подобного оборудования без специалиста соответствующего профиля невозможно. Однако, в настоящее время ультразвуковые, рентген-исследования, магнитно-резонансная томография, электроэнцефалограмма проводятся в ходе освидетельствования крайне редко. Как правило, такие обследования делаются отдельно, а затем приобщаются к материалам проверки или уголовного дела. Процессуально такие сведения могут получаться различными способами: по запросу, в ходе выемки, осмотра, обыска и т. д. Поскольку при сборе анамнеза медицинским работником фиксация и представление данных, имеющих значение для дела, доверяется обследуемому и врачу, которые могут быть заинтересованы в представлении недостоверной информации, ее достоверность должна дополнительно проверяться следственным путем.

В случае использования научно-технических средств производные носители информации (графики, распечатки, записи, заключения с анамнезами и т. д.) являются дополнительными средствами фиксации – приложениями к протоколу освидетельствования.

Конструкции ст. 179 и 180 УПК РФ прямо указывают на возможность изъятия интересующих объектов в ходе освидетельствования, и что немаловажно, в том числе на стадии возбуждения уголовного дела[1].

[1] *Кудрявцев П. А.* Расследование преступлений: особенности производства освидетельствования на стадии возбуждения уголовного дела. // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 3. С. 110–115

К ним относятся и объекты биологического происхождения (кровь, моча, слюна и т. д.). Для их изъятия кроме специальных знаний, умений и навыков, необходимы также оборудование и расходные материалы (например, пробирки, стерильные зонды-тампоны, медицинские иголки и т. д.), которые имеются в распоряжении лиц, осуществляющих мероприятия по получению различных образцов в связи с исполнением своих профессиональных обязанностей. Привлечение их в качестве специалистов со «своим оборудованием» позволяет, с одной стороны, упростить задачу по подготовке к следственному действию, с другой, – надежно обеспечить качество его проведения.

Другая задача освидетельствования состоит в выявлении состояния опьянения, обусловленного воздействием на организм человека алкоголя, лекарственных и наркотических средств, психотропных препаратов, токсических веществ и т. д. Данная задача может быть решена только врачом. Иное лицо – следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, специалист, медицинский сотрудник, не являющийся врачом, не может сделать допустимый, с точки зрения УПК РФ, вывод о нахождении лица в состоянии опьянения. Никакие признаки: запах изо рта, несвязная речь, неустойчивая походка, даже в своей совокупности, не будут достоверно свидетельствовать о состоянии опьянения, поскольку множество заболеваний и расстройств здоровья проявляются аналогичным образом.

В научной литературе высказано мнение о том, что категорический ответ об установлении состояния опьянения может быть получен только по результатам судебной экспертизы, «освидетельствование же способно дать лишь некий предварительный результат»[1]. С такой точкой зрения согласиться можно лишь отчасти. Так, выявление состояния опьянения после употребления наркотических средств либо лекарственных препаратов и установления конкретных видов наркотических средств производится врачом-наркологом, причем с применением специальных тестов (экспресс либо лабораторных). При таком тестировании проверкой охватывается определенная группа наркотических соединений (например, опиумная, канабиоидная и т. д.). Поиск в этом случае осуществляется целенаправленно, и при подтверждении наличия таковых химических соединений, в совокупности с установленной клинической картиной, считать сделанный врачом (имеющим процессуальный статус специалиста) вывод о нахождении освидетель-

[1] *Белкин А. Р.* Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 15–22.

ствуемого лица в состоянии опьянения «не обладающим достаточной доказательственной силой»[1] вряд ли будет правильно.

Не решенным в настоящее время является вопрос определения остаточных веществ синтетических одурманивающих препаратов, так называемых «курительных смесей» или «спайсов». Реактивы и методики для их выявления быстро «устаревают» и могут оказаться нерезультативными, даже при наличии у освидетельствуемого явных признаков наркотического опьянения.

Таким образом, привлечение сведущих лиц к проведению освидетельствования обусловливается, во-первых, требованием соблюдения уголовно-процессуального закона в целях получения допустимых доказательств и, во-вторых, тактикой освидетельствования, направленной на повышение эффективности деятельности по обнаружению и фиксации уголовно-релевантной информации субъектом поисково-познавательной деятельности.

[1] *Белкин А. Р.* Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации. С. 15–22.

*А. А. ГАЛИМЬЯНОВ**

Проблемы собирания доказательств с электронных носителей

Стоит упомянуть, что доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном Уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК), устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Кроме того, доказательства должны быть собраны в соответствии с установленными требованиями УПК, а иначе это повлечет недопустимость доказательств.

Законодателем термин «электронные носители» используется при производстве двух следственных действий: обыск и выемка. Сам термин стал существовать в УПК относительно недавно. Впервые он

* Магистрант кафедры криминалистики УрГЮУ.

введен в редакции от 10 августа 2012 г.[1] И с тех пор по настоящее время не дано определение электронного носителя, на мой взгляд, это преследует определенные цели. Такие как: возможность приравнять к электронным носителям любую электронную, вычислительную и иную технику, так как с каждым годом появляются новые технические средства, которые со временем просто не будут подпадать под указанный выше термин; возможность изъять данные на месте без привязки их к определенному месту (например, сервер находится за пределами России, в то время как компьютер удаленного доступа может находиться в России).

Все же определение понятия электронного носителя информации можно обнаружить в технических стандартах. Так, в ГОСТ 2.051–2013 «ЕСКД. Электронные документы. Общие положения» указывается, что под электронным носителем следует понимать «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники»[2]. Что это значит? Это значит, что любое техническое средство от простого диска (CD; DVD) и до компьютера может быть признано электронным носителем. Поэтому можно смело говорить как о плюсах при производстве следственных действий, так и о возникающих в связи с этим проблемах.

Из-за широты определения электронных носителей возникает такая проблема, как приравнивание любого технического средства к электронным носителям. А значит, при производстве указанных следственных действий, когда еще не известно, что будет являться объектом (будет ли электронный носитель вообще), следователь вынужден приглашать специалиста. Это является проблемой не только в отдаленных районах страны, где привезти специалиста из одного поселения в другое крайне затруднительно, но и для большого города, в связи с большой территорией и количеством следственных отделов. Также стоит рассматривать проблему нехватки кадров на местах.

Если все же специалист будет, то возникает вопрос целесообразности его привлечения, например, следователь при обыске собирается изъять телевизор. При этом не любой телевизор подпадает под термин «электронный носитель». Так жидкокристаллический телевизор не

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] ЕСКД. Электронные документы. Общие положения. ГОСТ 2.051–2013: введен приказом Росстандарта от 22 ноября 2013 г. № 1628-ст // СПС «КонсультантПлюс».

является электронным носителем, а вот тот же телевизор с функцией «Smart TV» – является. К тому же стоит отметить, что следователь как независимое процессуальное лицо сам способен изъять и опечатать данное оборудование, а вот в процессе изучения содержания стоит прибегнуть к помощи специалиста. Безусловно в данном случае был приведен конкретный пример, который не представляет никакого затруднения для изъятия также, как и для телефона, плеера, фотоаппарата. На основании изложенного можно сделать вывод: «изъятие электронных носителей информации, являющихся частью других компьютерных устройств или подключенных к другому оборудованию, а также копирование информации с изымаемых электронных носителей в интересах третьих лиц должно производиться только специалистом. Но вряд ли есть техническая необходимость привлекать специалиста для изъятия, например, сотового телефона, цифрового фотоаппарата, mp3-плеера, а в соответствии с требованиями УПК РФ в ходе обыска или выемки – это обязательно»[1].

Судебная практика по этому поводу также не однозначна, суды при даче заключения о допустимости или не допустимости изъятия электронных носителей без участия специалиста приходят к выводу о том, что специалист необходим только при копировании информации, также встречаются и противоположные решения.

Поэтому я считаю необходимым:

1) выделить определение в УПК РФ электронного носителя;

2) включить разделение электронного носителя на виды: простые (мелкая техника) и сложные (крупногабаритные и многосоставные элементы). Соответственно, пользоваться услугами специалиста только применительно к сложным;

3) сложный вид разделить на имеющие внешние соединения (без сложных технических соединений) и не имеющие внешние соединения (имеющие технические соединения или взаимосвязь с внешними объектами). Не имеющие внешние соединения требуют помощь специалиста, так как при их неправильном отсоединении возможно нарушение работоспособности всего механизма, что может повлечь материальные убытки, а также выход из строя самого оборудования.

Я считаю, что даже при принятии предложенных мною положений, нужно дать следователю возможность самостоятельно принимать решения о необходимости привлечения специалиста. Так как в момент

---

[1] *Старичков М. В.* Вопросы использования носителей компьютерной информации в качестве доказательств // Известия ТулГУ. Сер. Экономические и юридические науки. 2014. Вып. 2. С. 122–123.

производства следственных действий только он может объективно оценить ситуацию и свои силы о возможности самостоятельно изъять электронный носитель, чтобы в дальнейшем использовать его в качестве допустимых доказательств.

*А. Ю. ГОЛОВИН**
*М. В. БАРАНОВ***
*Е. В. ГОЛОВИНА****

Криминалистическая стратегия как объект криминалистического исследования

Содержание термина «стратегия», как названия одной из важных военных наук, в основном сводящееся к разработке действий военачальников, позволяющих наиболее успешно решать вопросы подготовки к войне и ее ведению, органически вписывается в деятельность следователей по раскрытию и расследованию преступлений. В этой связи особого рассмотрения требует вопрос о роли и сущности криминалистической стратегии, также стратегических задач расследования преступлений.

Еще Г. Гросс, говоря об особенностях расследования, подчеркивал, что эту деятельность можно сравнить с решением математической задачи, данные для решения которой следователь должен завоевывать с немалым трудом в условиях противоборства с обвиняемым, а иногда и свидетелями, а также порой имея против себя обстоятельства дела, естественный ход событий и даже само время, изглаживающее следы преступления[1]. Г. Гросс в этой связи считал, что план расследования «можно сравнить лишь с планом предстоящей войны»[2].

Параллели между военно-стратегическими и криминалистическими действиями проводил немецкий криминалист Юлиер, автор работы «Применение боевых принципов армии в криминалистике» (1927 г.).

---

* Доктор юридических наук, профессор кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета.

** Кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета.

*** Доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности Тульского государственного университета.

[1] *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 15.

[2] Там же. С. 19.

Характеризуя его работу, современный исследователь В. Ю. Сокол справедливо отметил, что Юлиер рассматривал в качестве одной из существенных задач криминалистической стратегии готовность хорошо образованной и готовой к бою команды чиновников уголовной полиции, оснащенной современными и лучшими орудиями борьбы как в технико-криминалистическом, так и фактическом смысле[1].

О стратегических направлениях следственной деятельности писали стоявшие у истоков разработки методов раскрытия и расследования преступлений отечественные ученые-криминалисты, в частности, И. Н. Якимов[2], В. И. Громов[3]. Они подчеркивали, что в ходе расследования приходится преодолевать много всевозможных препятствий и разных видов противодействия расследованию.

Судя по рассуждениям Г. Гросса, И. Н. Якимова и В. И. Громова, связанным с преодолением всех сложностей и иных проблем расследования, в том числе и стратегического характера, последние проблемы они связали именно с тактико-методической деятельностью при расследовании.

По мнению Э. Б. Пальскиса, одним из первых использовавшего термин «криминалистическая стратегия», стратегические задачи должны рассматриваться как выбор и распределение приоритетов при проверке версий, с выбором альтернатив избранных направлений планирования и реализации раскрытия преступлений, организации взаимодействия следователей с другими партнерами по расследованию[4].

К схожему выводу впоследствии пришли Л. Д. Самыгин[5] и Г. А. Зорин[6], А. В. Дулов[7] и некоторые другие авторы. Было отмечено, что основой криминалистической стратегии является правильный выбор целевого анализа фактических данных при составлении плана расследования и определении целей его реализации. Так, Л. Д. Самыгин

---

[1] *Сокол В. Ю.* Криминалистическая стратегия в России и Германии // Вестн. Краснодарского ун-та МВД России. 2010. № 2. С. 69.

[2] *Якимов И. Н.* Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929. С. 24.

[3] *Громов В. И.* Методика расследования преступлений // В его работе доказывание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места происшествия. М., 2003. С. 342.

[4] *Пальскис Э. Б.* О криминалистической стратегии (к постановке вопроса) // Использование современных достижений науки и техники в деятельности следственных органов и судов в борьбе с преступностью. Вильнюс, 1981. С. 19.

[5] *Самыгин А. Д.* Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. С. 23.

[6] *Зорин Г. А.* Эвристические методы формирования стратегии и тактики следственной деятельности. Гродно, 1991. С. 4.

[7] *Дулов А. В. и др.* Криминалистика. Минск, 1996. С. 28.

писал, что в полной мере стратегическая функция в криминалистике реализуется именно в процессе следствия в соответствии с методами расследования отдельных видов преступлений. Она связана с формированием системы стратегических задач и основных процессуальных решений по расследуемому делу (о возбуждении дела, о привлечении в качестве обвиняемого, избрании меры пресечения, о приостановлении или прекращении дела и пр.), а также с отдельными организационно-управленческими действиями[1].

По мнению Г. А. Зорина, стратегия расследования связана с распределением приоритетов при проверке версий, с выбором альтернатив избранных направлениях планирования и реализации раскрытия преступлений, формированием системы целей и распределением их на «древе» целей согласно тому или иному этапу расследования, организации взаимодействия следователей с другими партнерами по расследованию. Автор отметил, что такая стратегия выступает искусством руководства процессом расследования уголовного дела в целом, а также стрежнем, на который «нанизывается» процесс и результаты следственных действий и криминалистических операций[2].

Схожая позиция была высказана А. И. Баяновым, по мнению которого, применительно к предварительному расследованию тактика выступает в виде подчиненного стратегии направления деятельности, без реализации которого обеспечить стратегическое направление затруднительно или невозможно. В свою очередь, стратегия определяет основное направление в достижении целей такой деятельности и полностью подчиняется этим целям. При этом автор справедливо полагает, что «тактика и стратегия привязаны к условиям (ситуациям), в которых протекает деятельность»[3].

С выбором и определением «оптимальных стрежневых вариантов и направлений» в выявлении, предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений связывают определение криминалистической стратегии В. Д. Берназ и П. В. Берназ[4].

Представляется, вышеизложенное обязывает ученых-криминалистов при разработке методик расследования преступлений отдельных

---

[1] *Самыгин А. Д.* Указ. соч. С. 23.

[2] *Зорин Г. А*. Указ. соч. С. 3–5, 21.

[3] *Баянов А. И.* Стратегия и тактика в структуре следственного действия // Криминалистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения профессора Б. И. Шевченко. М.,2004. С. 48.

[4] *Берназ В. Д, Берназ П. В.* Криміналістична стратегія як наукова категорія // Актуальні проблеми держави і права. Збірник наукових праць. Одесса, 2008. Вып. 44. С. 30.

видов уделять должное внимание характеру стратегических задач, которые должны решаться в процессе их расследования, а также их типизации и обеспечению рекомендациями по разрешению (достижению) в процессе расследования преступлений отдельных групп и видов.

По мнению представителей еще одного научного взгляда на проблему криминалистической стратегии (А. В. Дулов и другие авторы коллективной работы) к задачам расследования стратегического характера можно относить:

«выявление союзников и основы взаимодействия с ними…;

изучение общих моделей и методов расследования уголовных дел…;

изучение общих рекомендаций по организации процесса расследования (исследование особенностей мыслительной деятельности следователя и путей ее организации, организация процессов взаимодействия, правила формирования материалов уголовного дела);

изучение процессов противодействия и путей их предупреждения и ликвидации»[1].

Существует также дискуссионная позиция В. Е. Корноухова и других соавторов коллективного учебного пособия «Курс криминалистики. Общая часть», согласно которой, по-видимому, стратегические задачи расследования нужно понимать и определять лишь применительно к конкретному преступлению[2]. То есть авторами, по сути, отрицается сама возможность существования типовых стратегических задач, с чем, конечно же, трудно согласиться.

Очевидно, что стратегические задачи могут изучаться, типизироваться и систематизироваться в ходе научных исследований при разработке методик расследования отдельных видов преступлений и составляющих их рекомендаций. А вот выбор и применение тех или иных криминалистических рекомендаций расследования отдельных преступлений – это уже удел самих следователей, которые, ориентируясь на положения частной криминалистической методики, формируют стратегию своей работы по уголовному делу.

Стоит отметить, что в российской и зарубежной криминалистической литературе присутствуют точки зрения, согласно которым термином «криминалистическая стратегия» обозначаются существенно более широкие, чем определение основных направлений предварительного расследования, сферы деятельности по борьбе с преступностью. Например, по мнению А. А. Эксархопуло, к сфере криминалистической

[1] *Дулов А. В. и др.* Указ. соч. С. 28.

[2] *Корноухов В. Е. и др.* Курс криминалистики. Общая часть. М., 2000. С. 245.

стратегии необходимо относить вопросы криминалистической профилактики, выявления преступлений, наказания, управление и координация деятельности отечественных и зарубежных правоохранительных органов в сфере борьбы, различные стратегические направления борьбы с преступностью отдельных видов и т. д.[1]

С существенным выходом за границы традиционной криминалистики склонен определять содержание криминалистической стратегии и В. Ю. Сокол. Находясь под влиянием некоторых европейских ученых (немецких, словенских, литовских и др.) автор предлагает интегрировать западные подходы в отечественную криминалистику и существенно расширить сферу криминалистической стратегии на всю систему государственной превентивной и репрессивной борьбы с преступностью[2].

К сожалению, В. Ю. Сокол ограничивается в основном критикой существующих традиционных научных взглядов и призывами расширять предметно-объектную сферу криминалистики. Ни пределы такого расширения, ни концепция подобной новой криминалистики автором четко не раскрываются. Анализ трудов многих современных зарубежных, в том числе немецких, ученых-криминалистов не подтверждает возможности прямого заимствования содержащихся в них ряда теоретических предложений и идей из-за недостаточных методологической, терминологической и системной составляющих, в том числе отсутствия четких критериев разграничения криминалистических и криминологических знаний.

В этой связи о принимаемых государством комплексе разнообразных правовых, организационных, управленческих и других мер, направленных на предупреждение и противодействие преступности, представляется правильнее говорить как о государственной стратегии борьбы с преступностью. Термин «криминалистическая стратегия», как представляется, должен использоваться для определения собственно криминалистического понятия.

Подводя итог изложенному, полагаем необходимым сделать ряд выводов и предложений.

1. Грамотное определение стратегии (стратегических задач) в ходе предварительного расследования и механизма из решения выступает

---

[1] *Эксархопуло А. А.* Предмет и система криминалистики XX–XXI веков. СПб., 2004. С. 105.

[2] *Сокол В. Ю.* Кризис отечественной криминалистики. Краснодар, 2017. С. 242–248.

важным элементом следственной деятельности. В этой связи вопросы криминалистической стратегии должны оставаться объектом криминалистических исследований.

2. Учитывая то, что термин «криминалистическая стратегия» некоторые ученые-криминалисты (например, А. В. Дулов, А. А. Эксархопуло, Г. А. Зорин и др.) предлагают использовать для обозначения нового структурного элемента (и даже раздела) современной криминалистики, целесообразно рассмотреть возможность формирования частного учения о криминалистической стратегии в структуре общей теории криминалистики, а также раскрыть взаимосвязь составляющих его положений с другими криминалистическими частными теориями и учениями: о криминалистических версиях, об организации предварительного расследования, о противодействии расследованию преступлений, криминалистической ситуалогией и др.

3. Необходимо уточнить содержание криминалистической стратегии в свете возможности криминалистического обеспечения судебного разбирательства по уголовным делам.

4. Стратегические задачи расследования задачи всегда основываются на оценке и анализе сложившейся общей ситуации расследования, детерминированы ей, а их решение влияет на изменение ситуации расследования также в целом, причем как в позитивную, так и негативную сторону. В этой связи стратегические задачи расследования могут быть систематизированы и типизированы в криминалистике и обеспечиваться рекомендациями по их решению (достижению).

5. В дальнейших исследованиях нуждаются вопросы соотношения и взаимосвязи стратегических и тактических задач предварительного расследования, а также их решения следователем.

6. Вопросы типизации и выработки механизмов (в том числе алгоритмов) решения стратегических задач расследования преступлений отдельных видов должны раскрываться при разработке частных криминалистических методик.

*С. И. ДАВЫДОВ**

Криминалистические предпосылки развития ситуационных основ оперативно-розыскной методики раскрытия преступлений

В настоящее время практически не вызывает сомнений, что процесс раскрытия преступлений имеет ситуационную природу. Под этим понимается зависимость содержания этой деятельности от складывающихся оперативно-розыскных ситуаций.

Сложный процесс раскрытия преступлений требует научно обоснованного методического обеспечения, которое представлено в виде частных оперативно-розыскных методик, выступающих конечным «продуктом» оперативно-розыскной науки.

Необходимость выделения и включения оперативно-розыскной методики в систему предмета теории ОРД в качестве самостоятельного раздела была обоснована И. А. Климовым и Г. К. Синиловым (1995 г.). По их мнению, науке еще предстоит сказать свое решающее слово по ряду основополагающих проблем, связанных с созданием оптимальной технологической схемы раскрытия преступлений, в том числе с использованием накопленных знаний других наук, включая криминалистику[1].

Проблемы определения понятия, структуры частных оперативно-розыскных методик, выявления ее ситуационной природы, безусловно, относятся к таковым, а их разрешение требует анализа результатов криминалистических исследований, имеющих методологическое значение.

Впервые понятие криминалистической методики сформулировали С. А. Голунский и Б. М. Шавер (1939 г.), которые писали о ней, как о части науки криминалистики, обобщающей опыт расследования отдельных видов преступлений и определяющей соответственно специфическим особенностям данной категории дел наиболее целесообразные приемы и методы их расследования[2].

Следует подчеркнуть, что представление о содержании частных криминалистических методик зависит от общего представления о

---

* Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета.

[1] *Климов И. А., Синилов Г. К.* Предмет, система, методология, история и перспективы развития теории оперативно-розыскной деятельности: курс лекций по оперативно-розыскной деятельности. М., 1995. Вып. 1. С. 6–9.

[2] *Голунский С. А., Шавер Б. М.* Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений. М., 1939. С. 3–4.

криминалистической методике как разделе криминалистической науки. Эти представления активно развивались в многочисленных трудах ученых-криминалистов (И. А. Возгрин, Н. П. Гранат, Л. Я. Драпкин, Г. Г. Зуйков, А. Н. Колесниченко, В. Е. Корноухов, Н. А. Селиванов, В. Г. Танасевич, Н. П. Яблоков и др.). Подробный анализ развития теоретических основ криминалистической методики содержится также в работах Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, В. К. Гавло, Ю. П. Гармаева, А. С. Шаталова.

Наиболее полно, на наш взгляд, сущность научных положений, являющихся основой разработки методических рекомендаций криминалистики раскрывается в определении И. А. Возгрина, который писал, что криминалистическая методика «изучает закономерности организации и осуществления раскрытия, расследования и предотвращения отдельных видов преступлений в целях выработки, в строгом соответствии с требованиями законности, научно обоснованных рекомендаций, по наиболее эффективному проведению следствия»[1].

В определенной степени имеет сходство с точкой зрения И. В. Возгрина позиция Р. С. Белкина, который представляет ее как «систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации расследования и предотвращения отдельных видов преступлений»[2]. Практически аналогичное определение дает В. П. Бахин[3]. А. С. Шаталов обращает внимание на простоту и понятность определения Р. С. Белкина, благодаря чему в настоящее время в различной интерпретации оно является общепринятым[4].

Таким образом, на современном этапе развития криминалистики система криминалистической методики состоит из системы научных положений (общих положений) и системы частных методик расследования (методических рекомендаций). Система научных положений включает лишь ту часть криминалистической теории, которая содержит положения, отражающие общее для всех частных методик расследования[5]. Иными словами, она представляет собой методологию частных криминалистических методик и, как любая методология, включает в себя: историю становления и развития, объект (предмет), цели и зада-

---

[1] *Возгрин И. А.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. С. 29.

[2] *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. М., 1977. Т. 1. С. 211; *Его же*. Криминалистика: учеб. словарь-справочник. М., 1999. С. 87.

[3] *Бахин В. П.* Криминалистическая методика: лекция. Киев, 1999. С. 3.

[4] *Шаталов А. С.* Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 23.

[5] *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. Т. 1. С. 179–180.

чи, систему, принципы, источники, взаимосвязи с другими разделами науки криминалистики и другими отраслями знаний, а также теоретические основы построения частных методик расследования преступлений.

Анализ содержания общетеоретических положений криминалистической методики позволяет сделать вывод о стремлении ученых сориентировать разработчиков частных криминалистических методик на складывающиеся следственные ситуации.

Так, Н. А. Селиванов к одному из принципов методики относит «учет обстоятельств дела и складывающихся следственных ситуаций»[1].

А. Н. Васильев обращает внимание на один из важных моментов построения методик расследования преступлений – система их наиболее целесообразных методов организации расследования, тактических приемов и научно-технических средств должна быть сориентирована на применение в специфических условиях расследования отдельных видов преступлений[2].

И. М. Лузгин в общих положениях криминалистической методики рассматривает зависимость методики расследования от видовых признаков правонарушений, субъекта преступления, ретросказательной направленности расследования, уровня развития технико-криминалистических средств, научной организации и управления деятельностью органов и лиц, причастных к расследованию преступления[3]. Развивая его идею о ретросказательной направленности расследования, В. К. Гавло отмечает, что без знания того, как совершалось преступление, в каких условиях, как действовал преступник, насколько его действия типичны для той или иной ситуации совершения преступления и др., нельзя разрабатывать научно обоснованную методику[4].

В значительной степени на эффективность разрабатываемых криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений повлияла теория следственных ситуаций, научные основы которой разработал Л. Я. Драпкин[5].

---

[1] *Селиванов Н. А.* Сущность методики расследования и ее принципы // Социалистическая законность, 1976. № 5. С. 6; *Его же.* Советская криминалистика. Система понятий. М., 1982. С. 120.

[2] *Васильев А. Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 2002 С. 23. Впервые книга вышла в свет в 1978 г.

[3] *Лузгин И. М.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Криминалистика. М., 1976. С. 374.

[4] *Гавло В. К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 21.

[5] *Драпкин Л. Я.* Основы теории следственных ситуаций: моногр. Свердловск, 1987.

В начале 80-х гг. А. Г. Филиппов излагает свое видение структуры общих положений криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений, определяя в качестве одного из ее элементов понятие и сущность следственной ситуации[1]. Впоследствии А. С. Шаталов в своей докторской диссертации поддержал позицию А. Г. Филиппова и обосновал идею создания криминалистических алгоритмов и программ, для управления типичными следственными ситуациями, возникающими в процессе расследования преступлений[2].

Согласно конструкции Н. П. Яблокова, в общих положениях методики расследования наряду с другими элементами также должна содержаться информация о сущности, структуре следственных ситуаций расследования и возможных способах их формализации, а также их роли в разработке конкретных методик расследования, об общих чертах первоначальных, последующих следственных и иных действий, тактических операциях и принципах их выбора в типичных следственных ситуациях на разных этапах расследования. В результате в своем определении методики расследования он выделяет в качестве ее существенного признака взаимосвязь системы оптимальных приемов и способов ведения следствия с типичными ситуациями расследования[3].

В. К. Гавло к общетеоретическим положениям криминалистической методики относит «базирование методики расследования на общетеоретических положениях и практических рекомендациях криминалистической техники и следственной тактики и настойчивое творческое внедрение достижений их в теорию и практику расследования отдельных видов преступлений с учетом следственных ситуаций»[4].

Таким образом, анализ изложенных научных позиций позволяет сделать вывод, что общие положения криминалистической методики как раздела криминалистической науки ориентируют разработчиков частных криминалистических методик на необходимость учета следственных ситуаций, в которых они должны применяться.

Общетеоретические положения криминалистической методики во многом определяют подходы к содержанию частных криминалистических методик. По содержанию частные методики представляют собой

---

[1] *Филиппов А. Г.* Общие положения расследования отдельных видов преступлений: материалы к лекции. М., 1981. С. 5–6.

[2] *Шаталов А. С.* Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 26.

[3] *Васильев А. П., Яблоков Н. П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. С. 84.

[4] *Гавло В. К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 100.

описание условий и порядок расследования отдельных видов преступлений[1]. А. Н. Колесниченко отмечал, что каждая методика расследования того или иного вида преступлений в своем содержании отражает специфику расследования этих преступлений[2]. На это же обстоятельство обращает внимание И. Ф. Пантелеев, который полагает, что методика расследования отдельных видов преступлений как составная часть науки криминалистики содержит рекомендации по расследованию конкретных видов преступлений. Каждый вид преступлений характеризуется своими особенностями расследования и основная задача «частных методик» состоит в том, чтобы раскрыть, научно обосновать эти особенности применительно к отдельным видам преступлений[3].

Обобщая результаты дискуссии относительно содержания частной криминалистической методики, Р. С. Белкин определяет ее как систему определенных элементов, взаимозависящих и взаимоопределяющих. Эта система обладает определенной структурой, в соответствии с которой ее элементы располагаются в определенной последовательности, образуя подсистемы. Элементами системы являются, во-первых, комплекс криминалистических рекомендаций типизированного вида и, во-вторых, их обоснование в виде определенных научных или эмпирических положений[4]. К таким положениям, к примеру, можно отнести криминалистическую характеристику преступления, характеристику типовых следственных ситуаций, типичные для данной категории уголовных дел следственные версии.

Следует отметить, что включение в структуру частной методики типовых следственных ситуаций поддерживают не все, но многие известные ученые-криминалисты. Так, В. А. Образцов наряду с криминалистической характеристикой преступлений, обстоятельствами, подлежащими установлению, общими положениями расследования деяний данной категории и особенностями подготовки и производства важнейших следственных действий, в структуру частной методики включает особенности расследования в условиях типичных ситуаций (по прин-

---

[1] *Возгрин И. А.* Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983. С. 189.

[2] *Колесниченко А. Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений (Конспект лекций по сов. криминалистике). Харьков, 1965. С. 34.

[3] *Пантелеев И. Ф.* Методика расследования преступлений: учеб. пособие. М., 1975. С. 4.

[4] *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 302.

ципу: ситуация – типовые версии – задачи – тактические комплексы (операции) по разрешению ситуаций[1].

По мнению Н. П. Яблокова, желательно, чтобы в структуре частных криминалистических методик расследования нашли отражение сведения о типовых следственных ситуациях, возникающих на разных этапах расследования[2].

И. А. Возгрин полагает, что структура частных криминалистических методик состоит из четырех элементов и один из них – типичные следственные ситуации и программы расследования[3].

В результате исследования проблем формирования частных криминалистических методик, С. Н. Чурилов пришел к выводу, что одним из системообразующих методологических звеньев, относящихся к начальному и последующему этапам расследования, является характеристика типичных следственных ситуаций и вытекающих из них непосредственных задач расследования[4].

И. М. Лузгин предложил рассматривать криминалистические ситуации в качестве одного из признаков классификации частных криминалистических методик[5].

Таким образом, в криминалистике утвердилось мнение, что в качестве одного из структурных элементов частных методик расследования преступлений выступает характеристика типовых следственных ситуаций. Их выделение и описание в структуре частных методик помогает следователю ориентироваться в реальных следственных ситуациях и эффективнее применять комплекс рекомендаций в процессе расследования преступлений.

Как отмечалось, система знаний об оперативно-розыскной методике в рамках одноименного самостоятельного раздела предмета оперативно-розыскной науки в отличие от криминалистики начала формироваться лишь с середины 90-х гг. XX в. Вместе с тем важно подчеркнуть, что проблемы комплексного применения сил, средств

---

[1] *Образцов В. А.* Общие положения криминалистической методики расследования // Криминалистика: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. А. Образцова. М., 1999. С. 588.

[2] *Яблоков Н. П.* Научные основы методики расследования // Криминалистика: учеб. для вузов / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 1996. С. 485–486.

[3] *Возгрин И. А.* Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 294.

[4] *Чурилов С. Н.* Принципы разработки и построения частных криминалистических методик: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1981. С. 15.

[5] *Лузгин И. М.* Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. 1977. № 2. С. 65.

и методов ОРД для раскрытия однотипных групп или видов преступлений в оперативно-розыскной теории длительное время исследовались в рамках правовых, организационных и тактических основ ее предмета. Результатами таких исследований являлись многочисленные научно обоснованные методические рекомендации по оптимальному применению «инструментария» оперативно-розыскной деятельности в борьбе с отдельными видами преступлений. По существу, эти рекомендации, изложенные в научных, учебных изданиях, и представляют собой частные оперативно-розыскные методики раскрытия преступлений. В целом они положительно воспринимаются практикой и, безусловно, вооружают оперативных работников необходимыми профессиональными знаниями и умениями. В то же время эти разработки зачастую отстают от реальных потребностей оперативно-розыскной практики, содержат много общих, трудно применимых положений, не имеют достаточного научного обоснования. Причина заключается в том, что проведенные в последние годы исследования, касающиеся проблем оперативно-розыскной методики, пока не сформировали такую ее теоретическую концепцию, которую можно было бы отнести к общепризнанной. Недостаточная научная проработка методологических основ оперативно-розыскной методики порождает у исследователей многочисленные вопросы, связанные с определением основных понятий, характеристикой ее структурно-содержательных элементов, принципами ее построения и практического применения. Данные проблемы должны быть предметом самостоятельных научных исследований в теории оперативно-розыскной деятельности с учетом достижений криминалистики.

*В. Н. ДОЛИНИН**

Особенности программирования первоначального этапа расследования убийств, совершенных на открытой местности

В структуре умышленных убийств значительную долю занимают убийства, совершенные на открытой местности. На открытой местности (в парках, скверах, лесном массиве, во дворах жилых домов и т. д.) совершаются не только бытовые убийства, но и наиболее тяжкие, опас-

* Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

ные, в условиях неочевидности: серийные убийства по сексуальному мотиву, корыстному мотиву, мести; «заказные убийства»; убийства с использованием различных инсценировок и др.

В последнее время в следственной практике все чаще используется ситуационный подход в расследовании отдельных видов преступлений[1]. В большей степени это относится к наиболее распространенным и тяжким преступлениям, в частности к убийствам, совершенным на открытой местности.

Расследование каждого преступления отличается спецификой из-за наличия разнообразных факторов объективного (место, время осуществления расследования, характер возникшей доказательственной информации) и субъективного (уровень профессиональной подготовки следователя, поведение лиц, причастных к расследованию, и т. д.) характера, т. е. сложившейся следственной ситуации, которые в криминалистической науке принято делить на простые и сложные[2].

В содержание следственной ситуации необходимо включить такие факторы объективного и субъективного характера, которые, во-первых, оказывают существенное влияние на формирование всех разновидностей следственных ситуаций и, во-вторых, могут являться основанием для полной квалификации следственных ситуаций и их дальнейшего углубленного исследования. В процессе расследования убийств целесообразно детализировать, типизировать следственные ситуации.

Существование типичных следственных ситуаций, т. е. ситуаций, в которых имеется значительное количество ранее встречающихся элементов, создает предпосылки для разработки и использования алгоритмов решений, возникающих при расследовании задач в период предварительного следствия[3]. При этом имеется в виду не жесткая, а гибкая алгоритмизация.

Типизация ситуаций предполагает наличие перечня типичных следственных версий и оптимальных программ проведения следственных действий и розыскных мероприятий по их проверке.

---

[1] *Драпкин Л. Я.* Ситуационный подход в криминалистике: теоретические и практические основы // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора Л. Я. Драпкина. Екатеринбург, 2014. С. 6–22.

[2] *Драпкин Л. Я.* Криминалистические и оперативно-розыскные аспекты раскрытия и расследования преступлений: учеб. пособие. Екатеринбург, 2014. С. 26.

[3] *Долинин В. Н.* Программирование расследования краж автотранспортных средств // Правоохранительные органы. 2013. № 2. С. 47.

Поэтому большинство ученых и практиков склоняются к разработке и реализации программ расследования отдельных видов преступлений[1].

Анализ многочисленных уголовных дел об убийствах, совершенных на открытой местности, позволяет выделить следующие типичные следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования.

1. Убийство очевидное: известны преступник и потерпевший, преступник задержан, вину признает полностью или частично. Это относится к совершению бытовых убийств во дворах частных жилых домов на почве личных неприязненных отношений или из-за ревности.

2. Убийство очевидное: известны преступник и потерпевший, однако преступнику удалось скрыться от следствия, местонахождение его неизвестно.

3. Убийство очевидное: личность потерпевшего известна, имеются отдельные данные о личности преступника (признаки внешности, приметы одежды), но сам преступник не задержан.

4. Убийство неочевидное: личность потерпевшего неизвестна, однако есть возможность опознать труп, преступник неизвестен.

5. Убийство неочевидное: личность потерпевшего известна (имеется заявление об исчезновение человека), данных о преступнике нет («убийство без трупа»).

6. Убийство неочевидное: личность потерпевшего неизвестна, труп опознать невозможно, в связи с обезображиванием лица трупа или обнаружения частей расчлененного трупа («неопознанный труп»), данных о преступнике нет.

Для разрешения типичных следственных ситуаций следователь выдвигает типовые версии и составляет план расследования. Особенности планирования при убийствах заключаются в следующем:

по преступлениям, совершенным в условиях неочевидности, наиболее оптимальный состав следственной группы должен составлять не менее 10 человек: 1 следователь, 3–4 сотрудника уголовного розыска, 2–3 участковых уполномоченных полиции, кроме этого специалист-криминалист, судебный медик, иногда кинолог;

план составляется развернутый и подробный, что позволяет детализировать действия. Основу плана составляют версии. Типовые версии по делам об убийствах, совершенных на открытой местности следующие: убийство совершено конкретным лицом (бытовое убийство); убийство совершено лицом из круга знакомых, родственников; убий-

[1] Криминалистика: учеб. / под ред. Л. Я. Драпкина. М., 2013. С. 492; *Карагодин В. Н.* Основы методики расследования умышленных убийств: учеб. пособие. Екатеринбург, 2010. С. 102–105.

ство совершено лицом из круга сослуживцев, коллег по работе; убийство совершено лицом из числа других связей потерпевшего, в том числе и связей криминальных; убийство совершено ранее судимыми лицами за аналогичные преступления, совершенные подобным способом; убийство совершено лицом ранее не судимым, но состоящим на оперативном учете в органах МВД РФ; убийство совершено сексуальным маньяком; убийство совершено профессиональным наемным убийцей (киллером).

Для проверки версий следователь планирует и реализует программу следственных действий и розыскных мероприятий. В каждой следственной ситуации содержание и алгоритм действий может быть различным. В комплекс первоначальных следственных и розыскных действий каждой из ситуации чаще всего входят следующие программы действий.

Для первой следственной ситуации характерна следующая программа действий: 1) осмотр места происшествия; 2) осмотр трупа с целью фиксации и изъятия следов совершенного преступления; 3) допрос подозреваемого об обстоятельствах совершенного преступления; 4) назначение судебно-медицинской экспертизы трупа; 5) назначение криминалистических экспертиз; 6) допрос очевидцев и свидетелей преступления; 7) проверка показаний на месте; 8) предъявление для опознания подозреваемого; 9) очная ставка.

Во второй следственной ситуации программа может быть следующая: 1) осмотр места происшествия и трупа; 2) назначение судебно-медицинской экспертизы трупа; 3) назначение и распространение ориентировок с признаками внешности скрывшегося преступника; 4) проведение обыска по месту жительства и работы подозреваемого, а также у его родственников и знакомых; 5) допрос подозреваемого, а также его родственников и знакомых; 6) наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию; 7) организация прослушивания телефонных переговоров с близкими ему лицами в соответствии со ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» или ст. 186 УПК РФ; 8) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в соответствии со ст. 186.1 УПК РФ; 9) установление и проверка связей подозреваемого, в том числе в других регионах; 10) допросы возможных свидетелей и очевидцев преступления; 11) назначение криминалистических экспертиз; 12) назначение психиатрических, психологических экспертиз, сексопатологических (при установлении сексуального мотива).

Программа действий в третьей следственной ситуации может быть следующая: 1) после осмотра места происшествия и трупа в пер-

вую очередь необходимо установить личность подозреваемого. С этой целью необходимо: 2) опросить очевидцев и свидетелей преступления по признакам внешности подозреваемого, приметам его одежды с использованием метода словесного портрета; 3) на основании полученных описаний составляется и распространяется ориентировка с целью розыска убийцы; 4) назначается судебно-медицинская экспертиза трупа; 5) проводится проверка по криминалистическим и розыскным учетам; 6) назначаются криминалистические экспертизы; 7) при наличии свидетелей составляется фоторобот преступника; 8) после установления подозреваемого проводятся его задержание, личный обыск, освидетельствование и допрос; 9) проводится обыск по месту жительства и работы с целью обнаружения орудия убийства и других следов преступления.

Программа действий в четвертой следственной ситуации может иметь следующий алгоритм: 1) необходимо произвести детальный осмотр трупа: описываются признаки внешности по методу словесного портрета, труп фиксируется по правилам опознавательной фотосъемки, фиксируются особые приметы, татуировки на трупе. Описывается состояние зубов и делаются слепки челюстей. Изготавливаются гипсовая маска лица, кистей рук и ступней ног трупа. Изготавливается дактилокарта. Определяется возраст, рост, расовые признаки. Изымается подногтевое содержимое, делаются смывы в ушах, иных местах. Особо отмечаются следы, указывающие на род занятий, профессию, место жительства, привычки. Осмотру подлежит одежда, обувь, личные вещи потерпевшего, которые затем отправляются на экспертное исследование, составляется опознавательная карта; 2) производится осмотр места происшествия; 3) назначается судебно-медицинская экспертиза трупа; 4) назначаются криминалистические экспертизы; 5) проводится проверка по криминалистическим и розыскным учетам; 6) необходимо предъявить труп для опознания родственникам, знакомым, соседям; 7) необходимо произвести подворно-поквартирный обход, с целью установления свидетелей; 8) при совершении убийства на открытой местности, имеющей большую протяженность, проводится обследование территории, примыкающей к месту преступления с целью установления следов и орудий убийства, а также иные сведения. В зависимости от характера обстановки места происшествия свидетелями могут быть: а) пожилые и молодые люди, находящиеся во дворе; б) сотрудники торговых и других объектов, расположенных вблизи места происшествия; в) отдыхающие, случайные прохожие в парках и скверах; г) лесники, егеря, охотники в лесном массиве и т. д.; 9) необходимо установить наличие камер наружного видеонаблюдения, произ-

вести их выемку и осмотр и извлечь необходимую информацию. Это позволит установить пол и возраст преступника, его телосложение, особенности походки, наличие транспорта и другие сведения, способствующие розыску убийцы; 10) при установлении подозреваемого проводится следующий алгоритм действий: задержание, личный обыск, выемка и осмотр его одежды, допрос в качестве подозреваемого.

Программа действий при расследовании убийства в пятой ситуации («без трупа»): 1) опрос заявителя с целью получения информации о личности пропавшего, признаков его внешности, образе жизни, взаимоотношений с родственниками, наличии или отсутствии серьезных конфликтов в семье, планах на ближайшее будущее, намерении уехать или уйти из дома, приятельских и недружелюбных отношений, интимных связях, адресах его родственников, знакомых, местах отдыха и командировок в последние годы, наличии заболеваний, которые могли бы привести к скоропостижной смерти, потеря памяти; 2) получение фото пропавшего, образцов его почерка, следов пальцев рук, установление связей и их опрос; 3) установление времени исчезновения: в какое время, где, при каких обстоятельствах пропавшего видели в последний раз, какие события этому предшествовали в его личной, семейной жизни и работе; какие вещи, одежда, документы, ценности были при нем, а какие остались в жилище или по месту работы; 4) проверить имеющиеся данные по учету неопознанных трупов и пропавших без вести, поставить исчезнувшего на учет; 5) проверить больницы, морги, следственные изоляторы; 6) проверить информацию по месту работы и по месту жительства, по всем адресам его родственников и знакомых, допросить их; 7) выяснить, не было ли в период исчезновения транспортных и иных катастроф, стихийных бедствий, массовых драк, беспорядков и т. п.; 8) установить сведения о наличии преступных связей исчезнувшего, угроз в его адрес и т. п.; 9) провести осмотр жилища с целью обнаружения следов убийства или его сокрытия в жилище; 10) допросить родственников, соседей, знакомых, где и кто его видели в последний раз в предполагаемых местах совершения преступления; 11) при установлении подозреваемого проводится алгоритм действий аналогичный предыдущей ситуации.

Программа действий в шестой следственной ситуации может быть следующая: в первую очередь необходимо установить личность потерпевшего: 1) с этой целью труп предъявляется для опознания; 2) проводится проверка по учетам неопознанных трупов и без вести пропавших; 3) проводится проверка по дактилоскопическим учетам; 4) назначается судебно-медицинская экспертиза трупа; 5) назначаются криминалистические экспертизы; 6) допрашиваются лица, обнаружив-

шие труп. При допросе необходимо установить, не видели ли они на месте обнаружения трупа подозрительных лиц; если видели, то указываются приметы этих лиц. В случае установления без вести пропавших лиц, имеющих сходные приметы с обнаруженным трупом, проводится сопоставление признаков внешности пропавших без вести и неопознанного трупа; 7) проводится опознание одежды, предметов, обнаруженных на трупе; 8) при обнаружении частей расчлененного трупа осуществляется целенаправленный поиск других частей трупа; 9) одновременно проводятся следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия для выявления лиц, пропавших без вести, но еще не взятых на соответствующий учет; 10) при обнаружении новой части трупа производится осмотр места происшествия и части трупа, а также упакованный материал, в котором обнаружили части тела; 11) предъявляются для опознания все обнаруженные части трупа. При этом важно выяснить: как, когда, откуда и кем доставлена часть трупа на место ее обнаружения, тщательно зафиксировать особенности ее упаковки и те признаки трупа, которые важны для отождествления личности; 12) назначение судебно-медицинской экспертизы, которая позволит установить: принадлежат ли найденные части трупа одному лицу, какие части тела и органы отсутствуют; каковы пол, возраст, раса и национальность жертвы; какова причина и давность смерти; имеются ли прижизненные повреждения, их характер, расположение и происхождение; какова группа крови; каким орудием произведено расчленение трупа и есть ли признаки профессионального умения; какую пищу употребил убитый перед смертью, а также выясняется вопрос о наличии следов алкоголя, ядов и наркотиков[1]; 13) при установлении подозреваемого проводится алгоритм следственных действий: задержание, личный обыск, выемка и осмотр одежды, освидетельствование и допрос подозреваемого; 14) назначается молекулярно-генетическая экспертиза, которая позволяет идентифицировать убийцу, что является важнейшим доказательством[2]; 15) назначается комплексная психолого-психиатрическая экспертиза для определения психического состояния подозреваемого в момент совершения преступления[3]; 16) Проводится проверка показаний на месте с использованием фото и видеосъемки, муляжей, манекенов и др.

---

[1] *Карагодин В. Н.* Основы методики расследования умышленных убийств: учеб. пособие. Екатеринбург, 2010. С. 81–82.

[2] *Драпкин Л. Я., Долинин В. Н., Шуклин А. Б.* Расследование серийных убийств: учеб. пособие. Екатеринбург, 2016. С. 87.

[3] Криминалистика / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина и др. М., 2013. С. 690.

*Л. Я. ДРАПКИН**

Ситуационный подход в криминалистической теории и практической деятельности правоохранительных органов

Раскрывая и расследуя преступления (в данной статье эти два понятия отделены друг от друга и им придается различное значение), следователь использует разные механизмы мыслительной деятельности (блоки мышления), стремясь установить и доказать обстоятельства, предусмотренные пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ[2]. С ситуационных позиций раскрытие преступлений состоит в устранении прежде всего сложных проблемных ситуаций и образованием вместо них непроблемных (простых) ситуаций, в которых указанные выше обстоятельства полностью доказаны. Кроме проблемных ситуаций в процессе расследования могут возникать и другие виды сложных следственных ситуаций: конфликтные, тактического риска, неупорядоченные организационно-управленческие, мнимо простые и комбинированные ситуации, а также (впервые выделим их отдельно) так называемые тупиковые ситуации. Различное содержание и направленность всех этих сложных ситуаций обусловлены различными разновидностями информационной неопределенности, которые лежат в основании каждой из них.

В основе проблемной ситуации находится так называемая семантическая неопределенность, которая возникает в процессе раскрытия преступлений, в связи с недостаточностью, противоречивостью исходных данных, находящихся в распоряжении следователя, повышенной

---

* Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

[1] В соответствии с положениями ч. 2 ст. 317.1, п. 1, 2 ч. 1 ст. 317.5, п. 1 ч. 2 ст. 317.6, п. 1, 2 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ в Уголовно-процессуальный кодекс внесена отсутствующая ранее дефиниция «раскрытие преступлений», в связи с чем понятие «расследование преступлений» приобретает иное значение, не совпадающее с названной ранее дефиницией.

Кроме того, в п. 4 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ определен и «предмет доказывания», в содержание которого законодателем включены нормы пп. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Другие обстоятельства, предусмотренные пп. 5–8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, не входят в «предмет доказывания», поскольку они не определяют саму суть совершенного или готовящегося преступления. Следует также учесть, что по уголовным делам они доказываются сравнительно легко, особенно если элементы предмета доказывания выявлены.

латентностью источников (носителей) дополнительной информации, а также существенной сложностью стоящих перед следователем задач (первая объективная группа трудностей).

Кроме того, проблемные трудности могут возникнуть и по субъективным причинам, когда следователь в силу низкого профессионального уровня, отсутствия у него необходимых аналитических, поисковых и иных творческих способностей не в состоянии правильно оценить создавшуюся ситуацию и найти дополнительные источники информации.

Проблемные ситуации чаще всего возникают на первоначальном этапе расследования, но нередко они образуются и на последующих этапах расследования уголовных дел с большим числом преступных эпизодов и подозреваемых, когда выявляются дополнительные эпизоды и новые субъекты преступной деятельности. В этих случаях процесс раскрытия преступлений приобретает многоэтапный характер.

Так, по уголовному делу по обвинению К. М. Волошина длительное время не удавалось доказать его виновность в систематическом и многолетнем хищении алкогольной продукции со складов крупного торгово-закупочного предприятия.

Тем самым по уголовному делу возникла острая проблемная ситуация, связанная с отсутствием убедительных доказательств вины Волошина и источников дополнительной доказательственной информации. Была выдвинута версия о преступной связи Волошина с отдельными получателями товара. Несмотря на обширный список получателей, эта версия была тщательно проверена. Лишь после производства сложной бухгалтерской ревизии и необходимых следственных действий был выявлен механизм хищения, который состоял из нескольких этапов. На первом этапе Волошин создавал большой резерв продукции для последующего ее хищения за счет незначительного обмана подавляющего большинства получателей крупных партий. Второй этап заключался в передаче накопленных излишков нескольким сообщникам, которые сбывали спиртное. Вырученные деньги преступники делили между собой[1].

Следует подчеркнуть, что по данному уголовному делу личность подозреваемого была установлена сразу, поскольку служебное положение К. М. Волошина и его материальная ответственность прямо свидетельствовали против него. Однако достаточных доказательств его вины не было, поскольку подозреваемый предъявил многочисленные фаль-

[1] Уголовное дело по обвинению Волошина К. М., Лебедева С. Ю., Семенова П. С. и других // Архив Свердловского областного суда.

шивые документы, свидетельствующие о кражах с базы и недополучении товара от зарубежных поставщиков, которым не предъявлялось претензий.

Наибольшая трудность в расследовании рассмотренной группы преступлений заключается в выявлении самого события (факта) совершения криминального деяния, поскольку оно носит латентный (скрытый) характер. Кроме того, преступники и их сообщники прилагают максимум усилий для сокрытия признаков таких деяний. Это важная особенность возникновения проблемных ситуаций, большую роль в выявлении которых играет оперативно-розыскная деятельность.

По уголовным делам о преступлениях против личности проблемные ситуации носят иной характер. Так, по уголовному делу об изнасиловании и убийстве Х. проблемная ситуация возникла в связи с неустановлением личности преступников. Выявленные по оперативным данным лица после проверки соответствующих версий оказались невиновными. После двух месяцев расследования уголовное дело было передано другому следователю, который после тщательного изучения аналогичных уголовных дел, в том числе нераскрытых, выдвинул три следственные версии. Одна из них полностью подтвердилась, и преступники – И. С. Карпов и С. М. Сарматов – были изобличены в изнасиловании и убийстве потерпевшей[1]. По данному уголовному делу, как и по другим аналогичным преступлениям, после получения данных о личности подозреваемых процесс доказывания их вины осуществляется значительно легче.

По второй рассмотренной группе преступлений (убийства, изнасилования, кражи и т. д.) проблемная ситуация возникает в ходе доказывания виновности субъекта криминального деяния, тогда как сам факт преступного события в подавляющем числе ситуаций выявляется сравнительно легко. В данном случае особенности оперативно-розыскной деятельности заключаются в ее активной роли на обоих этапах раскрытия преступления – при выявлении факта преступного деяния и при доказывании виновности субъекта преступления.

Еще раз подчеркнем, что в основании всех семи разновидностей сложных следственных ситуаций лежат различные типы информационной неопределенности. Ранее в статье было отмечено, что возникновение проблемной ситуации обусловлено воздействием семантической неопределенности, всегда связанной с отсутствием или существенным недостатком необходимых для доказывания и регламентированных

[1] Уголовное дело по обвинению Карпова И. С. и Сарматова С. М. // Архив Свердловского областного суда.

ч. 1 ст. 73 УПК РФ обстоятельств. Кроме того, в проблемных ситуациях возможные источники (носители) еще не выявленной дополнительной информации, которая могла бы устранить проблемную ситуацию, носят латентный (скрытый) характер, и далеко не каждый следователь может их выявить и успешно использовать. Тем самым проблемные трудности заключаются в возникновении логико-информационных барьеров, связанных с полным или частичным отсутствием сведений о различных обстоятельствах предмета доказывания и прежде всего о личности преступника. То же самое можно сказать об упомянутых ранее тупиковых ситуациях, в которых трудности получения дополнительной информации значительны, а иногда и непреодолимы.

Итак, вторую разновидность сложных следственных ситуаций составляют тупиковые ситуации[1]. Некоторые проблемные ситуации имеют настолько острый и почти неразрешимый, даже с помощью версий, характер, что возникает необходимость в применении других методов. Отличие этой ситуации от ситуации проблемной заключается, во-первых, в особой сложности установления и доказывания вины лица, совершившего преступление, а во-вторых, в том, что подобные ситуации преодолеваются с помощью метода интуиции, а не метода выдвижения и проверки версий, пригодного для ситуаций проблемных. При тупиковых ситуациях интуитивные догадки, направленные на их разрешение, не выдвигаются, а внезапно возникают в сознании следователя и лишь затем – проверяются.

Отметим лишь некоторые особенности тупиковых ситуаций и интуиции – метода их преодоления:

1) творческое содержание интуиции наиболее высокое и составляет «1» (единицу), в связи с этим в простых ситуациях она неприменима;

2) надежность интуиции в тупиковых ситуациях достаточно высока. Кроме метода интуиции преодолеть тупиковые ситуации можно лишь методом случайного поиска, который малонадежен;

3) исходные данные (фактическая и теоретическая базы) в тупиковых ситуациях незначительны, что делает невозможным их преодоление версионным путем;

4) механизмы интуитивной догадки до сих пор достоверно неизвестны. По нашему мнению, в основе интуитивной догадки (озарения) лежат сверхдальние ассоциации, «всплывающие» в сознании следова-

[1] *Каминский А. М.* Анализ и моделирование как средство преодоления тупиковых ситуаций расследования. Ижевск, 1998; *Драпкин Л. Я.* Тупиковые ситуации в процессе раскрытия и расследования преступлений: теоретические и практические аспекты их преодоления.

теля под воздействием длительного и утомительного перебора разнообразных вариантов решения;

5) мышление следователя и его память должны обладать высокой степенью готовности для выдачи необходимой информации. Интуитивная догадка сразу же преобразует тупиковую ситуацию в значительно более понятную и легко объяснимую. Тем не менее любая интуитивная догадка должна быть проверена версионным методом.

Третьей разновидностью сложных следственных ситуаций являются конфликтные ситуации, содержание которых составляют препятствия тактико-психологического и тактико-информационного характера. Конфликтные трудности, главным образом, заключаются в противодействии обвиняемых и подозреваемых, занимающих негативную позицию по уголовному делу, а также недобросовестных свидетелей и даже некоторых потерпевших, планам и намерениям следователей, направленным на объективное, всестороннее и полное расследование преступлений.

Конфликтная ситуация в расследовании основывается на второй разновидности информационной неопределенности – стратегической, которая создает зону неизвестности и неоднозначности в отношении планов и намерений противодействующей стороны. В связи с сильным влиянием стратегической неопределенности сущность конфликтной ситуации составляют два конфликтогенных фактора: тактическое соперничество сторон конфликта и состояние неопределенности этих сторон в отношении планов, действий конфликтующих субъектов.

Конфликтная ситуация разрешается путем эффективного применения методики рефлексивного управления. В ходе рефлексивного управления следователь не только выявляет возможные действия соперников, но и успешно проводит свою систему контрдействий, так как при его превосходстве над соперником может скрыто управлять его поведением.

В основе рефлексивного управления лежат тонкие аналитико-синтетические механизмы мышления, многократные исследования возможностей соперника и высоковероятностный вывод, а также способность быстрого изменения решений.

Четвертая разновидность сложных следственных ситуаций – ситуации тактического риска – обусловлена сложным вероятностным характером выбора следователями одного из возможных способов действий, каждое из которых не только не гарантирует достижение намеченной цели, но и при неудачном результате не исключает риска наступления дополнительных негативных последствий.

В основе следственной ситуации тактического риска лежит синтаксическая неопределенность, которую можно определить как особое отношение между возможными способами действий следователя, направленными на достижение намеченной цели, и не гарантированными результатами их реализации. В таких условиях основными задачами следователя являются выбор оптимальной линии тактического поведения и подготовка резервных вариантов действий в случаях неудачи основного варианта тактического поведения.

Ситуации тактического риска, при которых могут произойти серьезные негативные последствия, нередко возникают при производстве отдельных следственных действий.

Ситуации тактического риска чаще всего возникают при производстве очных ставок, обысков, выемок и некоторых других следственных действий, когда они проводятся без достаточной подготовки и без предвидения негативных действий противостоящего субъекта.

Пятая разновидность сложных следственных ситуаций – организационно-неупорядоченная – возникает из-за значительных организационно-управленческих трудностей, связанных с недостатком времени, сил, средств, отсутствием или неоптимальным планированием процесса расследования, несвоевременным созданием следственных групп, неумением создать четкую систему раскрытия преступлений, низким уровнем взаимодействия с оперативно-розыскными службами, экспертными и другими подразделениями. Наиболее частые следствия этой ситуации – непоследовательность в производстве процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, нарушение процессуальных сроков, многочисленные допросы одних и тех же лиц без достаточного основания, волокита по находящимся в производстве следователя уголовным делам, возвращение дел, направленных прокурору для утверждения обвинительного заключения и т. д.

Организационно-управленческие трудности возникают не только при расследовании следователем одного уголовного дела. Аналогичные сложные следственные ситуации могут возникать в ходе расследования всех дел, находящихся в производстве одного следователя или следственной группы.

Эта негативная ситуация разрешается четким планированием расследования. При этом целесообразно использовать систему планов: общий план расследования уголовного дела, планирование отдельных этапов процесса расследования и производства отдельного следственного действия, план взаимодействия с органами дознания.

Шестая разновидность сложных следственных ситуаций, так называемые мнимо простые ситуации, возникающие в силу субъективных или объективных причин, рассматриваются следователем как простые, хотя в действительности являются разновидностями одной из сложных ситуаций: проблемной, конфликтной, тактического риска или же организационно-неупорядоченной.

Основная роль в создании ошибочной ситуации несомненно принадлежит подозреваемому (обвиняемому), сумевшему «переиграть» следователя в сложной тактико-психологической борьбе и умело навязать ему свой вариант ситуации.

Рассматриваемая латентная ситуация может быть преодолена путем анализа замаскированных действий соперника, многочисленными тестами следователя в ходе допросов, проведением очных ставок и постоянным проведением негласной оперативной работы.

В данной ситуации следственная деятельность должна преимущественно проводиться не отдельными процессуальными действиями, а тактическими операциями и тактическими комбинациями.

Седьмая сложная следственная ситуация – комплексная ситуация – возникает в связи с интеграцией нескольких разновидностей значительных трудностей в одну комплексную ситуацию. При этом комплексная ситуация не обязательно должна быть более трудной для преодоления, чем одна из ситуаций, входящих в этот комплекс. Разрешение сложных ситуаций чаще всего зависит не от количества, а от сложности каждой ситуации из всех, входящих в комплекс. Чаще всего к комплексным сложным ситуациям относятся проблемно-конфликтные ситуации. Описанное обычно происходит по многоэпизодным уголовным делам, либо по делам с большим числом подозреваемых (обвиняемых), когда по одним эпизодам, или в отношении одних обвиняемых (подозреваемых) возникают проблемные ситуации, а по другим эпизодам или виновным лицам – ситуации конфликтного характера.

Разрешение комплексной ситуации напрямую связно с правильным применением соответствующих методов и приемов, с помощью которых будут преодолены отдельные сложные ситуации, составляющие ее структуру.

Кроме семи рассмотренных сложных ситуаций, в ходе расследования преступлений возникают и простые следственные ситуации, разрешение которых не представляет значительных трудностей.

Все изложенное ранее позволило сформулировать следующую дефиницию следственной ситуации: это динамическая информационная система, отражающая с разной степенью адекватности информацион-

но-логическое, информационно-эвристическое, тактико-психологическое, тактико-рискованное, тактико-управленческое и организационное состояние, сложившееся по уголовному делу и отражающее благоприятный или неблагоприятный характер процессов раскрытия и расследования преступлений.

Ситуационные исследования позволили выявить важную причину повышенной трудности доказывания – исключительно высокие требования к индивидуализации виновного лица. Он всегда должен быть отражен в единичном понятии. В случае совершения преступления группой лиц каждый ее участник также должен быть индивидуализирован.

По уровню конкретизации все обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 73 УПК РФ, можно дифференцировать на две группы.

К первой группе относятся такие обстоятельства, как личность преступника и потерпевшего. Они должны быть воплощены в индивидуальные объекты, отраженные в единичных понятиях.

Ко второй группе преступлений относятся такие обстоятельства, как сам факт совершения определенного преступления (убийство, кража, грабеж и т. д.), способ совершения криминального деяния, время и место его совершения, характер и размер ущерба, форма вины и мотивы.

Обстоятельства второй группы в ситуации, когда личность преступника не установлена и преступление не раскрыто, должны устанавливаться с высокой степенью точности, тогда как в ситуациях, когда преступление раскрыто и личность виновного установлена, требования максимальной конкретизации могут быть снижены. В первой названной ситуации (преступление не раскрыто) конкретизация обстоятельств второй группы имеет огромное эвристическое (поисковое) значение для раскрытия преступления (достоверное установление личности виновного), а иногда и личности потерпевшего.

В криминалистике постоянно подчеркивается высокая эффективность раскрытия преступлений по способу его совершения. Выдающийся российский логик М. И. Каринский отмечал, что «…специфически охарактеризовать интересующий субъект означает выделение его из массы других субъектов»[1]. Представляется, что специфичность самого способа раскрытия преступления, его надежность в процессе идентификации тем выше, чем он менее распространен, чем у́же база, на которой он был сформирован.

---

[1] *Каринский М. И.* Классификация выводов // Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956. С. 158.

Неменьшее поисковое значение имеет точное установление времени и места совершения преступления в совокупности. М. И. Каринский отмечал, что «…эти определения достаточно надежны, чтобы на их основании установить тождество предметов… единичность действия или явления… ограниченность места и времени дают возможность гипотетическому процессу... совершаться строже и полнее, а вместе с тем достигнуть точного результата»[1]. Тем самым точное установление места и времени, в которых виновные лица осуществляют конкретные криминальные действия, способствует выдвижению перспективных версий.

Способ, место и время совершения преступления образуют чрезвычайно эффективную триаду, позволяющую во многих случаях преодолеть самую острую проблемную ситуацию.

В проблемной ситуации, когда неизвестен преступник, необходимо установить не только все обстоятельства предмета доказывания, но и остальные обстоятельства, предусмотренные ст. 74 УПК РФ.

Ситуационный подход (ситуационная парадигма) особенно эффективен в динамичных, неопределенных и вероятностных процессах, к которым в полной мере относится раскрытие преступлений.

Ситуационный подход возник в научных дисциплинах, исследующих сложные, вероятностные, неопределенные и рискованные процессы, явления и объекты, во второй половине XX столетия. Ситуационная парадигма пришла на смену парадигме системной, которая ранее полностью удовлетворяла научные исследования, но впоследствии наука стала все более и более вторгаться в мир вероятностей.

В 1960–1970-х гг. известный американский науковед Т. С. Кун разработал интересную концепцию научных революций, которая основана на постоянной смене одного научного направления другим, более оптимальным. Т. Кун полагал, что новое научное направление будет господствовать в науке, подавляя все другие направления[2]. Парадигма (от греч. παράδειγμα – пример, образец, стиль), по мнению Т. Куна, сменяет старую парадигму, когда та исчерпала все свои возможности[3]. Появление новой парадигмы происходит, главным образом, потому что она более соответствует действительности и принципу развития. Именно такой парадигмой в настоящее время является ситуационное направление в науке.

---

[1] *Каринский М. И.* Классификация выводов. С. 158.

[2] *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.

[3] Новый энциклопедический словарь. М., 2008. С. 874.

Однако утверждение Т. Куна о полном господстве новой парадигмы крайне сомнительно. Прогрессивные аспекты старой парадигмы органически включаются в новую парадигму, успешно участвуя в научных исследованиях. Следует отметить, что кроме глобальной парадигмы, действующей во всех научных дисциплинах, существуют, по нашему мнению, и локальные парадигмы, на которых основаны научные исследования в отдельных науках.

Итак, ситуационная парадигма сменила господствовавшую ранее в середине XX в. системную парадигму. Основатель общей теории систем австрийский ученый биолог Л. Берталанфи, считая созданную им теорию всеобъемлющей, утверждал: «…Мир есть система систем»[1]. Однако стремительное проникновение новых теорий в фундаментальные и прикладные науки привело к перелому в мышлении ученых и созданию ситуационной парадигмы. Важным аспектом ситуационного подхода является самое широкое использование методики моделирования, в том числе математического. Используя метафору Берталанфи, приведенную ранее, можно утверждать, что «мир есть ситуация ситуаций». В настоящее время ситуационный подход справедливо рассматривается как общенаучное средство познания.

Особенно глобальное значение ситуационный подход в научных исследованиях стал приобретать в связи с разработкой таких направлений в науке, как теория катастроф, необратимых процессов, и других научных направлений, в которых развиваются идеи хаоса, всеобщей недетерминированности и вероятностного течения процессов. Следует отметить, что вероятностный, рискованный процесс раскрытия и расследования преступлений давно нуждался в ситуационном научном подходе для решения многих труднопредсказуемых задач.

Системный подход, хорошо действующий в простых, стабильных процессах с достоверным и логически предсказанным выводом, давно не удовлетворял ученых-криминалистов и практических работников органов следствия и дознания. Новый ситуационный подход позволил разработать эвристическую теорию версий, рефлексивного мышления, тактического риска, тактических комбинаций и операций, ослабленных алгоритмов и т. д.

Ситуационный подход приобрел огромное значение в военном деле, спорте, особенно в его игровых видах, обучении, политике, экономике, экологии, психологии и других направлениях науки и практической деятельности, в которых требуется многошаговое предвидение.

---

[1] *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем – критический обзор. М., 1969.

Другим не менее важным фактором является его применимость к действиям в условиях недостаточности и противоречивости исходной информации.

Многие исследователи ситуационного движения отмечают, что это научное направление первоначально возникло в экономике[1]. В нашей стране ситуационное направление в науке впервые начали разрабатывать представители научной школы академика Д. А. Поспелова в 1960-х гг.[2] Примерно в то же время появились первые работы, посвященные использованию ситуационного подхода в криминалистике. Так, в 1967 г. в своей докторской диссертации А. Н. Колесниченко попытался сформулировать определение следственной ситуации[3]. Но в связи с абстрактностью и недостаточной глубиной этой дефиниции она была забыта на целых шесть лет. Лишь в 1973 г. В. К. Гавло уточнил понятие следственной ситуации, связав его с разработкой одного из видов криминалистических методик[4].

Однако значительно раньше, в 1967 г., известный ученый-криминалист А. Р. Ратинов разработал, правда вне связи с общим понятием следственной ситуации, глубокую и весьма полезную разновидность следственной ситуации – конфликтную ситуацию[5]. Работа А. Р. Ратинова внесла значительный вклад в теорию следственных ситуаций, поскольку он предложил довольно эффективные методы преодоления противодействия со стороны конфликтующих со следователем субъектов.

В 1972 г. мною была защищена кандидатская диссертация, в которой основное внимание было уделено одной из разновидности следственных ситуаций – проблемной ситуации[6].

В 1975 г. кафедрой криминалистики СЮИ (ныне УрГЮУ) был издан сборник научных трудов «Следственные ситуации и раскрытие преступлений». Авторами сборника исследовались как общетеоретические (Л. Я. Драпкин), так и отдельные аспекты названной выше научной проблемы, имеющей огромное практическое значение (Ф. В. Глазырин, В. С. Максимов, А. Л. Филющенко, С. П. Сухов, А. Д. Трубачев,

---

[1] *Ахметьянов В. С.* Философские аспекты ситуационного движения // Вестн. КРСУ. 2012. № 3. Т. 12.

[2] *Клыков Ю. М.* Ситуационное управление большими системами. М., 1974.

[3] *Колесниченко А. Н.* Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. Харьков, 1967.

[4] *Гавло В. К.* О следственной ситуации в методике расследования хищений с участием должностных лиц // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973.

[5] *Ратинов А. Р.* Судебная психология для следователей. М., 1967.

[6] *Драпкин Л. Я.* Построение и проверка следственных версий. М., 1972.

А. П. Онучин, П. В. Гончаров). Статьи этого сборника обосновывали модельно-информационный характер ситуационного подхода, его возможности в раскрытии и расследовании преступлений.

В этом сборнике были исследованы только три сложных следственных ситуации: проблемные, конфликтные и комплексные, поскольку к этому времени были выявлены и исследованы только эти разновидности сложных ситуаций, а также простая следственная ситуация. Позднее, в докторской диссертации[1] и в других многочисленных работах, мною были выявлены и описаны еще четыре сложных ситуации: тактического риска, тупиковые, мнимо простые и неупорядоченные организационно-управленческие.

Следует иметь в виду, что степень адекватности всех семи сложных ситуаций может быть самой разной: от полной идентичности до полного несовпадения. Именно поэтому, принимая различные решения в ходе устранения проблемных, конфликтных, рискованных и других существенных трудностей, следователи руководствуются не самими реальными сложными ситуациями, а их информационными моделями.

Что касается философии, то к понятию и значению ситуационного направления она подошла значительно позднее, после обобщения результатов в других отдельных научных дисциплинах. Так, лишь в 2003 г. известный философ Н. М. Солодухо опубликовал «Манифест ситуационного движения»[2], а спустя год им был создан Центр ситуационных исследований[3].

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что на смену системному подходу в науке уверенно пришла новая ситуационная парадигма, сохраняющая некоторые позитивные аспекты системного направления. Разумеется, смена научных парадигм должна позитивно влиять на многие виды практической деятельности, особенно в тех сферах, где безусловный приоритет приобретают вероятность, риск, неоднозначность решений и исходов. В частности, в криминалистике, а также в следственной и оперативно-розыскной деятельности ситуационный подход может преодолеть значительные трудности, придав науке и практике подлинно творческий характер. Что касается простых следственных ситуаций, то они могут быть решены методами системного подхода.

---

[1] *Драпкин Л. Я.* Основы криминалистической теории следственных ситуаций: дис. … д-ра юрид. наук. Свердловск, 1987.

[2] *Солодухо Н. М.* Манифест ситуационного движения // Вестн. Татарстанского отд. Рос. эколог. акад. Казань, 2004. № 2.

[3] Об открытии Центра ситуационных исследований // Вестн. Татарстанского отд. Рос. эколог. акад. Казань, 2004. № 2.

Однако разработка методологии ситуационного подхода в науке еще не означает его приоритета в практической деятельности. В известной мере это произошло и в криминалистике. Несмотря на успешное выявление сложных следственных ситуаций и создания для каждой из них своеобразного методического «каркаса» (версии, рефлексивное управление, резервные варианты действий, динамическое планирование и т. д.), дальнейшая разработка ситуационного подхода в криминалистике и оперативно-розыскной деятельности затормозилась. Необходимо отметить интересное продолжение работы по ситуационной методике и ее возможное распространение на все виды криминалистической деятельности, приведенное Калининградской научной школой и ее лидером Т. С. Волчецкой. В то же время следует отметить, что ряд кандидатских и даже докторских диссертаций, подготовленных под научным руководством профессоров Т. С. Волчецкой, А. А. Белякова, Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина, Е. В. Смахтина и некоторых других, были основаны на ситуационном подходе.

Эффективность ситуационной методики зависит прежде всего от следующих факторов.

Субъект расследования тщательно исследует материалы уголовного дела с целью установления характера (типа) следственной ситуации, возникшей по данному делу.

Если следователь устанавливает, что по делу возникла простая ситуация, то он разрешает ее логическим путем, последовательно устанавливая и доказывая еще неизвестные обстоятельства. Если же по делу выявляется сложная следственная ситуация, то следователь (оперативный сотрудник) переходит к следующему этапу.

1. Определение типа сложной следственной ситуации. При этом необходимо учитывать, что может быть установлена комплексная следственная ситуация, характеризуемая несколькими видами существенных трудностей.

2. После выявления реального типа сложной ситуации следователь должен обратиться к техническим, тактическим, методическим и организационным рекомендациям криминалистики, личному и коллективному опыту, сведениям, содержащимся в его памяти. Составленный план раскрытия преступления должен быть не только максимально содержательным, но и динамичным, учитывающим возможность изменения в связи с поступлением новой информации. Необходимо учесть также, что ошибка в определении типа сложной следственной ситуации и ошибка в выборе и применении рекомендаций криминалистики приводят к крайне негативным последствиям.

3. Если следователь правильно определил разновидность сложной ситуации и применил соответствующие рекомендации, но не добился успеха, он должен оптимально использовать новую информацию, полученную в процессе расследования (этап 4) и с помощью этих дополнительных сведений преодолеть исследуемую ситуацию. Чаще всего конкретизация сложных следственных ситуаций и выявление «иных обстоятельств» (ст. 74 УПК РФ) и уточнение элементов предмета доказывания позволяют успешно раскрыть и расследовать преступление. В некоторых случаях раскрыть преступление в сложной проблемной ситуации не удается, и уголовное дело приостанавливается по причине неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

Тактические и методические рекомендации, направленные на разрешение сложных следственных ситуаций, разработаны еще в моей докторской диссертации в отношении проблемных конфликтных ситуаций, ситуаций тактического риска и неупорядоченных организационно-управленческих ситуаций[1]. Кроме того, подобные рекомендации содержатся в научных работах других авторов, посвященных разрешению сложных следственных ситуаций различных типов. Что касается мнимо простых ситуаций, то чаще всего они разрешаются методами и приемами преодоления конфликтных ситуаций.

По нашему мнению, наступило время решительной смены парадигм в криминалистике, чтобы существенно повысить ее научный уровень, исключить абстрактные рассуждения и прочно «привязать» нашу науку к задачам практической деятельности следователей. Разумеется, теория оперативно-розыскной деятельности также должна использовать ситуационный подход для разрешения не менее сложных задач, стоящих пред органами дознания.

В последние годы многие ученые-криминалисты и процессуалисты рассматривают состояние отечественной криминалистики как кризисное. Наиболее резко (хотя и далеко не всегда обоснованно) о затянувшемся кризисе в криминалистике пишут известные в научном мире А. С. Александров и В. Ю. Сокол[2].

Тем не менее с некоторыми критическими замечаниями В. Ю. Сокола необходимо не только согласиться, но и активно их поддержать. В

---

[1] *Драпкин Л. Я.* Основы криминалистической теории следственных следственных ситуаций: дис. … д-ра юрид. наук. Свердловск, 1987.

[2] *Александров А. С.* Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальная стратегия // Криминалистическая тактика: современное состояние и перспективы развития: сб. материалов 56-х кримин. чтений. М., 2015. С. 29–36; *Сокол В. Ю.* Кризис отечественной криминалистики. Краснодар, 2017. С. 26–28.

своей монографии он перечисляет 20 наиболее значительных недостатков криминалистики, которые породили, по его мнению, системный кризис науки. Из всех многочисленных претензий, на мой взгляд, важнейшей является первая: «сохранение „старого“ классического мышления и устаревших методологических подходов». Почти все остальные критические замечания вытекают из этого основного. Что касается неверной идеологической основы, то критикуемый им «догматический марксизм» не хуже, а скорее лучше новых и старых идеалистических, метафизических и иных учений. К слову, К. Маркс и марксизм выросли из философии неогегельянства. Кроме того, резкая и во многом ошибочная критика Р. С. Белкина оскорбительна для криминалистов и самого В. Ю. Сокола. К тому же она не достигает цели. Так, постоянные ссылки в работах криминалистов на учение Маркса – Ленина приводились подавляющим большинство авторов чисто формально, исходя из жестких требований Высшей аттестационной комиссии (ВАК), некоторых «правоверных» редакторов, научных руководителей и консультантов. Как правило, авторы научных работ ссылались на основные принципы диалектики, а в дальнейшем прочно забывали о них, исследуя (каждый в силу своих способностей) предмет своих изысканий. В частности, мой великий учитель профессор А. А. Эйсман обходился без философских реверансов, успешно решая трудные новаторские проблемы. Почти все научные работы профессора не только не потеряли свою актуальность, но и до сих пор носят новаторский характер, например его монография «Логика доказывания»[1].

В связи с этим хочется остановиться на ошибочном и оскорбительном делении ученых на «интеллектуальную криминалистическую элиту», неспособную представить осмысленный образ происходящего, ставить четкие позитивные цели, и молодую криминалистическую поросль, которая может выполнить указанные выше задачи. В. Ю. Сокол искренне убежден, что в настоящее время существует «академическая, профессорская криминалистика и в противоположности ей – практическая криминалистика».

Ярким проявлением «профессорской науки», полагает В. Ю. Сокол, является проведение двух «профессорских круглых столов» в 2015 и в 2017 гг. на тему «Криминалистика от Ганса Гросса до наших дней». Между прочим, я в них не участвовал, хотя по возрасту я туда полностью подхожу. В. Ю. Сокол отмечает консервативность их проведения, присутствие на конференциях только единомышленников и закрытость обсуждения. Более того, В. Ю. Сокол акцентирует внимание на очень

[1] *Эйсман А. А.* Логика доказывания. М., 1971.

зрелом возрасте участников названных круглых столов, которых, как следует из его дальнейших рассуждений, он считает подверженными «профессиональной деформации». Но профессиональная деформация во всех видах деятельности – теоретической и практической – возникает в любом возрасте, не обязательно в «весьма зрелом». Во время практической, в основном следственной, деятельности, мне нередко приходилось встречаться и даже дружить с широко известными учеными довольно пожилого возраста, но стремящимися к постоянному повышению своих знаний и умений (профессора Селиванов, Эйсман, Ратинов, Лузгин и др.). Однако не менее часто приходилось работать с молодыми, но самовлюбленными не терпящими дружеской критики, оскорбляющими людей и заискивающими перед начальством. Ученых надо делить не по возрасту, а по преданности своей науке, по достигнутым результатам, отношению к критике и коллегам, в том числе к своим ученикам, а также – и это, пожалуй, крайне важно – по стремлению своими научными работами помочь решению практических задач. Кроме того, независимо от возраста нельзя останавливаться на достигнутом уровне: постоянный научный рост и уважительное отношение к научным результатам коллег и в то же время открытая, честная, неоскорбительная критика.

В. Ю. Сокол не только сам нередко довольно обоснованно пишет о недостатках криминалистики, но и приводит многочисленные критические замечания своих единомышленников. Однако ни в одной их работе не приводится рекомендаций о выходе криминалистики из якобы системного кризисного состояния.

Часто рассуждая о необходимости разработки новой, эффективной парадигмы эти ученые забывают, что такая парадигма для нашей науки уже создана. Совершенно недопустимо, что криминалистика, занимающаяся разработкой ситуационной методики с 1970-х гг., до настоящего времени не разработала многие практические проблемы, связанные с тактическими и методическими аспектами таких наиболее актуальных разновидностей преступлений, как терроризм, наркотрафик, компьютерные преступления, коррупций, а также преступлдений, приостановленных в связи с неустановлением виновных лиц.

Я не сторонник крайне мрачных взглядов В. Ю. Сокола и его единомышленников, поскольку в нашем «королевстве» далеко не все так мрачно. Наоборот, продолжают интенсивно выходить полезные для практической деятельности научные работы, защищаются перспективные диссертации. А самое главное – в команду криминалистов приходят молодые, любящие нашу замечательную науку ученые, тесно связанные с оперативно-розыскной, следственной и экспертной практи-

кой, ученые, старающиеся не столько критиковать (что тоже полезно), сколько создавать, расширять позитивный арсенал нашей науки и активно внедрять научные разработки в криминалистическую практику.

*Ю. А. ЕВСТРАТОВА**

Криминалистическая стратегия: быть или не быть – вот в чем вопрос

Быть иль не быть?
Вот в чем вопрос! Что лучше?
Сносить ли от неистовой судьбы
Удары стрел и камней, – или смело
Вооружиться против моря зла?

В решительной, нетерпимой, на мой взгляд, саркастической форме в 2011 г. профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД РФ Александр Сергеевич Александров поставил научную проблему о необходимости адаптации криминалистических знаний к современным правовым реалиям[1]. В своей статье он говорит о том, что «криминалистическая парадигма является тормозом для ее развития, криминалистические истины изрядно отдают нафталином, многие криминалистические положения это «вечно вчерашние», криминалистическая наука содержит схоластические упражнения в мире искусственно придуманных проблем»[2]. Он утверждает, что многие ученые-криминалисты действуют в «системе координат советского предварительного расследования».

Обосновывая верность своих суждений и критикуя криминалистическое сообщество, А. С. Александров ссылается, в том числе и на учебную криминалистическую литературу: «достаточно посмотреть последние учебники по криминалистике»[3]. Здесь трудно согласиться с автором, оценивать науку, даже частично, по учебной дисциплине,

* Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета (командного) Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации.

[1] *Александров А. С.* Семь смертных грехов современной криминалистики // Юрид. наука и практика; Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2–15. С. 277–280.

[2] Там же.

[3] Там же.

на мой взгляд, ошибочное суждение, любой учебник, учебное пособие обеспечивают лишь учебный процесс в строго выверенных пределах зачетных единиц и достигаемых компетенций.

Знаменитый профессор определяет в «скандальной» публикации, реальные правовые проблемы в сфере уголовно-процессуальных отношений, которые ждут своего криминалистического разрешения: техника прямого, перекрестного допроса, передопроса, искусство формулирования и постановки вопросов, допустимость, относимость вопросов, критерии наводящих вопросов, лингво-психическая сила судебных доказательств и пр.[1]

Данная статья вызвала в научном мире обоснованную дискуссию, в нее вступили представители разных научных криминалистических школ, профессора Л. Я. Драпкин, М. К. Каминский, А. М. Каминский, А. Ф. Лубин, А. Г. Филиппов, О. Я. Баев, Б. Г. Розовский, В. П. Бахин, Д. В. Исютин-Федотков и многие другие[2]. В ответной статье «Совсем несмертные грехи профессора А. С. Александрова» профессор Л. Я. Драпкин, отвечая на «бестселлер» несомненно талантливого и весьма эрудированного ученого-процессуалиста[3], объясняет, что криминалистика относится к так называемым интегративным наукам, активно использующим результаты многих других научных дисциплин и после соответствующей адаптации, включающим эти результаты в свой теоретический и прикладной потенциал. В свою очередь криминалистика щедро делится своими достижениями с другими научными направлениями, в том числе и с наукой уголовного процесса[4]. «Тем не менее некоторые замечания профессора Александрова весьма и весьма полезны и своевременны», подтверждает Леонид Яковлевич. Дискуссия, инициированная в 2011 г., актуальна и в 2017 г. Соглашусь с неко-

---

[1] *Александров А. С.* Семь смертных грехов современной криминалистики. С. 277–280.

[2] *Каминский М. К., Каминский А. М.* О «грехах» криминалистики и о непорочной деве в лице науки уголовного процесса // Юрид. наука и практика; Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2–15. С. 293–294; *Лубин А. Ф.* «Грехи» криминалистики: тайна происхождения // Там же. С. 295–299; *Филиппов А. Г.* О статье профессора А. С. Александрова «Семь смертных грехов современной криминалистики» // Там же. С. 300–303; *Розовский Б. Г.* Уголовный процесс: затянувшееся противостояние средневековью // Библиотека криминалиста. 2013. № 6. С. 47–65; *Исютин-Федотков Д. В.* Смертельны ли грехи криминалистики // Юрид. наука и практика; Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2–15. С. 287–293; *Драпкин Л. Я.* Совсем несмертные грехи профессора А. С. Александрова // URL: http://www.iuaj.net/node/360.

[3] *Драпкин Л. Я.* Совсем несмертные грехи профессора А. С. Александрова.

[4] Там же.

торыми суждениями профессора А. С. Александрова, в криминалистическом исследовании следов, криминалистической тактике проведения отдельных следственных действий, зачастую используются традиционные подходы, методы, приемы, разработанные еще в советский период, в котором не было процессов глобализации и интернационализации преступности, не существовало виртуальной и дополненной реальности, криминальные субъекты не использовали технологии искусственного интеллекта, нейролингвистического программирования и т. д. Сегодня, в период борьбы за свой российский суверенитет, деградации нравственных ценностей у граждан, перелома религиозных устоев, восхваления сформировавшегося современного потребительского эгоистичного общества, развития коррупционных кланов, в геометрической прогрессии растет уровень преступности. Перед современной криминалистической наукой стоят сложные стратегические задачи по борьбе с преступностью. Настало время менять криминалистическую философию, детально и планомерно вырабатывать государственную криминалистическую стратегию.

В 2017 г. вышла современная, амбициозная монография В. Ю. Сокола «Кризис отечественной криминалистики». В ней автор структурировал базовые проблемы современной криминалистической науки. Со многими суждениями автора я соглашусь.

Автор указывает, что к современной криминалистике накопилось слишком много претензий, к числу которых можно отнести следующие:

1) сохранение «старого» классического мышления и устаревших методологических подходов;

2) идеологическая ориентация философского основания криминалистики на догматический марксизм (наивный реализм), требующая замены концепции философского осмысления криминалистики;

3) отсутствие комплексного анализа причин неудовлетворенности современной криминалистикой и существующей криминалистической практикой;

4) уход от обсуждения актуальных вопросов практического значения;

5) консерватизм и беспомощность классической общей теории криминалистики (Р. С. Белкин) перед существующими проблемами практики;

6) предельно абстрактная форма многих теоретических положений криминалистики;

7) недостаток современных обширных концептуальных построений (значительных теоретических проектов);

8) исключение «эмпирического» субъекта познания из криминалистических исследований;

9) отстраненность от исследований, низкая криминалистическая культура российских криминалистов-пользователей;

10) политическая конъюнктура, «туземная» державно-патриотическая лояльность, ведомственная зависимость от государственных учреждений и государственного финансирования;

11) пренебрежение к новациям;

12) слабое эмпирическое подтверждение выдвигаемых теоретических положений;

13) отсутствие принципиальной интеллектуальной конкуренции в криминалистическом сообществе;

14) схоластическое комментирование избранных авторитетов, а также комментарии на комментарии;

15) падение общественного престижа криминалистики, снижение ее популярности и востребованности;

16) доминирование в криминалистических дискуссиях мнений, а не собственно криминалистических знаний, что ведет отечественную криминалистику к накоплению мнений, а не знания;

17) недостаток работ по избавлению от устаревших, не выдержавших испытание временем научных положений и практических рекомендаций;

18) отсутствие действенной интеграции в соответствующее мировое пространство, слабый научный и образовательный обмен и коммуникации с зарубежными партнерами;

19) изоляция от мировых идейных достижений, плохая осведомленность о зарубежных криминалистических достижениях, включая отсутствие переводов современных учебников западных авторов;

20) отсутствие интереса к исследованию истории российской и мировой криминалистики, их переосмысления с альтернативных подходов и т. д.[1]

Указанное, позволяет сделать вывод о наличии существенных сомнений (чувстве неудовлетворенности) в объясняющих возможностях классической отечественной криминалистической теории[2].

---

[1] *Сокол В. Ю.* Кризис отечественной криминалистики: моногр. Краснодар, 2017. С. 296–298.

[2] Там же.

Думается, чтобы было чувство удовлетворенности в развитии криминалистической теории, необходимо определить стратегию ее развития в лоне федеральной стратегии национальной безопасности[1].

Перед современной криминалистикой стоят сложные стратегические задачи по борьбе с преступностью, пришло время адаптировать криминалистическую философию под современный эгоистичный и прагматичный мир. Назрела необходимость использовать искусственный интеллект в выявлении и расследовании преступлений.

Чтобы, сделать криминалистику современной, научному сообществу необходимо определиться с понятием и содержание криминалистической стратегии.

Под криминалистической стратегией я понимаю базовый федеральный документ, в которым указаны этапы криминалистического развития, определяющий национальные интересы и приоритеты Российской Федерации по борьбе с преступностью.

Криминалистическая стратегия должна консолидировать усилия всех федеральных органов государственной власти, занимающихся расследованием преступлений, ведущих криминалистических зарегистрированных научных школ и институтов гражданского общества по созданию реального криминалистического противодействия преступному миру.

---

[1] О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (Ч. 2). Ст. 212.

*С. А. КУЕМЖИЕВА**
*В. Д. ЗЕЛЕНСКИЙ***

К вопросу о групповой методике расследования преступлений

Криминалистическая методика, как часть криминалистики включает общие положения и частные методики. Существует обоснованное мнение, высказанное впервые в 1978 г. В. Г. Танасевичем о трехзвен-

---

* Заслуженный юрист Кубани, кандидат юридических наук, профессор, декан юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета.

** Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор, руководитель программы магистерской подготовки Кубанского государственного аграрного университета.

ной структуре криминалистической методики. Он полагал, что существуют общие вопросы методики, частные методики расследования отдельных видов преступлений и методика расследования укрупненных групп преступлений. Последнюю В. Г. Танасевич назвал промежуточным звеном между двумя структурными элементами криминалистической методики[1].

Вопрос о классификации методики расследования рассматривался в работах многих отечественных криминалистов: Р. С. Белкина, И. А. Возгрина, В. П. Бахина, В. А. Образцова, М. В. Субботиной, Н. П. Яблокова и др. Отсутствие единой классификации методики не способствует развитию теории расследования[2].

Групповая методика – это система теоретических положений и научно-практических рекомендаций по расследованию групп преступлений, сходных по уголовно-правовым и криминалистическим признакам. Групповая методика представляет собой оптимальную форму разработки методических рекомендаций по расследованию укрупненных групп преступлений. В общих положениях методики рассматриваются основные, крупные вопросы методики, имеющие отношение ко всему расследованию в целом. Теоретические положения групповой методики детализируют общие положения методики применительно к расследованию групп преступлений. Они включают криминалистическую характеристику преступлений группы; использование организационных средств и методов в расследовании преступлений группы; специфику производства отдельных следственных действий и иные криминалистические особенности расследования[3].

Для выделения групповой методики расследования существует ряд причин (оснований). Это сходство в уголовно-правовой и криминалистической характеристике отдельных видов преступлений. Уголовно-правовая характеристика преступления лежит в основе классификации частных криминалистических методик[4]. Необходимо выделить в характеристике различных видов сходные признаки. В сочетании со сходными элементами криминалистической характеристики – в механизме преступления, типичных следов и иных фактических данных, способах совершения и сокрытия преступлений, характеристике личности субъектов преступления и др. – выявляется система сходных признаков, на основе которых выделяется укрупненная группа преступлений.

---

[1] Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978. С. 173 (автор раздела В. Г. Танасевич).

[2] *Шмонин А. В.* Методология криминалистической методики. М., 2014. С. 140.

[3] *Куемжиева С. А., Зеленский В. Д.* Общие положения криминалистической методики. Краснодар, 2015.

[4] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учеб. пособие. М., 2006. С. 742–743.

Второе основание – сходство в процессе расследования преступлений: в доследственной проверке; в типовых следственных ситуациях, в организационно-тактических особенностях производства следственных действий.

Групповая методика конкретизирует общие положения криминалистической методики – о криминалистической характеристике преступлений, следственных ситуациях, доследственной проверки, организации расследования и других – применительно к расследованию групп преступлений. Она является средством связи между общими положениями криминалистической методики и частными методиками расследования. В организационном плане структура групповой методики включает предмет исследования, особенности уголовно-правовой и криминалистической характеристик группы преступлений; исследование особенностей предмета расследования; научно-практические рекомендации по оптимальному сочетанию следственных и иных действий и основные организационно-тактические особенности их производства.

Некоторые ученые считают групповые методики разновидностью частных методик. С этим трудно согласиться. Прежде всего потому, что предметом групповой методики являются общие положения методики расследования группы преступлений, сходных по уголовно-правовым и криминалистическим признакам. Этот факт трудно опровергнуть. Предмет групповой методики отличаются от предмета частной методики. Частные методики – это рекомендации по расследованию определенного вида преступлений. В их структуре не должно быть теоретических положений обобщенного характера, предназначенных для расследования определенных видов преступлений. Исследованием этих вопросов занимается групповая методика.

Значение групповых методик состоит в том, что они разрабатывают теоретические положения, общие для групп преступлений, сходных по своей характеристике и содержанию расследования. Методика расследования отдельного вида преступлений должна содержать программу расследования, научно-практические рекомендации, алгоритмы следственных и иных действий в типовых ситуациях расследования. Программирование, как верно отмечает А. С. Шаталов – вот основное содержание частной методики[1]. Основываться оно должно на общих положениях и содержании групповой методики.

[1] *Шаталов А. С.* Криминалистическая методика расследования преступлений: в ожидании перемен // Вестн. криминалистики. 2014. № 4. С. 16–17.

Групповая методика – это система теоретических положений, конкретизирующих общую часть криминалистической методики применительно к расследованию группы преступлений, сходных по своим уголовно-правовым и криминалистическим признакам, и основанным на этих положениях научно-практических рекомендациях по оптимизации сходных элементов расследования групп преступлений[1].

Основные задачи, которые должна решать групповая методика:

разработка теоретических положений, имеющих значение для методики расследования групп сходных (большей частью однородных) преступлений;

выявление закономерностей расследования, общих для определенной группы преступлений;

исследование организации расследования определенной группы преступлений;

выработка научно-практических рекомендаций для определения моделей сочетания следственных и иных действий в расследовании групп преступлений.

Теоретическая необходимость, подробности практики обуславливают исследование методики расследования укрупненных групп преступлений. Можно назвать известные работы И. В. Александрова[2], М. В. Субботиной[3], А. В. Шмонина[4]. Полагаем, что разработка групповых методик является одним из необходимых и важных задач криминалистической методики расследования.

Полагаем, что необходимо продолжить исследование теоретических основ и научно-практических рекомендаций по методике расследования укрупненных групп преступлений. Путем криминалистической классификации выделены основные группы преступлений: против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и общественного порядка, против государственной власти, против военной службы, против мира и безопасности человечества[5].

Криминалистами разработаны и разрабатываются иные укрупненные группы преступлений – налоговые, преступления против семьи и

---

[1] *Куемжиева С. А.* О методике расследования групп преступлений // Рос. юстиция. 2016. № 12. С. 36.

[2] *Александров И. В.* Налоговые расследования: основные криминалистические методики. М., 2012.

[3] *Субботина М. В.* Теория и практика расследования хищений чужого имущества. Волгоград, 2002. С. 12.

[4] *Шмонин А. В.* Методология криминалистической методики. М., 2010. С. 140.

[5] *Шаталов А. С.* Криминалистическая методика расследования преступлений: в ожидании перемен. С. 17.

несовершеннолетних и другие. Для их расследования необходимо исследование содержания групповой методики.

Полагаем, что дальнейшее совершенствование групповых методик расследования способствует повышению его эффективности и качеству.

*А. А. ИВАНОВА**

Ситуационная обусловленность как свойство тактического приема

Несмотря на длительное изучение в теории криминалистики понятия тактического приема и критериев его допустимости и на наличие огромного количества точек зрения, эта тема по-прежнему вызывает множество спорных ситуаций в практической деятельности. Как сторонник точки зрения, что наука должна заниматься, помимо разработки нового знания, еще и обеспечением практики, считаю, что научные категории должны рассматриваться через призму пользы их применения в следственной деятельности. Особенно это касается тактических приемов.

Под тактическим приемом следует понимать способ деятельности следователя при производстве какого-либо следственного действия, который позволяет наиболее быстро и эффективно достичь определенной цели и задачи. То есть следователь самостоятельно принимает решение о применении того или иного тактического приема. Но только ли от его личного усмотрения это зависит? Думается, что нет, потому что использование того или иного тактического приема в конкретный момент должно соответствовать сложившейся в данный промежуток времени следственной ситуации. Такое свойство тактического приема именуют ситуационной обусловленностью. Но этот признак недостаточно полно раскрыт в научной литературе, разве что относительно конфликтных ситуаций его можно считать разработанным.

Во-первых, стоит сказать, что одна группа ученых лишь «завуалированно» называет среди признаков тактического приема ситуационную обусловленность. Например, Р. Ф. Шайбакова отмечает, что сущность тактического приема рассматривается в двух аспектах: как научная категория, характеризующая наиболее оптимальное поведение

* Магистрант кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

следователя в типичных следственных ситуациях, также как способ действия, самостоятельно избираемый следователем в конкретной ситуации, складывающейся на определенном этапе расследования преступления[1]. Конкретная ситуация, в отличие от типичной, характеризуется совокупностью «уникальных» характеристик, которые отражают реально существующее положение, а не усредненные черты.

Аналогично считает и Н. А. Селиванов, утверждая, что «приемы следственной тактики – это линия поведения следователя, его действия (кроме технических), последовательность и условия их выполнения, наиболее целесообразные в определенной ситуации, обеспечивающие максимальную результативность расследования и выяснения истины по делу[2].

Другая группа ученых, например, Е. О. Москвин определяет тактический прием как «рациональный и допустимый (т. е. законный, научно обоснованный, обладающий избирательностью воздействия и этичностью) способ действия, свободно избираемый субъектом криминалистической тактики (следователем, прокурором, адвокатом) в зависимости от особенностей следственной ситуации, направленный на преодоление противодействия со стороны лиц (организаций), имеющих иные, чем у них, профессиональные и (или) личные интересы»[3]. Соответственно, указываются такие отличительные и существенные признаки, как рациональность, законность, научность, этичность, избирательность воздействия и возможность выбора тактического приема. Очевидно, что рациональность приема не означает у названного автора тесную взаимосвязь тактического приема с соответствующей следственной ситуацией, поскольку Е. О. Москвин отдельно акцентирует внимание на таком признаке, как свобода выбора приема в зависимости от указанной ситуации.

А. А. Чебуренков в числе основных признаков тактического приема называет рекомендательность и целесообразность. Причем и рекомендательность, и целесообразность получают у него одинаковое выражение, а именно возможность применить тактический прием в соответствии со следственной ситуацией[4]. Невозможно однозначно согласиться с указанной позицией, так как рекомендательность тактического приема подразумевает под собой предложение поступить следователю

[1] *Шайбакова Р. Ф.* К вопросу о понятии тактического приема // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юрид. науки. 2014. № 2. С. 155.

[2] *Селиванов Н. А.* Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. С. 84.

[3] *Москвин Е. О.* Тактический прием: моногр. М., 2006. С. 15.

[4] *Чебуренков А. А.* Основы теории расследования. М., 2010.

определенным образом в конкретной ситуации, т. е. здесь отражается субъективный момент. В случае же с ситуационной обусловленностью имеет место объективный критерий. Относительно целесообразности можно отметить, что этот признак означает, необходимо ли применять данный конкретный тактический прием для достижения наиболее успешного результата.

В связи с этим возникает еще один проблемный вопрос: отличие соответствия следственной ситуации от целесообразности. Представляется, что целесообразность подразумевает под собой соответствие некоторого вида деятельности (применение тактического приема) той цели, для достижения которой он и предназначен. Из определения следует, что идет «привязка» к самому тактическому приему. Например, разговор на отвлеченные темы имеет своей целью установление психологического контакта, и можно ли будет, разговаривая на отвлеченные темы с допрашиваемым, установить психологический контакт? Со свидетелем, осведомленность которого «далека» от непосредственно произошедшего, такой прием применить целесообразнее, нежели со свидетелем, являющимся близким родственником обвиняемого и уверенным в его невиновности. При характеристике целесообразности на первый план выходит результат: получим мы его или нет. В случае же с таким признаком, как соответствие следственной ситуации, в первую очередь учитывается процесс применения этого приема. Для цивилистов это как различие между договором оказания услуг и договором подряда: в договоре оказания услуг решающее значение имеет процесс, а в договоре подряда – результат.

Приведем пример, который наилучшим образом иллюстрирует ситуационную обусловленность: допрос добросовестного свидетеля, в ходе которого следователь многократно предупреждает его об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Соответствует ли это сложившейся на начало допроса бесконфликтной ситуации? Скорее всего, после использования подобного тактического приема будет достигнута прямо противоположная цель – возникнет конфликтная ситуация, и свидетель может не сообщить подробно сведения, которые ему известны, ограничившись общими фразами.

Проиллюстрировать данный принцип можно реальной историей, описанной в странице девятой «Никогда не теряй бдительность…» из дневника следователя Л. Я. Драпкина[1]. В данной истории рассказывается о пяти расхитителях платины с завода ОЦМ (обработка цветных металлов). Допросы четверых обвиняемых особых трудностей не представляли, режим был вполне штатным: вначале – противодействие,

[1] *Драпкин Л. Я.* Страницы из дневника следователя // СПС «КонсультантПлюс».

затем – предъявление доказательств и применение тактико-психологических приемов, в заключение – устранение конфликта. Предъявив новые обвинения пятому арестованному, следователь не встретил никакого противодействия. Более того, обвиняемый заявил, что, если ему смягчат наказание, он вернет около 80 г платины, спрятанных у него в квартире. Согласившись на эту сделку, следователь пообещал предоставить предусмотренные законом максимальные льготы и попытался получить от обвиняемого подробное описание местонахождения тайника с платиной. Но он, сославшись на плохую память, ничего не рассказал, зато пообещал найти тайник сразу же, как только его приведут к нему в квартиру. Следователя это насторожило и, закончив допрос, он зашел к заместителю начальника СИЗО по оперативной работе и попросил его провести оперативную разработку обвиняемого, чтобы выяснить его истинные намерения. Тот, в свою очередь, спустя два дня сообщил, что их обвиняемый очень замкнутый и хитрый человек, но в камере неоднократно заявлял, что решил сдать остатки похищенной платины, поскольку ему обещали снисхождение. В итоге было принято решение отвезти обвиняемого в квартиру и там найти тайник. Мать встретила обвиняемого со слезами, а когда с него сняли наручники, стала кормить. Сотрудники правоохранительных органов не прервали эту сентиментальную сцену, чтобы не нарушить психологический контакт. После этого начались поиски искомого, увенчавшиеся успехом. После того, как все участники следственного действия расписались в протоколе, оперативники повели обвиняемого к машине. После этого произошло неожиданное: обвиняемый совершил побег. После двух дней розыска обвиняемый был обнаружен и отправлен в следственный изолятор.

Следователь сделал серьезные выводы из побега обвиняемого, которому удалось запутать сотрудников правоохранительных органов. Для успешного разрешения конфликтной ситуации очень важно рефлексивное мышление – главное оружие следователя и оперативного сотрудника в преодолении противодействия конфликтующей стороны. Из вышеприведенного примера следует, что если бы следователь изначально правильно оценил сложившуюся следственную ситуацию, казавшуюся бесконфликтной, то, возможно, удалось бы «разгадать» замысел преступника на побег и предотвратить его.

Вторая история (страница восьмая. «При вспышке молнии…»)[1] говорит о допросе сообщника лица, ранее судимого за разбойные нападения и совершившего убийство военнослужащего. С учетом психологических качеств его подельника Пастухова была создана обстанов-

[1] *Драпкин Л. Я.* Страницы из дневника следователя // СПС «КонсультантПлюс».

ка, свидетельствовавшая о полной осведомленности следователя. Это было, конечно, не так, вернее, не совсем так. Но уверенность, с которой проводился допрос, точные вопросы, максимальное использование известных деталей, особенно «мелких» деталей, а также быстрый темп допроса, специально избранный с учетом конкретной ситуации, сразу же привели к успеху.

Таким образом, применение конкретного тактического приема или их комплекса всегда должно учитывать сложившуюся на данный момент следственную ситуацию. Содержание приема определяется конкретной следственной ситуацией – в арсенале тактики имеются разнообразные наборы тактических приемов, которые позволяют выбрать из них наиболее рациональные и эффективные для данной ситуации.

*М. Е. ИГНАТЬЕВ**

Несколько тезисов о проблеме установления криминалистических причинно-следственных связей в преступном бездействии

Проблема установления причинно-следственных связей в криминалистике разработана недостаточно, что в значительной мере усложняет решения отдельных вопросов в расследовании преступлений и не всегда позволяет в полной мере устанавливать частные обстоятельства происшедшего преступного события.

В теории уголовного права существуют споры относительно того следует ли принимать меры к установлению причинно-следственных связей в формальных составах преступлений, как надлежит это делать в составах преступлений с материальной конструкцией. Не решен в уголовном праве в достаточной мере вопрос и о том, следует ли затрачивать усилия следователю на криминалистическую деятельность по установлению причинно-следственных связей в расследовании преступного бездействия.

Для того чтобы сформулировать гипотезу этой проблемы, обратимся к уголовно-правовым теориям, объясняющим причинную связи и бездействие, которые сложились в последние годы в отечественном

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

уголовном праве и на основе их анализа обоснуем свою позицию относительно проблемы.

На первый взгляд, постановка вопроса о том, может ли быть причинная связь при преступном бездействии, представляется парадоксальной. Если причина – это всегда действие, вызывающее следствие, то при бездействии ее не может быть по законам формальной логики. Однако вопрос о наличии или отсутствии причинной связи при преступном бездействии дискутируется в науке уголовного права с середины XIX в.

Вопрос о причинности бездействия является достаточно важным с учетом того, что он напрямую связан с проблемой ответственности и с объемом этой ответственности. Решение вопроса о причинности при бездействии важно и для определения пределов ответственности субъекта с учетом того, что лицо может нести ответственность за наступившие в результате его бездействия преступные последствия, а может отвечать только за неисполнение каких-либо обязанностей.

Данную проблему считают одной из самых сложных и спорных в уголовном праве, но вместе с тем и важной, по причине того, что она непосредственно связана с расследованием преступного бездействия.

Вопрос, который надлежит установить в процессе расследования, заключается в том, имеется ли причиняющий элемент в бездействии, должен ли субъект при его бездействии отвечать за то, что он не принял мер к отклонению вредных последствий, или он должен отвечать за причинную связь его бездействия с наступившими общественно опасными последствиями.

В решении проблемы причинности при бездействии отмечены самые разные позиции: от отказа теоретически решать этот вопрос (Англия, Франция, США), до убеждения, что проблема решаема, и элемент причинности является составной частью бездействия.

Отечественные специалисты в области уголовного права в своем большинстве полагают, что бездействие, как определенная форма поведения, может являться при определенных условиях причиной наступивших общественно опасных последствий[1].

---

[1] *Матвеев Г. К.* Теоретические вопросы причинности бездействия // Сов. государство и право. 1962. № 10. С. 57; *Самощенко И. С.* О причинении вреда противоправным бездействием // Учен. зап. ВИЮН. Вып. 17. М., 1963. С. 29; *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М., 1961. С. 227–232; *Церетели Т. В.* Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 245; *Малинин В. Б.* Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000. С. 222 и п.

Приведем некоторые из теорий, посвященных данной проблеме.

Социально-правовые теории. Положение об особой юридической причинности отличной от общефилософских представлений о ней является основной идеей этих теорий. Отсюда вытекают предложения определять причинность в зависимости от общественной опасности преступления[1].

Одним из примеров этих теорий может послужить теория «необходимого причинения»[2], базирующаяся на таких философских категориях, как необходимость и случайность.

Сторонник этой теории А. А. Пионтковский, что «вопрос об ответственности за наступившие последствия может быть поставлен и положительно решен лишь тогда, когда эти последствия были необходимыми, закономерными последствиями совершенного лицом действия, имели в нем свое основание»[3].

Теория информационной причинности. Ее смысл заключается в том, что причинные изменения, связанные с преступным действием, имеют, с одной стороны, энергетический характер, с другой – информационный. Информационная связь универсальна. В процессе взаимодействия объектов происходит отображение формы, структуры, свойств одного объекта на другом, характера этого отображения, а также информационных изменений в следовоспринимаемом объекте.

Известный российский правовед А. А. Тер-Акопов, активно поддерживал аргументы данной теории и утверждал, что энергетический характер причинной связи при совершении действий не снимает вовсе вопроса об информационной причинности[4].

О наличие информационной причинности писала и Л. И. Чинакова, отмечая особо важную роль переноса информации от причины к следствию в причинных связях как причинности особого информационного вида[5].

---

[1] См., например: *Лысов М. Д.* Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. Казань, 1972. С. 126.

[2] Ряд ученых придерживаются мнения, что теория «необходимого причинения» является аналогом теории «адекватной причинности», однако не все являются сторонниками данной теории.

[3] *Пионтковский А. А.* Проблема причинной связи в праве // Учен. зап. ВИЮН и ВЮА. М., 1949. С. 70–93.

[4] *Тер-Акопов А. А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 310.

[5] *Чинакова Л. И.* Социальный детерминизм. Проблема движущих сил развития общества. М., 1985.С. 24.

Интересна позиция в этом вопросе В. Н. Кудрявцева. Он рассматривал вопрос информационной причинности, как типичное свойство причинности в сфере общественных явлений[1]. По его мнению, бездействие, будучи пассивным с энергетической точки зрения, всегда обладает определенными активными свойствами в информационном плане, а значит, информационная причинность имеет место и при бездействии.

Теория пассивной среды. По данной теории при пассивном состоянии среды не может наступить никаких изменений в том или ином явлении, что и может быть причиной не изменения этих явлений. Другими словами, причинные связи обусловлены именно пассивным состоянием среды.

Под пассивным поведением лица в специальной литературе обычно понимают именно бездействие. Однако бездействие не может быть сведено к простой пассивности субъекта, только в совокупности с обстоятельствами, которые действуют благодаря бездействию субъекта, оно может рассматриваться как причина наступления общественно опасных последствий. В. Н. Кудрявцев отмечал активные свойства бездействия в информационном плане в связи с чем здесь усматривается связь между теорией информационной причинности и теорией пассивной среды. Поэтому, для того, чтобы работала теория пассивной среды, необходимо действие возможности.

Теория возможности. Причинная связь теории определяется возможностью лица предотвратить те или иные последствия. В ее основе лежат два критерия: обязанность лица действовать и его возможность.

Возможность – это не действительность, и она может благодаря тем или иным обстоятельствам совсем не превратиться в действительность. Однако в каждом конкретном случае для правомерного вынесения решения по делу суду необходимо устанавливать причины тех обстоятельств, которые предотвратили возможность наступления общественно опасных последствий, с тем, чтобы правильно квалифицировать деятельность подсудимого. Если он не должен и не мог принять меры к предотвращению наступления преступного результата, его бездействие не должно считаться причиной этого результата, и наоборот, тот, кто должен был действовать, находится в причинной связи с результатом (общественно опасными последствиями).

Этот тезис основание нормативной теории.

---

[1] *Кудрявцев В. Н.* Причины правонарушений. М., 1976. С. 14.

Нормативная теория или теория «обязанности» основана на взаимодействии и системном подходе к явлению. Системный подход к явлению при установлении причинной связи означает, что для решения вопроса о наличии или отсутствии причинной связи при бездействии суд, констатируя наличие обстоятельств, которые повлекли или могли повлечь тяжелые последствия, должен установить: лежала ли на лице, привлеченном к уголовной ответственности, обязанность предотвратить наступление этих последствий. Положительный ответ означает наличие причинной связи между бездействием лица и наступившими последствиями. Отрицательный ответ означает, что такая связь отсутствует.

Теория причинения вреда общественным отношениям. В основе этой теории лежит постулат, согласно которому бездействие как юридическая категория есть ни что иное, как объективный фактор социальной позиции, обладающий причинным свойствами постольку, поскольку по отношению к тем или иным общественным отношениям лицо находится в определенном положении, а значит, бездействие является одним из условий наступивших последствий.

Теория использования сил и закономерностей природы для причинения вреда. Сторонники данной теории исходят из того, что любое бездействие происходит в тех или иных условиях, действий механизмов, животных, стихийных сил природы и т. п. внешних сил, которые и являются причинами тех или иных вредных последствий. Другими словами, как правильно замечает Н. Н. Ярмыш, «каузальность бездействия и здесь подменяется каузальностью иных сил»[1].

Теория вероятностной причинной связи. Последствия бездействия могут наступить с большей или меньшей вероятностью, а значит, для определения причиняющего характера бездействия необходимо принимать во внимание не только достоверно установленные, но и возможные причинные связи.

Противники данной теории считают, что главный ее недостаток заключается в перенесении основных оперируемых понятий (бездействие, причинная связь и последствие) из мира реального в мир воображаемый (В. Б. Малинин, А. Ф. Парфенов), что реально возможное последствие не есть последствие, наступившее в объективной реальности, а «возможная» причинная связь не есть действительно причинная связь, воз-

[1] *Ярмыш Н. Н.* Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой аспект). Харьков, 2003. С. 370.

никшая в объективной реальности между двумя явлениями... поскольку области действительного и возможного лежат в разных плоскостях.

Уголовному праву известны и иные теории, связанные с затронутой проблемой, например, теория необходимой и случайной причинной связи (А. А. Пионтковский, Л. Д. Гаухман и др.), теория возможности и действительности (В. С. Прохоров, П. Г. Семенов, Т. Л. Сергеева), теория необходимого условия (conditio sine qua non) (А. В. Успенский, Э. Ф. Побегайло, В. Б. Малинин и др.) и др.

Пестрота теорий, которые обосновывают причинную связь и преступное бездействие, оказывают нелучшее влияние на практику расследования данных преступлений. Отсутствие сколько-нибудь консолидированной позиции по проблеме это все равно что «решать математическое уравнение тайным голосованием».

Однако, что должен делать следователь, когда он сталкивается с проблемой расследования преступлений, обусловленных общественно опасным преступным результатом, возникшем на основе преступного бездействия подозреваемого лица?

Обстоятельства, подлежащие доказыванию, определенные ст. 73 УПК РФ, обязывают его установить все обстоятельства происшедшего события и решить вопрос о его виновности или невиновности. Когда действия непосредственно связаны с преступным результатом и это подтверждается указанными обстоятельствами, проблемы практически нет, а когда такие связи непосредственно и прямо не усматриваются?

Следователь может пользоваться научно-практическими рекомендациями соответствующих уголовно-правовых теорий, однако для практики желателен соответствующий унифицированный, типовой подход, тогда он одновременно решает и уголовно-правовую, и уголовно-процессуальную, и криминалистическую задачи расследования преступного бездействия.

Не отрицая возможность существования и наличие в преступном бездействии причинно-следственной связи, мы можем выдвинуть *гипотезу о том, что лицо должно нести ответственность не за бездействие, а за те последствия, которые наступили от других причин и привели в этой связи к преступному результату, именно они и должны быть отражены криминалистическими способами и средствами в процессе расследования.*

*Н. Н. ИЛЬИН**

Признаки внешнего облика человека, необходимые для проведения предъявления лица для опознания

О роли предъявления лица для опознания при раскрытии и расследовании преступлений написано немало. Так, А. Р. Белкин в одной из своих работ приводит достаточно убедительный список литературы по рассматриваемой проблеме[2].

Предъявление лица для опознания, как нам представляется, является одним из эффективных следственных действий идентификационного харак-тера, которое целесообразно проводить при раскрытии и расследовании любой категории преступлений.

Наибольшее количество организационных и тактических особенностей связано с предъявлением для опознания живых лиц, однако до сих пор существуют нерешенные вопросы при его проведении. Так, предъявление лица для опознания по признакам анатомических элементов внешнего облика, отобразившимся на видеозаписи, в настоящее время нуждается в усовершенствовании из-за ряда проблем.

Первая проблема заключается в процессуальном урегулировании опознания по видеоизображениям, поскольку на законодательном уровне это никак не закреплено. Вторая задача состоит в углубленном изучении данного вида опознания с криминалистической стороны, так как большое количество видеозаписей изымается с мест происшествий, а рекомендаций по их использованию в данном следственном действии, которые бы отражали организационно-тактические аспекты его проведения, включая особенности каждого этапа, недостаточно[3].

В настоящее время следственная практика свидетельствует о том, что в связи с отсутствием нормы в УПК России, регламентирующей предъявление для опознания по видеоизображению, следователи производят либо осмотр видеозаписи в соответствии с ч. 1 ст. 176 УПК России (осмотр предметов) или демонстрируют видеозапись в ходе до-

---

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

[2] *Белкин А. Р.* Вновь о предъявлении для опознания // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: материалы X Всерос. науч.-практ. круглого стола (26 февраля 2016 г.). Ставрополь, 2016. Ч. 1. С. 39–41.

[3] *Ильин Н. Н.* Предъявление лица для опознания по видеоизображениям: тактические особенности // Вестн. Воронежского института МВД России. 2013. № 2. С. 76.

проса потерпевшему или свидетелю, либо, используя помощь специалиста, осуществляют выбор одного или несколько видеокадров и делают распечатку указанных изображений, предъявляя в последующем их как фотографии.

Вместе с этим в теории и практике проведения опознания наряду со многими спорными вопросами остается один, как нам представляется, наиболее важный криминалистический вопрос: по каким признакам внешнего облика человека возможно проводить предъявление для опознания?

Например, потерпевший запомнил некоторые признаки анатомических элементов лица преступника (наличие темных густых бровей, выступающих скул, родинки и т. п.) и его сопутствующие элементы внешности – одежду или носимые вещи. Признаки анатомических элементов внешности являются достаточными и необходимыми признаками для проведения его опознания, в отличие от признаков одежды, которые могут быть достаточными, но не необходимыми, поскольку их совпадение иногда дает основание для положи-тельного вывода, но отсутствие еще не означает, что преступник опознан неправильно.

Как известно, в габитоскопии принято выделять две группы элементов и признаков внешнего облика: собственные, к числу которых относятся комплексные или общефизические (антропологический тип, пол, возраст, рост, телосложение, физическое состояние), функциональные (походка, жестикуляция, артикуляция, мимика, поза, осанка, манеры поведения или бытовые привычки), анатомические или морфологические (элементы и признаки наружного строения тела человека, его частей и покровов), и сопутствующие (одежда, мелкие носимые вещи, а также предметы или их части, используемые для оформления внешности)[1].

Зачастую, как показывает практика, индивидуальная совокупность при проведении опознания человека складывается в основном на основе признаков анатомических элементов.

Наряду с этим следует обратить внимание на то, что индивидуализируют человека не только признаки анатомических элементов внешности, но также особенности функциональных и сопутствующих элементов.

Представляется, что при предъявлении для опознания живых лиц – в случае, если допрашиваемый наряду с признаками анатомических элементов внешности запомнил существенные признаки одежды или

[1] *Снетков В. А., Виниченко И. Ф., Житников В. С., Зинин А. М., Овсянникова М. Н.* Криминалистическое описание внешности человека: учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Снеткова. М., 1984. С. 3.

носимых вещей человека, то возможно предъявить для опознания лицо именно в той одежде и с теми носимыми вещами, в которых происходило наблюдение опознаваемым, при соблюдении требований ст. 193 УПК России. Например, провести опознание трех людей в шляпе, костюме, с тростью и держащих портфель.

Опознание должно проводиться исключительно на основе индивидуализирующего комплекса признаков, включающих особенности внешности (частные признаки), которые и будут его выделять из конкретной группы людей. Поэтому следователь не должен ограничиваться какими-то определенными признаками внешнего облика и его особенностями (приметами), а результаты, полученные на допросе, должны быть проанализированы специалистом с точки зрения достаточного количества признаков внешности для проведения предъявления для опознания.

Здесь возникает вопрос: признаки являются достаточными для опознающего, чтобы он опознал человека, а ведь их может быть немного, или достаточными для следователя, чтобы предъявление для опознания все же, в конечном итоге, было признано доказательством по делу?

С одной стороны, результаты опознания зависят оттого, насколько опознающий уверенно укажет на опознаваемое лицо, а с другой стороны, насколько признаки, по которым произошло опознание («узнавание») окажутся существенными для результатов установления тождества, поскольку само предъявление для опознания является следственным действием идентификационного характера. По нашему мнению, если в ходе допроса, проводимого перед опознанием, выяснится, что потерпевший или свидетель не может назвать признаки, по которым возможно провести опознание, но утверждает, что сможет его опознать, следователь не должен отказываться от проведения данного следственного действия. В этом случае следует привлечь специалиста: он может обосновать и оценить результаты допроса, помочь допрашиваемому вспомнить и описать комплекс признаков внешности по методу словесного портрета, а также предвидеть возможные результаты опознания. Так, зачастую потерпевшие запоминают групповые признаки элементов внешнего облика человека, характерные для конкретного антропологического типа. Например, для южного европеоида (кавказская группа населения), в отличие от северного и центрального, характерны темная пигментация, менее выступающие скулы, относительно длинный нос с преобладанием выпуклых спинок, горизонтальное и нередко опущенное основание носа, густые брови и большая ширина глазной щели.

В данном случае представляется, что необходимо руководствоваться принципом достаточности признаков, необходимых именно для идентификации человека, которые и будут его выделять из конкретной группы людей.

Спорным также остается вопрос об использовании в процессе опознания «невизуальных» признаков внешности человека, таких как голос, запах, вкус и др., т. е. определяемых с помощью иных органов чувств (обоняния, слуха, вкуса, осязания). Так, А. Р. Белкин справедливо указывает на то, что в ст. 193 УПК России используются именно такие обороты как «они видели» и «внешне сходных», поэтому по действующему уголовно-процессуальному законодательству возможно проводить лишь визуальное опознание[1]. Вместе с тем, существует немало положительных примеров, в которых демонстрируется предъявление для опознания по голосу, запаху, осязанию и др. при расследовании уголовных дел о неочевидных преступлениях.

Так, по факту убийства К. единственным свидетелем являлась слепо-глухонемая А., которая случайно потрогала лицо преступника. Полноценно передать следователю свои ощущения в ходе допроса она, к сожалению, не могла, но зато удалось изготовить не имеющий аналогов в истории криминалистики субъективный портрет в виде барельефа. Через некоторое время был задержан Ш. по следам рук, оставленным на одном из мест происшествий. Сравнивая барельеф с фотоизображением Ш., были установлены совпадения по некоторым признакам. Следователь принял решение о проведении опознания. Женщина, прикасалась поочередно руками к лицам опознаваемых и в итоге опознала Ш. как человека, напавшего на нее и на К. Вину Ш. подтвердили также результаты генотипоскопической экспертизы[2].

Верховный суд Российской Федерации в своих решениях также отмечает о правомерности предъявления лица для опознания по голосу. Так, в рамках апелляционного производства стороной защиты была подана жалоба, в которой адвокат указывает, что сторона обвинения предоставила в судебное заседание недопустимые доказательства, к числу которых можно отнести протоколы опознания потерпевшей И. и свидетеля Ш. по голосу лица, говорившего с ними по телефону. Сто-

---

[1] *Белкин А. Р.* Вновь о предъявлении для опознания // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: материалы X Всерос. научно-практического круглого стола (26 февраля 2016 г.). Ставрополь, 2016. Ч. I. С. 34.

[2] *Никешкин В. А.* О поиске нетривиальных решений и нетрадиционных методов при раскрытии особо тяжких преступлений // Предварительное следствие. М., 2015. С. 8–9.

рона защиты отметила, что действующим уголовно-процессуальным законом не предусмотрено опознание по голосу.

Перед началом опознания потерпевшая И. и свидетель Ш. были допрошены и пояснили, по каким признакам они смогут опознать голос женщины, позвонившей ей с абонентского номера. Им были предъявлены для опознания записанные на флэш-карты образцы голосов, которые воспроизведены с помощью ноутбука, после чего они объяснили, по каким признакам опознали голос на одной из флэш-карт. В конечном счете суд ходатайство стороны защиты о признании следственных действий в качестве недопустимых доказательств оставил без удовлетворения[1].

Таким образом, во избежание многих споров и разногласий как в теории, так и на практике следует согласиться с мнением И. А. Цховребовой о том, что в ст. 193 УПК России необходимо изменить слово «видели» на «воспринимали»[2]. При такой формулировке возможно проводить опознание не только по признакам внешности, воспринимаемых визуально, но и с помощью иных органов чувств.

---

[1] *Цховребова И. А.* Криминалистическая сущность предъявления для опознания // Публичное и частное право. 2009. Вып. IV. С. 152–161.

[2] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2016 г. № 31-АПУ16-4СП // URL: http://www.zakonrf.info/suddoc.

*Е. П. ИЩЕНКО**

О технико-криминалистическом сопровождении расследования преступлений

К обстоятельствам, обусловливающим острую необходимость технико-криминалистического сопровождения расследования совершаемых в стране тяжких и особо тяжких преступлений, в порядке их значимости, правильно будет отнести: дальнейшую профессионализацию преступности, рост ее организованной составляющей; нынешний профессиональный уровень и персональный состав следственных аппаратов и органов дознания; усиление противодействия расследованию со стороны оргпреступности и ее коррупционных связей в государствен-

---

* Заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

ных, правоохранительных и судебных органах; неблагоприятные тенденции в изменениях действующего законодательства и некоторые др.

Оценивая изменения преступности, произошедшие за последнее десятилетие, необходимо заострить внимание на четырех основных, тесно взаимосвязанных между собой, тенденциях ее современного развития. Первое – это трансформация преступных мотивов, которые в абсолютном большинстве случаев стали корыстными. Распространенное в советский период хулиганство сошло до минимума, уступив место различным преступно-корыстным проявлениям. Во-вторых, совершение преступлений стало бизнесом, а в условиях расширяющейся глобализации, открытости общества и «прозрачности» межгосударственных границ – бизнесом международным и трансграничным, сориентированным на быстрое получение сверхдоходов[1].

Прямым следствием этого стало резкое повышение уровня организации преступной деятельности. Современная преступность, будь то торговля наркотиками или контрафактными товарами, рейдерство или «финансовые пирамиды», является сложно организованным криминальным «предприятием», объединяющим десятки, а то и сотни «работников». Четвертой характерной чертой, определяющей суть современной преступности, представляется высокая техническая оснащенность организованного криминалитета.

Это качество является следствием не только «импорта» криминальных технологий из-за рубежа (вместе с техническими новинками и услугами), но и вооружения «традиционной» преступности современными техническими средствами и информационными технологиями. Не только в обществе в целом, но и в преступной среде наибольшие изменения вызваны распространением общедоступных коммуникационных технологий, особенно таких, как Интернет и мобильная связь. Последняя, как известно из кибернетики, является необходимым условием любой организации.

Технико-криминалистическое сопровождение расследования преступлений может и должно быть реализовано путем профессионального использования средств криминалистической техники, а также современных научно-технических средств и методов во всех необходимых случаях не столько самим следователем, дознавателем, сколько специалистом-криминалистом, экспертом-криминалистом, следователем-криминалистом. Особенно актуален и результативен такой подход при производстве следственного осмотра, обыска, проверки показаний на месте,

[1] Транснациональная организованная преступность в России: моногр. / колл. авт.; науч. ред. В. А. Номоконов. Владивосток, 2010. С. 216–294.

следственного эксперимента, очной ставки и др. в ходе расследования тяжких и особо тяжких посягательств организованной преступности на общественные и личные интересы граждан и организаций.

Приходится с горечью констатировать, что российская преступность с каждым годом становится все более профессиональной, организованной и оснащенной по последнему слову науки и техники. Она активно осваивает все новые сферы влияния, выстраивает международные связи с криминалитетом, заимствует из-за рубежа новейшие криминальные технологии, в особенности, реализуемые в киберпространстве[1].

Организованный российский криминалитет ставит себе на службу специалистов в сфере компьютерного программирования, в области «оптимизации» налоговых платежей, нанимает опытных, беспринципных адвокатов, способствующих уходу от уголовной ответственности за очередное тяжкое преступление. Для этих целей у него имеются практически неограниченные финансовые средства, поступающие из «серой» экономики, реализующей все новые преступные схемы выпуска контрафактной продукции, ухода от налогообложения, контрабандных поставок и др.

Особые трудности здесь возникают в связи с тем, что организованная преступность все активнее осваивает уникальные возможности киберпространства, вследствие чего особую актуальность приобретает разработка тактико-технических приемов производства следственных действий в этом эфемерном пространстве, где все присутствует в виртуальном, электронном, цифровом виде. Специалисты-криминалисты, эксперты-криминалисты, следователи-криминалисты должны первыми и безотлагательно освоить новейшие информационные интернет-технологии, чтобы во всеоружии быть на переднем крае борьбы с современной преступностью, передавать свой опыт рядовым следователям. Даже экспертам-криминалистам в этом направлении предстоит еще сделать очень непростые шаги[2].

А пока во всем криминальном хитросплетении современных преступных посягательств приходится разбираться нынешним следователям и дознавателям, профессионализм и опытность которых оставляют желать много лучшего. В следственном аппарате МВД России более

[1] См. подробнее: *Ищенко Е. П.* Ситуационный подход и внедрение в криминалистику новых информационных технологий // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Л. Я. Драпкина. Екатеринбург, 2015. С. 57–65.

[2] *Ищенко Е. П.* Актуальные проблемы развития российской криминалистики // Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: колл. моногр. / отв. ред. Е. П. Ищенко. М., 2016. С. 3–29.

50 % – молодые женщины, третья часть следователей не имеют высшего юридического образования, а значит и криминалистических познаний, около половины проработали в этой должности менее трех лет. Органы дознания в своем преобладающем большинстве укомплектованы сотрудниками, не имеющими юридического образования и надлежащего опыта проведения дознания по составам преступлений, отнесенным к их компетенции.

Более 70 % рабочих мест следователей МВД не отвечают научно разработанным стандартам безопасности труда. Продолжительность рабочего дня следователей этого ведомства составляет в среднем 10 часов. Лишь 10 % следователей, дознавателей укладываются в нормированный рабочий день, остальные 50 % вынуждены работать до 12 и более часов.

Ежегодно следователи МВД приостанавливают расследование до 1,5 млн уголовных дел. На долю следователей этого ведомства приходится около 80 % всех уголовных дел, а средняя нагрузка составляет 32 дела в месяц на одного следователя, что почти в три раза больше, чем у следователей других ведомств[1]. Без грамотного технико-криминалистического сопровождения обеспечить качественное расследование ими уголовных дел практически нереально, что и наблюдается в действительности.

Анализ статистических данных о работе следователей МВД России за 2009–2015 гг. свидетельствует, что ими ежегодно приостанавливается около половины всех расследуемых уголовных дел, причем более 95 % – вследствие неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Другими словами, половина совершенных, а точнее говоря, зарегистрированных преступлений ежегодно остаются нераскрытыми, а виновные лица безнаказанными.

В Следственном комитете РФ все следователи имеют высшее юридическое образование, должности укомплектованы мужчинами, однако опыт практической работы и здесь невелик. В СК число следователей по состоянию на 21 января 2016 г. равнялось 8780 человек, включая военных следователей. Ими за пять лет было возбуждено 663 тыс. уголовных дел, в суды направлено 500 тыс. дел, что свидетельствует о серьезной нагрузке на каждого следователя. Однако качество их профессиональной деятельности было бы выше, а нагрузка меньше, если бы не активность 3500 процессуальных контролеров, служебная функция и практическая полезность которых более чем сомнительны.

---

[1] См. подробнее: *Можаева И. П.* Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. 2015. Т. 1. С. 352–360.

Поэтому неудивительно, что ежегодно текучесть среди следственных кадров МВД и СК России доходит до 10% от общего состава. Если преступность постоянно совершенствуется, то следственный и дознавательский корпус страны разве что перестал деградировать, хотя ежегодный приход тысяч новичков едва ли положительно сказывается на уровне его (корпуса) профессионализма.

Борьба с коррупцией не принесет ощутимых результатов, пока не будет если не искоренена, то подавлена российская организованная преступность. Все поползновения в этом направлении будут скорее имитацией усилий, нежели реальной действительностью. Становясь все могущественнее, налаживая коррупционные связи на всех уровнях, проникая во все поры общественного организма, организованная преступность приобретает очень широкие возможности по оказанию противодействия не только предварительному расследованию, но и судебному разбирательству уголовных дел.

При этом следователи, дознаватели, оперативные работники, эксперты, прокуроры, судьи испытывают как внешнее, так и внутреннее противодействие, нацеленное на избежание уголовной ответственности, либо ее минимизацию в отношении «засветившихся» членов оргпреступных сообществ. В этом руководителям ОПС самую активную помощь оказывают адвокаты, часть из которых состоит на постоянном содержании организованных криминальных структур.

Из наук уголовно-правового цикла только криминалистика всецело сориентирована на решение практических проблем борьбы с преступностью вообще и на раскрытие и расследование преступлений, в особенности. Представители криминологии, уголовного права и уголовного процесса предпочитают вести себя так, будто с преступностью в РФ почти покончено, а то, что творит в стране организованный криминал, их вообще не касается. К борьбе с преступностью и даже к ее «преодолению, сдерживанию» они, якобы, не имеют даже косвенного отношения. Поэтому, ничтоже сумняшеся, предпочитают теоретизировать, рассуждать о принципах, презумпциях, критериях и прочих возвышенных материях. И очень немногие из них подают свои голоса против того законодательного беспредела, который происходит с УК и УПК РФ.

Уголовный кодекс РФ имеет не слишком большую, но очень насыщенную историю. Проследить ее подробно не представляется возможным, ибо по состоянию на 5 февраля 2017 г. было принято 204 федеральных закона, внесших в него самые различные изменения, дополнения, уточнения и т. д. Легко подсчитать, что в среднем каждый год по поводу УК РФ принималось по 10 ФЗ, т. е. если исключить парламентские

каникулы, – ежемесячно. От исходного содержания Кодекса, согласно подсчетам экспертов, осталось около 8 %, остальное – «новодел».

Постоянно изменяющийся уголовный закон очень трудно применять и исполнять, особенно если учесть те, мягко говоря, недружественные процессуальные условия, в которых приходится работать следователям и дознавателям. Но изменения тех или иных норм УК РФ на самом деле происходят еще чаще, поскольку до 60 % статей Особенной части УК являются бланкетными, отсылающими к нормативным актам иной природы. А административное, банковское, гражданское, трудовое, финансовое и др. законодательство тоже очень далеки от разумной стабильности. Но все изменения в нем следователь (дознаватель) должен учитывать в своей профессиональной работе. Это далеко не у всех получается, в особенности у тех, кто не имеет высшего юридического образования и достаточного профессионального опыта (до 30 % от списочного состава следователей).

Уголовно-процессуальный кодекс РФ действует 16 лет. За эти годы в него было внесено более трех тысяч изменений, дополнений, уточнений. Для этого с 29 мая 2002 г. по 5 февраля 2017 г. Дума приняла 208 Федеральных законов, да еще Конституционный Суд вынес пять постановлений и 15 определений, пытаясь устранить неконституционность целого ряда положений УПК РФ. Некоторые статьи УПК изменялись многократно.

По подсчетам Л. А. Воскобитовой, из общего числа статей УПК РФ не изменялись лишь 168 (30 %). Она обоснованно считает, что УПК никак не борется с преступностью и не может этого делать, ибо нет соответствующей концепции. Потому и вносимые в него изменения бессистемны и хаотичны. А в результате за качество и эффективность расследования преступлений в стране не отвечает никто. Поэтому можно уверенно констатировать системный кризис отечественного уголовно-процессуального законодательства со всеми вытекающими отсюда последствиями, главное из которых – свертывание борьбы с организованной и обычной преступностью, низкое качество раскрытия и расследования совершаемых в стране миллионов преступлений[1].

Необходимость технико-криминалистического сопровождения расследования обусловлена еще и тем, что в распоряжении большинства следователей и дознавателей современных средств криминалистической техники либо нет, либо имеются устаревшие экземпляры, либо

[1] *Ищенко Е. П.* К проблеме качества предварительного расследования преступлений // Вестн. Московского гос. юрид. ун-та им. О. Е. Кутафина. 2017. № 5. С. 120–134.

применять их эти практические работники не умеют. В то же время сейчас снова начинают приобретать первостепенное значение «немые свидетели» преступлений – различные вещественные доказательства и следы, особенно остающиеся в киберпространстве.

Без применения технико-криминалистических средств и методов выявить их, зафиксировать, изъять и подвергнуть судебно-экспертному исследованию практически невозможно. Не могут их уничтожить и преступники, в том числе профессиональные (запаховые, тепловые, цифровые, микроследы), тогда как на свидетелей-очевидцев и потерпевших оказывается интенсивное давление со стороны членов оргпреступных сообществ и обслуживающих их адвокатов[1].

Неопытный, да к тому же не имеющий юридического образования следователь, дознаватель, вынужденный работать в условиях законодательной свистопляски, будет чувствовать себя гораздо увереннее, если его усилия по сбору судебных доказательств будут подкреплены современной научно-технической базой российской криминалистики, средства и методы которой под воздействием научно-технического прогресса постоянно развиваются и совершенствуются. Поступают такие средства и в результате заимствований из-за рубежа. Поэтому представляется ошибочной и излишне мрачной общая оценка современного состояния российской криминалистики[2].

В этой связи необходимо в кратчайшие сроки решить вопрос о восстановлении на современной элементной базе, выпуске и использовании в практике борьбы с преступностью чувствительнейших спектроскопических средств и методов – результатов отечественных научных разработок. С их помощью становятся доступными и очень информативными даже следы толщиной в один атомный слой, причем методы чувствительны ко всем элементам Периодической системы Д. И. Менделеева. Эти воистину фантастические возможности были апробированы и использованы по целому ряду сложных уголовных дел, расследованных в Рязани против действовавших там организованных преступных группировок[3].

Подводя краткие итоги, следует констатировать острую необходимость скорейшего налаживания грамотного технико-криминалистического сопровождения расследования совершаемых в стране тяжких

---

[1] *Гармаев Ю. П.* Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Средства предупреждения и нейтрализации: моногр. М., 2010.

[2] *Сокол В. Ю.* Кризис отечественной криминалистики: моногр. Краснодар, 2017.

[3] *Плоткин Д. М., Ищенко Е. П.* Новейшие методы исследования вещественных доказательств в криминалистике. Рязань, 2005.

и особо тяжких преступлений. Это повысит качество следственной деятельности, будет способствовать очищению российского гражданского общества от организованного и обычного криминала, проникшего во все сферы жизнедеятельности и негативно воздействующего на судебно-правовую реформу в РФ[1].

[1] *Ищенко Е. П.* Реформой правит криминал? М., 2013.

*А. В. КАБАНОВ**

Проблемы использования криминалистической техники в «полевых» условиях

Термин «полевая криминалистика» впервые ввел в обиход Рафаил Самуилович Белкин в 1988 г. Вводя новый термин, известный ученый дал ему и объяснение, указав что под «полевой криминалистикой» подразумеваются технико-криминалистические средства и методы, которые используются непосредственно при проведении осмотра места происшествия и других следственных действий вне стен дислокации правоохранительных органов, т. е. в «полевых» условиях.

В своих последних работах Р. С. Белкин отмечал, что многие вопросы, относящиеся к «полевой криминалистике» перестали быть дискуссионными, но в тоже время существуют и проблемы. Автор термина разбил эти проблемы по следующим группам[1].

1. Проблемы технического характера, а именно принципы комплектования наборов технико-криминалистических средств, пределы технического оснащения следователя и специалиста для работы в «полевых» условиях.

2. Проблемы организационного характера.

3. Проблемы методического характера.

Все перечисленные проблемы актуальны и в настоящее время, в рамках данной статьи остановимся только на первой из них.

В настоящее время отсутствуют проблемы с закупкой и комплектованием правоохранительных органов следственными и экспертно-

* Преподаватель кафедры криминалистики УрГЮУ, подполковник милиции в отставке.

[1] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов: в 3 т. 3-е изд., доп. Екатеринбург, 2001. Т. 3. С. 2.

криминалистическими чемоданами (универсальными наборами) нет. Закупка следственных и экспертных чемоданов производится централизовано, их комплектация и цена решается с фирмами поставщиками. Стоимость их составляет от 30 тыс. руб. и выше. В комплект универсальных наборов входит фотоаппарат, стоимость которого как правило и является стартовой для определения стоимости всего комплекта.

Р. С. Белкин определил данные универсальные криминалистические наборы как «нижний» предел оснащения для выполнения необходимых действий по выявлению и изъятию вещественных доказательств. В то же время Р. С. Белкин справедливо отметил, что: «…оптимальным для качественной работы следственно-оперативной группы является передвижная криминалистическая лаборатория, которая является «верхним» пределом оснащения следователя и специалиста в «полевых» условиях». К специализированной передвижной криминалистической лаборатории помимо водителя, как правило «прилагается» и специалист-криминалист соответствующего профиля, обладающий специальными знаниями и навыками работы с криминалистическими приборами, которыми оснащена ПКЛ (передвижная криминалистическая лаборатория), в противном случае прибытие такой лаборатории на место происшествия не имеет смысла. Также не имеет смысла обеспечивать прибытие такой лаборатории на места совершения незначительных преступлений или правонарушений.

Недостатком унифицированных чемоданов является их достаточно большой вес и необходимость постоянно пополнять расходные материалы (которые входят в комплект, но по мере расходования приобретаются отдельно), например: одноразовые перчатки, липкая лента, дактилоскопическая пленка, дактилоскопические порошки, контейнеры для транспортирования микрочастиц, батареи к осветительным и другим приборам, средства личной гигиены (мыло, спирт, салфетки) и пр.

Некоторые предметы, входящие в комплект криминалистического (следственного) чемодана, в процессе эксплуатации либо теряются, либо приходят в негодность, например: криминалистические лупы, ножницы, скальпели, пинцеты, криминалистические линейки и номерки, дактилоскопические кисти и т. п.

Кроме этого, в комплект унифицированного чемодана входит фотоаппарат, который может быть утерян по разным причинам, а учет унифицированных комплектов ведется, как правило, по номерам фотоаппаратов, т. е. утеря фотоаппарата автоматически означает утерю всего унифицированного комплекта (чемодана), с последующим возмещением его стоимости лицом, принявшим его на подотчет.

Если вопросы оснащения криминалистической техникой правоохранительных органов в последние 10–15 лет в отличие от «лихих 90-х» можно считать более чем удовлетворительной, то использование ее в «полевых условиях» по-прежнему вызывает нарекание. В большей мере это относится к следователям и дознавателям, и на это есть свои причины.

Если техники-криминалисты, эксперты-криминалисты, как правило, комплектуют свои собственные унифицированные чемоданы самостоятельно, учитывая что они должны будут решать узкую профессиональную задачу, а именно: оказание помощи следователю в деле выявления, фиксации и изъятия вещественных доказательств, объектов, следов и прочее, то следователь действуя самостоятельно (без помощи специалиста-криминалиста) «…вынужден распределять свое внимание между техникой и тактикой, как правило, в ущерб последней и в ущерб самому процессу организации расследования»[1]. Естественно, если следователь при отсутствии специалиста-криминалиста, одновременно: организует работу следственно-оперативной группы, изучает обстановку, выявляет, фиксирует, исследует, изымает следы, составляет протокол следственного действия, осуществляет расследование преступления и задержание преступника по «горячим следам», то следственный чемодан (вес до 16 кг), угроза понести материальную ответственность за его утерю, ему (следователю) – как гири на ноги. В следствии этого, даже если каждого следователя оснастить своим, личным, хорошо укомплектованным унифицированным чемоданом это едва ли изменит положение вещей.

В тоже время отсутствие такого чемодана у следователя делает его практически безоружным в случае необходимости самостоятельного выявления и изъятия следов преступления, пусть для этого и требуются самые простые криминалистические средства.

Р. С. Белкин предложил для решения этой проблемы создать «депо технических средств» предназначенных для предварительного исследования вещественных доказательств. По замыслу Р. С. Белкина «депо технических средств» должно было находится в ведении соответствующего материально ответственного лица. В его отсутствие доступ к технике имеют все следователи и оперативные работники в порядке, обеспечивающем сохранность и поддержание готовности технических средств.

К сожалению, практика показывает, что следователи и дознаватели крайне редко самостоятельно (не привлекая специалистов-криминали-

[1] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 3. С. 11.

стов) получают и используют данные криминалистические средства, по причинам, указанным выше. Выходом из создавшегося положения видится разработка и принятие на вооружение следователями минимально оснащенных одноразовых унифицированных комплектов криминалистических средств.

В данный комплект должны входить:

латексные перчатки – 1 пара;

лупа пластмассовая – 1 шт;

пинцет пластмассовый – 1 шт;

бумажная масштабная линейка – 1 шт.;

металлическое лезвие по типу сменных лезвий к канцелярским ножам – 1 шт.;

бинт марлевый медицинский стерильный 5 м × 10 см – 1 шт;

полиэтиленовые пакеты размерами 50×50 мм с пластмассовым замком, для упаковки микрообъектов – 5 шт;

миниатюрный одноразовый светодиодный фонарик – 1 шт.;

кисть магнитная, упрощенной конструкции – 1 шт. (см. рис. 1);

полиэтиленовый пакет с дактилоскопическим порошком черного цвета, вес 10 г. –1 шт.;

полиэтиленовый пакет с дактилоскопическим порошком белого цвета, вес 10 г. –1 шт.;

липкая лента шириной 4 см – 1 катушка;

дактилопленка прозрачная 5 см × 10 см – 2 шт.;

дактилопленка непрозрачная (темная) 5 см × 10 см – 2 шт.

Содержимое комплекта должно быть помещено в контейнер наподобие одноразовой аптечки. Сам контейнер после извлечения из него содержимого, должен быть пригоден для временного хранения объектов, несущих одорологические следы и др.

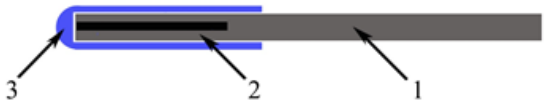


Рис. 1. Схематическое изображение магнитной кисти упрощенной конструкции:
1 – пластмассовый стержень; 2 – магнит;
3 – съемный пластмассовый колпачок.

Достоинства такого набора очевидны:

малый вес и незначительные размеры, следовательно, можно всегда иметь при себе хотя бы один комплект;

в случае необходимости можно использовать несколько комплектов;

возможность использование данных комплектов как расходных материалов без отчета для списания по аналогии с экспресс-тестами на определение наркотических веществ.

Стоимость такого набора будет низкой, а содержимое позволит проводить выявление и изъятие следов на месте происшествия следователем самостоятельно в случае отсутствия техника-криминалиста.

Наличие такого небольшого унифицированного комплекта у следователя или дознавателя отчасти решит проблемы и организационного характера, а именно в выборе оптимального решения о субъекте применения средств «полевой криминалистики». Либо следователь примет решение о самостоятельном использовании криминалистических средств, либо в случае необходимости им будет вызвано лицо, обладающее специальными знаниями и вооруженное специальной криминалистической техникой.

*В. Н. КАРАГОДИН**

О некоторых критериях оценки криминалистических исследований

Изменение подходов к оценке эффективной научной деятельности в целом несомненно отразилось на количестве и качестве работ, относимых их авторами к числу научных. Сведение основных показателей эффективности и продуктивности научных изысканий к чисто количественным характеристикам, прежде всего, к разного рода индексам цитируемости, привело к вполне ожидаемым результатам увеличения числа разного рода публикаций. Однако значительная часть из них не только не способствует развитию науки, но и вообще не обладает признаками научных работ.

Известно, что критерии научности претерпевали изменения по мере эволюции взглядов на содержание и сущность метанауки. В то же время практически на всех этапах развития науки в целом критериями научности считались признаки, позволяющие относить знание

* Заслуженный юрист Российской Федерации, почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель директора Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации, декан второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в Екатеринбурге).

к научному. Однако сущность этих критериев оценивалась по-разному по мере развития науки. Например, в классической науке XVII–XIX вв. научность отождествлялась с истинностью и объективностью знания. При этом истинность понималась как абсолютная достоверность знаний, получаемых в результате научных исследований. Объективность научных знаний связывалась с нацеленностью на конкретный объект. Отдельно выделялся критерий доказанности и обоснованности, предполагавший аргументацию полученных выводов.

В неклассической концепции науки, завоевавшей признание к началу XX в., приоритет завоевывает критерий относительной истинности знания, обеспечения истинности и обоснованности с помощью эмпирических и теоретических средств познания, плюрализма мнений и равноправия различных концепций, представлений в отношении одного объекта исследования.

В постнеклассический период развития науки наблюдается сохранение в общем виде всех названных критериев. Наряду с этим выделяется усиление аксиологического аспекта, подчеркивающего связи ценностно-целевых установок субъекта познания и критерий связи науки с социокультурной жизнью, ее ценностями и идеалами[1].

Нельзя не отметить, что приведенные критерии в значительной степени отличаются от предъявляемых Высшей аттестационной комиссией (в дальнейшем – ВАК) к квалификационным научным трудам и редакциями научных изданий к представляемым для опубликования работам. Давая общую оценку научных работ с позиции направленности на реально существующие объекты исследований, хотелось бы отметить вызывающую определенную тревогу тенденцию избрания для исследования, мягко говоря, излишне узкой тематики. В качестве доказательств актуальности приводятся статистические данные о распространенности исследуемого вида преступлений, а также эмпирически не подтвержденные выводы о низком уровне их раскрываемости. Эти же аргументы фактически используются для обоснования новизны исследования.

Представляется, что при выборе темы научной работы следует не просто определять распространенность определенного вида преступлений, проблемы борьбы с которыми избираются для исследования, но и невозможность их разрешения с помощью уже разработанных в науке приемов, методов и средств. Практически аналогичные суждения высказываются известным специалистом в области науковедения

[1] *Полякова Я. С.* Трансформация идеала и критериев научности // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2011. № 1. С. 184.

А. С. Майдановым, который определяет процесс научного творчества «как деятельность по постановке и решению неординарных проблем с целью получения нового знания». В качестве основной проблемы этот автор справедливо называет проблему средств и методов, логики научной деятельности. В процессе проведения конкретных исследований рекомендуется использование разумного сочетания традиционных и новаторских подходов[1].

Исследователь, в особенности начинающий, должен прежде всего определить, имеет ли он дело действительно с проблемой, требующей творческого, научного разрешения. Такие проблемы понимаются в основном как противоречия между явлениями объективной действительности, теоретическими представлениями о них и рекомендуемыми методами разрешения проблемных ситуаций.

Важное значение имеет не просто выделение фактов объективной действительности, но и их обобщение, избрание методов исследования.

Обобщение фактографического материала рассматривается как процесс группировки, т. е. научного описания выделяемых признаков как подобия, так и различия. В некоторых случаях признак (основание) группировки не находит объяснения, а обнаруживается позже «эмпирическим путем в результате перекрестного анализа»[2]. С учетом выделяемых признаков объекта исследования выдвигаются гипотезы, концепции, для проверки которых избираются конкретные методы исследования.

Необходимо подчеркнуть, что построение и проверка любой новой теоретической концепции, гипотезы невозможны без использования знаний об уже известных свойствах, признаках изучаемых явлений, использовавшихся для этого методов и средств. Эти знания могут и должны использоваться для подтверждения неизменности или аргументации необходимости изменений сложившихся научных представлений. При этом существующие взгляды и теоретические построения не могут просто отметаться. Любые выводы научного исследования должны быть обстоятельно аргументированы, особенно об изменении сложившихся парадигм. В современной науке наблюдается поток предложений об изменении парадигмальных основ науки криминалистики.

К сожалению, ряд сторонников кардинальных изменений в названных отраслях научного знания не утруждают себя серьезной аргументацией собственных предложений. Более того, некоторые из них под-

---

[1] *Майданов А. С.* Методология научного творчества. 2-е. изд. М., 2012. С. 12.

[2] *Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П.* Современная социология права: учеб. для вузов. М., 1995. С. 249.

меняют научные доводы политическими обвинениями своих научных оппонентов. Например, иностранные авторы, позиционирующие себя в качестве ученых, свободных от идеологических постулатов, обвинили коллегу в приверженности к тоталитарной идеологии только на том основании, что он включил в предмет криминалистики закономерности преступной деятельности. Называя такую позицию антинаучной и асоциальной, указанные критики концепции двойного содержания объекта криминалистики прибегают к передергиванию фактов, подмене научной дискуссии на весьма неприглядную ругань. Не затрудняя себя теоретическими доводами, они довольствуются примитивными суждениями о том, что криминалистику не интересует, как совершаются преступления, как и медицину не интересует, как умерщвлять людей[1].

Хотелось бы напомнить этим революционным представителям западного антисоветизма, что в медицине существуют такие отрасли как паталогоанатомия и судебная медицина, элементом объекта которых являются и процессы наступления смерти человека вследствие действия внутренних и внешних по отношению к умирающему организму факторов.

Что касается закономерностей преступной деятельности, то их придумал не критикуемый ученый. В частности, первые обобщения преступной деятельности проявились еще в донаучный период, т. е. до возникновения науки криминалистики. В результате именно западными учеными введен в научный оборот термин «способ преступления» (modus operandi), а на рубеже XIX–XX вв. были сформированы первоосновы метода раскрытия преступления по способу его совершения.

Уместно напомнить, что наука может развиваться только с учетом научных достижений на предыдущих этапах эволюции познания[2].

Всякое изменение научных положений должно быть аргументировано, т. е. доказано, чем обуславливается необходимость изменения существующих концептов и какие преимущества дает реализация предлагаемых новелл. Ситуационно обусловленная степень познания проблем может быть различной. На начальном этапе могут быть выявлены только признаки существования парадоксов познания, а затем с разной степенью вероятности определено их содержание. После этого возможна разработка рекомендаций по разрешению выявленных проблем.

---

[1] *Терехович В. Н., Ниманде Э. В.* Сущность предмета познания криминалистики // Библиотека криминалистики. 2012. № 3. С. 9–10.

[2] *Кузнецов Б. Г.* Ценность познания. Очерки современной науки. 2-е изд. М., 2009. С. 70–71.

В истории науки известны факты первоначальной разработки практических рекомендаций, а затем их теоретическое обоснование, включающее в себя оценку существующих проблем и возможностей их разрешения.

Последовательность процессов познания и описания его результатов могут быть различными, но они всегда должны включать в себя размышления. Это невозможно без использования методов научного познания. Именно применение этих методов отличает научное познание от обыденного. При этом нестандартный подход к постановке проблем и к применению методов познания придают исследованию творческий характер.

В современных условиях важно не только найти новые решения, но и убедить пользователя в преимуществах предлагаемых новаций. Научное доказывание характеризуется не только достоверностью суждений, но и логикой изложения. Это означает, прежде всего, связь всех элементов научного описания исследуемого объекта, выявленных при этом его существенных признаков, проблем практического и теоретического характера, путей, методов и средств их разрешения. Методы изложения во многом определяются видом и объемом публикации, задачами, ставящимися при этом автором. Чаще всего материал в публикациях излагается от общего к частному. Однако не реже встречаются работы, отличающиеся теоретическими излишествами. В основном они выражаются в стремлении дать собственное авторское определение каждому понятию, даже если используется уже известная дефиниция. Например, статьи, монографии, диссертации по криминалистической тематике изобилуют определениями криминалистической характеристики преступления, следственной ситуации, других категорий названной отрасли научного знания. Создаваемые же в результате конструкции практически не отличаются от разработанных другими учеными и критикуемыми автором публикации. Более того, нередко описание определяемых понятий никак не связано с другими положениями публикуемого материала. Подобное изложение криминалистических характеристик отдельных видов преступлений в работах, посвященных частным методикам предварительного расследования, позволило поставить под сомнение дальнейшее использование этой научной категории. Так, Р. С. Белкин назвал криминалистические характеристики фантомом, поскольку их содержание никак не связано с рекомендациями по расследованию характеризуемых преступлений[1].

[1] *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 223.

Следует различать логику научного исследования и логику изложения материалов исследования. Логика изложения – это средство оперирования данными о ходе и результатах исследования, доказывания, доброкачественности проведенных изысканий, обоснованности и объективности полученных выводов.

Уровень восприятия материала значительно повышается, если он излагается доступными адресату языковыми средствами. Профессор А. Ф. Черданцев справедливо замечал, что в юридической науке и практике используются обширный арсенал логико-языковых средств семантического и прагматического характера. Семантические аспекты отражают теоретико-познавательные компоненты изыскания, а прагматические – его значение для практики[1]. Разумный баланс этих компонентов должен соблюдаться в работах, адресованных теоретикам и (или) практикам. Первые большое внимание уделяют научному аппарату, используемому в теоретических изысканиях, правильному его использованию при изучении избранного объекта исследования и построения выводов.

Научная работа, несомненно, должна быть написана с использованием средств научных лексики и стиля, отличаться компактностью, емкостью и в то же время достаточной ясностью изложения материала. Умения и навыки подобного изложения, как правило, формируются на основе восприятия опыта деятельности других ученых и объективной оценки качества собственных работ. Трудно представить себе научную работу без дискуссии по общим или частным работам. Дискуссионность исследования отражает не только его актуальность, но и уровень научной культуры автора. В этом аспекте она позволяет ему продемонстрировать свою эрудицию, знание позиций различных ученых по обсуждаемому вопросу, а также умение корректно дискутировать по самым острым вопросам. К сожалению, в ряде публикаций используются недопустимые средства ведения дискуссии. В связи с этим высказывается заслуживающее внимание предложение отказывать в издании работ, содержащих такие положения[2].

В заключение хотелось бы остановиться на таком оценочном качестве научных исследований, как их практическая значимость. Это свойство оценивается на момент публикации результатов и в виде научного прогноза.

В настоящее время при официальной оценке исследования приоритет отдается положению на момент определения существования или

---

[1] *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 11–12.

[2] *Филинков А. Г.* Заметки на полях // Вестн. криминалистики. 2016. № 1. С. 51.

отсутствия этого качества. В отчетах некоторых учебных и научных учреждений число внедренных в практику рекомендаций в десятки раз превышает количество публикаций и проведенных исследований. Весьма показательны в этом плане внедрения упомянутых рекомендаций в деятельность правоохранительных органов районного звена. Получение справок о внедрении от таких учреждений, расположенных на территории субъекта Федерации, создает впечатление о высочайшей эффективности научных изысканий. Однако качественные и количественные показатели деятельности органов, выдавших названные документы, почему-то не изменились.

Представляется обоснованным вывод о том, что востребованность теории юридической практикой не всегда определяет научную и практическую значимость результатов исследований. На определенном этапе они остаются невостребованными. Более того, продвижение новелл может быть длительным процессом, сопряженным с преодолением устаревших парадигм[1]. К этому можно добавить, что практическая реализация достижений науки криминалистики процесс вообще не быстрый. Необходимо не только ознакомить потенциальных пользователей с новшествами, но и убедить их в преимуществах предлагаемых рекомендаций. Нужна их апробация, причем в разных условиях. С учетом этого рекомендации могут корректироваться, практика применения обобщаться и систематизироваться.

В последнее время в научных публикациях все чаще звучат предложения о внедрении научных рекомендаций в практику путем нормативно-правовой регламентации.

Представляется, что инициаторы таких нововведений недостаточно четко представляют себе сущность научных рекомендаций. Как справедливо отмечалось в научной литературе, рекомендации не имеют правовой силы и предоставляют адресатам свободу выбора, допуская возможность и другого варианта действий[2]. Представляется, что как только разработанные в результате теоретических изысканий предложения найдут закрепление в нормах права, они потеряют статус научных рекомендаций. Такое изменение положения обуславливается тем, что нормативные предписания связаны с получением прав и обязанностей, соблюдение которых обеспечивается государственным принуждением. В этой связи уместно замечание-образ действия, выбранный на

---

[1] *Тарасов Н. Н.* Юридическая наука и юридическая практика: отнесение в методологическом контексте (о практичности юридической науки и теоретичности юридической практики) // Рос. юрид. журн. 2012. № 3. С. 21–22.

[2] *Черданцев А. Ф.* Указ. соч. С. 166.

основе добровольного и свободного осознания, гораздо более продуктивен, чем сделанный под угрозой, принуждением.

Наконец, наука – это прежде всего свобода творчества и продвижение ее результатов под страхом наказания противоречит самой ее сути. Наука призвана способствовать свободе человека, а не ограничивать ее.

*Н. В. КАРЕПАНОВ**

Некоторые вопросы соотношения терминов «следы» и «доказательства»

«Следы» – категория многогранная, кроме того, в процессе своего существования сами следы обретают разные формы, проходят определенные стадии, отделяются в иные категории, обозначаются другими словами и словосочетаниями, иногда параллельными, редко, пересекающимися. Они есть продукт предшествующих образований, которые обозначены в языке по-разному.

Таких понятий много, они обозначаются разнообразными терминами, используются субъектами по-разному, порой не удачно, не верно. Необоснованно отождествляют их. Что в конечном итоге приводит к некой путанице, небрежности в обозначении тех или иных понятий, отражении конкретных процессов. Особенно это касается смежных категорий, таких как «доказательства».

Так, часто специалисты по уголовному процессу называют доказательствами следы, которые непосредственно воспринимает следователь при осмотре места происшествия. С таким мнением не согласны процессуалисты В. Н. Григорьев, А. В. Победкин и В. Н. Яшин[1]. Они утверждают, что это неверно, поскольку сами по себе факты, воспринятые должностным лицом, не имеют значения для уголовного процесса. По их мнению, следы не могут использоваться в доказывании, если сохранены только в сознании должностного лица. Сведения о них должны принять надлежащую процессуальную форму. Таким образом, доказательствами будут являться сведения об этих следах, а не сами следы (факты).

Некоторые авторы в понятие «доказательство» включают в качестве составляющих признаков термины «сведения о фактах» и «источник».

* Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

[1] *Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н.* Уголовный процесс. М., 2009.

Как единство объективного и субъективного. Источником доказательства при этом рассматривается человек (субъект), от которого исходит доказательство.

По мнению указанных авторов, эта позиция также неверна. Во-первых, отраженного факта не может существовать. Материальные или идеальные следы, оставленные событием, – это сведения о нем. Во-вторых, субъективная форма (отражение в сознании конкретного человека) не может рассматриваться как процессуальная категория. Это лишь идеальный след, существующий за рамками уголовного судопроизводства, который не имеет процессуального значения до тех пор, пока не приобретет действительно процессуальную форму одного из источников, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК[1]. В-третьих, этот подход не учитывает, что следы события могут существовать не только в сознании людей, но и на материальных объектах (вещественные источники доказательств)[2].

Рассмотрим подробнее действительное соотношение этих двух категорий.

Толковые словари и энциклопедии определяют следы как отпечаток, оттиск чего-нибудь (ноги человека или животного, колес или полозьев экипажа, и т. п.) на земле или какой-нибудь поверхности (например, след ноги на песке, заячий след, напасть на чей-нибудь след), остаток или признак чего-нибудь (например, следы преступления, следы болезни, след бури), следствие чего-нибудь (например, последствие болезни)[3].

Основоположник учения о следах в советской криминалистике профессор И. Н. Якимов считал следами все те материальные изменения, какие происходят в обстановке места происшествия, в окружающей среде и предметах, связанных с событием преступления.

«Следы» терминологически, при кажущейся простоте и понятности, достаточно сложная категория. В общем понимании этот термин отражает последствия постоянно изменяющейся объективной реальности. В то же время, исходя их быстротечности «времени настоящего», «следами» становятся все изменения только что или давно уже происшедшие. Иными словами, все объективное в этом мире – «следы». Причем под «объективным» в данном случае мы понимаем и про-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1).

[2] *Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н.* Указ. соч.

[3] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М., 1988. С. 594, 460; *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М., 2009. С. 743.

изошедшие изменения в сознании и памяти людей. На этом мы пока и остановимся.

Следы – различные материальные остатки окружающей среды, возникающие в результате проявления каких-либо явлений и (или) событий.

Перейдем к исследованию основного сопутствующего термина следов – понятия доказательства.

Кажущаяся многозначность в разноголосице толковых и философских словарей, энциклопедий, и особенно теоретических разработок процессуалистов, в принципе преодолима. Что позволяет нам остановиться на вполне приемлемых результатах исследования.

Наверное, самое краткое определение доказательства дается в Советском энциклопедическом словаре 1981 г.: «Доказательство – установление (обоснование) истинности высказывания, суждения, теории. В логическом доказательстве аргументация проводится по правилам и средствами логики»[1]. Более подробно этот термин с точки зрения логики рассматривается в энциклопедическом словаре 1955 г. под редакцией Б. А. Введенского и философском словаре 1979 г. под редакцией И. В. Блауберга, И. К. Пантина.

Доказательство – (в логике) установление истинности каких-либо суждений, истинность которых была доказана ранее. Возможность логического доказательства, то есть возможность обоснования истинности одного суждения истинностью других, базируется на объективно существующей взаимосвязи явлений, познаваемой в ходе общественно исторической практики человечества. Составными частями логического доказательства являются: 1) тезис – суждение, истинность которого должна быть доказана; 2) основания (или аргументы) – истинные суждения, обосновывающие истинность тезиса; 3) демонстрация – форма или способ доказывания. Окончательное доказательство истинности выдвинутых положений дает, однако, лишь их практическая проверка[2].

В формальной логике разработана теория различных видов доказательств и опровержения (например, прямое, с допущениями, эмпирическое, теоретическое доказательство и т. д.). В XX в. под влиянием развития исследований по основаниям математики была построена особая теория математического доказательства, базирующаяся на аппарате математической логики[3].

---

[1] Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 408.

[2] Энциклопедический словарь / гл. ред. Б. А. Введенский. М., 1955. Т. 3. С. 569.

[3] Краткий словарь по философии / под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина. 3-е изд. доработ. и доп. М., 1979. С. 77; *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. С. 140; *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь русского языка. С. 147.

Толковые словари определяют значение этого слова в более широком смысле, что для нас даже предпочтительней. Если объединить их суждения по этому вопросу, то под доказательством следует понимать процесс установления объективной истины посредством практических и теоретических действий (и средств), довод или факт, подтверждающий, что-нибудь, система умозаключений, служащая для установления нового положения на основании других, ранее известных[1].

Правовой аспект в уголовном и гражданском судопроизводстве и соответствующих научных изысканиях более запутан, неоднозначен.

Так, прежде всего определение доказательства содержится в ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса.

Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном законом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Однако приведенная формулировка закона порождает больше научных споров относительно определения доказательств и их источников, чем решает этот вопрос.

Эта дефиниция не является собственно определением термина «доказательства», но законодательно определяет его рамки. Кроме того, эта категория более объемная, чем представляется в трактовке закона и даже в уголовно-процессуальной науке. В это понятие вкладывают различное содержание в зависимости от сферы применения. Уголовно-процессуальное понятие доказательств существенным образом, например, отличается от понятия доказательств, используемого в логике. Не углубляясь пока в такие исследования, мы остановимся на уголовно-правовом понятии этой категории.

В уголовном процессе доказательствами являются сведения о фактах, обладающие определенными свойствами. Одной из наиболее распространенных позиций является представление доказательства как сведений о фактах в совокупности с их источником[2]. Опять-таки, не вдаваясь в подробности споров процессуалистов по этому вопросу, следует лишь отметить некоторые общепризнаваемые признаки понятия «доказательств» обозначаемого этим же термином.

---

[1] Философский словарь / авт.-сост. С. Я. Подопригора, А. С. Подопригора. Ростов н/Д, 2010. С. 104.

[2] *Фаткуллин Ф. Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 2000.

Поскольку указанные в ч. 2 ст. 74 УПК источники являются составной частью доказательств, их следует называть источниками сведений о фактах (процессуальными источниками), а источниками доказательств будут являться субъекты, предоставившие информацию либо предметы, документы (материальные источники).

Конечно, сведения о фактах могут считаться доказательствами, только если получены из источников, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК. Однако это обстоятельство не исключает возможности их раздельного рассмотрения. Так, например, следует иметь в виду, что сведения об одном факте могут быть получены из нескольких источников; из одного источника могут быть получены сведения о нескольких фактах. Кроме того, источник может не содержать сведений о фактах, относящихся к уголовному делу.

Таким образом, под перечисленными в ч. 2 ст. 74 УПК носителями информации следует понимать именно источники доказательств, а самими доказательствами являются сведения, которые в этих источниках содержатся. Сведения о фактах, кроме того, должны быть допустимыми и относимыми.

В качестве источника доказательств нужно рассматривать процессуальную форму существования сведений о факте (показания свидетеля, потерпевшего, показания подозреваемого, обвиняемого и т. д.). Иногда процессуальную форму существования сведений о фактах (доказательств) называют видами доказательств, хотя точнее было бы определять их как виды источников доказательств.

С. А. Шейфер вообще не считает правильным рассматривать процессуальную форму сведений о фактах (доказательств) как источник доказательств (или сведений о фактах), поскольку любое содержание (в данном случае сведения о фактах) имеет форму, которая представляет собой определенную неотъемлемую сторону явления, но не его источник. От свойств доказательств следует отличать требования, предъявляемые к ним: достоверность доказательства (соответствие сведения реальным обстоятельствам) и достаточность доказательств (необходимое для формирования внутреннего убеждения правоприменителя количество доказательств)[1].

Наиболее удачное на наш взгляд определение доказательств дал В. С. Балакшин. Он определил доказательства как «знаково-информационную систему, которая включает в себя любые фактические данные, источники этих данных, а также способы и порядок их собирания, закрепления и проверки, осуществляемые с соблюдением пре-

[1] *Шейфер С. А.* Сущность и способы собирания доказательств в уголовном процессе. М., 2002.

дусмотренных в законе требований уполномоченными на то органами и должностными лицами, и выступает (в совокупности с другими системами-доказательствами) фактической и процессуальной основой установления органами расследования, прокурором, судом наличия или отсутствия общественно опасного деяния, виновности либо невиновности лица, совершившего это деяние, и иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела[1].

Таким образом, доказательства – это сведения о фактах, полученные в предусмотренном законом порядке из указанных в ч. 2 ст. 74 УПК источников доказательств.

Исследования показывают, что, несмотря на имеющиеся различия в понятиях термина «доказательства» в разных областях знаний, единство подхода очевидно. Во всех случаях, какие-то сведения, суждения проходят этап определенных процедур по установленным заранее правилам. Соблюдение их обеспечивает безоговорочное принятие выводов, которые считаются доказанными. А цепочка таких рассуждений и признается «доказательствами». Если по какой-то причине правила заранее не установлены и (или) не признаны большинством индивидуумов, то «доказательства» каждый раз будут нуждаться в коллективном признании, тех, кому доказываются суждения. Но сути это не меняет.

Теперь, что касается взаимоотношений терминов «следы» и «доказательства». При всей скупости наших исследований названных понятий, уже возможно и следует установить их неразрывную связь друг с другом. Нам представляется, что оба термина отражают элементы проявления действительности в результате изменения существующей реальности в какое-то определенное время и в каком-то определенном месте. Практически являются остатками такого проявления. Эти остатки возникли в связи с некими событиями, в нашем случае, в связи с преступлениями. Существенными различиями между ними являются отношения к процессуальной форме, статусные различия. Если доказательства всегда соответствуют процессуальным требованиям каких-либо правил или закона, в частности требованиям, уголовно процессуального кодекса. То следы всегда несут элемент свободного проявления, не обремененного такими рамками. В этом случае следы всегда первичны, доказательства – вторичны. Их взаимодействие складывается в осуществлении процесса превращения следов в доказательства. Это осуществляется посредством проведения необходимых действий по оформлению их в соответствии с необходимыми требованиями.

---

[1] *Балакшин В. С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 175.

*Д. В. КИМ**

К вопросу о тенденциях развития предмета криминалистики

За более чем вековой период криминалистика прошла трудный путь от некой «области прикладных знаний, обслуживающей уголовно-процессуальную науку» до самостоятельной науки, интегрировавшись в единую, всеобщую систему научного знания. В ней заработали свойственные достаточно устоявшимся наукам механизмы. Одним из проявлений таковых является похожесть внутренних тенденций ее развития с другими науками, указывающая на всеобщие закономерности наукообразования. Эти проблемы всегда волновали ученых-криминалистов, проявляясь в научных дискуссиях[1].

Современное состояние отечественной криминалистики, как справедливо отметил Е. П. Ищенко, «нуждается в научном осмыслении, поскольку это позволит не только обозначить достигнутые успехи, но и указать на имеющиеся недоработки, глубже понять тенденции ее развития под воздействием мирового научно-технического прогресса и других объективных факторов»[2].

Действительно, сегодня в криминалистике все больше обнажаются противоречия, заключающиеся не только в определении предмета науки, ее методологии, но и в ее категориальном аппарате, и только через призму общих закономерностей научного познания, внутренних тенденций развития науки можно понять те преобразования, в которых происходит постижение их сущностных характеристик[3].

---

* Доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России.

[1] См., например: *Васильев А. Н., Яблоков Н. П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984; *Возгрин И. А.* Актуальные проблемы современной отечественной криминалистики // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: сб. ст.: в 3 ч. Ч. 2: Вопросы современной криминалистики. М., 2004. С. 16–21; *Кустов А. М.* Криминалистика – этапы эволюционного развития // Вестн. криминалистики. Вып. 2. М., 2004. С. 4–10 и др.

[3] *Ищенко Е. П.* Российская криминалистика сегодня // Вестн. криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 4. М., 2006. С. 4.

[4] См. подробнее: *Гавло В. К., Клочко В. Е., Ким Д. В.* Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: моногр. / под ред. В. К. Гавло. Барнаул, 2006. С. 3–19; *Ким Д. В.* Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: моногр. / под ред. В. К. Гавло. Барнаул, 2006. С. 7–39.

В своей последней работе Р. С. Белкин, опираясь на исследования Т. Куна, отмечал цикличность развития науки. Он полагал, что в границах каждого цикла кумулятивное развитие науки (накопление знаний), происходит на основе исходной для данного цикла парадигмы и до тех пор, пока эта парадигма не противоречит приобретаемым знаниям. Как только исходная парадигма перестает играть роль универсального объяснения новых явлений, возникает необходимость ее разрушения и перехода к новой парадигме, удовлетворяющей условиям развивающейся науки. Замена научной парадигмы и составляет сущность научной революции[1].

В том что изменение предмета науки отражает процесс ее становления, нет ничего нового. Через это прошли многие науки, примером может служить физика, в которой А. Энштейн открыл системность физического мира и этим способствовал тому, что физика как наука получила на время некую системную завершенность. Н. Коперник открыл гелиоцентрическую систему, Ч. Дарвин – биогенетические системы, Д. Н. Менделеев – системность в мире химических элементов, К. Маркс является первооткрывателем социальных систем, Г. Гегель создал философскую систему.

Полагаем, что именно сегодня в криминалистике происходит смена парадигмы, этого общепринятого образца научной практики, что обусловливает смену форм и уровней профессионального мышления в силу чего теория, бывшая в свое время актуальной и перспективной, сопротивляется не другой теории, а той форме мышления, которую она несет с собой. Неслучайно на страницах научных журналов вновь развернулась острая дискуссия относительно ее предмета[2].

При этом исследователи часто говорят о тенденциях развития, которые они обнаруживают в самой науке, но вопрос о сущности и происхождении самих тенденций практически не поднимается. Зачастую речь идет о фиксации чего-то нового в науке, но не о том, насколько это новое соответствует внутренней тенденции ее развития. Поэтому то новое, что появляется в науке – новые проблемы, новые подходы к решению старых и новых проблем, новые понятия, принципы и т. д. – все это уже проявившееся, до какой-то степени ставшее и рассматривается не как проявление тенденции, а как сама тенденция развития науки. Действительно, тенденция может заявить о себе только в виде зарождающегося «нечто», которое можно оценить как новое, но ясно, что не

---

[1] Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 14.

[2] Библиотека криминалиста. 2012. № 3. С. 5–63; № 4. С. 308–335 и др.

всякое новое сохранится, получит дальнейшее развитие, иначе говоря, не за всяким научным новообразованием стоит тенденция.

В этой связи внутренняя логика развития науки может быть представлена не как резкая смена парадигм, не как изменение состава знания и его форм, образующих категориальную сетку, а как все более многомерное изучение реальности, т. е. усложнение науки происходит за счет все более системного переопределения своего предмета[1]. При этом на первый план выходят теоретические конструкты сложного порядка.

Исследуя вышеобозначенную проблему, известный психолог В. Е. Клочко отмечает, что нельзя привести систему знания о некотором предмете, если сам предмет не определен системно, «иначе нечем остановить движение категорий в теоретической системе – их должна останавливать и направлять изучаемая реальность, но только в том случае, если она сама определена как система»[2].

Криминалистика отреагировала на это появлением понятия «криминалистическая ситуалогия» (Н. П. Яблоков, Т. С. Волчецкая, Г. А. Зорин и др.), всплеском интереса к теории криминалистических (следственных) ситуаций. И это не случайно, ибо именно ситуационный подход является основополагающим и центральным при определении предмета криминалистики, на что не раз обращалось внимание в современной литературе[3].

Сегодняшний день криминалистики можно охарактеризовать следующим образом – криминалистика поднимается к более сложному (системному) определению своего предмета, получая возможность объяснить избирательность субъекта доказывания не просто «внешними причинами» (следами преступления) или «внутренними основаниями» (опыт, знания и т. д.), а тем системным единством, которое порождается при взаимодействии субъекта с объектом.

---

[1] См. подробнее: *Гавло В. К., Клочко В. Е., Ким Д. В.* Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: моногр. С. 3–19.

[2] *Клочко В. Е.* Методологические принципы теории психологических систем // Фиксированные формы поведения в образовании, науке и культуре: материалы 1-й региональной школы молодых ученых-психологов. Бийск, 2000. С. 8–16.

[3] См., например: Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка / под ред. О. Н. Коршуновой, А. А. Степанова. СПб., 2004. С. 65–69, 89–91; Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград, 2012 и др.

Однако здесь мы выходим гораздо дальше частной проблемы о том, почему подчас так трудно ученому сменить парадигму. Если бы за такой сменой не стояла необходимость изменения формы мышления, то все было бы гораздо проще. Но в течение XX в. формы мышления менялись дважды, и значит, в актуальном использовании сегодня находятся минимум три формы мышления, определяющие качества базирующихся на них парадигм (и их объяснительный потенциал).

В исследованиях, посвященных анализу становления научной картины мира[1], отмечается, что в классической картине мира ученых процессы, происходящие в природе и обществе, понимались как предсказуемые и обратимые во времени, эволюция – как линейное движение без возвратов, побочных линий, постигаемое тождественно неизменяемому, а случайность воспринималась как внешняя помеха; следствием приложенных усилий определялся однозначный, линейный, прямо пропорциональный данным усилиям результат.

Неклассическая картина мира (сформировавшаяся под влиянием таких открытий, как генетическая и эволюционная теории в биологии, теория относительности, квантовая механика, проникновение математических методов в биологию, социологию, психологию), сложившаяся примерно в первой трети XX в. в связи с научными революциями, изменила весь категориальный аппарат науки, стиль мышления, представление о реальности, причинности. Ученые стали понимать недостаточность разделения целостного знания о мире на отдельные изолированные дисциплины. Вероятность стала не результатом незнания, а законной частью науки.

В последнее время (70-е гг. XX в.) активно формируется постнеклассическая картина мира, когда материя стала рассматриваться не как пассивная, а как обладающая спонтанной активностью. Этот взгляд настолько фундаментален, что мы можем говорить о новом диалоге человека с природой[2]. Основанием такой картины мира является синергетика (теория самоорганизации). Создатель синергетического направления и изобретатель термина «синергетика» профессор Штудгартского университета и директор Института теоретической физики и синергетики Герман Хакен считает, что синергетика занимается изучением систем, сложным образом взаимодействующих между собой[3].

---

[1] *Делокаров К. Х., Демидов Ф. Д.* Синергетика и образовательные ценности // URL: http://www.biophys.msu.ru/awse/confer/MSE00/197.html-3K.-08.08.2000.

[2] *Пригожин И.* От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / пер. с англ. Ю. А. Данилова; под ред. Ю. Л. Климентовича. М., 1985.

[3] *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980; *Его же.* Синергетика: иерархии неустойчивостей. М., 1985.

В отличие от традиционных областей науки синергетику интересуют общие закономерности эволюции систем любой природы.

Известный отечественный философ В. С. Степин, впервые (в 1989 г.) предложивший вышеприведенную дифференциацию исторических типов (классическая, неклассическая, постнеклассическая) просил «особо обратить внимание» на ключевой признак этой типологии. Он заключается в наличии коррелятивной связи между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект. Уровни рефлексии по поводу собственной познавательной деятельности и ее стратегии, по мнению ученого, коррелятивны системным особенностям исследуемых объектов и выступают условием их эффективного освоения:

простые системы выступают в качестве доминирующих объектов в классической науке;

сложные саморегулирующиеся системы доминируют в неклассической науке;

сложные саморазвивающиеся системы являются доминирующими объектами в постнеклассической науке[1].

Следует заметить, что изучением систем, состоящих из большого числа частей, взаимодействующих между собой тем или иным способом, занимались и продолжают заниматься многие науки (в том числе и криминалистика). Одни из них предпочитают подразделять систему на части, чтобы затем, изучая разрозненные детали, попытаться строить более или менее правдоподобные гипотезы о структуре или функционировании системы как целого. Другие изучают систему как единое целое, «забывая» о взаимодействии частей. И тот и другой подходы обладают своими преимуществами и недостатками.

Синергетика наводит мост через брешь, объединяя оба вышеуказанных подхода. Так, одним из элементов хаоса является атипичность в образовании следов преступления, способа совершения преступления, непредсказуемость поведения преступника и т. д. Например, при убийстве на национальной почве жертвы (мужчины, женщины, дети, старики и др.) могут быть случайными. По признанию убийц, им все равно, кого убивать, лишь бы жертва была не своей, а другой (определенной) нации. То же самое относится и к преступникам-маньякам. Их поведенческие индикаторы – «автографы» зачастую настолько уни-

---

[1] *Степин В. С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996. Цит. по: *Клочко В. Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск, 2005. С. 15–16.

кальны и специфичны, что не поддаются логике обычного человека. Не случайно их называют «визитной карточкой преступника», и именно они являются основой при разработке психологических портретов преступников[1].

Поэтому перенос некоторых синергетических идей на криминалистику позволяет рассматривать все существующие на сегодняшний день в криминалистике теории в одной системе, на другом качественном уровне. Эти идеи, опираясь на исследования в других науках, могут найти свое отражение в разработке более эффективных технических, тактических и методических приемов и средств борьбы с преступностью. В частности, при интерпретации данных, полученных в процессе использования полиграфа, разработке и совершенствовании методик раскрытия, расследования и судебного разбирательства отдельных видов и групп преступлений, разработке автоматизированных информационно-поисковых и справочных систем, в процессе обучения юристов и др.

Однако, как справедливо заметил по этому поводу Н. П. Яблоков, все это «требует отдельного детального анализа, изучения и трансформации применительно к решению криминалистических задач… серьезной разработки информационно-методических основ криминалистического мышления…»[2].

Таким образом, в заключении можно сделать некоторые выводы.

1. Общие закономерности научного познания в криминалистике заключаются в том, что внутренняя тенденция ее развития, как и любой науки, проявляется в процессе своего исторического развития и закрепляется постоянно идущим переопределением своего предмета.

2. Характерные сегодня для криминалистики тенденции дают основа-ние полагать, что криминалистическая наука претерпевает смену парадигмы, связанную, в первую очередь, с переопределением своего предмета под влиянием возникновения новых механизмов и способов

---

[1] См., например: *Белкин Р. С.* Сквозь завесу тайны. М., 1989. С. 87–88; *Протасевич А. А.* Поисковый портрет преступника как интегративная система. Иркутск, 1998; *Образцов В. А., Богомолова С. Н.* Криминалистическая психология: учеб. пособие для вузов. М., 2002. С. 8–165 и др.

[2] *Яблоков Н. П.* Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград, 2012. С. 24.

преступлений и необходимости совместных более эффективных технических, тактических и методических разработок борьбы с ними.

3. Наука стремится к системному переопределению предмета, в основе которого лежит системообразующий фактор. Таким фактором, полагаем, могут выступать криминалистические ситуации (криминальные, оперативно-розыскные, следственные, экспертные, судебные), знания о которых необходимы и служат основой для дальнейшего развития всех разделов криминалистики – техники, тактики и методики.

*Г. А. КОКУРИН**

Организация и тактика засады

В процессе раскрытия и расследования преступлений важное место отводится проведению разнообразных поисково-заградительных мероприятий. К ним следует отнести организацию и тактику засады, организацию и тактику заслона, погони, перехвата, оцепления.

В криминалистической литературе термин «засада» встречается при рассмотрении отдельных проблем поиска преступника «по горячим следам»[1], а также некоторых других аспектов раскрытия преступлений[2].

Проведенный опрос практических работников показал, что около 70 % следователей не использовали в своей практической деятельности это поисково-розыскной мероприятие в раскрытии и расследовании преступлений, 20 % следователей применяли эпизодически и 10 % следователей – постоянно Оперативные работники придерживаются иного мнения. Так, свыше 80 % опрошенных постоянно используют это поисково-розыскное мероприятие в своей деятельности, 15 % – эпизодически и лишь 5 % никогда использовали.

В ранее действующем уставе боевой службы внутренних войск засада определяется, как группа военнослужащих, численностью трипять человек, высылаемая для захвата преступников на месте точного их задержания, т. е. в данном случае засада рассматривается лишь как вид розыскного наряда[3]. В обыденном понятии засада означает скрытое расположение кого-нибудь с целью неожиданного нападения

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

[1] Руководство по расследованию убийств. М, 1977. С. 134–135.

[2] *Дударенко В. В.* Тактический прием засады: разграничение с провокацией преступления // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 1. С. 165–169.

[3] Устав боевой службы внутренних войск М., 1987.

на противника[1]. Засада – скрытый наряд, предназначаемый для захвата или ликвидации агентов разведок капиталистических государств, участников диверсионно-разведывательных формирований противника и других враждебных элементов. Засада выставляется на путях передвижения, в местах выброски (высадки) или вероятного появления преступников[2]. Таким образом, это поисково-розыскное мероприятие может применяться только при определенных обстоятельствах и когда есть необходимые условия его использования.

Представляется, что в рассматриваемом аспекте, засада – это поисково-розыскное мероприятие, заключающееся в скрытом (негласном) наблюдении за местом вероятного появления неизвестного (неустановленного) преступника, лиц находящегося в розыске либо иных лиц для их задержания и последующей идентификации в целях раскрытия и расследования преступления.

Применение указанного поисково-розыскного мероприятия имеет свои организационно-тактические особенности, определяемые условиями, в которых оно осуществляется.

В зависимости от обстоятельств расследуемого уголовного на месте совершенного преступления либо в непосредственной близости к нему;

на месте происшествия либо за его границами;

в местах вероятного появления преступника в целях совершения аналогичных преступлений;

в местах, где были спрятаны добытые преступным путем ценности, имущество, оружие и т. д., а также по месту производства обыска либо после его окончания;

по месту жительства разыскиваемого, его родственников, выявленных связей и иных лиц, с которыми он поддерживает отношения (последний вариант засады относится к розыскным мероприятиям). Данное поисково-розыскное мероприятия можно условно разделить на три этапа: подготовительный, захвата и задержания и заключительный.

Подготовительный этап

При подготовке к проведению данного поисково-розыскного мероприятия следователь совместно с оперативными сотрудниками полиции должны осуществить следующие организационные мероприятия:

провести рекогносцировку (изучение) места расположения засады;

---

[1] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1986. С. 189.

[2] Контрразведывательный словарь. Высшая Краснознаменная школа Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР им. Ф. Э. Дзержинского. 1972.

разработать детальный план по организации засады;

собрать и проанализировать сведения о предполагаемом лице, подлежащем задержанию, либо уже установленном лице, совершившем преступление[1];

провести инструктаж сотрудников (группы), которые непосредственно будут принимать участие в засаде;

подготовить необходимые криминалистические средства (средства видео- и аудиозаписи, фотоаппаратуру, поисковые приборы) и средства связи для наблюдения за местом вероятного появления лица или лиц, причастных к совершению преступления;

подготовить и проверить надежность вооружения огнестрельным оружием и иными специальными средствами членов группы.

Изучение места (мест), где будет расположена засада (засады), имеет значение для распределения обязанностей между участниками группы. Для изучения таких мест следует использовать возможности оперативно-розыскных аппаратов, их силы, средства и методы, с помощью которых можно негласно получить интересующую следователя информацию.

Главная задача будет заключаться в том, где и как расположить скрытно от окружающих группу, которая будет находиться в засаде.

Разработка детального плана организации засады включает в себя перечень тех пунктов, которые необходимы при инструктаже группы.

Помимо этого, в плане должны быть предусмотрены особенности производства отдельных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, вытекающих в случае задержания лица и органически с ним связанных[2]. Например, следует запланировать проведение личного обыска задержанного, осмотр места задержания, допрос задержанного, осмотр изъятых объектов, обыск по месту жительства задержанного, выявление и допрос свидетелей, очевидцев, возможно потерпевших, преследование и блокирование лиц, пытающихся скрыться, и ряд других мероприятий.

План засады может быть детальный или составлен в виде простейшей схемы и расчета сил и средств различных служб и подразделений органов полиции. Если составляется письменный план, то в нем долж-

---

[1] Особую сложность представляет задержание преступников посредством засады, когда следователь не располагает полными данными о лицах, готовящихся совершить преступление, точном времени посягательства и других обстоятельствах совершения преступления. См.: Следственные действия. Волгоград, 1984. С. 104.

[2] *Хлюпин Н. И.* Задержание и его роль в расследовании преступлений // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики. Свердловск, 1972. С. 87.

ны быть отражены следующие сведения: место засады, состав выделенной группы, расположение каждого участника, приметы преступника, способ совершения преступления, отдельные доминирующие поведенческие признаки преступника, организация взаимодействия членов группы, порядок выполнения отдельных следственных действий, тактика задержания и способы доставления задержанного[1], а также вооружение, экипировка, использование средств индивидуальной защиты. Необходимо также предусмотреть варианты плана действий в случаях изменения конкретной ситуации.

Если лицо, подлежащее задержанию путем организации засады, установлено и известно, то необходим определенный порядок изучения и сбора сведений о нем[2].

Большую трудность представляют получение и анализ сведений о предполагаемом, неизвестном лице, выявление и задержание которого будет осуществляться посредством засады. Однако в любой ситуации необходимо собрать как можно больше сведений о его внешности (одежда, функциональные, доминирующие признаки, особые, броские предметы и т. д.) путем изучения материалов уголовного дела (допросы, осмотры и т. д.), производство отдельных оперативно-розыскных мероприятий, изучение уголовных дел о нераскрытых преступлениях, совершенных аналогичным способом, отказных материалов. Отдельные сведения о возможном способе действий при совершении преступления и других обстоятельствах можно получить при изучении расследованных в прошлом уголовных дел, личных дел лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и других подобных материалов.

Следует составить субъективный портрет, фоторобот неизвестного лица, получить фотографии и приметы лиц, ранее судимых за аналогичные преступления и схожих по приметам с разыскиваемым.

Инструктаж группы имеет также немаловажное значение в организации засады. Его цель – довести до сведения группы содержание плана, чтобы каждый участник знал свою задачу и способы ее выполнения.

Важно, чтобы все участники этого поисково-розыскного мероприятия были проинформированы не только о своих задачах, но и предполагаемых действиях других участников, с которыми они взаимодействуют. В то же время при инструктаже целесообразно разъяснить:

способы прибытия группы к месту расположения засады;

основные особенности места расположения засады:

---

[1] *Дулов А. В., Нестеренко П. Д.* Тактика следственных действий. Минск, 1971. С. 165–174.

[2] *Янушенко В. И.* Тактика задержания подозреваемых. Минск, 1981.

приемы связи между членами группы;

тактику отдельных следственных действий (личного обыска, осмотра и других действий);

маршруты движения с задержанным в отдел полиции;

основные варианты изменения основного плана в случаях возникновения новой ситуации.

Как показывает следственно-оперативная практика, оснащение сотрудников криминалистическими и иными средствами имеет большое значение. Участвующие в засаде сотрудники должны быть оснащены приборами обнаружения и наблюдения (бинокли, перископы, приборы ночного видения), криминалистической техникой, которая применяется в ходе осмотра места происшествия и при обысках, автомашинами, средствами связи (сотовыми телефонами, портативными радиостанциями и т. д.) и, разумеется, надежным вооружением.

Тактические условия организации засады имеют свои особенности в виду многообразия условий ее проведения, задач, места, времени и других обстоятельств расследуемого уголовного дела.

Засаду на месте преступления целесообразно организовывать при раскрытии преступления по «горячим» следам и в том случае, когда есть основания предполагать, что преступник может вернуться на место совершенного преступления. Как показывает анализ следственно-оперативной практики и выводы психологов, нельзя исключить того, что некоторые преступники возвращаются на места совершения преступлений для поиска утерянных предметов, уничтожения следов, а также под воздействием определенных психических стимулов. Так, убийцы-маньяки могут возвращаться на места совершения преступлений для эротических воспоминаний, проверить, не обнаружен ли труп, его части, как он сокрыт и т. д. Места вероятного совершения аналогичных преступлений и возможные места появления преступника определяются исходя из анализа уголовного дела, других материалов, имеющихся в распоряжении следователя (нераскрытые уголовные дела, совершенные аналогичным способом, обобщенные данные криминалистики, теории ОРД).

Этап захвата и задержания

Организуя засаду в определенных местах, а круг их очень широк и разнообразен, необходимо спрогнозировать возможную линию поведения преступника, чтобы обеспечить его задержание и не допустить негативных последствий.

Например, в течение пяти лет в Подмосковье сексуальный маньяк и убийца Ряховский был задержан лишь после того, как следственно-

оперативная группа, проанализировав нераскрытые ранее преступления, совершенные аналогичным способом, обратила внимание на то, что убийца имел патологическую склонность совершать одно из последующих убийств на одном из тех мест, где уже ранее совершал преступление. Задержан он был в результате засады, организованной там, где была убита предыдущая жертва. Ряховский был ранее судим за сексуальные нападения на пожилых женщин. После освобождения из мест лишения свободы свое второе преступление он совершил на той же самой автобусной остановке, где примерно за неделю до этого нанес тяжкое ножевое ранение женщине зрелого возраста[1].

В тех случаях, когда в ходе расследования установлены места сокрытия ценностей, похищенного имущества, оружия и т. д. также возникает необходимость в организации засады. Засады могут устанавливаться в жилых квартирах, общежитиях, гостиницах, на открытой местности, ресторанах, кафе и т. д. При появлении какого-либо лица сотрудники полиции осуществляют его захват в тот момент, когда он уже непосредственно может распоряжаться конкретными предметами. Для розыска лиц, скрывшихся от органов следствия, суда и отбытия наказания засады организуются по месту жительства самих этих лиц, родственников, знакомых, других связанных с ними людей и т. д.

Тактические аспекты подобных засад детально раскрыты в специальной литературе, поэтому нет необходимости подробно на них останавливаться[2]. Раскроем лишь некоторые важные тактические положения.

Как показывает анализ следственно-оперативной практики, в целях раскрытия и расследования преступлений засады нередко могут организовываться в местах вероятного совершения аналогичных преступлений. В таких случаях сотрудники полиции скрытно располагаются в конкретном месте, где можно ожидать преступника для совершения очередного криминального деяния, и проводят его захват в момент покушения на совершение преступления. Особенность организации подобных засад заключается в том, что сотрудники полиции, как правило, не располагают сведениями о личности преступника (преступников), их численности, наличии оружия и транспортных средств и т. д. Район, который будет контролировать засада, должен быть сужен до минимума. Поэтому не рекомендуется организовывать засады в местах вероятного совершения преступления, контроль которых с использо-

---

[1] *Центров Е. Е.* Некоторые организационно-тактические аспекты пресечения, раскрытия и расследования серийных убийств на сексуальной почве // Следственная практика. 2003. Вып. 4.

[2] *Янушенко В. И.* Тактика задержания подозреваемых.

ванием этого мероприятия затруднителен. Лишь в случаях невозможности подбора более удобного места можно пойти на этот вариант организации засады.

Скрытно разместившись на месте засады, сотрудники полиции ведут наблюдение, используя криминалистическую и оперативную технику. При обнаружении подозрительных лиц следует проявлять повышенное внимание к их действиям, а при попытке совершения преступления – внезапно с нескольких сторон приблизиться к преступникам и провести их захват. В таких ситуациях нужно действовать быстро, решительно, чтобы психологически и тактически подавить активное сопротивление преступников и не дать им возможности сориентироваться и оказать противодействие.

Иногда возникают ситуации, когда заподозренное лицо, появившись в месте предполагаемого совершения преступления, в силу каких-либо причин (наличия поблизости людей, отсутствие вероятной жертвы – малолетней девочки или мальчика, одинокой молодой женщины и т. п.), не делает попыток совершить криминальное деяние, хотя по некоторым общим приметам он имеет сходство с объектом поиска. В этой непростой ситуации типичного тактического риска[1] возможны различные варианты действий. Наиболее распространены из них следующие.

Вариант первый. Возможно задержание заподозренного под любым благовидным предлогом, например, для установления его личности и дальнейшей проверки следственным и оперативным путем (проверка алиби по уже совершенным эпизодам, изучение данных личности и его образе жизни, поведения по месту жительства, в семье, по работе, получение данных о его прежних судимостях, задержаниях, привлечениях к уголовной ответственности, предъявление для опознания и т. д.).

Вариант второй. Заподозренное (причастное к преступлению) лицо не задерживают, а устанавливают за ним скрытое (негласное) наблюдение с целью установления его личности, места жительства, связей. Одновременно оперативные сотрудники проводят оперативную установку по его месту жительства и другие оперативно-розыскные и поисково-разведывательные мероприятия по месту жительства, работы, по различным связям, осуществляют иные оперативно-розыскные мероприятия, в основном негласного характера. После получения оперативно-розыскных, поисковых и иных данных, проводится их анализ, принимается наиболее оптимальное решение.

---

[1] Подробно о ситуации тактического риска см.: *Драпкин Л. Я.* Основы теории следственных ситуаций. С. 131–137.

Заключительный этап

По результатам работы старший группы составляет рапорт, в котором должны быть отражены следующие сведения: где, когда, в какой период и с какой целью организовывалась засада, указывается состав группы. Какие данные были получены за период ее организации (установлены личности отдельных причастных лиц, задержаны и направлены для проверки по нераскрытому преступлению, задержаны при покушении на преступление, установлено негласное наблюдение, приняты другие меры и т. д.). Старший поисково-розыскной группы в рапорте должен отразить целесообразность продолжения организации этого поисково-розыскного мероприятия, указать, не расшифрована ли засада, а также предложения по оптимизации ее организации как в уже контролируемом месте, так и на других объектах и местах.

При необходимости в определенных ситуациях засада может организовываться и повторно через определенный период времени.

В то же время это поисковое мероприятие может рассматриваться как типичная поисковая тактическая операция. ПТО «Засада» характеризуется своей жесткой структурой и конкретной программой действий, хотя не следует исключать и элементы тактического риска. Данная тактическая операция может быть реализована следующей программой действий.

1. Физический захват подозреваемого (подозреваемых): спецгруппа.

2. Предварительный личный обыск задержанного (задержанных): следователь, оперативный работник.

3. Осмотр места задержания подозреваемого (подозреваемых) и в необходимых случаях его обследование: следователь, оперативный работник.

4. Установление возможных очевидцев и других лиц, которые в последующем приобретут статус свидетелей и их допрос: следователь, оперативный работник.

5. Конвоирование и доставление в орган внутренних дел задержанного (задержанных): спецгруппа

6. Процессуальное оформление задержания подозреваемого (подозреваемых): следователь.

7. Тщательный личный обыск подозреваемого (подозреваемых): следователь, оперативный работник.

8. Допрос подозреваемого (подозреваемых): следователь.

9. Освидетельствование подозреваемого (подозреваемых) наркологическое, судебно-медицинское в необходимых случаях: следователь.

10. Получение в необходимых случаях образцов для сравнительного исследования подозреваемого (подозреваемых) (слюны, крови, волос, подногтевого содержимого и т. д.): следователь.

11. Изъятие и осмотр одежды и иных вещей подозреваемого (подозреваемых): следователь.

12. Проведение обыска по месту жительства и работы подозреваемого (подозреваемых): следователь, оперативный работник.

Таким образом, засада, как поисково-розыскное мероприятие, наиболее часто используется при раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. Ее эффективность во многом зависит от тактически оптимальной организации и соблюдения всех условий и требований, предъявляемых к проведению поисково-розыскных мероприятий. Изучение следственно-оперативной практики показало, что грубые и неумелые действий отдельных сотрудников полиции приводили к негативным последствиям (даже гибели сотрудников полиции).

*С. М. КОЛОТУШКИН**

Комплексные экспертизы по делам, связанным с ДТП, с использованием методов позиционирования

В последние годы становится очевидным факт, что материалы видеозаписи становятся важнейшими объектами экспертного исследования ДТП. Современное общество окружило себя информационными технологиями практически во всех сферах деятельности, не исключением является и дорожная сеть. Кроме специальных видеокамер, обслуживающих мониторинговые задачи по обеспечению безопасности движения транспортных средств и пешеходов, есть стационарные видеокамеры наружного наблюдения за объектами и территориями. К этому следует добавить видеорегистраторы, расположенные на транспортных средствах, а также видеокамеры мобильных средств сотовой связи – телефоны, планшеты и т. п.

Информация, полученная самыми разными средствами видео-фиксации, позволяет решать широкий круг вопросов, связанных с установлением обстоятельств ДТП, а также условий, предшествующих проис-

* Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России.

шествию. В рамках расследования ДТП с использованием материалов видеозаписи, как правило, производятся комплексные видеотехнические, автотехнические, транспортно-трасологические, судебно-медицинские и другие экспертизы.

В данной статье мы коснемся вопроса, когда видеоматериалы имеют низкое качество по причине значительного расстояния, с которого производилась видеозапись, и неудачного ракурса наблюдаемых объектов. Так, например, в 2015 г. в Ростовской области произошло ДТП, в результате которого погибли 4 человека. Неочевидность обстоятельств происшествия значительно затрудняло расследование. В ходе расследования была изъята видеозапись, сделанная с камеры наружного наблюдения магазина. При изучении видеоматериалов, стало очевидным, что качество их недостаточно для разрешения вопросов традиционными методами о дистанции и скорости транспортных средств в момент ДТП. Низкое качество видеозаписи было связано с рядом причин: во-первых, большая дистанция фиксации места ДТП, во-вторых, неудачный ракурс видеосъемки – место ДТП видно только в узкой зоне правого верхнего угла видеокадра (см. рис. 1).

Рис. 1. Видеокадр с выделением стрелкой и контуром места ДТП

Для разрешения поставленных вопросов были применены геодезические методы определения угловых и линейных величин на местности. Суть методов сводилась к следующему: на плане местности (снимок из космоса) в районе ДТП были выбраны ориентиры, которые четко наблюдались на видеокадрах записи, а также располагались на местности неподвижно (см. рис. 2).

Это были крупные деревья, столбы линий электропередач, дорожные знаки. На плане местности были нанесены прямые линии, начало линий – это место расположения видеокамеры на здании магазина, а окончание – выбранный ориентир на местности в районе ДТП.

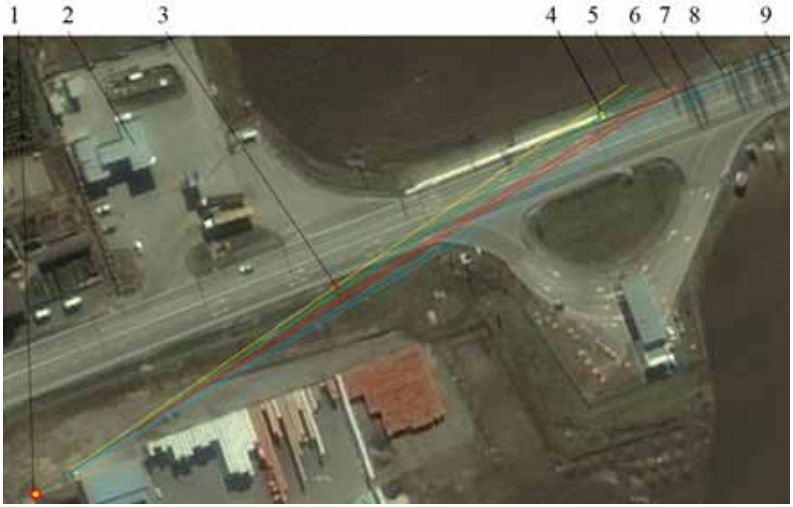


Рис. 2. Фото местности в районе ДТП: 1 – видеокамера на здании магазина; 2 – автозаправочная станция; 3 – дорожный знак «Направления движения по полосам»; 4 – дорожный знак «Окончание населенного пункта»; 5 – направление наблюдения через дорожный знак «Направления движения по полосам»; 6, 7 – направление наблюдения видеокамерой на первую группу деревьев; 8, 9 – направление наблюдения видеокамерой на вторую группу деревьев

С помощью теодолита и лазерного дальномера были замерены дистанции, а также горизонтальные и вертикальные углы между ориентирами и местом расположения видеокамеры (см. рис. 3). После этого была подготовлена схема с масштабом 1:50 (в 1 см – 0,5 м), где были нанесены все выбранные ориентиры, а от них с помощью нитей проведены прямые к месту расположения видеокамеры. В развитии ситуации, предшествующей ДТП, участвовали два объекта: бронетранспортер БТР-80 и автомобиль КамАЗ.

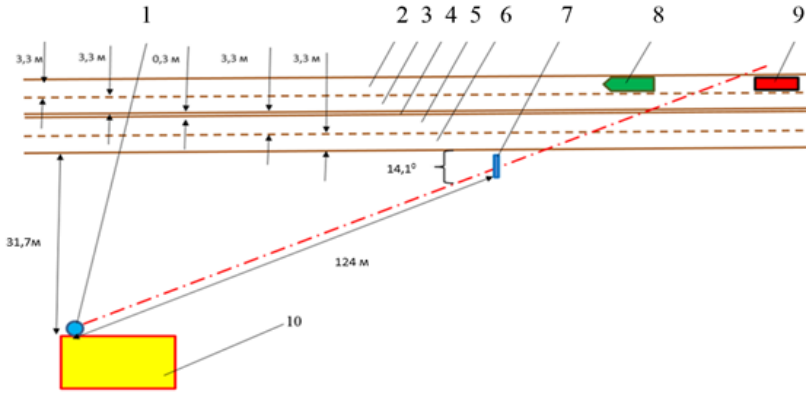


Рис. 3. Схема участка автодороги и прилегающих объектов, используемых в качестве ориентиров: 1 – видеокамера на здании магазина; 2 – правый ряд полосы движения в сторону Ростова-на-Дону; 3 – левый ряд полосы движения в сторону Ростова-на-Дону; 4 – двойная лини разделения полос движения; 5 – левый ряд полосы движения в сторону Таганрога; 6 – правый ряд полосы движения в сторону Таганрога; 7 – дорожный знак; 8 – БТР-80; 9 – автомобиль КамАЗ; 10 – здание магазина

Для работы на схеме были подготовлены несколько масштабных (1:50) макетов прямоугольной формы из бумаги: БТР-80 – зеленого цвета, КамАЗ – красного (см. рис. 4). Последующий анализ видеозаписи и фиксация расположения объектов на схеме осуществлялась следующим образом: 1 – на видеозаписи выбирался кадр, при котором транспортное средство, например, автомобиль КамАЗ заходил в створ какого-либо ориентира, например, дорожного знака; 2 – бумажный макет автомобиля КамАЗ укладывался на схеме так, чтобы он коснулся прямой, под которой этой ориентир (дорожный знак) наблюдался; 3 – далее выбирался видеокадр, на котором данный автомобиль доезжал до следующего ориентира, например, столба, и опять на линию наблюдения этого ориентира накладывался масштабный макет автомобиля; 4 – расстояние между двумя позициями макетов был пройденный автомобилем КамАЗ путь, который определялся по масштабной схеме; 5 – время прохождения этого пути (T) определялось количеством кадров между прохождением двух выбранных ориентиров (N), время между кадрами видеозаписи составляло 0,04 сек, т. е. $T = N \times 0{,}04$; 6 – скорость движения автомобиля на участке между ориентирами определялась как отношение между пройденным расстоянием и временем покадрового отрезка видеозаписи.

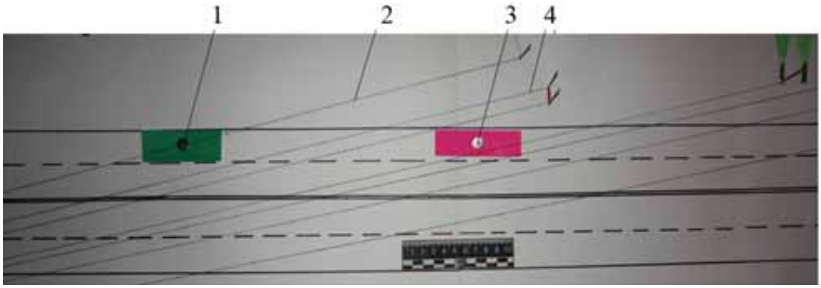


Рис. 4. Графическая схема места происшествия: 1 – БТР-80; 2 – линия визирования направления на дорожный знак «Направления движения по полосам»; 3 – автомобиль КамАЗ; 4 – линия визирования на правую сторону дорожного знака 5.24.1. «Конец населенного пункта»

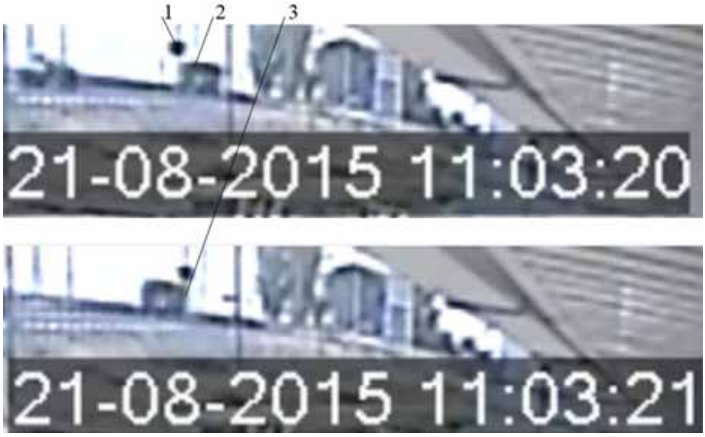


Рис. 5. Схема расчета скорости КамАЗ: 1 – бетонный столб с дорожным знаком; 2 – изображение передней части КамАЗ касается изображения бетонного столба с дорожным знаком; 3 – изображение задней части КамАЗ касается изображения бетонного столба с дорожным знаком

При проведении расчетов следует учитывать вертикальные и горизонтальные углы, под которыми производилась исследуемая видеозапись относительно неподвижных и подвижных объектов, а также уклон и профиль дороги. Эти поправки вносятся в расчеты с использованием данных геодезических измерений.

Рис. 6. Видеофиксация экспериментальных проездов транспортных средств: 1 – видеокамера, установленная перпендикулярно направлению движения транспортных средств.

Для проверки результатов проведенных исследований был выбран метод натурного физического моделирования. Суть этого метода сводилась к тому, что в ходе экспертного эксперимента на участке автомобильной дороги, где произошло ДТП, производилась видеозапись проездов БТР-80 и автомобиля КамАЗ» двумя видеокамерами: первая видеокамера на здании магазина, вторая – установлена перпендикулярно направлению движения транспортных средств (см. рис. 6). Проведенные эксперименты показали, что ошибки в расчетах составили 4…7 %.

Таким образом, использование геодезических методов при исследовании материалов видеозаписи в ходе производства судебных экспертиз по делам, связанным с ДТП, позволяют с высокой точностью решать задачи по установлению скоростей, дистанций и мест взаиморасположения объектов в движении.

*И. М. КОМАРОВ**

И снова о современной криминалистической дидактике и криминалистическом образовании (тезисы)

1. Дидактика представляет собой раздел педагогики и теории образования, который изучает проблемы обучения, раскрывает закономер-

* Доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

ности усвоения знаний, умений и навыков, и формирования убеждений, определяет объем и структуру содержания образования. Основной вопрос дидактики связывают с вопросами содержания обучения и воспитания, мышления учащегося в процессе изучения определенного предмета.

2. В системе дидактики существуют частные дидактики – методики обучения отдельным учебным предметам (методика преподавания), отдельных категорий обучаемых, в разных типах учебных заведений и формах образования, каждая методика имеет самостоятельный объект.

3. Криминалистика, являясь частной дидактикой, имеет свою систему дидактики с обособленной структурой и содержанием, и она формируется в России уже на протяжении более ста лет.

4. Истоки формирования криминалистической дидактики лежат в трудах российских процессуалистов, которые и до, и после принятия в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства занимались научно-практическим разрешением проблем, связанных с традиционными и новыми условиями отправления правосудия.

5. Изменение процессуальной парадигмы, произошедшее в 1864 г. и замена теории формальных доказательств на теорию их свободной оценки явилось катализатором для новых исследований, связанных с процедурами собирания и исследования доказательств, которые в последствии справедливо были отнесены к криминалистическим исследованиям и стали основой криминалистической дидактики[1].

6. Для развития российской криминалистической дидактики важное значение имели труды западноевропейских криминалистов «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» Г. Гросса, работы Р. А. Рейса «Словесный портрет» и «Научная техника расследования преступлений», А. Вейнгардта «Уголовная тактика», а также российские периодические правовые издания[2], где публикуются статьи по различной криминалистической проблематике.

---

[1] См., например: *Квачевский А. А.* Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 г. Ч. II. СПб., 1867; *Макалинский П. В.* Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Ч. II. Вып. 1. СПб., 1901; *Буринский Е. Ф.* Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. СПб., 1903; *Лебедев В. И.* Искусство раскрытия преступлений. I. Дактилоскопия. СПб., 1909; *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910 и др.

[2] См.: «Вестник полиции», «Журнал министерства юстиции», «Право», «Журнал гражданского и уголовного права», «Юридическая летопись», «Юридическая газета», «Судебная газета».

7. В конце XIX – начале XX в. в России были созданы соответствующие объективные предпосылки, которые способствовали обоснованию необходимости введения криминалистики в качестве учебной дисциплины в системе юридического образования, что и произошло в октябре 1911 г., когда в Александровской военно-юридической академии, впервые в российских высших учебных заведениях, была создана кафедра уголовной техники, где полноценно стали преподавать криминалистику.

8. В советский период развития российской государственности, начиная с 1920 г., криминалистика преподается в юридических высших учебных заведениях. Криминалистическая дидактика создается трудами И. Н. Якимова, С. М. Потапова, П. П. Семеновского, С. В. Познышева, Е. У. Зицера, Р. С. Белкина, А. Н. Васильева и многих криминалистов, которые внесли существенный вклад в этот процесс.

9. Обоснование в криминалистике общей теории в качестве ее структурного элемента закономерно потребовало от криминалистов научно-практических объяснений основных положений криминалистической дидактики и методики преподавания криминалистики в вузах. В этой связи значимой следует считать работу В. Г. Коломацкого[1], который дал необходимые научно-практические обоснования этой проблеме. Главную задачу криминалистического обучения он обосновал не только как снабжение обучаемого стандартным набором криминалистических знаний, навыков и умений, но и как формирование у него, в первую очередь, основ *криминалистического мышлени*я, способности к осознанной реализации криминалистических знаний для решения практических задач, дальнейшего повышения квалификации посредством самостоятельного обучения и послевузовского образования.

10. Современные же реалии таковы, что за четверть века самостоятельной российской государственности мы имеем третий Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), уже не по специальности, а по направлению (бакалавриат) подготовки «Юриспруденция», где криминалистика хотя и представлена в базовой (общепрофессиональной) части, количество часов на ее изучение никак не отражает значимость предмета для подготовки криминалистически грамотного правоприменителя. Не утихают споры относительно необходимости присутствия криминалистики в базовой части ФГОС ВПО по причине якобы ее исключительной уголовно-правовой направленности.

---

[1] *Коломацкий В. Г.* Курс криминалистики (дидактика и методика): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1992.

11. Необходима корректировка криминалистической дидактики, которая могла бы убедить «противников» криминалистики в несомненной пользе этого предмета для юридического образования и подготовки юристов, которые намерены употребить свои знания, навыки и умения, полученные в процессе обучения, не только для эффективной деятельности в государственных правоохранительных органах, но и других областях общественной деятельности, где может быть эффективно реализовано соответствующее образование.

12. С большой натяжкой, на наш взгляд, это криминалистическое обучение в высшей школе можно назвать криминалистическим образованием. Фактически оно заменено криминалистической подготовкой. В подавляющем большинстве случаев эта подготовка связана с предсказыванием текстов учебников, ориентированных на криминалистические данные, отражающие предварительное расследование преступлений, большинство из которых «застряло» в прошлом веке, и освоением отдельных простых технических криминалистических действий на основе этих же учебников.

Подготовка бакалавров направления «Юриспруденция» на основе учебников, рекомендованных для вузовского образования, осуществляется в соответствии с натуралистической парадигмой криминалистики[1], в рамках которой подавляющее большинство этих учебников написано[2]. Это означает, что сложившаяся структура российской криминалистики «заточена» практически на удовлетворение интересов раскрытия и расследования преступлений и на этом основании один из главных блоков в обучении связан с материальными объектами. В этом аспекте отечественная криминалистика и ее дидактика достигла определенных существенных результатов, однако крен в уголовное право и процесс серьезно «отодвинул» ее от возможностей многовекторного развития и использования криминалистического знания и соответствующего мышления правоприменителем в других отраслях права и юридической деятельности.

13. На наш взгляд, одной из главных задач современной криминалистики следует считать необходимость обучения студентов крими-

[1] Под натуралистической парадигмой криминалистики мы подразумеваем совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, а также связанных с ними методов, подходов, технических навыков и средств, принятых в научном сообществе в рамках устоявшейся научной традиции обусловленной пониманием криминалистики как системы знаний, предназначенных исключительно для целей расследования преступлений.

[2] Мы не анализируем криминалистические магистерские программы обучения по причине того, что это направление высшего профессионального образования находится в начале пути и требует самостоятельного анализа и осмысления.

налистическому мышлению, к этому должна быть обращена и криминалистическая дидактика. Криминалистика должна учить мыслить не только в уголовно-процессуальной, но и в цивилистических видах юридической деятельности.

14. Однако для того, чтобы была возможна подобная реализация необходимо сделать несколько уточнений относительно структуры криминалистического мышления, так как известные его определения (В. Г. Коломацкий, Н. П. Яблоков и др.) отражают его уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. Между тем, мы считаем криминалистическое мышление междисциплинарным юридическим понятием[1], а не только понятием криминалистики. Оно относится также к реализации назначения положений отраслевых правовых дисциплин. Основанием подобной гипотезы является наше представление о прикладном значении механизма реализации криминалистического мышления в юридической практике связанного с системным мышлением и деятельностной методологией субъекта в познании объектов, обусловленных его видовой профессиональной деятельностью.

15. На наш взгляд, сущность криминалистического мышления, важная для развития криминалистической дидактики, может быть определена в качестве познавательной деятельности субъекта, на основе использования опосредованного и обобщенного способа отражения действительности, связанного с моделированием закономерностей окружающего мира на аксиоматических положениях, базой которого является юридическое образование и непрерывное пополнение запаса соответствующих ему понятий и представлений, в том числе введение в оборот новых суждений (осуществление умозаключений) для осуществления указанным субъектом профессиональной деятельности.

16. Мы полагаем криминалистическое мышление одним из главных принципов криминалистической дидактики и, может быть, юридической подготовки бакалавров. Его методологическое развитие в системе образовательной услуги может способствовать подготовке в российских вузах профессионально квалифицированных специалистов (в широком смысле этого слова) способных успешно решать различные правовые задачи. На наш взгляд, обучение криминалистическому мышлению бакалавров не связанных уголовно-правовой специализацией подготовки может обеспечить им необходимые знания, навыки и умения в реализации практической профессиональной деятельности.

---

[1] Мы рассматриваем криминалистическое мышление в качестве универсального способа познания правовых объектов по причине того, что кроме криминалистики ни одна из дисциплин направления «Юриспруденция» (бакалавриат) подобные способы не рассматривает и им не обучает.

*В. П. КОРЖ**

Проблемы формирования новых методик расследования преступлений, совершаемых организованными группами в сфере экономической деятельности

К актуальным проблемам современной науки и практики криминалистики. в период роста организованной преступности в сфере экономики следует отнести разработку теоретических и методических положений расследования экономических преступлений, совершаемых организованными группами. Объективной основой построения системы новых методик расследования преступлений, совершаемых ОПГ в сфере экономической деятельности, является криминалистическая классификация этих преступлений.

Большинство ученых криминалистов Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, В. К. Гавло, В. Е Корухов, Г. А. Матусовский, Г. Н. Мудьюгин, В. А. Образцов, Н. П. Яблоков и др. правильно отмечают, что разработка методики расследования отдельных видов преступлений, связана с криминалистической классификацией соответствующих преступлений. Анализ научных работ указывает на то, что в криминалистике отсутствует единый подход к разработке криминалистической классификации преступлений. Так, В. Е. Корухов считает, что объективной основой классификации методик являются закономерности познания, на основании которых разрабатываются классификационные системы. Они позволяют выделить то общее, что присуще всем методикам, отдельным классам и родам методик и раскрыть взаимосвязь между методиками. В. Е Корухов предлагает разделить методики на четыре класса, относящихся соответственно к пространственно-временным отношениям, причинным отношениям, хозяйственно-экономическим отношениям и экономическим отношениям, отличающихся друг от друга стратегическими задачами и системами задач. В основе всех классов методик, по его мнению, лежат общие для них тактические задачи, что позволяет при изложении видовых и частных методик рассматривать лишь особенности решения этих задач[1]. Представляется, что современной правовой науке и тем более следственной практике необходима точная, краткая и в то же время емкая криминалистиче-

---

* Доктор юридических наук, профессор Харьковского национального университета внутренних дел.

[1] Криминалистика / под ред. В. Е. Корухова. М., 2000. С. 21–22.

ская классификация преступлений, которая будет способствовать оптимизации, эффективности приемов и методов расследования разных групп, разновидностей преступлений. «Однако для этого криминалистические основания классификации преступлений, – как правильно пишет Н. П. Яблоков, – должны быть соответственно значимыми и перспективными»[1].

Г. А. Матусовский в криминалистическую классификацию класса экономических преступлений включает систему групп, подгрупп и видов указанных преступлений и предлагает многоуровневую систему методик расследования экономических преступлений: общую методику для класса указанных преступлений, групповые методики, подгрупповые методики, видовые и частные методики[2]. Вышеуказанная пятиуровневая система методик расследования экономических преступлений имеет определенное научное и практическое значение. Следует отметить, что для разработки новых методик расследования преступлений актуальным является исследование проблем классификации преступлений по криминалистическим основаниям и последующая разработка не уголовно-видовых (типичных), а криминалистических видовых методик[3].

Вместе с тем как в украинских, так и российских учебниках «Криминалистика», учебных пособиях для следователей методики расследования все еще излагаются по структуре Уголовного кодекса. Так, авторы учебно-методического пособия «Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений» системно изложили частные криминалистические методики расследования отдельных видов экономических преступлений по структуре Уголовного кодекса РФ[4]. При таком подходе основу классификации методик расследования составляет родовой объект преступлений.

Как свидетельствуют материалы практики, каждое третье преступление было совершено ОПГ в кредитно-финансовой сфере; каждое четвертое – в сфере производства; каждое шестое – в сфере внешнеэкономической деятельности. В агропромышленном секторе и сфере потребительского рынка каждое десятое преступление было совершено организованной группой. Каждое пятое преступление в сфере

---

[1] *Яблоков Н. П.* Криминалистика: учеб. для вузов. М., 2000. С. 492.

[2] *Матусовский Г. А.* Экономические преступления: криминалистический анализ. Харьков, 1999. С. 129.

[3] Там же. С. 492.

[4] Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений: учеб.-метод. пособие / под ред. А. И. Бастрыкина, А. Ф. Волынского, В. А. Прорвича. М., 2016.

собственности, финансово-экономической и служебной деятельности было совершено организованными группами в составе коррумпированных должностных лиц государственных органов.

Бесспорно построение системы новых методик расследования экономических преступлений, совершаемых организованными группами, неразрывно связано с криминалистической классификацией указанных преступлений. Автором разработана криминалистическая классификация экономических преступлений, совершаемых организованными преступными образованиями (ОПГ, преступной организацией, преступным сообществом). При ее разработке были учтены результаты проведенных нами исследований, в основу положены уголовно-правовые и криминалистические критерии классификации экономических преступлений, связанные с организованной группой как особым субъектом организованной преступной деятельности[1]. Сочетание уголовно-правовых и криминалистических критериев криминалистической классификации преступлений в методике расследования вытекает из теоретических положений методики.

С учетом разработанной нами криминалистической классификации экономических преступлений, совершаемых ОПГ, результатов исследований предлагаем семиуровневую систему методики расследования преступлений, совершаемых организованными группами в сфере экономической деятельности.

К *первому уровню* следует относить общую методику расследования преступлений, совершаемых организованными группами в сфере экономической деятельности.

Второй уровень – это методики расследования экономических преступлений, построенные с учетом видов организованных преступных образований. Мы выделяем методику расследования экономических преступлений, совершаемых организованными группами без коррупционных связей; методику расследования экономических преступлений, совершаемых организованными группами, обладающими коррупционными связями; методику расследования экономических преступлений, совершаемых организованными преступными организациями; методику расследования экономических преступлений, совершаемых преступным сообществом; методику расследования экономических преступлений, совершаемых организованной транснациональной группой; методику расследования экономических преступлений, совершаемых транснациональными преступными организациями, сообществом.

---

[1] *Корж В. П.* Теоретические основы методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными образованиями в сфере экономической деятельности: моногр. Харьков, 2002.

Третий уровень составляют групповые методики. Они отражают с учетом криминалистических критериев соответствующие классификационные группы экономических преступлений, совершаемых организованными группами. К групповым методикам мы относим методику расследования преступлений, совершаемых ОПГ в сфере финансовой деятельности; методику расследования преступлений, совершаемых ОПГ в сфере отношений собственности; методику расследования преступлений, совершаемых ОПГ в сфере хозяйственной деятельности; методику расследования преступлений, совершаемых организованными группами коррумпированных должностных лиц в сфере служебной деятельности.

Четвертый уровень – это подгрупповые методики, входящие в определенные классификационные группы третьего уровня. В частности:

в классификационной группе «*Преступления, совершаемые организованными группам в сфере отношений собственности*» можно выделить методику расследования имущественных преступлений, совершаемых ОПГ;

в классификационной группе «*Преступления, совершаемые организованными группами в сфере финансовой деятельности*» можно выделить следующие подгрупповые методики: методику расследования преступлений, совершаемых ОПГ в сфере внешнеэкономической деятельности; методику расследования преступлений, совершаемых ОПГ в сфере функционирования и развития ценных бумаг; методику расследования преступлений, совершаемых ОПГ в банковской сфере; методику расследования преступлений, совершаемых ОПГ в бюджетной сфере;

в классификационной группе «*Преступления, совершаемые организованными группами в сфере хозяйственной деятельности»,* следует выделить: методику расследования преступлений, совершаемых ОПГ в сфере производства (легального, нелегального); методику расследования преступлений, совершаемых ОПГ в сфере потребительского рынка; методику расследования преступлений, совершаемых ОПГ в сфере приватизации; методику расследования преступлений, совершаемых ОПГ в сфере предпринимательства;

в классификационной группе «*Преступления, совершаемые организованными группами коррумпированных должностных лиц в сфере служебной деятельности*», мы выделяем: методику расследования преступлений, совершаемых организованными группами коррумпированных должностных лиц в сфере отношений собственности; методику

расследования преступлений, совершаемых организованными группами коррумпированных должностных лиц в бюджетной сфере и др.

Пятый уровень – это *видовые методики,* соответствующие системе уголовно-правовых норм УК и входящие в соответствующие классификационные группы четвертого уровня. В частности, методика расследования контрабанды, совершаемой ОПГ; методика расследования изготовления, хранения, приобретения, перевозки, пересылки с целью сбыта или сбыт поддельных денег, государственных ценных бумаг или билетов государственной лотереи, совершаемых ОПГ; методика расследования присвоения, растраты имущества или завладения им путем злоупотребления служебным положением, совершаемых ОПГ; методика расследования финансового мошенничества, совершаемого ОПГ и др.

Шестой уровень – это частные методики расследования, т. е. построенные с учетом криминалистических классификационных оснований по горизонтали и вертикали. Так, экономические преступления совершаются организованными группами в сфере финансовой деятельности, отношений собственности, хозяйственной деятельности (деление по вертикали). Указанные преступления, помимо деления по вертикали, можно классифицировать по горизонтали, учитывая особенности отрасли (сферы) совершения преступлений. Например, методика расследования присвоения бюджетных средств, совершаемого организованными группами коррумпированных должностных лиц; методика расследования финансового мошенничества, совершаемого ОПГ в банковской сфере и т. д.

Седьмой уровень включает комплексные методики расследования межвидовых преступлений, совершаемых организованными группами. Изучение судебной и следственной практики показывает, что значительное число экономических преступлений, совершаемых ОПГ, составляют не единичные, а множественные преступления, представляющие совокупность двух и более преступных деяний. Специфика криминальных технологий экономических преступлений, совершаемых ОПГ, такова, что элементы способа совершения преступления составляют самостоятельные составы преступлений. Для совершения экономического преступления, сокрытия его следов и легализации преступных доходов организованная группа совершает несколько самостоятельных преступных деяний, которые выступают элементами способа преступления, способа сокрытия следов и способа легализации преступных доходов. Разработка и применение комплексных методик расследования преступлений отличается от использования комплексов отдельных видовых (частных) методик системой версий, квалификации

или общих версий о характере расследуемого события, содержащего признаки преступления, которые в определенных совокупностях могут указывать на тот или иной вид деяния, квалифицируемого по соответствующей статье УК; криминалистическими рекомендациями по выявлению и разграничению сходных признаков, характеризующих те или иные элементы взаимосвязанных преступлений, совершаемых с единым умыслом[1].

Одной из проблем формирования новых методик расследования преступлений, совершаемых организованными группами в сфере экономической деятельности, является определение их содержания, то есть структурных элементов. Следователю, оперативному работнику трудно противостоять сорганизованным, сплоченным, стабильным криминальным коллективам, которые используют криминальные технологии, коррупционные схемы, планы, откаты при совершении сложных, изощренных, тщательно продуманных преступлений в сфере экономики. Поэтому в методике расследования преступлений, совершаемых ОПГ в сфере экономической деятельности, целесообразно предусмотреть следующие структурные элементы:

криминалистическая характеристика конкретного вида преступления, совершенного ОПГ в сфере экономической деятельности;

особенности методов проверки криминалистически значимой информации о совершении экономического преступления организованной группой;

типичные следственные ситуации, версии, коллективные методы планирования расследования;

особенности тактики отдельных следственных действий, криминалистических операций;

организационное и тактическое обеспечение безопасности участников криминалистической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений;

организационные и тактические основы взаимодействия следователя с оперативными, контролирующими, иными государственными органами;

использование документальных источников информации и специальных познаний в методике расследования;

способы и методы преодоления противодействия расследованию;

особенности криминалистической профилактики преступления, совершенного ОПГ в сфере экономической деятельности.

---

[1] *Матусовский Г. А.* Указ. соч. С. 378.

Совершенствование традиционных и разработка новых методов расследования преступлений – непременное условие улучшение деятельности следственных органов. Формирование системы методик расследования преступлений, совершаемых организованными группами в сфере экономики, относится к числу актуальных проблем современной науки и практики криминалистики.

*А. А. КОРЧАГИН**

Значение ситуационного подхода в криминалистической методике предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах

Центральное место в криминалистической характеристике расследования убийств занимают следственные ситуации. Ситуационный подход к расследованию преступлений, в том числе убийств, является сейчас одним из основных. Ему уделяли внимание такие авторы, как И. В. Александров[1], Р. С. Белкин, О. Я. Баев, А. Н. Васильев, Л. Г. Видонов, Т. С. Волчецкая, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов, А. Ю. Головин, С. И. Давыдов, Л. Я. Драпкин, Г. А. Зорин, Д. В. Ким, В. А. Образцов, А. Ф. Облаков, Н. А. Селиванов[2], А. Г. Филиппов, В. И. Шиканов, Н. П. Яблоков и др. Так, Т. С. Волчецкая верно отмечает, что «в криминалистике практическая значимость разрабатываемых учеными рекомендаций существенно возрастает, когда они излагаются дифференцированно к типичным следственным, судебным или экспертным ситуациям, возникающим при раскрытии, расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовного дела»[3].

---

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета.

[1] *Александров И. В.* Основные криминалистические проблемы расследования экономических преступлений на современном этапе // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Леонида Яковлевича Драпкина (7 ноября 2014 г.). Екатеринбург, 2015. С.74.

[2] *Селиванов Н. А.* Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации в методике расследования // Соц. законность. 1977. № 2. С. 57.

[3] *Волчецкая Т. С.* Ситуационный подход в криминалистике: становление, современная роль и перспективы развития // Развитие ситуационного подхода в крими-

Однако и до настоящего времени многие аспекты понятия, содержания и использования следственной ситуации еще мало изучены и нуждаются в дальнейших исследованиях. Как показало исследование, не все следователи имеют представление о том, что такое следственная ситуация, и каково ее практическое значение. 40,9 % опрошенных следователей ответили, что знакомы с понятием следственная ситуация, 59,1 % ответили, что нет. Данное обстоятельство обуславливает необходимость дальнейшей разработки ситуационного подхода в расследовании преступлений и внедрения его в следственную практику.

Следственная ситуация является главным стержнем в методике расследования, ее содержание и роль в построении частных методик расследования обоснованно вызывают значительный интерес и наибольшее число дискуссий в криминалистической науке, в связи с чем представляется необходимым остановиться на ее рассмотрении. А. А. Беляков верно отмечает, что «следственные ситуации таким образом характеризуют состояние расследования конкретного преступления на определенный момент. Каждая ситуация служит исходным положением для выработки следователем программы дальнейших действий»[1].

Состояние нынешних исследований позволяет все многообразие точек зрения по вопросу о понятии и содержании следственной ситуации свести к двум основным подходам. Сторонники первого подхода рассматривают следственную ситуацию как обстановку расследования или определенное положение в расследовании, характеризующееся «наличием тех или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этими конкретными задачами его собирания и проверки[2].

Сторонники второго подхода рассматривают следственную ситуацию более широко и включают в ее содержание помимо названных еще ряд элементов, которые условно можно обозначить как характеризующие внешнюю сторону расследования, к примеру, компоненты

налистике: вопросы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Л. Я. Драпкина (7 ноября 2014 г.). С. 23

[1] *Беляков А. А.* Особенности типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании криминальных взрывов // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Леонида Яковлевича Драпкина (7 ноября 2014 г.). С. 106.

[2] *Колесниченко А. Н.* Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976. С. 214.

психологического, материального, организационного, технического характера и др., возможности судебных экспертиз и т. д.[1]

Информационная структура следственной ситуации может состоять из данных, относящихся к криминалистической характеристике отдельных видов и групп преступлений и проявляющихся по ходу расследования, показывая тем самым, какие из них известны (неизвестны) на начало расследования, установлены (не установлены) в его ходе, каково их сочетание, значение и к криминалистической характеристике расследования преступлений, отражающих сведения об обстановке, в которой выявлено преступление и возбуждено уголовное дело, проводятся следственные, оперативно-розыскные, организационно-технические действия, применяются технико-криминалистические средства, тактические приемы, методы расследования для достижения задач уголовного судопроизводства[2].

Для дальнейшей разработки криминалистической методики расследования убийств важно правильно выделить *основания классификации* множества следственных ситуаций. Наиболее полно представил классификацию следственных ситуаций Л. Я. Драпкин. Он делит все следственные ситуации на сложные, или неблагоприятные и простые, или благоприятные. Сложные следственные ситуации, в свою очередь, он классифицирует на четыре группы: проблемные, конфликтные, неординарные и смешанные ситуации[3]. Л. Я. Драпкиным было предложено несколько классификаций следственных ситуаций. Первоначально автор классифицировал следственные ситуации на простые и сложные, с последующим делением каждого из элементов по различным основаниям на подвиды и т. п. Также им была предложена классификация, связанная с этапами расследования, т. е. исходные, промежуточные и конечные этапы[4].

На основании изложенного применительно к методике предварительного и судебного следствия по делам об убийствах можно выделить следующие положения.

---

[1] *Образцов В. А.* О теории тактических операций и ее связях с другими структурными элементами науки криминалистики // *Образцов В. А., Протасевич О. А.* Оптимизация расследования преступлений. Иркутск, 1982. С. 123.

[2] *Гавло В. К.* Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты / В. К. Гавло, В. Е. Клочко, Д. В. Ким. Барнаул, 2008. С. 83.

[3] *Драпкин Л. Я.* Общая характеристика следственных ситуаций // Следственная ситуация. М., 1984. С. 14–15.

[4] *Драпкин Л. Я.* Понятие и классификация следственных ситуаций // Науч. тр. Свердловского юрид. ин-та. Свердловск, 1975. Вып. 41. С. 43.

В процессе предварительного расследования по делам об убийствах применительно к его этапам необходимо выделять следующие следственные ситуации.

1. Доследственные, проверочные ситуации. Такие ситуации складываются до возбуждения уголовного дела и характеризуются отсутствием в поступивших материалах достаточных данных, указывающих на признаки преступления, когда возникает необходимость проведения предварительной проверки.

2. Исходные следственные ситуации. Такого рода ситуации имеют место на первоначальном этапе расследования и складываются на момент возбуждения уголовного дела.

3. Последующие следственные ситуации. Такие ситуации формируются после производства первоначальных неотложных следственных и иных действий.

Следственная ситуация не включает в себя все элементы, образующие криминалистическую характеристику преступления. Следственная ситуация – это обстановка, совокупность обстоятельств, имеющих значение для дела, которые складываются на определенный момент расследования, это обстановка, в которой осуществляется правоохранительная деятельность и устанавливаются сведения, относящиеся к криминалистической характеристике преступления.

Считаем, что, следственную ситуацию по делам об убийствах можно определить как определенную обстановку, складывающуюся в результате возбуждения уголовного дела и его разрешения по существу в соответствии с задачами уголовного судопроизводства, объективно отображающую внутреннее состояние, ход и условия расследования на основе установленных фактических и иных данных и показывающую пути их наиболее эффективного решения.

Следственная ситуация формируется под воздействием объективных и субъективных факторов, т. е. носит объективно-субъективный характер. Объективность следственной ситуации обусловлена условиями, которые независимо от особенностей восприятия их субъектом (органом) расследования реально существует как объективная давность.

Субъективный фактор – отношение и влияние следователя на складывающуюся ситуацию. В содержание следственной ситуации по делам об убийствах необходимо включить: 1) собранные по делу доказательства; 2) иная информация, имеющая значение для расследования; 3) сведения об источниках получение такой информации. Эти фактические данные в совокупности составляют полную, объективную картину расследуемого события на любой конкретный момент и позволяют

следователю дать им надлежащую оценку и принять вытекающие из этой оценки решения о своих действиях.

Таким образом, соглашаясь с мнением А. В. Ткачева, следует отметить, что «…используя ситуационный подход, мы в начале анализируем и систематизируем информацию, собранную к началу последующего этапа, в дальнейшем осуществляем синтез выделенных элементов в целостную картину фактического состояния, в котором находится расследование. Это позволяет обеспечить полноту знаний о состоянии расследования, выявить новую информацию, составить оптимальный план расследования»[1].

Криминалистическая характеристика судебного следствия по делам об убийствах представляет собой систему криминалистически значимых типичных сведений о наиболее оптимальной состязательной уголовно-процессуальной деятельности обвинения и защиты в складывающихся судебных ситуациях. Изучение судебной практики показывает, что в суде, как и на предварительном следствии, складываются свои специфические ситуации судебного следствия. Это обуславливает необходимость разработки понятия судебной ситуации, изучения их структуры, классификации и разработки эффективных алгоритмов разрешения.

Следственная ситуация является информационно-познавательной основой для определения ситуации судебного следствия. Ее можно определить как обусловленную объективными и субъективными факторами обстановку, складывающуюся на тот или иной момент судебного следствия, отражающую состояние, ход и условия судебного следствия, характеризующуюся наличием или отсутствием доказательственной информации по делу и определяющую ход и направление судебного рассмотрения по уголовному делу.

По нашему мнению, в содержании судебной ситуации можно выделить элементы: психологического; информационного; процессуального, тактического характера; материального и организационно-технического характера.

На ситуации судебного следствия, безусловно, оказывают влияние особенности психологии подсудимого, потерпевшего, свидетелей, следователей, сотрудников уголовного розыска, судей адвокатов, государ-

[1] *Ткачев А. В.* Следственные ситуации при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Развитие ситуационного подхода в криминалистике: вопросы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Леонида Яковлевича Драпкина (7 ноября 2014 г.). С. 234.

ственных обвинителей и других субъектов уголовного процесса. Особо важное значение имеют психологические качества судьи, прокурора, участвующего в деле. Подсудимые, нередко, провоцируют в суде конфликтные ситуации, провоцируют на неадекватные действия, с тем, чтобы впоследствии можно было обжаловать действия судьи и прокурора.

Элементы информационного характера выражаются в имеющихся в распоряжении государственного обвинителя и суда доказательствах, содержащихся в материалах уголовного дела, а также дополнительно полученных в ходе рассмотрения дела доказательствах. К *элементам процессуального характера* относятся нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок рассмотрения дела. *Элементами тактического характера* являются особенности тактики предъявления доказательств в суде государственным обвинителем, а также особенности тактики проведения следственных действий в суде (допросы, экспертизы и др.). К *элементам материального и организационно-технического характера* относятся материальные условия, в которых происходит судебное рассмотрение дела об убийстве, оснащенность суда необходимыми техническими средствами, а также организация вызова свидетелей, потерпевших, экспертов и других лиц, участвующих в деле.

Значение ситуаций судебного следствия по делам об убийствах проявляется в том, что они являются основой для принятия тактических решений в ходе судебного следствия. Оценка следственной ситуации заключается в максимально полном анализе элементов следственной ситуации, которые для подготавливаемого тактического решения являются определяющими.

Теоретическое и практическое значение имеет классификация ситуаций судебного следствия разработанная В. К. Гавло, который выделяет следующие виды судебных ситуаций:

«1. По отношению к предъявленному обвинению:

ситуация, когда подсудимый признает себя виновным полностью;

ситуация, когда подсудимый признает себя виновным частично;

ситуация, когда подсудимый меняет свои показания на протяжении всего судебного следствия;

ситуация, когда подсудимый не признает себя виновным и полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению.

2. По наличию доказательственной базы обвинения: имеются достаточные доказательства; доказательства обвинения проблематичные, „шаткие“; доказательств достаточно по одним эпизодам обвинения и недостаточно по другим.

3. По результатам судебного разбирательства: отдельные доказательства обвинения исключены или опровергнуты; доказательства предварительного следствия в суде подкрепляются новыми доказательствами и др.

4. По прогнозу развития ситуаций судебного разбирательства: простые, нейтральные, сложные, проблематичные.

5. По времени возникновения: судебные ситуации начального и дальнейшего хода судебного следствия.

6. По количеству обвиняемых и сложности предъявленных обвинений: большое количество подсудимых с противоположными интересами, преступление многоэпизодное, с тяжкими последствиями»[1].

Названные классификации судебных ситуаций по делам об убийствах, безусловно, не исчерпывают всего перечня возможных судебных ситуаций по данным делам, что обуславливается их сложностью, особенностями предварительного расследования и судебного разбирательства. Это обстоятельство обуславливает необходимость проведения дальнейших исследований в этом направлении в целях оптимизации процесса рассмотрения в суде дел об убийствах.

---

[1] Криминалистика: учеб. / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2008. С. 422–423.

*С. Ю. КОСАРЕВ**

Процессуальные и тактические способы защиты свидетеля в уголовном судопроизводстве

Эффективность судопроизводства по уголовным делам в значительной мере зависит от создания системы гарантий обеспечения безопасности свидетеля. Такая система должна действовать при наличии посягательств или угроз их жизни, здоровью или имуществу, направленных на воспрепятствование выполнению ими обязанностей, служебного и гражданского долга в сфере судопроизводства. В Российской Федерации, где организованная преступность приобретает признаки угрозы национальной безопасности, вопросы защиты участников уголовного процесса от преступных посягательств, приобретают особую важность.

---

* Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Юриспруденция и судебно-техническая экспертиза» Санкт-Петербургского университета Петра Великого.

Роль свидетеля как участника уголовного судопроизводства очень велика. Проблемы, связанные с этой процессуальной фигурой, возникают постоянно.

Нередко расследование и рассмотрение уголовных дел становятся проблематичными из-за того, что свидетели, опасаясь насилия над ними и их близкими, а также угроз в любой форме, пытаются уклониться от исполнения своего гражданского долга. Расследованию преступления во многом способствуют получение и закрепление объективных, правдивых показаний свидетелей. Последствия же лжесвидетельства очевидны: ставится под угрозу вопрос об установлении всех обстоятельств расследуемого события, затягиваются сроки расследования преступлений, виновные уходят от ответственности.

Тенденция к совершенствованию норм, призванных обеспечить права и свободы человека, отмечается как в международном праве, так и в национальном законодательстве суверенных государств, где защита свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства является одним из главных приоритетов правоохранительной системы.

Правовое регулирование защиты участников уголовного судопроизводства является основой, на которой базируется и деятельность по обеспечению их безопасности. При этом в странах как романо-германской, так и англосаксонской систем права превалирующей формой правового регулирования данной сферы общественных отношений является ее закрепление на уровне нормативного акта высшей юридической силы, принимаемого высшим законодательным органом государства. Действующий Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» является для нашей страны новым, а в других странах подобные законы действуют давно.

Но во многих странах и отношение населения к своей правоохранительной системе несколько иное. Обыватели могут рассказывать полиции даже о мелких прегрешениях соседей, тем более о совершенных преступлениях.

В России же сотрудничество населения с правоохранительными органами на высоком уровне отнюдь не находится. К тому же, опасаясь за свою жизнь и безопасность своих родных и близких, свидетели в нашей стране неохотно сотрудничают с представителями правоохранительных органов, часто под любым предлогом стараются уклониться от участия в производстве по уголовному делу, нередки случаи изменения показаний или отказа от ранее данных показаний.

В значительной мере это обусловлено отсутствием реального механизма обеспечения безопасности свидетеля, неоднозначным толкованием положений о свидетельском иммунитете, недостаточной разработанностью криминалистических аспектов работы со свидетелем.

Меры безопасности, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РФ и Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», являются серьезным дополнительным фактором, гарантирующим права, свободы и законные интересы свидетеля.

Необходимость обеспечить безопасность свидетеля определяется наличием данных о его преследовании с целью оказания на него психического воздействия посредством, например, угрозы убийством, иного насилия, уничтожения принадлежащего ему имущества, надругательства на его близкими или непосредственного применения к нему физического воздействия, шантажа, попыток подкупа и т. д.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности: а) личная охрана, охрана жилища и имущества; б) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; в) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; г) переселение на другое место жительства; д) замена документов; е) изменение внешности; ж) изменение места работы (службы) или учебы; з) временное помещение в безопасное место; и) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбытия наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое. В отношении защищаемых лиц могут применяться также другие меры безопасности, предусмотренные законодательством РФ.

К сожалению, использование этих мер в настоящее время по причинам в первую очередь организационного и материального характера затруднено.

Однако в целях реализации положений названного закона постановлением Правительства РФ от 27 октября 2006 г. (ред. от 16.02.2013) № 630 утверждены Правила применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства и определены органы, осуществляющие меры безопасности (органы внутренних дел, миграционной службы, противопожарной службы и др.).

Так, в орган, осуществляющий меры безопасности, направляется мотивированное постановление (определение) следователя, начальника органа дознания, суда (судьи) о применении мер безопасности, после чего орган, осуществляющий меры безопасности, самостоятельно избирает необходимые меры безопасности, предусмотренные упомянутым Федеральным законом № 119-ФЗ, и определяет способы их применения, о чем выносит постановление.

Об избранных мерах безопасности, их изменении и результатах применения орган, осуществляющий меры безопасности, информирует (с соблюдением конфиденциальности сведений о защищаемом лице) суд (судью), начальника органа дознания или следователя, в производстве которых находится уголовное дело.

Организация, тактика, формы и методы работы по обеспечению личной охраны защищаемого лица, его жилища и имущества определяются в пределах компетенции задействованных для этих целей подразделений (служб) на основании сведений о защищаемом лице.

Дополнительно следует заметить, что Уголовным кодексом РФ предусмотрена уголовная ответственность за принуждение свидетеля к даче показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание (ст. 302 УК РФ), а также за подкуп свидетеля в целях дачи им ложных показаний (ст. 309 УК РФ).

Принципиальным положением российского уголовно-процессуального закона (ст. 11 УПК РФ) является требование к должностным лицам о принятии в необходимых случаях мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, в частности свидетелей. Предпринимаемые процессуальные меры безопасности являются не только одним из способов осуществления государством своей конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, но и средством более эффективного осуществления самого уголовного судопроизводства.

Разглашение сведений о мерах безопасности, предпринятых в отношении свидетеля, влечет уголовную ответственность по ст. 311 УК РФ.

В соответствии с положениями ч. 9 ст. 166 УПК РФ, следователь (с согласия руководителя следственного органа) вправе принять решение о сохранении в тайне данных свидетеля. При этом выносится постановление, в котором излагаются причины принятия данного решения. Следователь указывает псевдоним свидетеля (думается, что в выборе псевдонима целесообразно учитывать мнение и самого свидетеля), приводится образец его подписи, которые он будет использовать в про-

токолах следственных действий, проводимых с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу.

В соответствии со ст. 186 УПК РФ по делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении свидетеля по его письменному заявлению допускаются контроль и запись его телефонных и иных переговоров.

Причем, даже в случае отсутствия такого заявления, подобные меры применяться могут, но лишь на основании судебного решения. Это обусловливается в первую очередь интересами охраны прав, свобод, жизни и здоровья самих же свидетелей, которые не всегда могут реально оценить грозящую им опасность или не хотят лишний раз беспокоить правоохранительные органы и т. п.

В соответствии с ч. 8 ст. 193 УПК РФ, в целях обеспечении безопасности свидетеля предъявление лица для опознания может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля опознаваемым (в этом случае понятые находятся в месте нахождения свидетеля). В этих целях предъявление для опознания целесообразно проводить путем использования, например, тонированного стекла.

Если же по каким-то весомым причинам все-таки возникнет необходимость поставить свидетеля лицом к лицу с опознаваемым, то, на наш взгляд, возможно его гримировать до неузнаваемости с помощью, например, театрального гримера.

Представляется, что в обоих случаях подлинные данные свидетеля в протоколе можно не приводить, а указать лишь его псевдоним.

Если этого требуют интересы безопасности участников судебного разбирательства, то, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, возможно закрытое судебное разбирательство уголовного дела. Такое решение может быть принято судом (судьей) либо при назначении судебного заседания либо непосредственно в ходе судебного разбирательства.

В соответствии с ч. 5 ст. 278 УПК РФ, при необходимости обеспечения безопасности свидетеля суд без оглашения подлинных данных о его личности вправе провести допрос свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства, о чем суд выносит определение или постановление. При этом представляется, что такое решение суда не должно оглашаться в судебном заседании в полном объеме. Довольно спорное положение ч. 6 указанной статьи предоставляет возможность стороне защиты заявить обоснованное ходатайство о «раскрытии» данных о личности «зашифрованного» свидетеля. Суду же в таком случае предоставляет-

ся право ознакомить сторону защиты с указанными сведениями. Данное положение закона, как нам кажется, нуждается в дальнейшей серьезнейшей проработке, уточнении и конкретизации. В любом случае представляется, что ходатайство защиты об этом должно рассматриваться в закрытом судебном заседании, а разрешение должно быть в высшей степени мотивировано. При этом, по нашему мнению, совсем не обязательно знакомить сторону защиты со всеми полными данными свидетеля. Иной поход создает высокую вероятность «расшифровки» свидетеля со всеми вытекающими для него неблагоприятными последствиями.

С учетом изложенного представляется также, что рассматриваемые законоположения вполне могли быть стать предметом рассмотрения и в Конституционном Суде РФ.

Таким образом, реализация законоположений об «анонимных» свидетелях в российской следственной и судебной практике, а также современный зарубежный опыт говорят о том, что данный институт нуждается в корректировке. В первую очередь, на наш взгляд, в уголовно-процессуальное законодательство следовало бы внести дополнения, которые детально регламентировали бы основания и порядок разрешения судом ходатайства о преждевременном раскрытии перед участниками уголовного судопроизводства подлинных данных о личности «анонимного» свидетеля, а также более строго и конкретно регламентировали процедуру того, как стороне защиты в судебном заседании возможно реализовать право лично задавать вопросы «анонимному» свидетелю.

При этом должна быть учтена необходимость строгого соблюдения баланса между правом обвиняемого на защиту и правом свидетеля на обеспечение его безопасности при решении вопроса о раскрытии данных о его личности.

Что касается способов допроса «анонимного» свидетеля в суде, то здесь могут быть использованы рекомендуемые нижеописываемые приемы.

В ходе рассмотрения уголовного дела в суде, в том числе с участием присяжных заседателей, через монитор свидетеля видит только судья, а присяжные заседатели и другие участники слышат только искаженный динамиком голос. Свидетель фигурирует под псевдонимом, поэтому в ряде случаев это является достаточной его защитой от давления противоположной стороны процесса. Однако такой сравнительно дешевый (в прямом смысле этого слова) прием может быть оправдан разве что соображениями материального характера.

В качестве гораздо более продуктивного, справедливого и гуманного способа можно предложить более затратный прием.

Во время судебного заседания свидетель находится отдельном помещении, в которое передаются изображение и звук из зала заседания. Судья входит в такую комнату, удостоверяется в личности свидетеля, затем возвращается в зал судебного заседания. В зал же, где непосредственно слушается дело, при помощи специальной аппаратуры передается измененная речь свидетеля. При этом его голос искажается до неузнаваемости, но разборчивость и смысл сказанного не теряются (известно, что такого рода аппаратура, используемая во всем мире в сетях засекреченной связи, имеется, например, в армейских формированиях и других «силовых» структурах). Аппаратная система искажения речи работает в режиме реального времени; при этом никакие шумы или импульсные помехи к сигналу не добавляются.

При всем этом представляется, что вышеописанные меры безопасности никоим образом не препятствуют другим участникам процесса со стороны зашиты в реализации их процессуальных прав.

В заключение уместно напомнить, что действующее российское уголовно-процессуальное законодательство не запрещает основывать обвинение, в том числе и на показаниях так называемых анонимных свидетелей.

Таковы наши некоторые соображения относительно процессуальных и тактических способов защиты свидетеля в уголовном процессе.

*В. П. КРАМАРЕНКО**
*Л. Ю. КУХАРЕВ***

Исходная информация о преступлении и способы краж чужого имущества

Первоначальный этап расследования преступлений, особенно совершенных в условиях неочевидности, представляет собой сложный процесс познания события, которое имело место в прошлом.

В этой связи существенное значение имеет исходная информация, которая зафиксирована криминалистическими средствами в процессуальных документах субъектами доказывания.

---

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта.

** Магистрант кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

В зависимости от содержания и полноты этих сведений определяется круг и последовательность проведения первоначальных следственных действий и круг лиц, среди которых надлежит искать возможного преступника.

Исходная информация выступает в некотором смысле той отправной точкой, от которой отталкивается лицо, осуществляющее предварительной расследование по делу.

Важным является вопрос: какая информация попадает в распоряжение следователя к моменту начала расследования, какова ее типовая модель для краж чужого имущества?

Изучение материалов уголовных дел о данных преступлениях свидетельствуют, что прежде всего это первоначальные сведения о похищенном имуществе, без дополнительной предметной конкретизации.

Согласно действующему уголовному законодательству России под кражей понимается «тайное хищение чужого имущества»[1], при обнаружении факта кражи, сообщается информация об имуществе, которое было похищено. Об этом свидетельствует и изучение практического материала.

Однако его предметная определенность может быть достаточно различной (деньги, украшения, дорогостоящая электроника, бытовые предметы и пр.).

Важным элементом, составляющим содержание исходной информации, является стоимость похищенного имущества. При обнаружении его хищения собственник или владелец немедленно определяет его стоимость для исчисления, причиненного ущерба. Следует отметить, что не всегда сумма ущерба, причиненного кражей чужого имущества совпадает со стоимостью украденного имущества. Это, прежде всего, связано со способом совершения и сокрытия преступления. Здесь мы кратко отметим, что встречаются способы, которые не причиняют дополнительный ущерб, например, проникновение в помещение либо жилище путем свободного доступа.

Но достаточно часто кража чужого имущества реализуется путем незаконного проникновения в помещение либо жилище, с преодолением преград в виде дверей, ставней на окнах и т. п., т. е. в таких кражах часто приходят в негодность замки при их взломе, двери и дверные косяки. Практика свидетельствует, что иногда ущерб от таких краж превышает стоимость похищенного имущества.

Кроме того, в исходную информацию о кражах чужого имущества, по нашему мнению, необходимо отнести сведения о лице, которому

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. от 14.02.2008): принят Государственной Думой ФС РФ 24 мая 1996 г. // Рос. газ. 1996. 18 июня.

принадлежит украденное имущество, и о лице, которое обнаружило тайное хищение.

Следует отметить, что информация о лице, которому, принадлежит украденное имущество, тесно связана с характеристикой личности потерпевшего. Но в момент совершения кражи имущество может находиться и не у его собственника, поэтому следует внимательно относится к данной ситуации.

Относительно лица, которое обнаружило тайное хищение имущества, то здесь возможно аналогичная ситуация, когда оно и собственник имущества не совпадают. Практика показывает, что в подавляющем числе случаев именно владелец имущества обнаруживает кражу.

Таким образом, мы отнесли вышеуказанные сведения к исходной информации о кражах чужого имущества. По свидетельству судебно-следственной практики к моменту вынесения постановления о возбуждении уголовного дела по факту кражи чужого имущества именно данная информация позволяет сформулировать первоначальные версии и спланировать тактику первоначальных следственных действий.

Проведенный нами анализ позволяет сформулировать следующие суждения об исходной информации о кражах чужого имущества.

В настоящее время типовыми предметами кражи является носильные вещи (мобильные телефоны, дорогостоящие носильные вещи, украшения). Предмет кражи находится у собственника, который сам и обнаруживает его кражу. При этом размер ущерба, причиненного кражей чужого имущества, совпадает со стоимостью украденного имущества.

Итак, рассмотрев исходную информацию о кражах чужого имущества, перейдем к изучению следующих элементов типовой криминалистической характеристики – способам совершения и сокрытия краж чужого имущества.

Прежде всего следует отметить, что центральным и узловым компонентом преступления по неоспоримому праву в криминалистике является способ совершения общественно опасного деяния в форме действия или бездействия. Более того, данные о способе совершения преступления представляют собой важнейший компонент как уголовно-правовой, так и криминалистической характеристик преступления. С нашей точки зрения не вызывает сомнения тот факт, что и в структуре типовой криминалистической характеристики способ совершения преступления, как и способ сокрытия преступления, занимает базовое место.

Однако, прежде чем перейти к характеристике способа совершения и сокрытия краж чужого имущества, следует уточнить общее понятие способа совершения и способа сокрытия преступления.

Начнем со способа совершения преступления.

Прежде чем стать объектом изучения ученых-криминалистов способ совершения преступления исследовали специалисты уголовного права. В настоящее время в науке уголовного права общепринята позиция, согласно которой способ совершения преступления – это форма проявления преступного деяния вовне, используемые преступником приемы и методы для реализации преступного намерения.

Как известно, уголовное право определяет в ряде составов способ совершения преступления как необходимый элемент объективной стороны преступления. Например, тайное похищение имущества – кража; открытое похищение имущества – грабеж; нападение с целью завладения имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья подвергшегося нападению, или с угрозой применения такого насилия, – разбой; завладение имуществом путем обмана или злоупотребления доверием – мошенничество и так далее. Соответственно, все формы хищения разграничиваются между собой по способу изъятия имущества.

Вместе с тем характеристика способа совершения преступления не может исчерпываться его уголовно-правовым значением. В уголовно-правовой характеристике способ совершения преступления представлен в «общем» виде. При этом способ совершения преступления всегда конкретен и у него есть немало таких сторон, которые индифферентны в уголовно-правовом отношении. Однако многочисленные свойства, признаки способа совершения преступления имеют важное криминалистическое значение. Среди них – распространенность данного способа, конкретные приемы его применения, используемые при этом технические средства, их конструктивные особенности. Все эти сведения должны входить в криминалистическую характеристику преступлений.

В криминалистике под способом совершения преступления может пониматься система умышленных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, охватываемая единым преступным замыслом, детерминированная психофизическими качествами личности преступника (его соучастников) и избирательным использованием им (ими) соответствующих условий, места, времени, а также

учетом возможных действий (бездействия) со стороны потерпевшего, иных лиц[1].

Таким образом, при изучении способа совершения преступления как элемента типовой криминалистической характеристики краж чужого имущества мы акцентировали свое внимание на следующих моментах: какие орудия и средства использовались в процессе кражи; проникновение в жилище, помещение или хранилище было незаконным; кража из жилища, помещения или хранилища происходила со взломом либо с использованием доверия; какие приемы завладения доверием использовались для проникновения в жилище, помещение или хранилище с целью кражи.

После изучения данных практики мы пришли к выводу, что способы совершения краж целесообразно объединить в две основных группы: связанные и несвязанные проникновением в жилище, помещение или хранилище. При этом само проникновение может быть, как законным, так и нет.

Как показала практика изучения материалов уголовных дел по кражам чужого имущества, две из трех краж совершается путем проникновения в жилище, помещение или хранилище. Только каждая третья кража осуществляется без проникновения в жилище, помещение или хранилище. К кражам, совершаемым способом, не связанным с проникновением в жилище, помещение или хранилище, относятся: кражи из автомобилей, кражи чемоданов и ручной клади на вокзалах и иных местах большего скопления людей, карманные кражи, кражи из магазинов и торговых палаток.

Важно отметить, что в половине случаев проникновение в жилище, помещение или хранилище происходит путем свободного доступа, т. е. оно осуществлялось законно. В оставшихся случаях проникновение в жилище, помещение или хранилище происходило незаконно.

В свою очередь, при незаконном проникновении, только каждая четвертая кража чужого имущества имело место с проникновением в жилище, помещение или хранилище со взломом. В остальных случаях проникновение в жилище, помещение или хранилище происходило незаконно, но без взлома преград – кражи совершаются путем проникновения в помещение через открытые окна и двери, через крышу и балкон.

Основная причина таких краж – неосмотрительность собственников имущества. Однако основные причины и условия, способствующие совершению краж чужого имущества, отдельная тема исследования.

---

[1] *Ермолович В. Ф.* Способы и механизм преступления / под ред. И. И. Басецкого. Минск, 2000. С. 35.

Случаи использования доверия с целью проникновения в жилище, помещение или хранилище в ходе изучения архивных уголовных дел по кражам чужого имущества нами выявлены не были.

Итак, охарактеризовав способ совершения краж чужого имущества, перейдем к рассмотрению способа сокрытия краж чужого имущества и, по аналогии со способом совершения преступления, кратко рассмотрим общее понятие способа сокрытия преступлений.

В науке разработка проблемы сокрытия преступлений осуществлялась параллельно с проблемой способа совершения преступления. Сложность и практическая значимость рассматриваемой проблемы обусловливают необходимость акцентировать более детально внимание на понятии и характеристике способа сокрытия умышленного преступления, в частности кражи чужого имущества. Как уже отмечалось нами в предыдущей главе, данный способ может в отдельных ситу-ациях не входить в структуру способа совершения преступления. Это наблюдается в случаях отсутствия преступного единого замысла, охватывающего собой все стадии преступной деятельности.

Причиной такого явления, по мнению В. Ф. Ермоловича, может быть то, что при подготовке и совершении преступления субъект не планирует действий по сокрытию: относясь к ним безразлично или предполагая, что их все равно не удастся осуществить, но затем, после достижения преступного результата, в связи с неожиданно возникшим намерением или внезапно изменившимися обстоятельствами, включая благоприятные для него, принимает соответствующие меры; рассчитывая, что оставленные им следы сами в связи с прохождением определенного времени либо под воздействием природных или иных стихийных факторов претерпят существенные изменения, уничтожатся, а затем, обманувшись в своих ожиданиях, прибегает сокрытию преступления[1].

Таким образом, действия по сокрытию могут быть, как связаны, так и не связаны преступным единым замыслом с приготовлением и совершением преступления.

Кроме того, мы полагаем, что для наиболее полного и всестороннего изучения способа сокрытия преступления необходимо знать и применять на практике его классификации. В криминалистической науке существуют различные классификации способов сокрытия преступлений.

Наиболее удачной, на наш взгляд, можно рассматривать классификацию способов сокрытия Р. С. Белкина, отражающую главную сущность – содержательную сторону деятельности по сокрытию престу-

[1] *Ермолович В. Ф.* Указ. соч. С. 49

плений. Согласно его мнению, способы сокрытия преступлений можно разделить на следующие группы: сокрытие преступления путем утаивания информации и (или) ее носителей; сокрытие преступления путем уничтожения информации и (или) ее носителей; сокрытие преступлений путем маскировки информации и (или) ее носителей; сокрытие преступления путем фальсификации информации и (или) ее носителей; смешанные способы[1].

Однако, как показала практика исследования уголовных дел по делам о кражах чужого имущества, сокрытие кражи чужого имущества не является распространенным.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что кражи чужого имущества осуществляются, как правило, из жилища, помещения или хранилища путем свободного доступа виновного лица в данное жилище, помещение или хранилище. При этом никаких мер для сокрытия кражи виновный не предпринимает.

---

[1] *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. С. 218.

*О. С. КУЧИН**

О некоторых проблемах тактики допроса в современном досудебном производстве

В условиях правового государства борьба с преступностью предполагает непременное обеспечение прав и гарантий для всех участников уголовного процесса. Это есть предохранительный механизм от излишней репрессивности юстиции, а также от судебных ошибок. В этих условиях обязательными компонентами сотрудников правоохранительных органов должен являться высокий профессионализм, предусматривающий в частности владение научными знаниями об эффективной организации своей деятельности. Совокупность таких знаний позволяет обеспечить беспристрастное и всесторонне расследование преступлений, изобличение виновных и привлечение их к справедливой ответственности при неуклонном соблюдении законности.

---

* Член-корреспондент РАЕ, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Тактика допроса занимает одно из центральных мест в науке криминалистике. Допрос представляет собой одно из сложных, но одновременно результативных и распространенных следственных действий. Поэтому знание и грамотное применение тактики допроса – залог успеха в следственной работе.

С древнейших времен допросы служат самым распространенным источником получения доказательственной информации при расследовании преступлений. В различные исторические эпохи отношение к допросу менялось, но это касалось главным образом методов допроса, оценки показаний, полученных при допросе, способов фиксации результатов допроса, использования специальных технических средств, при их проведении. И настоящее время ни одно уголовное дело не обходится без производства допроса.

В криминалистической литературе по тактике допроса имеется немало научных трудов специалистов. Среди них работы таких известных авторов, как Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Н. П. Яблоков, А. Н. Васильев, Л. М. Карнеева, А. К. Гаврилов, А. А. Закатов, Г. Г. Доспулов, С. П. Ефимичев, Н. И. Кулагин, А. Е. Ямпольский, Н. И. Порубов, А. Г. Филиппова, Е. П. Ищенко, А. Р. Ратинов и др. Допрос – процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела. В ходе проведения допроса следователь, дознаватель или оперативный сотрудник (допрашиваемое лицо) всегда стремятся к получению от допрашиваемого лица достоверных сведений, но, как показывает многолетнее изучение судебно-следственной практики, они не всегда этого достигают. В то же время это одно из наиболее сложных следственных действий.

Вместе с тем допрос следует рассматривать как одно из самых важных и значимых с точки зрения криминалистической методики расследования преступлений, следственных действий. Для того чтобы успешно провести допрос, следователь, дознаватель или оперативный сотрудник должны четко представлять себе, какую именно информацию и с помощью каких тактических приемов и криминалистических средств они намерены получить, а также определить сам предмет допроса. Чтобы определить предмет допроса, допрашивающему лицу следует выяснить круг обстоятельств, которые входят в предмет допроса и к которым в основном относятся: данные связанные с событием преступления, обстоятельства, устанавливающие или опровергающие виновность лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, мотивы поведения виновных лиц, данные, влияющие на степень и характер ответственности виновного лица, данные относящиеся к размеру ущерба, причиненного преступление и некоторые другие.

В криминалистической литературе в настоящее время предложены достаточно разнообразные классификации допроса и в связи с ограниченным объемом настоящей статьи нет необходимости их перечислять.

Вместе с тем стоит отметить, что современному следователю, дознавателю или оперативному сотруднику, чтобы провести профессионально грамотный допрос и получить от допрашиваемого лица нужную по делу информацию, необходимо на достаточно высоком уровне владеть криминалистической тактикой его производства и, в частности, знать:

1) стадии формирования показаний – восприятие, запоминание, воспроизведение;

2) значение психических свойств личности допрашиваемых лиц;

3) роль памяти в формировании показаний.

Помимо сказанного, допрашиваемому лицу следует на высоком уровне знать уголовно-процессуальную регламентацию производства всех видов допросов, знать не только свои права и обязанности при допросе, но и права и обязанности допрашиваемых лиц и их защитников (представителей), права и обязанности иных участников допроса.

Чтобы допрос был проведен на высоком профессиональном уровне следователь, дознаватель и оперативный сотрудник должны быть интеллектуально высоко развитыми личностями и по своему уровню образования и подготовке, несомненно, опережать допрашиваемое лицо, либо быть с ним на определенно одинаково высоком интеллектуальном уровне, если допрашиваемый сам представляет собой высокообразованную личность. В противном случае допрос может превратиться просто в конфликтную ситуацию, привести к непониманию ситуации и своих процессуальных ролей между допрашиваемым лицом и допрашивающим. А это абсолютно недопустимо при производстве расследования по уголовному делу. Допрос – это сложный психологический процесс общения следователя с допрашиваемым, насыщенный большим комплексом тактических приемов логико-психологического характера. Поэтому это наиболее сложное с тактической точки зрения следственное действие, требующее от следователя не только хороших криминалистических и логико-психологических знаний, но и умений установления должного контакта с людьми, слушать любого человека, разговаривать с ним, познавать его внутренний мир, оказывать на него положительное воздействие и др. Сложность допроса заключается в том, что часто получение в ходе него информации от допрашиваемого осуществляется в условиях противоборства, когда последний отказывается от дачи показаний или дает частично или полностью заведо-

мо ложные сведения, либо создает всяческие помехи для нормального общения со следователем. В такой обстановке задача допроса усложняется. Прежде чем получить от допрашиваемого нужную информацию, необходимо сначала изменить неблагоприятную ситуацию, сделать ее более пригодной для указанного общения и получения требуемых сведений.

Согласно всевозможным тактикам проведения допроса, разработанным криминалистикой, можно выделить несколько основных, присущих практически всем методикам стадии этого следственного действия.

1. Подготовка к проведению допроса, которая включает в себя: изучение материалов уголовного дела и всей имеющейся по делу оперативной информации, изучение личности лица, которое планируется допросить по делу, определение порядка вызова на допрос, разработка или составление плана допроса, подготовка вопросов допрашиваемому лиц (так называемый шаблон протокола допроса), подготовка технических средств, определение иных участников допроса, разработка тактической операции, которую следователь планирует провести при допросе.

2. Установление психологического контакта с лицом, которого планируется допросить по уголовному делу. Этот психологический контакт может быть установлен как в день проведения допроса, так и быть установленным в течении длительного времени, а также путем проведения тактико-криминалистических или оперативно-тактических комбинаций.

3. Подготовка и использование методов психологического воздействия при допросе и в частности применение «психологических ловушек» и «психологических следственных хитростей».

Вместе с тем в настоящее время возникли определенные трудности и проблемы по применению ранее разработанных криминалистических тактических рекомендаций по производству допроса по уголовным делам.

Принятый в 2001 г. и введенный в действие с 01.07.2002 г. новый УПК РФ создал множество препятствий в реализации ранее уже используемых правоприменителями тактических рекомендаций. Эти препятствия в дальнейшем были усилены новыми, многочисленными дополнениями и изменениями в УПК РФ, а также постановлениями Конституционного Суда РФ и определениями Верховного Суда РФ.

В дальнейшем автор предлагает рассмотреть некоторые из этих основных препятствий более подробно и в персональном порядке.

1. Так, ныне действующий УПК РФ расширил участие адвоката в ходе предварительного расследования и, в частности, при производстве допроса. Теперь адвокат как защитник подозреваемого или обвиняемого, представитель потерпевшего и консультант свидетеля имеет полное право участвовать практически во всех видах проводимых по делу допросов. И в случае оказание адвокатом противодействия расследованию, многие тактические рекомендации потеряли свой смысл и свое значение. Хорошо, если адвокат участвует на стороне потерпевшего и является представителем обвинения. В данной ситуации он, следователь, дознаватель и оперативный сотрудник могут действовать согласовано. Но если адвокат активно защищает своего подопечного и его позиция явно противоречит позиции обвинения, то в данной ситуации тактические рекомендации специалистам следует разрабатывать для преодоления такого противодействия. Причем в большинстве случаев все усилия допрашивающего лица будут направлены на борьбу с позицией своего оппонента – адвоката. А это редко приводит к положительному результату.

2. Действующий УПК РФ определенно и бескомпромиссно разрешает подозреваемому и обвиняемому воспользоваться положениями ст. 51 Конституции РФ и вообще отказаться от дачи показаний по уголовному делу. В данной ситуации, да еще в присутствии защитника, следователь явно не может применить все свои криминалистические знания и свой опыт, и попытаться убедить допрашиваемое лицо дать показания, получить от него какие-либо сведения, пусть даже ложные, чтобы в дальнейшем их опровергнуть. Фактически в данном случае ситуация становится тупиковой и традиционные тактические рекомендации здесь не помогут.

3. В ходе допроса свидетеля и потерпевшего следователь сталкивается с тем, что данные лица отказываются свидетельствовать против себя и своих близких родственников. Это также приводит к тупиковой следственной ситуации.

4. Кроме того ряд лиц: судьи, священники, адвокаты, сотрудники налоговых инспекций и др. имеют специальный иммунитет и их допрос по делу не может состояться на основании федерального законодательства.

Все указанные выше процессуальные нововведения фактически привели к тому, что сфера конфликтных ситуаций при проведении допросов по уголовным делам неимоверно расширилась, и причем при помощи федерального законодательства. Поэтому современная задача науки криминалистики состоит в том, чтобы разработать новые, при-

менительно к действующему законодательству, тактические рекомендации по производству допроса.

В результате наличия в действующем УПК РФ вышеуказанных положений в настоящее время появились проблемы в реализации основных требований, предъявляемым к тактике допроса.

1. Активность – следователь при допросе прочно удерживает инициативу. По отношению к лицам, дающим неправдивые показания, допрос носит наступательный характер.

2. Целеустремленность – проведение допроса с заранее продуманной целью для получения определенной информации.

3. Необходимость учета при допросе свойств допрашиваемого (его психика, культура, образовательный уровень, профессия, мировоззрение и т. д.). Учет этих свойств допрашиваемого следователем обеспечивает установление психологического контакта в целях допроса.

Поэтому, по мнению автора настоящей статьи, специалистам в области тактики допроса следует в настоящее время переработать имеющиеся положения и рекомендации с учетом сложившейся практики и действующего процессуального законодательства.

*М. Ю. ЛАКОМСКАЯ**

Криминалистическая сущность тактических операций и их прикладное назначение в расследовании преступлений

Сущность – это «совокупность всех необходимых сторон и связей (законов), свойственных вещи, взятых в их естественной взаимозависимости, в их жизни, в отличие от явления, которое есть обнаружение сущности через свойства и отношения, доступные чувствам»[1]. Анализируя представленное определение можно сказать, что сущность и явление – парные категории диалектики, они находятся в неразрывном единстве, сущность обнаруживается в явлении и через явления действует. Однако в соответствии с той же диалектикой единство сущности и явления противоречиво. Отношения сущности и явления таковы,

* Адъюнкт кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России.

[1] *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976. С. 578.

что сущность скрыта под поверхностью явления, тогда как явления обнаруживаются непосредственно.

На этом основании задача познания заключается в том, чтобы от явления, лежащего на поверхности идти к сущности, за видимостью распознать сущность. Таковы основные положения, связывающие сущность и явление.

Для исследования сущности тактических операций, полагаем, вполне достаточно приведенной конструкции, так как структурно она указывает путь решения поставленной в задачи.

Общеизвестным является факт того, что понятие тактических операциях как средстве решения задач уголовного судопроизводства впервые в научный оборот было введено А. В. Дуловым[1].

Идея криминалистам понравилась и к ее разработке обратились Л. Я. Драпкин и В. И. Шиканов. Эти уважаемые криминалисты, в отличие от А. В. Дулова, определили тактическую операцию через действия, как совокупность средств, связанных с расследованием преступлений. Свои определения понятия тактической операции эти специалисты в последующей уточняли и совершенствовали, впрочем, принципиально от первоначального понятия они не отходили[2].

Уточнял понятие тактической операции и А. В. Дулов[3].

Исследования этой, тогда новой, криминалистической категории Л. Я. Драпкиным, В. И. Шикановым, А. В. Дуловым легли в основу широкой научной дискуссии. В полемику были вовлечены практически все известные отечественные криминалисты, каждый из которых предлагал свое определение тактических операций, аргументировал данное понятие, разрабатывал классификации тактических операций[4].

---

[1] *Дулов А. В.* О разработке тактических операций при расследовании преступлений // 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Л., 1972. С. 23–24.

[2] См.: *Драпкин Л. Я.* Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. Л., 1976. С. 54; *Его же.* Тактические операции – эффективные подсистемы процесса расследования // Следователь: теория и практика деятельности. 1995. № 1. С. 7; *Шиканов В. И.* Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976. С. 156–157; *Его же.* Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978. С. 117–118.

[3] *Дулов А. В.* Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979. С. 44.

[4] См.: *Михальчук А. Е.* Тактические комбинации при производстве следственных действий. Саратов, 1991. С. 19; *Куклин В. И.* Методика расследования отдельных

Были предложены и иные названия понятия, которое ввел А. В. Дулов. Так, Р. С. Белкин предлагал называть их тактическими комбинациями[1], а В. Я. Колдин – следственными комбинациями[2], предлагались термины «криминалистические операции»[3] и «тактико-криминалистические операции»[4], «тактический комплекс»[5].

Если рассматривать не отдельно взятое определение этого понятия, а его структуру, то, на наш взгляд, возможно «уловить» его внутреннее содержание, которое можно будет характеризовать в качестве сущности тактических операций.

Все специалисты, рассматривавшие этот вопрос, сходятся в мнении, что содержание тактической операции могут составлять: следственные и процессуальные действия следователя; его организационно-плановые действия; оперативно-розыскные действия, которые проводятся оперативными службами по поручению следователя; оперативно-технические действия, также «заказанные» следователем в рамках подготовки и производства следственных действий, предусмотренных ст. 186 и 186[1] УПК РФ. Возможны и другие действия, которые могут быть органично вписаны в обстоятельства следственной деятельности по расследованию преступления.

Эти элементы структуры в определениях тактических операций связываются с субъектом, который управомочен осуществлять расследование преступлений, т. е. со следователем.

Кроме того, всегда в понятии тактических операций авторами отмечается цель или задача, которую следователь намерен решить посредством планирования, организации и проведения тактической операции. Отмечается ее ситуационный характер и в определенных обстоятельствах необходимость взаимодействия следователя с другими правоохранительными органами.

В системе приведенная структура элементов может быть определена через свойства и отношения, доступные чувствам, как тактических

видов преступлений. Иваново, 1983. С. 77; Криминалистика: учеб. для вузов / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 1997. С. 370 и др.

[1] *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. М., 1979. Т. 3. С. 128–129.

[2] Криминалистика: учеб. для вузов / отв. ред. Н. П. Яблоков. С. 370.

[3] *Комаров И. М.* Криминалистические операции досудебного производства: моногр. М., 2013.

[4] *Князьков А. С.* Тактико-криминалистические средства досудебного производства: дис. … д-ра юрид наук. Томск, 2014.

[5] *Асташкина Е. Н., Марочкин Н. А., Михальчук А. Е., Решетников В. Я.* Расследование преступлений. Криминалистические комплексы: учеб.-практ. пособие. М., 2003. С. 112.

операций в ее типичном понятии, т. е. как явление. В соответствии с этим мы полагаем, что не следует отражать другими понятиями одно и то же явление, т. е. не следует создавать новые сущности. В этой связи хорошо высказался О. Я. Баев, который писал: «…Я не вижу необходимости в замене уже в целом устоявшегося в криминалистической литературе понятия „тактическая операция“ каким-либо другим, в том числе „комбинация“»[1].

Теперь обратимся к обоснованию сущности понятия тактических операций. На наш взгляд, представляется достаточно аргументированным мнение И. М. Комарова, который считает, что в сущности тактические операции представляют собой структурно-криминалистический метод, то есть специальный метод криминалистики. На основе такого подхода допустима оптимальная практическая реализация любой тактической операции в расследовании преступлений.

Выше мы отметили, что все авторы при определении тактической операции обращают внимание на то, что это криминалистическое средство имеет определенную структуру, которая системно связана с поставленной следователем целью или задачей.

Фактически элементы структуры тактической операции можно представить как алгоритмизированную систему правил и приемов подхода следователя к «изучению» на основе криминалистических средств тех или иных обстоятельств преступления, это путь, способ достижения определенных результатов, а если обобщенно, прием практического исследования отдельных фактов преступления. При этом следователь всегда основывается на своих процессуальных и криминалистических знаниях и профессиональном опыте. Это единство объективного и субъективного.

Оценивая содержание и целенаправленное применение тактических операций в расследовании преступлений, мы считаем, что они схожи с классическим понятием метода, который ни в коем случае не есть сумма или простая совокупность каких-либо статичных, неизменных понятий, категорий, законов. принципов. Это процесс и как процесс он становится средством объяснения и целесообразного изменения действительности в процессе познания обстоятельств расследуемого события преступления.

Недаром в методологии науки метод сравнивают с правилами действия, которые меняются и на этом основании они не могут быть единственными и абсолютными, кроме того они зависят от субъекта

[1] *Баев О. Я.* Основы криминалистики: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 233.

(следователя) его личного статуса, особенностей действий и других обстоятельств. Метод – это путь, способ исследования и преобразования действительности, на основе знаний закономерностей развития этой действительности.

Интерпретируя приведенные выше положения в криминалистическом аспекте, можно сказать, что тактические операции также можно расценивать как способы расследования, основанные на процессуальных и криминалистических средствах с целью познания закономерностей преступления и установления их посредствам процессуальных правил.

Мы полагаем, что тактические операции можно отнести к структурным методам. По существу, структурные методы, точнее структурализм – «методологическая ориентация, выдвигающая в качестве задачи исследования выявление структуры объекта»[1]. Говоря криминалистическим языком, в соответствии с результатами использования тактических операций следователь стремится установить как сами факты, имеющие отношение к расследуемому преступлению, так частные и общие их связи (т. е. структуру) между собой и другими ранее установленными расследованием фактами, в конечном счете для полной картины преступления.

Вот как определяют структурно-криминалистические методы в теории криминалистики. Это методы построения определенных криминалистических систем (систем основных элементов планирования расследования преступления, приемов, образующих тактику следственных действий, рекомендаций, составляющих основные методики расследования отдельных видов преступлений и т. п.), это методы накопления исходной информации, необходимой для построения структуры, определения путей ее развертывания и использования в практической деятельности. Источником исходной информации при этом являются нормы уголовного и уголовно-процессуального закона, сведения о способах совершения и сокрытия преступлений, признаках применения этих способов, о направлениях практики раскрытия и расследования преступлений. Такая информация является основой алгоритмов действий следователя[2].

Практически такая методология определения понятия структурно-криминалистических методов, использованная авторами процитированного учебника, указывает на то обстоятельство, что тактические

---

[1] Философский словарь / под. ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М., 1987. С. 462–463.

[2] *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика: учеб. для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 65.

операции вполне могут быть восприняты в качестве методов построения криминалистических систем, по причине того, что любая тактическая операция является системой, отражающей реализацию накопленной криминалистически значимой информации на основе структуры, определенной следователем, в его деятельности по расследованию преступления.

Подобная методология построения и реализации тактических операций эффективна в практическом применении по причине простоты ее восприятия следователем, она также хорошо вписывается в систему следственной деятельности по построению алгоритмов разрешения проблемных ситуаций расследования.

В этой связи отметим, что приведенные доводы, на наш взгляд, указываю на то обстоятельство, что тактические операции по своей сущности являются структурно-криминалистическим методом и могут быть представлены в расследовании в качестве явления различными элементами – следственными действиями, организационно-плановыми мероприятиями, оперативными, оперативно-техническими мероприятиями, инвентаризационными и ревизионными действиями, связанными тактическими задачами и поставленной следователем целью.

*А. Л. ЛИСОВЕЦКИЙ**

Криминалистика в контексте юридической компаративистики

Юридическая компаративистика (от лат. *comparativus* – сравнительный; далее – ЮК) – одно из наиболее актуальных направлений современной юриспруденции. Нормативный подход является основным в данном научном направлении. Однако сегодня отмечается необходимость расширять данный подход, рассматривая правовые системы в различных аспектах, не ограничиваясь проблемами регламентации тех или иных явлений текстами нормативно-правовых актов[1]. В то же время в теории права по тем или иным причинам упускается из вида возможность рассмотрения в рамках ЮК прикладных юридических

* Аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

[1] *Немытина М. В. , Муромцев Г. И., Варламова Н. В. и др.* Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур / под ред. М. В. Немытиной. М., 2016. С. 5.

наук, в том числе криминалистики. Притом представляется, что сама криминалистика для своего развития нуждается в компаративистике не меньше чем право.

Российскими учеными-юристами криминалистика позиционируется как наука интернациональная, а межнациональный обмен криминалистическими достижениями – как резерв для развития мировой криминалистики[1]. Сравнительный анализ зарубежной и российской криминалистики закономерно и справедливо объявляется одной из важнейших задач, стоящих перед российским криминалистическим сообществом[2], равно как и изучение зарубежного опыта по разработке и применению криминалистических технологий в целях их приспособления и использования[3]. В современных условиях глобализации и интернационализации для решения указанных задач российской криминалистике – весьма закрытой от влияний зарубежных криминалистических школ[4] – требуется соответствующая научная, теоретическая база. Автору настоящего краткого исследования такой базой видится именно ЮК.

Предметом ЮК выступают рассматриваемые в сравнительном плане правовые системы в аспекте принципов и закономерностей их возникновения, становления, развития, функционирования[5] и взаимодействия между собой. Правовые системы в самом широком их понимании являются набором различных правовых явлений, объединенных по тому или иному основанию[6]. Криминалистика как прикладная юридическая наука и практическая деятельность по решению реальных задач правового характера справедливо может быть отнесена к правовым явлениям.

Следует исходить из того, что криминалистика – это прежде всего систематизированный набор технологий по выявлению, получению, анализу и использованию уголовно-релевантной информации, существующий в определенных правовых системах конкретных государств. Таким образом, здесь прослеживается привязка криминалистики к действующему законодательству и в нормативном, и в соци-

---

[1] Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. М., 1997. С. 25–26.

[2] Криминалистика: информационные технологии доказывания / под ред. В. Я. Колдина. М., 2007. С. 15.

[3] Криминалистика. Полный курс / под общ. ред. А. Г. Филиппова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 26.

[4] *Сокол В. Ю.* Глобализация и интернационализация криминалистики // Общество и право. 2010. № 3. С. 248–249.

[5] *Марченко М. Н.* Сравнительное правоведение. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 124.

[6] *Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А.* Теория государства и права. М., 2013. С. 421–422.

альном его воплощении. Абсолютно справедливым видится замечание о том, что технологии решения криминалистических задач обусловлены существующей в стране правовой системой, предопределяющей мыслительную деятельность по решению данных задач[1]. Таким образом, криминалистические технологии зависимы от действующих правовых порядков во множестве аспектов, в частности касающихся допустимости средств и методов доказывания и работы с доказательственным материалом, а также организации исследования уголовно-релевантных событий. То есть право здесь в той или иной степени пронизывает и технический, и тактический, и методический, и иные аспекты деятельности криминалистического характера, включая те, что не адаптированы к нынешней устоявшейся системе отечественной криминалистики. В то же время криминалистика нацелена и на эффективное дополнение уголовно-процессуального законодательства в части, не содержащей прямой регламентации рассматриваемой выше деятельности.

Базовым критерием деления правовых систем в ЮК выступает привязка этих систем к тем или иным странам или группам стран[2]. Правовым системам, объединенным по принципу принадлежности к группе стран, при наличии иных общих черт, синонимично понятие правовой семьи[3]. Аналогом правовых семей в криминалистике выступают криминалистические школы, среди которых выделяют школу англосаксонскую, романскую, австро-германскую и социалистическую, периодически объединяемую с австро-германской[4]. Данные школы разнятся в различных аспектах, начиная от системы, языка и «целевой аудитории» криминалистических разработок, заканчивая освещаемыми темами и конкретными технологиями.

Проведение компаративистских исследований в области криминалистики маловероятно без учета не только особенностей перечисленных школ, но и уголовно-процессуальных, криминологических, юридико-социологических и иных аспектов, которые исследуют юридические и социально-культурные условия существования и реализации криминалистических наработок. В связи с этим из соображений обеспечения относительного единообразия юридико-компаративистских исследований в области криминалистики следует выделить два тема-

---

[1] *Александров А. С.* Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальная стратегия // Криминалистическая тактика: современное состояние и перспективы развития: сб. материалов 56-х криминалистических чтений: в 2 ч. М., 2015. Ч. 1. С. 30–32.

[2] *Марченко М. Н.* Указ. соч. С. 124.

[3] *Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А.* Указ. соч. С. 422.

[4] *Сокол В. Ю.* Указ. соч. С. 247.

тических блока, что частично позволит абстрагироваться от разницы в системах наук, признанных в разных государствах:

теоретический, где рассматриваются общетеоретические и науковедческие аспекты криминалистики;

практический, где рассматриваются конкретные криминалистические технологии.

При этом основными целями юридико-компаративистских исследований в криминалистике будут являться следующие:

познавательно-информационная (получение информации о состоянии криминалистики в других странах);

аналитическая (изучение теории и принципов, механизмов, закономерностей и степени эффективности применения криминалистических технологий в конкретных правовых, социально-культурных и технических условиях);

интегративная (сближение отечественной и зарубежной криминалистики в области теории и практики);

критическая (выявление негативных особенностей как зарубежной, так и отечественной криминалистики);

пропагандистская (предоставление научной и практической юридической и экспертной общественности достижений отечественной криминалистики)[1].

Достижение каждой из указанных целей, главным образом, не только позволит накопить сведения о зарубежном криминалистический опыте и изучить его, но и критически проанализировать данный опыт и отечественный опыт в сравнении, что способно обогатить арсенал технологий для решения практических задач.

На данный момент стоит констатировать все еще незначительный интерес российских криминалистов к зарубежной криминалистике, что легко может проверить каждый, ознакомившись с источниками, на которые ссылаются авторы научных работ по криминалистике. Сложно сказать, с чем именно связана данная ситуация (труднодоступность зарубежных источников, различные стереотипы о зарубежной криминалистике либо что-то иное), однако хочется выразить надежду на то, что она временна.

Компаративистский элемент становится нормой для исследований в области уголовного процесса как наиболее близкой криминалистике области. Шаг криминалистики в этом же направлении видится закономерным и весьма желательным.

---

[1] *Павлова Н. Г.* Курс лекций по сравнительному правоведению. М., 2005. С. 16–18.

Автор же осознает возможную спорность ряда положений, выдвинутых в настоящем кратком исследовании, но считает необходимым поделиться им ради обогащения и развития отечественной криминалистики и намерен продолжить исследования в данной области.

*Я. М. МАЗУНИН**

О необходимости криминалистического обеспечения судебного разбирательства

Учитывая то, что судебное разбирательство уголовных дел занимает в системе правоохранительной деятельности важное место и является по своей сути заключительным актом государственных результатов расследования преступной деятельности и наказания преступников, на котором должны устраняться и исправляться ошибки, недостатки и упущения досудебного расследования, оно требует высокопрофессиональной судебной деятельности. Последнее же немыслимо без широкого применения криминалистических средств и методов. «Повышение качества судебного следствия может осуществляться путем последовательного совершенствования судебной тактики, судебной методики рассмотрения различных категорий уголовных дел. Судья должен постоянно использовать средства и методы криминалистики в организации судебного процесса, исследования доказательств»[1].

Нельзя не отметить того, что с момента своего возникновения криминалистика развивалась как наука для предварительного следствия, основное предназначение которой заключалось в разработке рекомендаций, приемов и средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств.

Однако уже в начале XX в. высказывались и другие мнения. В частности, в 1925 г. в предисловии к книге И. Н. Якимова «Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике» практическими работниками НКВД указывалось, что «автор… справился со своей задачей дать уголовно-розыскным, следственным и судебным органам детальное практическое руководство по технике и тактике расследова-

* Доктор юридических наук, профессор, профессор Омской академии МВД России.

[1] *Корчагин А. Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 3.

ния преступлений»[1]. Сам И. Н. Якимов по этому поводу писал: «Криминалистика как наука имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника, а своей целью ставит помощь правосудию в раскрытии материальной истины в уголовном деле»[2]. Таким образом, несмотря на то, что в основном его книга была ориентирована на органы дознания и следствия, он не исключал использования возможностей криминалистики и судом. Позднее эта идея была поддержана А. Л. Цыпкиным[3].

Однако взгляды указанных авторов сразу не нашли поддержки среди других ученых-криминалистов. По нашему мнению, связано это было в первую очередь с ошибочным в то время толкованием предмета криминалистики, которая не признавалась правовой наукой. Ей, по примеру западноевропейских криминалистических школ, отводилась роль технической по отношению к уголовному процессу дисциплины. Криминалистика считалась полицейской дисциплиной, обслуживающей предварительное следствие[4].

Позднее, начиная с конца 1950-х гг., во многих источниках все чаще стали высказываться суждения о необходимости использования положений криминалистики во время судебного разбирательства[5].

Так, авторы учебника «Криминалистика» в 1959 г., определяя предмет науки криминалистики, писали: «Советская криминалистика как наука призвана оказывать всемерную помощь органам суда, прокура-

---

[1] *Якимов И. Н.* Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М., 2003. С. 4.

[2] Там же. С. 5.

[3] *Цыпкин А. Л.* Криминалистика и судебное следствие // Соц. законность. 1938. № 12.

[4] *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908. С. 7.

[5] *Ароцкер Л. Е.* Методика расследования преступлений. М., 1976. С. 45; *Его же.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964. С. 7; *Возгрин И. А.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976. С. 29; *Гавло В. К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / под общ. ред. А. Н. Васильева. Томск, 1985. С. 26; Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Н. П. Яблокова. М., 1995. С. 138; Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999. С. 76; *Кореневский Ю. В.* Криминалистика для судебного следствия. М., 2001; *Кудрявицкий А. С., Мазунин Я. М.* Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение судебного разбирательства дел о преступлениях, совершаемых организованными преступными сообществами. М., 2013 и др.

туры и милиции в улучшении качества расследования, играющего существенную роль в обеспечении успешной борьбы с преступностью»[1], и что «все научные методы расследования применяются в советском уголовном процессе лишь с единственной целью оказания помощи следственным и судебным органам в осуществлении правосудия»[2].

Идея о необходимости криминалистического обеспечения не только предварительного, но и судебного следствия получила свое дальнейшее развитие в трудах Л. Е. Ароцкера, Р. С. Белкина, В. Г. Танасевича, Г. А. Воробьева, Т. Б. Чеджемова, В. К. Гавло, Т. С. Волчецкой, Ю. В. Кореневского, В. И. Комиссарова, А. Ю. Корчагина и др.

В их работах были показаны некоторые теоретические положения и даны методические рекомендации по методике судебного разбирательства и тактике судебного следствия.

Автор многих трудов по криминалистике Р. С. Белкин, исходя из определения предмета криминалистики, полагал: «Криминалистика – это наука о закономерностях механизма преступления, возникновении информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений»[3]. Среди современных тенденций развития криминалистики он называет разработку «тактики судебного следствия, поскольку рекомендации криминалистики могут быть с успехом использованы судом для исследования и оценки имеющихся и собирания новых доказательств»[4] при этом, совершенно справедливо замечая, что «судебную криминалистику теперь уже никто отменить и закрыть не сможет»[5].

Опрошенные нами судьи (100 %) заявили о том, что существует необходимость, и они нуждаются в дальнейшей разработке методики судебного разбирательства и тактике судебного следствия. Такие знания обоснованно являются объектом и предметом криминалистики. Познавая их, криминалистика выполняет свою практическую задачу, разрабатывая суду (судье) оптимальные рекомендации по проведению судебных действий в складывающихся судебных ситуациях.

---

[1] Криминалистика / отв. ред. С. А. Голунский. М., 1959. С. 5.

[2] Там же. С. 6.

[3] *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика: учеб. для вузов. 3-е изд, перераб. и доп. М., 2007. С. 41.

[4] Там же. С. 75.

[5] *Белкин Р. С.* История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 199.

Нельзя не согласиться с Р. С. Белкиным, который последовательно утверждая, что изучаемые наукой криминалистикой закономерности лежат в сфере судебного исследования, т. е. «совокупной деятельности органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины по делу в процессе судопроизводства»[1]. В таком понимании предмета криминалистики усматривается точность очерчивания границ научных и практических интересов криминалистики, а именно: от дознания и предварительного следствия по делу о событии с признаками преступления до решения назначения уголовного судопроизводства судом. На этом поле «складывается единая, целостная информационно-познавательная система в деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству преступления»[2].

Изложенное позволило В. К. Гавло, В. Е. Клочко и Д. В. Киму сделать вывод о том, что «суд, (судья) из числа субъектов судебного разбирательства, который реально применяет криминалистическую тактику и методику при исследовании в суде всех обстоятельств дела с учетом судебно-следственных ситуаций… Исходя из принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), суд обязан создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Но создать такие условия, не зная и не применяя криминалистические знания по технике, тактике и методике ведения судебного следствия, просто невозможно»[3].

Действительно, судебное разбирательство, являясь центральной частью уголовного судопроизводства, представляет собой сложную деятельность субъектов с противоположными социальными интересами. Участники судебного разбирательства, прежде всего обвинитель, потерпевший, подсудимый, защитник, преследуют свои цели. В обстановке гласности, непосредственности и иных условий судебного разбирательства процессуальное противоборство участников не только усложняет, но и способствует установлению подлинных обстоятельств события. Мы поддерживаем позицию А. Ю. Корчагина в том, что «судебное разбирательство как деятельность двойственно по своему проявлению. С одной стороны, оно представляет собой совокупность действий участников по реализации своих прав и обязанностей. С другой, это интеллектуальная деятельность и деятельность судьи (председательствующего) по приданию этой совокупности характера сочетания

---

[1] *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 47.

[2] *Гавло В. К., Клочко В. Е., Ким Д. В.* Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты. Барнаул, 2006. С. 194.

[3] Там же. С. 192.

с целью разрешения уголовного дела. Судебное разбирательство направлено на удовлетворение общественной потребности – разрешение правового конфликта. Деятельность носит познавательный характер. Это практическое познание, осуществляемое в строго установленной процессуальной форме»[1].

Например, как может суд в ходе судебного следствия в соответствии с гл. 37 УПК РФ «Судебное следствие» исследовать, тем более тщательно исследовать новую информацию, принимать решения, не располагая знанием тактики и методики исследования доказательств в той или иной следственной ситуации? В какой момент можно удовлетворить или не удовлетворить заявленные ходатайства, а с тактическим содержанием – как провести допрос подсудимого, потерпевшего, свидетелей, несовершеннолетних, эксперта, специалиста и т. д.; какие вопросы и в какой последовательности задавать; назначить экспертизу, провести осмотр и др.?

Таким образом, судебное разбирательство это сложная, познавательная деятельность, представляющая собой сочетание функций участников процесса, и носит уголовно-процессуальный и криминалистический характер. Поэтому, как и досудебное производство, судебное разбирательство нуждается в использовании данных криминалистики, т.е. в криминалистическом обеспечении.

Сущность судебного разбирательства состоит в проверке, иногда получении доказательств и в доказывании.

При этом собирание (получение) доказательств не является для суда характерной чертой и встречается достаточно редко. Гораздо чаще приходится иметь дело с уже полученными доказательствами, когда в суде изучается сущность доказательств, условия их получения, источники, оценивается их относимость и допустимость, проверяется достоверность доказательств; выявляются связи с другими доказательствами по делу, оценивается их значение в установлении определенных обстоятельств.

Процесс доказывания является основной частью познания в ходе судебного разбирательства, основанного на процессуальном законе и регламентированного им, являясь по своей сути уголовно-процессуальной и криминалистической деятельностью, и направленного на достижение конечной цели судебного разбирательства – установление истины.

Цели судебного разбирательства реализуются через совершение действий, которые можно подразделить на действия по проверке, полу-

[1] *Корчагин А. Ю.* Указ соч. С. 16.

чению и исследованию доказательств; действия по организации судебного разбирательства; действия по управлению судебным процессом[1].

При этом доказывание в процессе судебного следствия является одним из основных составных частей криминалистического обеспечения. А. Ю. Корчагин в доказывании выделяет следующие основные структурные элементы: осознание судьей выявленной полноты досудебного исследования доказательств; выявление недостатков и упущений расследования и их оценка; анализ доводов защиты, противопоставленных материалам расследования; судебное исследование каждого в отдельности и всей совокупности доказательств; оценка результатов судебного разбирательства и формирование окончательных выводов. Научно-практические криминалистические рекомендации по оптимизации доказывания составляют основную часть методики судебного разбирательства[2].

Криминалистическая методика судебного разбирательства должна учитывать особенности доказывания по различным видам и группам преступлений и вырабатывать научно-практические рекомендации по исследованию доказательств в суде. Таким образом, она должна быть основана на общих признаках, характеризующих определенную категорию дел.

Расследуемая преступная деятельность, отраженная в исходной следственной ситуации, в следах-признаках преступной деятельности, является тем информационно-структурным развивающимся элементом, который познают под своим углом зрения, в пределах своих уголовно-процессуальных полномочий и стадий расследования орган дознания, следователь, судья (суд) в ходе осуществления практической деятельности (необходимость изучения преступной деятельности как самостоятельного вида человеческой деятельности отмечают 95,9 % опрошенных следователей и 93,7 % оперативных работников, 89,7 % судей). При этом изучение нельзя связывать с какой-либо одной стадией уголовного процесса, так как оно ведется всеми правоохранительными органами и судом по восходящей линии, непрерывно и на всех стадиях уголовного процесса, сохраняя преемственность и информационную обеспеченность.

Одним из основных недостатков подавляющего числа существующих методик расследования является разрыв единой информационно-познавательной системы в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, осуществляемой органом дознания, следовате-

[1] См. подробнее: *Корчагин А. Ю.* Указ соч. С. 17–18.

[2] Там же.

лем и судьей (судом). В связи с тем, что движение уголовно-значимой информации по уголовному делу, начиная с момента возникновения и заканчивая использованием ее в целях решения задач уголовного судопроизводства, прерывается, понять закономерности механизма преступления и механизма его расследования в складывающихся ситуациях без учета движения этой информации представляется сложным.

Таким образом, «сложность информационно-познавательных процессов и структур в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений диктует необходимость учитывать, с одной стороны, специфику познавательной, конструктивной и удостоверительной деятельности названных органов по раскрытию преступлений, а с другой стороны, то общее в ней, что обусловливается целостностью движения уголовно-значимой информации и единством решаемых при этом стратегических задач следствия. Отсюда вытекают особенности криминалистических рекомендаций, разрабатываемых криминалистикой этим органам, вначале по выявлению признаков преступлений, и далее по установлению всех обстоятельств дела на предварительном следствии и в ходе судебного разбирательства»[1].

Продолжая развивать проблемы формирования и становления структуры частных методик, В. К. Гавло предложил следующее их решение: «В криминалистической методике расследования как целостной информационно-познавательной системе, объединяющей процесс познания закономерностей совершения отдельных видов и установления всех обстоятельств, связанных с ними в ходе предварительного и судебного следствия, необходимо исследовать в качестве составляющих три подсистемы»[2]. Первая подсистема криминалистической методики расследования, согласно этой точки зрения, отражает закономерности механизмов и следов противозаконной деятельности субъекта по подготовке, совершению и сокрытию отдельных видов преступлений в различных криминальных ситуациях. Вторая подсистема криминалистической методики расследования – методики предварительного расследования – занимает место между событием преступления и принятом по нему на предварительном следствии уголовно-процессуальном решении (прекращение, приостановление, передача уголовного дела в суд). Третья подсистема криминалистической методики расследования – методика судебного следствия. Эта подсистема начинает функ-

---

[1] *Гавло В. К.* Проблемы теории и практика криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. …д-ра юрид. наук. М., 1988. С.19.

[2] *Гавло В. К.* Криминалистика / под ред. Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина. М., 2004. С. 456.

ционирование с момента поступления уголовного дела в суд и до постановления приговора[1]. Она представляет собой типовую подсистему криминалистических знаний об особенностях применения методики судебного разбирательства (следствия) по отдельным видам преступлений, которая является третьим базовым и завершающим компонентом в системе полноструктурной криминалистической методики расследования преступлений[2]. Таким образом, криминалистическая методика судебного разбирательства должна являться частью полноструктурной методики расследования преступлений.

Таким образом, назрела необходимость в создании методик, охватывающих закономерности деятельности субъектов, осуществляющих в соответствии с законом не только предварительное расследование, но и судебное разбирательство преступлений.

---

[1] См.: *Бойко Ю. Л., Гавло В. К.* Указ. соч. С. 19.

[2] О более подробном содержании указанных подсистем см.: *Бойко Ю. Л., Гавло В. К.* Особенности методики расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. Барнаул, 2009. С. 18–19.

*М. М. МАТВЕЕВ**

Понятие иных переговоров в смысле ст. 186 УПК РФ

В настоящее время среди ученых отсутствует единое мнение относительно содержания понятия контроля и записи телефонных и иных переговоров.

В ст. 5 УПК РФ законодатель определяет контроль телефонных и иных переговоров как прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм.

Следует отметить, что ни один из авторов известных нам определений, как и законодатель, не попытался раскрыть содержание используемого в ст. 186 УПК РФ термина «контроль переговоров».

---

* Заместитель директора Института государственного и международного права, старший преподаватель кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

Контроль в теории управления и организации труда понимается как наблюдение за выполнением определенных решений, распоряжений, планов и устранение препятствующих их достижению обстоятельств, сохранению и усилению действия стимулирующих явлений.

Контроль понимается также как обеспечение строгого порядка достижения цели[1].

Представляется, что в содержание контроля переговоров может включаться только восприятие и фиксация информации, которой обмениваются участники контролируемого общения.

Телефонные же переговоры предполагают передачу информации посредством устной речи по сети электрической связи, радиопереговорным устройствам, в том числе основанным на использовании радиоволн.

В ст. 186 УПК РФ прямо указывается, что контролироваться могут и иные переговоры. В этом контексте следует обратиться к существующей точке зрения, согласно которой предметом рассматриваемого следственного действия являются только переговоры, осуществляемые по средствам связи, то есть переговоры людей в узком смысле.

Так, например, Ю. Н. Стельмах полагает, что законодатель предусмотрел в УПК РФ контроль и записи переговоров отнюдь не для фиксации сведений, передаваемых по примитивным коммуникационным системам, существовавшим «на заре цивилизации» и в настоящее время практически не применяемым. Далее автор резюмирует: «Таким образом, системный анализ норм закона и иные отмеченные факторы позволяют сделать вывод о том, что предмет следственного действия, предусмотренного ст. 186 УПК РФ, образуют переговоры, ведущиеся по средствам электросвязи. Соответственно, к телефонным переговорам относятся переговоры, производимые по телефону, а к иным – по всем прочим средствам электросвязи»[2].

Но как же поступать следователю, когда у последнего имеются достаточные основания полагать, что переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела, и эти сведения будут сообщены в вербальной форме общения «с глазу на глаз», например, дома либо в офисе одного из субъектов, а также и в том случае, когда такие встречи носят регулярный характер? Средства электросвязи в данном случае не используются. Ведь эти переговоры не что иное, как вербальное комму-

---

[1] *Марков М.* Теория социального управления. М., 1978. С. 310–311.

[2] *Стельмах Ю. Н.* Предмет контроля и записи переговоров как следственного действия // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 156.

никативное взаимодействие, использующее речь в качестве механизма коммуникации. К таким примитивным коммуникационным системам, когда лучше переговорить лично, чем по телефону, могут прибегать лица, которые ранее уже попадали в сферу интересов правоохранительных органов и имеют некоторые знания о средствах и методах ими используемых, как раз допуская возможность контроля телефонных переговоров.

Ряд авторов высказывается по этому вопросу однозначно: «разговор, происходящий при непосредственном контакте собеседников, с помощью контроля и записи переговоров фиксироваться не может. Для решения этой задачи необходимо использовать возможности оперативно-розыскной деятельности»[1].

Использование следователем возможностей оперативно-розыскной деятельности не всегда возможно и оправданно, в связи с чем уместно привести высказывание Ю. Н. Соколова: «Необходимость контроля переговоров нередко вытекает из материалов не оперативных, а уголовных дел. В таких случаях ранее возникали тупиковые ситуации. Следователь не мог самостоятельно получить санкцию суда на прослушивание, так как уголовно-процессуальный закон такого действия не предусматривал. Если же следователь давал поручение оперативным службам о проведении прослушивания телефонных переговоров на основании Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“, то нарушался такой принцип взаимодействия, как самостоятельность органа дознания в выборе средств исполнения поручения следователя»[2].

Представляется, к «иным переговорам» следует относить лишь устную речь, передаваемую без применения телефонной связи. Контроль и запись таких переговоров могут осуществляться с помощью акустической аппаратуры, в том числе сопряженной с записью видеоизображения. Поэтому можно заключить, что в ходе предварительного расследования следователь уполномочен фиксировать не только телефонные переговоры, но и устную речь с помощью аудио-, видеотехники.

Законодатель в Федеральном законе от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» раскрывает некоторые интересующие нас понятия:

сеть связи – технологическая система, включающая в себя средства и линии связи и предназначенная для электросвязи или почтовой связи;

---

[1] *Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н.* Уголовный процесс: учеб. М., 2005. С. 438; *Стельмах Ю. Н.* Указ. соч.

[2] *Соколов Ю. Н.* Использование результатов электронного наблюдения в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

средства связи – технические и программные средства, используемые для формирования, приема, обработки, хранения, передачи, доставки сообщений электросвязи или почтовых отправлений, а также иные технические и программные средства, используемые при оказании услуг связи или обеспечении функционирования сетей связи;

электросвязь – любые излучения, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам.

Законодатель не использует формулировку «средства связи», а указывает на использование «средств коммуникации». Термин «средства коммуникации» законодателем также не раскрывается, что порождает двоякое их толкование. Известно, что коммуникация может осуществляться как невербальными, так и вербальными средствами, из числа которых нам наиболее интересна устная форма языка. В структурной лингвистике со времен Л. Ельмслева и И. А. Бодуэн де Куртенэ принято говорить о фонемах (звуках) как составных элементах словесных знаков. В этом смысле к числу коммуникативных средств можно отнести звуки, произносимые слова устного языка. Слова слышны только на расстоянии силы голоса, если не используются средства усиления.

Поэтому к «иным переговорам» будет относиться и непосредственно устный разговор лиц на улице или находящихся в одном помещении, например, в рабочем кабинете. Определяющим моментом при проведении контроля переговоров должна выступать возможность в последующем идентифицировать лицо по голосу.

Иные переговоры могут проводиться и посредством компьютерных сетей, например, через широко распространенную сеть Интернет (World Wide Web – «всемирная информационная паутина»), посредством специально предназначенного для передачи устной речи программного обеспечения[1], но к ним не будут относиться письменные сообщения, передаваемые в виде электронной почты.

[1] В настоящее время передачу устной речи поддерживает большинство программных продуктов, созданных для работы в глобальной сети Internet, например такие широко распространенные программы, как Skype, ICQ, Mail.ru, Агент, TeamSpeak и др.

*А. А. МИТРОФАНОВА**

К вопросу о криминалистической профилактике преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта

В научной литературе различными учеными-криминалистами уже достаточно давно было высказано суждение о необходимости рассмотрения вопросов профилактики преступлений с помощью средств и методов криминалистики в рамках относительно самостоятельного учения – учения о криминалистической профилактике (или превенции, предупреждении) преступлений, которым предлагалось дополнить систему частных криминалистических теорий. Активная разработка вопросов названного учения в отечественной науке началась в 60-е гг. прошлого столетия.

Так, еще в 1961 г. В. П. Колмаков указывал, что к предмету криминалистической профилактики могут относиться только базирующиеся на данных этой науки научно-технические и оперативно-тактические приемы и средства, направленные на выявление, исследование и устранение причин и условий, способствующих преступлениям, а также на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений. Автор выдвинул идею о том, что проблемы криминалистической профилактики преступлений составляют самостоятельную часть криминалистики наряду с ее техникой, тактикой и методикой[1]. Такую точку зрения не поддержал Р. С. Белкин, заметив в 1963 г., что выполнение задачи разработки и применения криминалистических средств предупреждения преступлений целиком обеспечивается общепринятой в настоящее время системой криминалистки и не требует ее перестройки[2].

Значительный научный интерес представляет позиция Г. Г. Зуйкова с соавторами, которые в 1967 г. писали: «…Криминалистические средства, приемы и методы предотвращения и раскрытия преступлений находятся в неразрывном единстве. Это единство выражается в том, что выявление причин и условий составляет неотъемлемую

* Аспирант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета.

[1] *Колмаков В. П.* Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Сов. государство и право. 1961. № 12. С. 107, 108.

[2] *Белкин Р. С.* Роль криминалистики в предупреждении преступлений // На службе милиции: сб. Алма-Ата, 1963. С. 30–31.

часть раскрытия преступлений; создание средств, затрудняющих совершение преступлений или препятствующих осуществлению преступных намерений, в значительной мере основывается на выявлении условий, способствующих преступлениям; успешным применением средств установления виновных и раскрытия преступлений достигается и предупреждение как «параллельный» результат»[1]. Ученые пришли к выводу, что в речь должна идти не о формировании самостоятельного раздела криминалистики, а о систематизации научных идей, доктрин и взглядов, а также способа мышления в исследовании проблем криминалистического предупреждения преступлений, то есть о разработке его теории.

Аналогичной точки зрения придерживался И. Я. Фридман, считавший целесообразным объединить вопросы профилактики в криминалистике в рамках обособленного учения, которое дополнило бы систему частных криминалистических теорий. Он полагал, что «криминалистическое учение о профилактике изучает закономерности возникновения обстоятельств, способствующих правонарушениям, их обнаружения, исследования, оценки и использования в предупредительных целях»[2].

По мнению М. Ш. Махтаева, криминалистическое предупреждение преступлений является учением «о закономерностях возникновения, обнаружения, собирания (фиксации), исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению и сокрытию преступлений, и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах, приемах и методах криминалистики, направленных на устранение (локализацию) указанных обстоятельств, а также на предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений»[3]. Близкие по смыслу определения рассматриваемого учения в разное время давали и другие авторы[4].

---

[1] *Гришанин П. Ф. и др.* Выявление причин преступности и предупреждение преступлений. Общие положения / под ред. Г. Г. Зуйкова, М. И. Якубовича. М., 1967. С. 107.

[2] *Фридман И. Я.* Вопросы профилактики преступлений в системе криминалистики // Криминалистика и судебная экспертиза. 1971. Вып. 8. С. 101–102.

[3] *Махтаев М. Ш.* Основы теории криминалистического предупреждения преступлений: моногр. / науч. ред. А. С. Подшибякин. М., 2001. С. 96; *Махтаев М. Ш.* Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 93.

[4] См., например: *Вандышев В. В.* Криминалистическая профилактика в системе криминалистики // Правоведение. 1982. № 2. С. 88; *Ледащев В. А.* О предмете криминалистической профилактики // Правоведение. 1984. № 6. С. 56.

Очень широкое по своему содержанию определение предложил И. И. Иванов. На его взгляд, «криминалистическая превенция (профилактика) преступлений, как одна из самостоятельных частных теорий, представляет собой систему научных положений и практических рекомендаций о закономерностях разработки и использования в уголовном судопроизводстве технических средств, тактических и методических приемов для предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений, своевременного обнаружения, быстрого, полного раскрытия и качественного расследования совершенных преступлений, пресечения конкретной преступной деятельности и ликвидации ее опасных последствий, выявления и устранения в процессе расследования обстоятельств, способствовавших совершению и сокрытию преступлений, преодолению любых форм противодействия расследованию»[1].

В настоящее время особую актуальность приобретает исследование вопросов криминалистической профилактики отдельных видов преступлений, и в частности нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (ст. 263 УК РФ). Общественная опасность указанных нарушений заключается в том, что они приводят к авиационным происшествиям, зачастую сопровождающимся существенным материальным ущербом и многочисленными людскими жертвами. Так, за прошедшие десять лет (в период с 2007 по 2016 г.) в Российской Федерации в 177 авиакатастрофах погибли 800 человек, и это исключая факты незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации (террористические акты и тому подобные действия)[2]. Кроме этого, происшествия на воздушном транспорте вызывают большой общественный резонанс, что негативно сказывается на отношении граждан к обеспечению безопасности в авиационной отрасли и в стране в целом.

Постоянно увеличивающееся количество авиационных происшествий (за десять лет оно выросло практически в два раза: с 23 происшествий, 13 катастроф в 2007 г. до 52 происшествий, 23 катастроф в 2016 г.[3]) позволяет сделать вывод о необходимости принятия действенных мер, направленных на предупреждение таких происшествий,

---

[1] *Иванов И. И.* Криминалистическая профилактика преступлений: методологические основы и отличие от иных подсистем предупреждения преступной деятельности // Вестн. криминалистики. 2014. № 4. С. 49.

[2] Отчеты о состоянии безопасности полетов // URL: http://mak-iac.org/rassledovaniya/bezopasnost-poletov. В статистике не учтены события, связанные с актами незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации.

[3] Там же.

и в особенности – на предупреждение преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта.

Авиационное происшествие – сложное явление; это, как правило, результат многих обстоятельств, образующих цепь причин и следствий. В связи с этим очень важно отчетливо представлять, из каких звеньев складывается причинная цепочка, ведущая к конкретному происшествию[1]. Чтобы раскрыть сущность причин авиационного происшествия, необходимо установить те неблагоприятные факторы (условия), при которых эти причины формировались. При этом необходимо помнить, что неблагоприятные факторы в одних случаях могут являться непосредственной причиной происшествия, а в других – играть роль способствующих обстоятельств[2]. Установление истинных причин катастроф и аварий на воздушном транспорте и выявление всех обстоятельств, способствовавших нарушению правил безопасности его движения и эксплуатации, проведение необходимых мероприятий по их предупреждению – неотъемлемая часть обеспечения безопасности полетов.

Как отмечают ученые-криминалисты, любой процесс может начаться только при наличии соответствующих обстоятельств, своевременное установление и устранение которых позволяет его предотвратить, не являются исключением в этом отношении и преступные нарушения правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, приводящие к авиационным происшествиям. Не случайно законодатель включил в предмет доказывания по каждому уголовному делу выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ст. 73 УПК РФ), и снабдил органы предварительного расследования специальным правовым инструментом[3] – правом внесения в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представления о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона (ст. 158 УПК РФ).

В этой связи интерес представляет достаточно подробная классификация обстоятельств, сопутствующих и способствующих авиационным

---

[1] *Эминов В. Е.* Борьба с авиационными происшествиями. Вопросы уголовной ответственности и предупреждения преступных нарушений правил безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта. М., 1980. С. 81.

[2] *Эминов В. Е. и др.* Расследование и предупреждение авиационных происшествий / отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1977. С. 18.

[3] *Иванов И. И.* Криминалистическая профилактика преступлений: методологические основы и отличие от иных подсистем предупреждения преступной деятельности. С. 47.

происшествиям, разработанная В. Е. Эминовым с соавторами[1]. Под классификацией обстоятельств, способствующих авиационным происшествиям, предлагается понимать сведение в единую систему всех наиболее типичных неблагоприятных факторов. Такие обстоятельства, по мнению ученых, следует разделить на две основные группы:

1) обстоятельства, связанные с недостатками в эксплуатации авиационной техники:

а) недостатки обеспечения полетов при их подготовке:

недостатки в подготовке экипажа к полету, которые в свою очередь могут быть подразделены на недостатки предварительной и предполетной подготовки членов экипажа и недостатки медицинского контроля при подготовке к полету;

недостатки авиационно-технического обеспечения: недостатки в подготовке воздушного судна и его систем к полету (недоброкачественное техническое обслуживание, нарушение правил заправки топливом и пр.), недостатки в подготовке аэродромного оборудования к производству полетов, недостатки метеорологического, штурманского и аэронавигационного обеспечения при подготовке к полету;

б) недостатки обеспечения полетов при их выполнении:

недостатки в деятельности экипажа при непосредственном выполнении полета, состоящие из ошибок в технике пилотирования, нарушений правил технической эксплуатации авиационной техники при выполнении полета, нарушений дисциплины со стороны членов экипажа;

недостатки авиационно-технического обеспечения полета при его выполнении: недостатки в управлении воздушным движением, недостатки метеорологического, аэродромно-технического, штурманского, навигационного, радиотехнического, светотехнического обеспечения;

в) неблагоприятные факторы, связанные с внешними условиями полета: столкновения воздушного судна с птицами, животными или посторонними предметами, попадание воздушного судна в неблагоприятные метеорологические явления, возникновение экстремальных факторов (условий), отрицательно воздействующих на нормальную функциональную деятельность организма членов экипажа;

2) обстоятельства, связанные с недостатками в производстве ремонта авиационной техники:

а) недостатки в производстве ремонта авиационной техники на авиационно-технических базах: недостатки в производстве текущего

[1] Подробнее см.: *Эминов В. Е. и др.* Расследование и предупреждение авиационных происшествий. С. 18–24; *Эминов В. Е.* Борьба с авиационными происшествиями. Вопросы уголовной ответственности и предупреждения преступных нарушений правил безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта. С. 81–90.

ремонта воздушного судна, недостатки в выполнении периодического технического обслуживания воздушного судна;

б) недостатки в производстве капитального ремонта авиационной техники.

С целью установления и устранения таких обстоятельств следователь может использовать результаты расследования авиационного происшествия комиссией Межгосударственного авиационного комитета (МАК), в которых отражаются все способствовавшие конкретному происшествию неблагоприятные факторы. Материалы расследования авиационного происшествия в 10-дневный срок с момента утверждения отчета в подлиннике передаются в правоохранительный орган, проводящий предварительное следствие[1], и приобщаются к уголовному делу в соответствии со ст. 84 УПК РФ в качестве иных документов. Однако это не означает, что следователь должен руководствоваться исключительно выводами комиссии МАК, сводя к минимуму самостоятельную профилактическую деятельность. Выявление обстоятельств, способствовавших преступным нарушениям правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, должно осуществляться на протяжении всего предварительного следствия по уголовному делу в рамках, к примеру, таких следственных действий, как следственные осмотры (места авиационного происшествия, предметов и документов, специальных объектов), допросы свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, обыски и выемки, следственные эксперименты, а также судебные экспертизы.

Например, в ходе расследования крушения вертолета Ми-8Т авиакомпании «АЛРОСА» в Булунском районе Республики Саха (Якутия) 14 октября 2014 г. были установлены системные недостатки в области безопасности полетов. С целью установления всех обстоятельств и причин данного авиационного происшествия по уголовному делу были допрошены десятки свидетелей, изъято и исследовано более 300 документов, касающихся деятельности авиакомпании и ее сотрудников, проверена организация системы управления безопасностью полетов и медицинского контроля в авиакомпании, проведено 6 различных экспертиз, включая комплексную летно-техническую экспертизу и экспертизу системы безопасности полетов. В результате проведенного рас-

[1] Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 18 июня 1998 г. № 609 (в ред. от 07.12.2011) // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 2918.

следования собраны доказательства допущенных командиром воздушного судна и иными членами экипажа нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта. Так, члены экипажа не обеспечили безопасность размещения багажа и ручной клади в салоне вертолета, надежность крепления груза к швартовочным узлам, а также нарушили эксплуатационные ограничения вертолета, связанные с превышением взлетной массы. Командир воздушного судна при прохождении предполетного медицинского осмотра не был допущен к выполнению полетного задания в связи с подозрением на нахождение в состоянии алкогольного опьянения. Кроме того, им были нарушены правила захода на посадку, что стало одной из основных причин авиационного происшествия и причинения вреда здоровью пассажиров. С учетом полученных следствием доказательств командир воздушного судна, второй пилот и бортмеханик были привлечены к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 263 УК РФ и уволены из авиакомпании.

Поскольку указанному происшествию предшествовал ряд нарушений, следствием тщательной проверке была подвергнута система управления безопасностью полетов авиакомпании. Проведенная экспертиза подтвердила вывод о неудовлетворительной работе отдельных ее элементов. Доказано, что один из руководителей летного подразделения авиакомпании – командир авиационного звена, являясь представителем перевозчика, ответственным за обеспечение авиационной безопасности, пренебрег положениями, регулирующими безопасность перевозок пассажиров авиационным транспортом, не принял мер к отстранению командира вертолета от управления воздушным судном и не направил его на медицинское освидетельствование. Тем самым жизнь и здоровье перевозимых на борту пассажиров были поставлены под угрозу. По результатам расследования уголовного дела командиру авиационного звена было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 238 и ч. 1 ст. 263 УК РФ.

Необходимо отметить, что следователями Восточно-Сибирского следственного управления на транспорте Следственного комитета РФ (СУТ СК России) достаточно активно использовались полномочия, предусмотренные ст. 158 УПК РФ. Так, внесенное представление о неудовлетворительной работе отдельных элементов системы управления безопасностью полетов авиакомпании «АЛРОСА» повлекло модернизацию указанной системы: были пересмотрены гражданско-правовые отношению по оказанию услуг, связанных с освидетельствованием

экипажей, доработаны инструкции по проведению предполетных осмотров членов экипажей и по порядку действий, обязанностям и ответственности должностных лиц авиакомпании[1].

Кроме этого, одной из мер предупреждения авиационных происшествий и преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, в частности эффективно реализуемых в настоящее время, является выявление и расследование преступлений, создающих угрозу безопасности полетов.

Так, с 2015 г. деятельность Восточно-Сибирского СУТ СК России по выявлению преступлений в сфере обеспечения безопасности эксплуатации воздушного транспорта вышла за рамки традиционного процессуального реагирования на уже свершившиеся факты авиационных происшествий. Акцент сделан на пресечение деятельности по оказанию услуг по перевозке пассажиров воздушным транспортом, не отвечающих требованиям безопасности их жизни и здоровья (ст. 238 УК РФ).

Показателен в данном отношении следующий пример. В 2016 г. следственными органами Восточно-Сибирского СУТ СК России было завершено расследование уголовного дела в отношении директора авиа-компания «Алаас-Авиа», обвиняемого в совершении семи эпизодов преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ. С мая по июнь 2015 г. в нарушение требований Воздушного кодекса РФ, Законов «О защите прав потребителей», «О лицензировании отдельных видов деятельности», а также Федеральных авиационных правил он организовал незаконную перевозку пассажиров в населенных пунктах Намского и Кобяйского районов Республики Саха (Якутия) на имевшихся в распоряжении авиакомпании самолетах типа Ан-2 и ТВС-2МС. Информация о планируемых рейсах размещалась с использованием сотовой связи и Интернет-ресурсов. Всего таким образом авиакомпания выполнила шесть незаконных пассажирских авиарейсов, в ходе которых было перевезено 73 пассажира, в том числе 49 детей, за плату в размере 7 тыс. руб. с одного взрослого пассажира и 3,5 тыс. руб. с ребенка. Седьмой незаконный рейс на самолете Ан-2 с 19 пассажирами на борту был пресечен сотрудниками регионального управления ФСБ России.

---

[1] Данные предоставлены руководителем Восточно-Сибирского следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации, генерал-майором юстиции Е. А. Липуновой.

Следствие установило, что у авиакомпании «Алаас-Авиа», осуществлявшей незаконные коммерческие авиаперевозки пассажиров, отсутствовала соответствующая лицензия. Техническое состояние самолетов не проверялось на соответствие установленным требованиям, члены экипажей не проходили предварительной подготовки к полетам. Один из пилотов не имел действующего свидетельства пилота коммерческой авиации и медицинского заключения о годности к летной работе. В результате проведенной судебно-химической экспертизы выяснилось, что используемое в воздушных судах топливо не отвечало предъявляемым требованиям и содержало примеси воды. Тем самым жизнь и здоровье пассажиров при оказании услуг авиационных перевозок были поставлены под угрозу. Вина директора авиакомпании «Алаас-Авиа» в совершении преступления была доказана, дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

По представлению следствия органами Росавиации приостановлено действие сертификата эксплуатанта, выданного ранее авиакомпании «Алаас-Авиа».

Следует отметить, что выявление и расследование преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ, как превентивная мера по отношению к авиационным происшествиям, представляет в настоящее время особую сложность ввиду отсутствия научно обоснованных методических рекомендаций. Каждое уголовное дело пока уникально, требует не только специальных знаний, но и творческого подхода следователей и криминалистов[1].

Разумеется, работа следственных органов, направленная на предупреждение преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, не ограничивается приведенными примерами. В данной статье рассмотрены лишь отдельные особенности криминалистической профилактики указанного вида преступлений.

[1] Данные предоставлены руководителем Восточно-Сибирского следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации, генерал-майором юстиции Е. А. Липуновой.

*Ю. И. МИТЮШКИН**

Некоторые проблемы государственной защиты свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного процесса (по материалам анкетирования следователей)

Уже больше 12 лет действует солидная нормативно-правовая база, включающая в себя Федеральный закон от 28 августа 2004 г. № 119-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) «О государсвтенной защите потерпевших свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Целый ряд постановлений Правительства Российской Федерации, несколько Государственных программ «Обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»; ДАИ УПК Российской Федерации позволяет применить ряд мер, обеспечивающих безопасность при производстве по укголовному делу. В системе МВД России в 2008 г. сформировано Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих защите[1]. Во всех субъектах Российской Федерации функционируют подразделения государственной защиты. Реализация этих норм перешли в плоскость практического применения, о чем свидетельствует статистика применения института государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников процесса: в 2005 г. меры обеспечения безопасности применяют в 350 случаях, в 2006 г. – более 1000.

В 2011 г. мероприятия государственной защиты были реализованны в отношении 2400 участников уголовного судопроизводства, было осуществленно 4400 мер безопасности.

В 2012 г. взято под охрану 7 тыс. человек (свидетелей, судей, обвинителей, следователей), из них 2800 участников уголовного судопроизводства. В отношении их было осуществлено более 5600 мер безопасности. Как оказалость, защита одного такого человека обходится казне в 100 тыс. руб. в месяц[2].

---

* Заслуженный юрист РФ и Республики Татарстан, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

[1] Об утверждении положения об Управлении по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите МВД РФ: приказ МВД РФ от 20 июля 2011 г. № 864ДСП.

[2] *Фалалеев М.* Свидетели скрываются под гримом // Рос. газ. 2012. 20 июня.

В 2014 г. 5 тыс. человек воспользовались программой государственной защиты. В отношении них применено 10 тыс. мер безопасности[1].

Это свидетельствует о положительной динамике увеличения количества защищаемых лиц и применяемых в отношении их мер безопасности.

Другого и быть не могло, поскольку, по нашему мнению, обеспечение безопасности участников уголовного процесса в современной практике борьбы с перступностью представляет непременное условие ее эффективности.

Понятие безопасности в уголовном судопроизводстве, по нашему мнению, характеризуется как такая степень защищенности от каких-либо посягательств лиц, содействующих правосудию, которая позволяет им осуществлять ту или иную деятельность беспрепятственно и эффективно[2].

В качестве источников опасности большинство ученых, занимающихся проблемами обеспечения безопасности лиц содействующих правосудию, называют обвиняемого, подозреваемого и их окружение[3]. К таким же выводам пришли и мы, анализируя результаты анкетирования следователей Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан: 90 % отметили оказание противоправного воздействия со стороны преступников, их родных[4].

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России ежегодно в отношении участников уголовного судопроизводства совершается в среднем до 400 преступлений. Сотрудниками Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите ежегодно выявляется более 200 преступлений, связанных с угрозами в отношении защищаемых лиц[5]. В России ежегодно около 10 миллионов человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей по уголовным делам. А каждый пятый из них получает угрозы

---

[1] Человек без лица // Рос. газ. 2015. № 188.

[2] См., например: *Москаленко А. В.* Особенности государственной защиты участников уголовного процесса в ходе судебного разбирательства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

[3] См., например: *Никитин С. Ю.* Защита прав свидетелей в уголовном судопроизводстве: моногр. / М. В. Новикова, А. Б. Сергеев. Челябинск, 2006.

[4] По определенной анкете было проанкетировано 166 человек (следователей и руководителей следственных отделов СУ СК РФ по РТ).

[5] *Фалалеев М.* Указ. соч.

от преступников[1]. Кроме этого, 25 % всех свидетелей и потерпевших меняют свои показания или отказываются от них.

Международный опыт свидетельствует, что на современном этапе преступность всерьез угрожает национальной безопасности и открыто конкурирует с государственными институтами, которые призваны бороться с ней. В мире наметилась тенденция принятия законодательных мер по защите участников уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется разработке процессуальных гарантий безопасности указанных лиц. Обеспечивающих их защиту от преступного воздействия, а также в убеждении таких лиц принять участие в уголовном процессе в той роли, которая им предназначена.

Современность такова, что преступники не боятся уголовного наказания за совершение угроз и применения насилия в отношении лиц, которые изобличают их в совершении преступлений. Эксперты международного сообщества признали, что угрозы и насилие в отношении лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами, являются наиболее распространенными средствами подрыва системы уголовного правосудия. Поэтому, вопросы становления и развития института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства являются столь актуальными.

Мы остановимся лишь на некоторых с нашей точки зрения проблемных моментах в реализации института государственной защиты.

1. Недостаточность выделяемых государством средств на обеспечение государственной защиты свидетелей, потерпевших и иных участников процесса. Согласно постановлению Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы“», объем финансового обеспечения реализации Программы на пять лет составляет 1 318 702 100 руб., а на 2016 г. он составил 27 850 100 руб. Много это или мало? Если учесть, что мероприятия Программы планируют охватить свыше 20 тыс. участников уголовного судопроизводства, то на 1 чел. приходится в год около 70 тыс. руб. Если же учесть, что защита одного человека обходится казне в 100 тыс. руб. в месяц, то очевидно, что этих денег хватит на проведение мероприятий в течение 20–22 дней в году. Как отмечается в Программе, в разделе ее подго-

[1] Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы»: постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 (в ред. от 13.08.2015) // СЗ РФ. 2013. № 29. Ст. 3965.

товки учитывался зарубежный опыт в этой области. Потому и нам уместно сослаться на опыт, например, США, население которых в 2016 г. составило 394 млн человек и где с 1971 г. действует специальная Федеральная программа защиты свидетелей, выступающих в судах с показаниями против опасных преступников. В с 1982 г. действует Закон о защите жертв и свидетелей преступлений. В год на обеспечение безопасности участникив уголовного процесса США тратят более 100 млн долл.[1] (6,2 млрд руб.) и это на 20 тыс. свидетелей и членов их семей в год, что составляет 310 тыс. руб. на одного человека (если исходить из наших расценок), т. е. американские расходы на одного защищаемого человека примерно в 4 раза больше. Но, как отмечают некоторые авторы[2], даже этого недостаточно для организации защиты, поэтому количество участников Программы жестко регламентируется. Чтобы попасть в Программу защиты свидетелей нужны три условия:

свидетель предоставляет всю информацию;

свидетель и члены его семьи, участвующие в уголовном процессе, рискуют жизнью;

возможна полная или частичная компенсация властями штата или местными органами средств на организацию мер защиты.

Наш порядок применения мер безопасности (ст. 18 ФЗ № 119) не имеет последнего обстоятельства, поэтому оптимизация расходов на государственную защиту видится нам в создании единого правоохранительного органа, специализирующего в обеспечении государственной защиты, а не как в настоящее время, когда их существует шесть плюс командование воинских частей. Необходима более четкая регламентация процедур по принятию решений и осуществления государственной защиты.

Но кое-что в условиях недостаточного финансирования можно сделать и сейчас. Например, более широко, чем предусмотрено в п. 7 постановления Правительства РФ от 27 октября № 630, поручить подразделениям вневедомственной охраны обеспечить и личную охрану, кроме охраны жилища и имущества, подзащитных лиц. Для чего внести необходимые изменения в п. 7 постановления Правительства № 630. В настоящее время эта организация преуспела на рынке охранных услуг, а ведь подразделения вневедомственной охраны функционируют

---

[1] *Ревина И. В.* Безопасность лиц, содействующих правосудию… // Рос. следователь. 2013. № 19.

[2] *Ромодановский К. О.* Сравнительный анализ законодательств различных стран в области государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства // Рос. следователь. 2005. № 10. С. 14.

в 1500 городах и населенных пунктах 86 субъектов Российской Федерации. Общая численность службы составляет 377 тыс. человек, фактически это четвертая часть сил МВД России[1]. Необходима разработка специальных ведомственных и межведомственных инструкций по реализации мер безопасности, требующих большого финансового обеспечения – перенесение на другое место, временное помещение в безопасное место, проведение психологической реабилитации защищаемых лиц.

2. Проблемы участия граждан в судопроизводстве под псевдонимом. Применение этой меры защиты в своей деятельности отметили 28,9 % опрошенных следователей. Однако вопрос об ананимности свидетеля является проблематичным. Прежде всего, использование псевдонима оказалось невозможным на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку согласно чч. 2, 3 ст. 141 УПК РФ письменное заявление гражданина о преступлении должно быть подписано заявителем, а устное заносится в протокол, который должен содержать данные о заявителе и документах, удостоверяющих его личность, не должен использоваться псевдоним и в объяснениях граждан. Учитывая, что нередко воздействие осуществляется с целью недопустить начала уголовного преследования, необходимо внести уточнения в УПК РФ.

Ряд авторов предлагают ввести проверочную процедуру необходимости анонимности участника процесса, тем самым поддержать баланс между потребностями судопроизводства и правами обвиняемого. «Стороне защиты следует предоставить право обжаловать необходимость сохранения анонимности свидетеля, а также ставить под сомнение его показания и источник информации, поступающий от него»[2]. Логичным кажется дополнение ч. 6 ст. 278 УПК положением о том, что при выводе суда о необходимости раскрытия подлинных сведений о защищаемом, но при несогласии с этим последнего раскрытие анонимности не производится.

Законодательства стран, таких как Италия, Великобритания, Австрия, Болгария, Дания, Польша, Словакия, США, Украина, Чехия, Швейцария, предусматривают ограничение на оглашения данных о потерпевших и свидетелях, которым нужно обеспечить личную безопасность в ходе производства по уголовным делам. Сведения о таких

---

[1] *Тудос С. А.* Административная деятельность вневедомственной охраны МВД России по обеспечению имущественной безопасности и безопасности личности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 13–15.

[2] *Зайцев О. А., Москаленко А. В.* Государственная защита участников уголовного процесса в ходе судебного разбирательства. М., 2012. С. 133.

лицах в полном объеме представляются в суд в опечатанном конверте вместе с протоколами следственных действий. Доступ же к этим сведениям имеют только прокурор, защитник, секретарь судебного заседания и судья, рассматривающий уголовное дело.

Полагаем также необходимым, хранить все материалы, связанные с анонимностью (Постановление об указании псевдонима участника следственного действия, где имеется образец его подписи и др.) по правилам секретного делопроизводства в отдельном приложении (предлагают 27,5 % опрошенных). А значит, в соответствии с указанными правилами должен определен и специальный порядок вывоза данного участника для производства следственных и судебных действий, который действующим законом не урегулирован.

3. Считаем необходимым внести изменение в постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2006 г. № 1130 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства (с изменениями по состоянию на 10 сентября 2016 г., где в п. 2 предусмотрено исключительное право органа, осуществляющего меры безопасности, избирать их самостоятельно)». По нашему мнению, основанному и на материалах анкетирования, делать это нужно совместно:

30,6 % опрошенных следователей в постановлении указывали конкретную меру безопасности;

лишь 14,7 % указали только необходимость ее применения;

29,3 % предварительно консультировались с органами, осуществляющими меру безопасности.

Поэтому целесообразно в п. 2 указать: «…орган, осуществляющий меру безопасности, *по согласованию* с органом, принимающим решение о применении мер безопасности, избирает необходимые меры безопасности…».

В целом следует признать, что применение мер безопасности по данным анкетирования в 87,1 % случаях способствовало успешному расследованию. Даже если ими были применены: 50,9 % – обеспечение конфиденциальности сведений, 19,3 % – переселение в другое место; 14,03 % – личная охрана. В то же время отдельные проблемы, в том числе и названные в настоящей статье, привели к тому, что более 7% опрошенных отметили, что они оказались неэффективными, а 5,7 % – создали дополнительные проблемы в ходе расследования.

И последнее: решение о принятии мер безопасности на досудебных стадиях базируется на волеизъявлении начальника органа дознания и руководителя следственного органа, осуществляющих процессуаль-

ное руководство предварительным расследованием. В момент принятия Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» указывалось, что прокурор обладает правом принимать решение об осуществлении государственной защиты. Этого права он был лишен Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“»[1].

Это создает препятствие для реализации такого принципа уголовного судопроизводства, как охрана прав и свобод человека и гражданина. Прокурор имеет право вернуть уголовное дело следователю, посчитав неприменение мер безопасности недостатком и дав письменные указания для применения этих мер, но в этом случае теряется оперативность принятия мер безопасности.

Для обеспечения непрерывности действия механизма мер безопасности требуется внести прокурора в число лиц, указанных в Федеральном законе «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Подводя итог, можно отметить, что в российской правовой системе заложены основы для развития института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Однако существующая система защиты участников уголовного судопроизводства нуждается в тщательной доработке. Основным условием создания эффективного института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства является научная разработка и всестороннее обсуждение основных принципов построения данной разработка элементов системы. Необходимо регламентировать институт анонимных свидетелей, налаживать сотрудничество с международными правоохранительными органами в данной сфере и использовать опыт других стран в контексте обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (с изм. от 22.12.2014) // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830; 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7538.

*Е. В. НАРОЖНАЯ**

К вопросу проверки заключения эксперта в процессе доказывания по законодательству Украины

Проблемы назначения, проведения судебных экспертиз и использования их результатов занимают важное место в комплексе вопросов расследования. Судебная экспертиза является основной формой использования специальных знаний в судопроизводстве, с помощью которой следователь и суд получают информацию, имеющую доказательственное и ориентирующее значение и которая не может быть получена иными процессуальными способами. Как свидетельствует практика, почти каждое преступление не расследуется без назначения той или иной экспертизы[1]. Процесс доказывания предусматривает не только исследование, оценку, но и проверку доказательств.

Проверка заключения эксперта предполагает проведение определенных действий, направленных на отыскание новой информации о тех фактических данных, которые установлены в процессе экспертного исследования. Целью проверки заключения является установление соответствия полученных экспертом данных, промежуточных и конечных выводов другим доказательствам в производстве. Проверка осуществляется после оценки заключения эксперта в случае возникновения сомнений в его добросовестности, качестве, ошибочности.

Сущностью оценивания заключения эксперта является умственная, логическая деятельность по сопоставлению установленных экспертом фактических данных с теми доказательствами, которые уже есть в наличии. Суть проверки заключается в проведении практических процессуальных, организационных действий либо оперативно-розыскных мероприятий для получения новых данных. После их установления они снова сопоставляются с заключением эксперта. Следовательно, оценка и проверка заключения эксперта – граничащие операции, направленные на обеспечение вероятности заключения эксперта как доказательства.

Проверка вывода эксперта осуществляется следователем для установления качества заключения как доказательства и подтверждения соответствия действительных фактических данных, полученных в ходе

---

* Старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

[1] *Лапта С. П.* Правові та наукові основи використання судових експертиз при розслідуванні злочинів: автореф. дис. … канд. техн. наук. Харків, 2006.

судебно-экспертного исследования. Кроме того, проверка проводится также в тех случаях, когда есть противоречия между фактическими данными, содержащимися в заключении эксперта, и сведения из других источников доказательств (например, показания свидетелей).

Проверка проводится, в основном, путем собирания новых доказательств, которые прямо либо косвенно подтверждают (опровергают) конечные выводы эксперта. При косвенном подтверждении полученные при проверке факты самостоятельного значения не имеют, а ценны только в совокупности с заключением.

Основным способом осуществления проверки является проведение следственных действий. В ходе допроса свидетелей, потерпевшего, обвиняемого, понятых, следственного эксперимента устанавливаются обстоятельства, имеющие отношение к предмету проведенной экспертизы, а также сведения об особенностях возникновения, сохранности, эксплуатации, изъятия объектов исследования. Одним из предусмотренных уголовно-процессуальных способов проверки экспертного исследования является проведение повторной экспертизы и допрос эксперта. При допросе эксперту не могут заданы вопросы, требующие исследования или которые выходят за пределы предмета проведенной экспертизы. Эксперт также не вправе формулировать новые выводы. В ходе допроса только уточняются и разъясняются ход экспертного исследования и те итоговые выводы, к которым пришел эксперт.

Иной процессуальный способ проверки заключения эксперта – истребование следователем от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан предметов и документов, которые могут установить необходимые фактические данные[1].

Непроцессуальной формой проверки заключения эксперта являются устные или письменные консультации сведущих лиц относительно проведенного исследования. В первую очередь они касаются содержательной, специальной оценки экспертного заключения, которая не может быть самостоятельно осуществлена следователем. В то же время получение таких консультаций от лиц, обладающих специальными знаниями в той отрасли, в которой проведена экспертиза, – единственный путь установления научного обоснования заключения эксперта.

Субъектом оценки и проверки заключения на стадии досудебного расследования является лицо, осуществляющее расследование. Оценку и проверку заключения эксперта недопустимо перепоручать другому

[1] Кримінальний процесуальний кодекс України від 13.04.2012 № 4651-VI // Відомості Верховної Ради України. 2012. № 9–13. Ст. 88. Ч. 2. С. 93.

эксперту путем назначения повторной экспертизы по следующим причинам:

1) назначение такой экспертизы должно быть мотивированным, то есть в результате оценки экспертного заключения должны появиться основания для проведения повторной экспертизы;

2) эксперт не вправе осуществлять любые процессуальные действия по проверке назначения предыдущей экспертизы;

3) проводя повторную экспертизу, эксперт в рамках своей компетенции может проверить методическую сторону предыдущего исследования, а в случае выявления расхождений указать их причины. В полном объеме оценка и проверка заключения предыдущей экспертизы недоступна эксперту, проводящему повторную экспертизу, потому что все материалы производства находятся у следователя;

4) оценка доказательств – прерогатива следователя, проводящего расследование и осуществляющего процесс доказывания[1].

Проверка экспертного заключения создает условия для его оценки в совокупности со всеми собранными и проверенными доказательствами.

Последствия проверки экспертного заключения могут быть как положительными, так и отрицательными. При положительных результатах заключение эксперта используется как процессуальный источник доказательств. Отрицательный результат исключает возможность использования экспертного заключения в доказывании. В этом случае следователь в соответствующем постановлении должен указать мотивы несогласия с конечными выводами эксперта[2].

Исследование, оценка и проверка заключения эксперта получают свое отображение в соответствующих процессуальных актах.

Процессуальные документы должны содержать непосредственное изложение оценки, т. е. умозаключения о сути и значении для производства заключения эксперта, а также итоговые выводы, сделанные на основе этой оценки. Как правило, к таким документам относятся постановление о назначении повторной экспертизы, постановление о назначении дополнительной экспертизы, протокол допроса эксперта, обвинительный акт и постановление о закрытии уголовного производства.

Данные акты являются следствием некачественного проведения экспертного исследования. В первой части постановления должны

---

[1] *Щербаковський М. Г.* Судова експертологія: Навчальний посібник. Харків, 2008. С. 168.

[2] Руководство по расследованию преступлений: науч.-практ. пособие / А. В. Гриненко, Т. В. Каткова, Г. К. Кожевников и др. Харьков, 2001. С. 518.

быть упомянуты предусмотренные процессуальным законом соответствующие мотивы повторной или дополнительной экспертизы.

После проведения экспертизы следователь вправе допросить эксперта с целью получения разъяснения или дополнения данного им заключения. Допрос допустимо проводить и относительно заявления эксперта о невозможности предоставить заключение. Допрос эксперта следователем следует отличать от дополнительной экспертизы, назначаемой по таким же основаниям. Эксперт допрашивается в том случае, если для устранения неясности или неполноты данного им заключения не нужно проводить дополнительных исследований.

Если заключение эксперта признано научно обоснованным, достоверным, подтверждающим вину обвиняемого, следователь в обвинительном акте должен не только использовать заключение эксперта, но и ссылаться на фактические данные, установленные в ходе проведения экспертизы.

Итоговые выводы эксперта могут быть приведены в любом месте описательной части обвинительного акта как при изложении фактических обстоятельств преступления, так и при анализе и оценке доказательств, обосновывающих обвинение.

Если по результатам проведения судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы заключение эксперта принимается как источник доказательств, то выносится постановление о прекращении следствия в связи с психическим или иным тяжким заболеванием обвиняемого, которое препятствует окончанию производства (ст. 335 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее – УПК Украины).

Обстоятельствами, установленными в ходе расследования, которые прекращают производство, могут быть факты, выявленные экспертным исследованием. Уголовное производство закрывается в случаях установления отсутствия события уголовного правонарушения, установления отсутствия в деянии состава уголовного правонарушения, не установлены достаточные доказательства для доказывания виновности лица в суде и исчерпаны возможности их получения и т. д. (ст. 284 УПК Украины).

Выводы. Во-первых, проверка заключения эксперта предполагает проведение определенных действий, направленных на отыскание новой информации о тех фактических данных, которые установлены в процессе экспертного исследования. Во-вторых, проверка экспертного заключения создает условия для его оценки в совокупности со всеми собранными и проверенными доказательствами. В-третьих, последствия проверки экспертного заключения могут быть как положительными,

так и отрицательными. В-четвертых, исследование, оценка и проверка заключения эксперта должны получить свое внешнее выражение в соответствующем процессуальном акте. В-пятых, в качестве перспективного направления исследования предлагается с целью должной оценки научной обоснованности исследования заключения эксперта также в перечень документов, отражающих результаты исследования, добавить письменные консультации другого незаинтересованного эксперта.

*Д. Д. НИЗАМОВА**

Некоторые аспекты полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела

Прокуратура Российской Федерации является уникальным государственным органом, сочетающим в себе много различных функций. Она играет важную роль в охране и защите прав и свобод граждан, интересов общества и государства, укреплении законности и правопорядка, способствуя становлению и развитию демократического, правового государства. Прокурор, исполняя возложенные на него законом полномочия, обязан не только защищать интересы общества и государства, но и обеспечивать соблюдение законности в деятельности других должностных лиц, наделенных полномочиями на уголовное преследование, применяя при этом все способы и методы, предоставленные ему законодательством.

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими деятельность прокурора являются: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 28.11.2015), Уголовно-процессуальный кодекс РФ, приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 12 июля 2010 г. № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» (с изм. и доп.), приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации

* Адъюнкт кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации МВД России.

и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия», приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 212 «О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений и преступлениях».

Прокурор на стадии возбуждения уголовного дела наделен полномочиями по надзору за исполнением действующего законодательства органами предварительного следствия, органами дознания, а также иными должностными лицами, уполномоченными на проведение предварительной проверки сообщения о преступлении. При обнаружении нарушений закона, прокурор принимает меры реагирования, предоставленные ему законом, путем вынесения соответствующих актов.

В науке выделяются следующие виды мер прокурорского реагирования: протест прокурора, представление прокурора, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, предостережение прокурора о недопустимости нарушения закона. В нашей статье, подробнее будет рассмотрен вопрос о вынесении прокурором постановления о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Прокурорами ежегодно выявляется и устраняется значительное число нарушений закона, допускаемых органами дознания, следователями в ходе этой деятельности, путем отмены незаконно принятых решений о возбуждении и отказе в возбуждении уголовных дел, внесения представлений об устранении нарушений закона и обстоятельств, которые им способствуют, использование других мер прокурорского реагирования.

На примере нашего региона, согласно отчету об основных показателях работы прокуратуры Тюменской области за 1-е полугодие 2014 г. – 1-е полугодие 2015 г., сотрудниками прокуратуры выявлено 19 484 (АППГ – 20 196) нарушений законов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях; отменено прокурором и по его инициативе постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела – 11 045 (АППГ – 11 117), в 2016 г. общее число нарушений – 26 095 (АППГ – 25 208), прирост составил 3,2 %, из этого числа подавляющее большинство составляют нарушения в сфере приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях – 19 263 (АППГ – 19 484), уменьшение на 1,13 %. При анализе данных отчета Генеральной про-куратуры РФ можно увидеть, что, к сожалению, имеется устойчи-

вая тенденция к нарушениям в указанной сфере. Так, за период с января по май 2017 г. прокурорами выявлено нарушений 2 140 261 (АППГ – 2 083 281), увеличение составило 3,2 %, из них 1 566 013 нарушений (АППГ – 1 541 899) в сфере при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях.

Вступивший в силу ФЗ от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ значительно изменил процессуальные полномочия прокурора при осуществлении надзора за законностью решения о возбуждении уголовного дела, отменив двухэтапную процедуру: 1) вынесение постановления о возбуждении уголовного дела дознавателем, органом дознания, следователем, начальником следственного отдела; 2) согласование решения о возбуждении уголовного дела надзирающим прокурором. В этой связи Н. А. Колоколовым отмечено, что превентивный прокурорский надзор за законностью и обоснованностью возбуждения всех без исключения уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения трансформирован в последующий неотложный[1].

В ч. 4 ст. 146 УПК РФ установлено, что «копия постановления руководителя следственного органа, следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела незамедлительно направляется прокурору. При возбуждении уголовного дела капитанами морских или речных судов, находящихся в дальнем плавании, руководителями геолого-разведочных партий или зимовок, удаленных от мест расположения органов дознания, главами дипломатических представительств или консульских учреждений Российской Федерации прокурор незамедлительно уведомляется указанными лицами о начатом расследовании».

ФЗ от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ внес и иные существенные изменения в регламентацию полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела, которые вызвали обоснованную критику ученых. Согласно действующей редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ прокурор не наделен даже полномочиями по проверке сообщений о преступлениях и принятию по ним решений.

В публикациях ученых относительно целесообразности возбуждения уголовного дела с согласия прокурора высказываются диаметрально противоположные точки зрения. Со стороны практических работников возражения против этого порядка исходят в основном от представителей дознания и предварительного следствия органов внутренних дел.

---

[1] *Колоколов Н. А.* Особенности производства в отношении лиц, занимающихся публичной деятельностью: пробелы в законе, пути их преодоления // URL: http://www.oblsud.krs.sudrf.ru.

В отдельных случаях недовольство высказывают и прокуроры. Так, прокурор Кировского административного округа г. Омска М. М. Савчин полагает, что правовая норма, устанавливающая порядок возбуждения уголовного дела дознавателем и следователем с согласия прокурора, не отвечает необходимым требованиям, так как она ресурсно не обеспечена, затрудняет достижение целей стадии возбуждения уголовных дел, не отвечает принципу процессуальной самостоятельности следователя, мешает ему выполнять возложенные на него функции и задачи. Поскольку право давать согласие на возбуждение уголовного дела закон предоставляет лишь прокурорам районов (городов), вышестоящим прокурорам и их заместителям, нагрузка которых и без того велика, они не имеют возможности надлежащим образом изучить представленные дознавателями, следователями материалы, и согласие прокуроров на возбуждение дел слабо влияет на обеспечение законности принятия данного процессуального решения. В качестве подтверждения М. М. Савчин ссылается на отсутствие в своем регионе снижения числа уголовных дел, прекращенных за отсутствием события и состава преступления, обоснованно используя этот показатель в качестве критерия эффективности рассматриваемого нововведения.

Данные изменения произошли, как указывает Н. А. Колоколов, в связи с тем, что «законодатель посчитал недопустимым совмещение функций надзора и уголовного преследования». И с этим мнением трудно не согласиться. Ведь о какой объективности может идти речь, когда сам прокурор принимает решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела и тут же осуществляет надзор за законностью своего собственного решения.

Выявив нарушения закона, прокурор обязан своевременно принять меры по их устранению. В этих целях он может использовать различные формы реализации своих полномочий.

Вынесение мотивированного постановления об отмене незаконного и необоснованного постановления следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела в срок не позднее 24 ч с момента получения материалов, на основании которых было возбуждено уголовное дело.

Данное полномочие прокурора установлено ч. 4 ст. 146 УПК РФ и направлено на восстановление конституционных прав лиц, незаконно и необоснованно вовлеченных в уголовное судопроизводство без наличия достаточных оснований к возбуждению уголовного дела или уголовного преследования.

Изучение статистических данных, материалов предварительной проверки сообщений о преступлениях, показало, что прокуроры не-

однократно отменяют незаконные и необоснованные постановления должностных лиц об отказе в возбуждении уголовного дела и вынуждены вновь направлять материал для производства дополнительной проверки.

Некоторые исследователи, рассматривая цифры отмененных в результате осуществления прокурорского надзора и ведомственного контроля постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, делают выводы о распространенности на этой стадии уголовного процесса нарушений конституционных прав потерпевших на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба[1].

При подготовке к написанию данной статьи, автором было исследовано несколько уголовных дел, находившихся в производстве следственного отдела ОП № 4 Следственного управления МВД России по Тюмени, возбужденных по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159, ч. 4 ст. 159 УК РФ, а также материалы проверок сообщений о преступлениях, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела. После поступления заявления о совершенном преступлении, сотрудниками полиции, уполномоченными на проведение предварительной проверки сообщения о преступлении, проводился необходимый перечень мероприятий. По их результатам, были приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела. В последующем надзирающим прокурором, неоднократно выносились постановления об отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, с направлением в отдел полиции для производства дополнительной проверки как в виду некачественной первоначальной проверки, так и при наличии многочисленных жалоб со стороны заявителей. Такие случаи не единичны. В результате попадаем в ситуацию, при которой фактически нет оснований для возбуждения уголовного дела, а прокурор регулярно, по мере поступления жалоб заявителя, отменяет постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, давая при этом указания, в выполнении которых нет практической значимости. Это обстоятельство существенно затрудняет доступ граждан к правосудию, нарушает разумные сроки уголовного судопроизводства, приводит к утрате доказательств.

При этом, практика знает случаи обращения в Конституционный Суд РФ граждан, в отношении которых неоднократно отменялись по-

[1] *Гаврилов Б. Я.* Уголовно-процессуальное законодательство: современные реалии и перспективы развития // Вестн. Московского ун-та МВД России. 2010. № 1. С. 81–88; *Синельников А. В.* Уголовная ответственность за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению (проблемы законодательной регламентации и дифференциации): моногр. Волгоград, 2010.

становления об отказе в возбуждении уголовного дела, тем не менее, Конституционный Суд не считает, что указанное право прокурора нарушает права граждан, гарантированные ст. 18, ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 45, чч. 1, 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации. Высший орган конституционного контроля признал, что полномочие прокурора по отмене незаконного или необоснованного постановления от отказе в возбуждении уголовного дела направлено на реализацию целей уголовного преследования, что возможность отмены прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с направлением материалов для производства дополнительной проверки не может рассматриваться как нарушение конституционных прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, поскольку связана с реализацией конституционно значимых целей уголовного преследования[1].

Однако снова возникает коллизия. Если Конституционный Суд РФ не признает нарушением многократную отмену постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, ссылаясь на реализацию целей уголовного судопроизводства, то как быть, с потерпевшей стороной? Неоднократной отменой постановлений, которой причиняется существенный вред? У заявителя в большинстве своем, возникает мнение о профессиональной не компетентности сотрудников, проводящих доследственную проверку, а также о правовой незащищенности и отсутствии гарантий со стороны государства и всей его правоохранительной системы, направленной на защиту прав и свобод человека.

В целях устранения указанного противоречия, целесообразно предоставить прокурору право самостоятельно принимать решение о возбуждении уголовного дела при отмене незаконного и необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с последующим направлением уголовного дела по подследственности для организации дальнейшего расследования.

Аргументами за предоставление подобного права прокурору могут служить:

1) своевременное выявление факта преступления;

2) незамедлительная постановка на учет данного преступления;

---

[1] Определение Конституционного суда РФ от 16 мая 2007 г. № 374-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Белоусовой Галины Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2007. № 6.

3) возможность незамедлительно обеспечить проведение комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обнаружение и фиксацию первоначальных доказательств;

4) обеспечение доступа к правосудию потерпевшей стороны;

5) обеспечение прав иных участников уголовного судопроизводства;

6) соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства.

Как уже говорилось выше, еще одной из форм реализации прокурором своих полномочий на досудебных стадиях уголовного судопроизводства является право прокурора на вынесение постановления о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Сегодня указанная норма закона активно применяется в работе сотрудников Прокуратуры Российской Федерации, в частности сотрудниками прокуратуры Тюменской области. Материалы проверки прокурорами направляются во все ведомства, уполномоченные осуществлять предварительное расследование. Так, согласно отчету об основных показателях работы прокуратуры Тюменской области сотрудниками прокуратуры направлено материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ: в 2014 г. – 129, в 2015 г. – 225, в 2016 г. – 234, что лишний раз свидетельствует о тенденции роста в применении указанной нормы.

Несмотря на длительный период существования указанной нормы, на сегодняшний день не выработан четкий алгоритм действий, которые необходимо произвести при получении постановления прокурора, нет детальной регламентации порядка работы по приему, регистрации и рассмотрению сообщений о преступлениях и надзора за исполнением законов при ее осуществлении. Представляется важным, что постановление прокурора для принятия решения об уголовном преследовании, должно направляться в органы предварительного расследования незамедлительно, во избежание утраты доказательств, имеющих значение для расследования, а также нарушения разумного срока уголовного судопроизводства. Как гласит ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ: «Обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями не может приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства». Таким образом, законодатель прямо указывает на необходимость разработки такого алгоритма проверки сообщения о преступлении, который бы отвечал всем принципам уголовного судопроизводства, являлся эффективным.

Полагаем, что при выявлении нарушений норм уголовного закона, прокурор в течении 24 часов с момента обнаружения указанного факта должен направить материал в органы предварительного расследования для проведения проверки. Указанная позиция предусмотрена в ведомственном приказе Генерального прокурора РФ от 27 декабря 2007 г. № 212, однако, на наш взгляд, для единообразного понимания и толкования норм закона, необходимо разработать межведомственную инструкцию о порядке приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях, в которой также четко разработать и закрепить алгоритм проведения доследственной проверки.

*Е. В. НИКИТИНА**

К вопросу о криминалистическом исследовании с применением полиграфа

В среде ученых и практиков ведутся ожесточенные споры относительно криминалистических исследований с применением полиграфа, области их приложения, методики проведения, использования результатов в уголовном судопроизводстве[1].

Не пытаясь объять необъятное, остановлюсь лишь на одном аспекте. Не так давно в научной литературе было высказано предложение внести в УПК РФ новое следственное действие – проверку показаний

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета.

[1] См., например: *Белкин А. Р.* Допустимость, достоверность, процессуальная пригодность, или еще раз о роли полиграфа в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2. С. 14–20; *Комиссарова Я. В.* О типовой методике производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Юрид. психология. 2015. № 3. С. 7–11; *Комиссарова Я. В., Леканов Ю. И.* О проблемах научно-методического обеспечения производства экспертиз с применением полиграфа на современном этапе // Вестн. Академии СК России. 2015. № 3. С. 163–168; *Орлов Ю. К., Холодный Ю. И.* Проведение исследований с применением полиграфа в форме судебной психофизиологической экспертизы // Вестн. Академии СК России. 2015. № 1. С. 251–257; *Их же.* О методическом обеспечении судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. 2016. № 2; *Холодный Ю. И., Орлов Ю. К.* Типовая методика производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. М., 2014.

на полиграфе[1]. Основные положения, высказанные автором (В. А. Семенцовым), сводятся к следующему.

1. Целью производства этого следственного действия является проверка полиграфологом показаний, ранее данных подозреваемым, обвиняемым, свидетелем или потерпевшим.

2. Основанием для производства следственного действия служит решение следователя в форме «требования», обращенное к полиграфологу.

3. Условиями производства данного следственного действия являются получение письменного согласия лица подвергнуться полиграфическому исследованию и отсутствие у него противопоказаний для исследования.

4. До начала процедуры следователь разъясняет участникам их права и обязанности, смысл проводимого следственного действия, предупреждает о применении аудио- и (или) видеозаписи, о чем составляется протокол.

И далее автор указывает, что следователь вправе присутствовать при производстве исследования с помощью полиграфа и получать разъяснения специалиста по поводу проводимых им действий. О результатах полиграфического исследования полиграфолог составляет заключение. Автор имеет в виду «заключение специалиста», составленное по определенной форме, с приложениями в виде тестовых вопросов, графических полиграмм, материалов аудио- и (или) видеозаписи.

Кроме того, следователю предлагается знакомить с заключением специалиста подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего или свидетеля, если проверка показаний на полиграфе проводилась по их ходатайству. И, наконец, следователь вправе допросить специалиста-полиграфолога для разъяснения им своего мнения[2].

Определенный интерес подобная точка зрения вызывает. Однако при этом возникает целый ряд вопросов.

Во-первых, если речь идет о проверке показаний на полиграфе как о новом следственном действии, то проводить его в соответствии с уголовно-процессуальным законом должен следователь. А судя по тому, что предлагается, проводит это следственное действие специалист-по-

---

[1] *Семенцов В. А.* Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Рос. юрид. журн. 2010. № 5. С. 132–137; *Его же.* Проверка правдивости показаний на полиграфе // Рос. юрид. журн. 2011. № 2. С. 111–116; *Его же.* О понятии и системе следственных действий в трудах профессора С. А. Шейфера // Вестн. СамГУ. 2014. № 11/2.

[2] *Семенцов В. А.* Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе. С. 132–137.

лиграфолог. Следователь лишь вправе присутствовать при производстве полиграфического исследования и получать разъяснения специалиста по поводу проводимых им действий. Какое же это следственное действие, которое проводит специалист? Специалист по действующему УПК РФ – это лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также – для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Фиксируются ход и результаты производства следственного действия в соответствующем протоколе, составляемом следователем. В предлагаемом варианте следователь составляет протокол лишь о разъяснении участникам следственного действия их прав и обязанностей, смысла проводимого процессуального действия, и о предупреждении всех участников о применении технических средств. На этом фиксация хода и результатов следственного действия следователем завершается. Далее все действия проводит специалист-полиграфолог и о результатах полиграфического исследования составляет заключение. Но если речь идет о заключении специалиста, оно никак не может быть средством фиксации результатов следственного действия. Заключение специалиста – это представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Причем тут следственное действие?

Встает вопрос и о том, к какому виду доказательств отнести полученные при производстве нового следственного действия результаты. Будет ли являться доказательством заключение специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), или им будет протокол следственного действия (п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ)?

Кроме того, предлагая следователю знакомить подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего или свидетеля с заключением специалиста, автор применяет процессуальный порядок, схожий с предъявлением указанным лицам заключения эксперта (ст. 206 УПК РФ). И возможность последующего допроса полиграфолога сродни допросу эксперта, проводимого для разъяснения данного им заключения (ст. 205 УПК РФ). Но ведь он ведет речь не о производстве экспертизы. Почему же предлагаемый процессуальный порядок так ее напоминает?

И, наконец, можно ли вообще говорить о заключении специалиста применительно к результатам полиграфического исследования? Дума-

ется, использование этого термина в данном контексте недопустимо. Специалист (как участник уголовного судопроизводства) не проводит исследований и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждения по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Если возникает необходимость в производстве каких-либо исследований, должна назначаться судебная экспертиза[1].

Справедливости ради следует отметить, что анализируемое предложение о новом следственном действии внесено автором чуть раньше, чем Верховный Суд РФ дал соответствующее разъяснение. Однако в последующих работах, касаясь предлагаемого им нового следственного действия, автор продолжает говорить о заключении специалиста и изложенных там исследованиях[2]. Более того, он высказывает соображения о том, что в случае придания проверке показаний на полиграфе процессуального режима следственного действия требование об обязательном согласии испытуемого на его проведение уже не требуется, а решение следователя о его производстве (уже в виде постановления) будет для лица обязательным[3]. Это что – обыск или выемка, или наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, когда для производства следственного действия достаточно обеспечения их мерами государственного принуждения? Речь идет о тестировании, об ответах на вопросы полиграфолога. Какими мерами государственного принуждения можно заставить лицо отвечать на вопросы? Тем более, что речь зачастую идет о подозреваемом или обвиняемом, которые вообще не обязаны давать показаний. Что касается потерпевшего, свидетеля или иных лиц, к ним применимо понятие свидетельского иммунитета – они имеют право не давать показаний против себя и своих близких родственников (п. 40 ст. 5 УПК РФ). Получается, что предлагаемое нововведение идет вразрез с основными положениями российского уголовного процесса.

В общем, предложение о внесении в УПК РФ нового следственного действия (проверки показаний на полиграфе) вызывает в ряде случаев недоумение и достаточно серьезные вопросы. Вместе с тем, думается, что внедрение в практику уголовного судопроизводства криминалистического исследования с применением полиграфа – направление очень перспективное. Вот только связано оно должно быть с использовани-

---

[1] Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Рос. газ. 2010. № 5375.

[2] *Семенцов В. А.* Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе. С. 111–116.

[3] Там же.

ем возможностей судебной психофизиологической экспертизы и идти должно по пути придания результатам этой экспертизы статуса полноценного доказательства, признаваемого как законодателем, так и высшими судебными инстанциями.

*А. А. ПОГРЕБНОЙ**

Получение криминалистически значимой информации по частицам пороха в следах выстрела 6,35-мм патроном к пистолету «браунинг» образца 1906 г.

В экспертной практике нередки ситуации, когда модель примененного огнестрельного оружия неизвестна и отсутствуют обычно используемые для ее определения объекты – пули или гильзы со следами оружия, специфическая топография отложения продуктов выстрела и пр.

В подобных ситуациях возрастает значимость иных следов, например, частиц пороха на преграде, поскольку по их морфологии и цвету можно определить круг патронов, в которых данный порох применяется, а затем – перечень моделей оружия, для которых патроны являются штатными.

В криминалистической литературе ощущается нехватка систематизированной информации подобного рода, что затрудняет проведение экспертных исследований в сложных ситуациях. В связи с этим мы попытались устранить этот пробел применительно к 6,35-мм патрону к пистолету «браунинг» образца 1906 г.

Технические характеристики и сведения о штатности патрона получены нами в ходе обобщения литературных источников и демонтажа патронов. Снимки полусгоревших зерен сделаны после термического воздействия на них нагретым предметом.

Технические параметры патронов некоторых стран-изготовителей сведены в табл. 1[1].

---

* Кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИИ криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

[1] Патроны ручного огнестрельного оружия и их криминалистическое исследование / М. М. Блюм, А. М. Волнов, А. В. Жук, Т. Ф. Одиночкина, А. И. Устинов, В. В. Филиппов. М., 1982; *Коломийцев А. В., Собакарь И. С., Никитюк В. Г., Сомов В. В.* Патроны к стрелковому оружию (справочные материалы). Харьков, 2003; *Дик В. Н.* Взрывчатые вещества, пороха и боеприпасы отечественного производства. Справочные материалы: справочник. Минск, 2009. Ч. 1.

Таблица 1

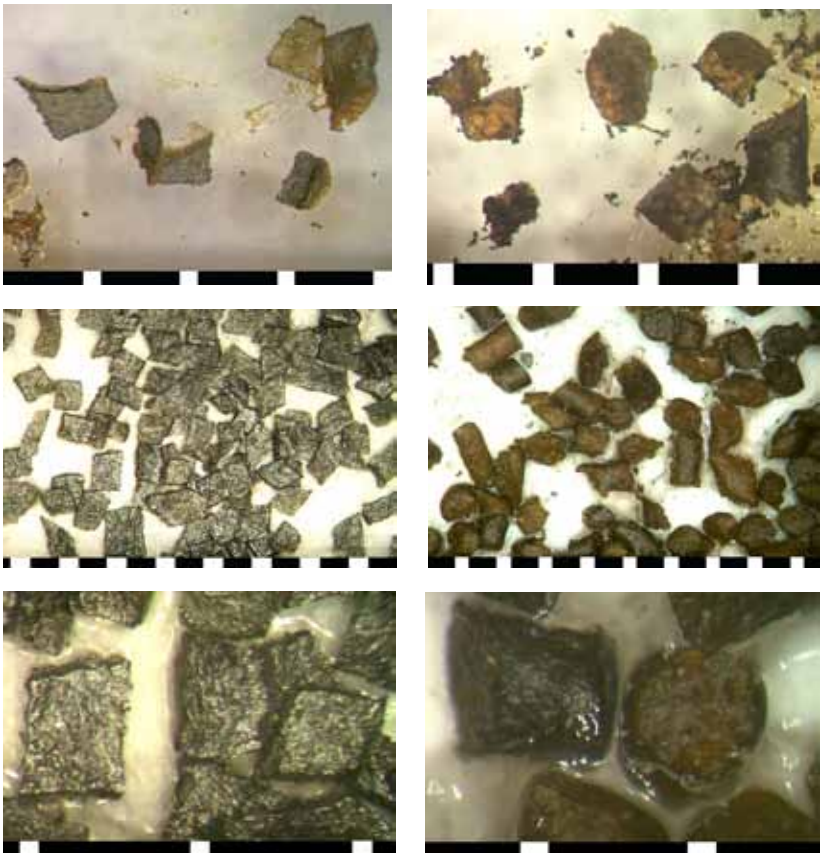
Параметры	Бельгийский	25 ACP (США)	6,35-мм патрон к пистолету конструкции Коровина (ТК) (СССР)
ПАТРОН			
Длина патрона, мм	22,5–23,0	23,0	22,4–22,8
Масса патрона, г	5,1–5,3	5,1–5,3	5,3–5,6
ГИЛЬЗА			
Тип гильзы	латунная	латунная	латунная
Длина гильзы, мм	15,2–15,7	15,6	15,10–15,25
Диаметр дульца гильзы, мм	6,9–7,0	6,9–7,0	7,06
Диаметр корпуса у проточки, мм	7,0–7,15	7,0–7,15	7,06
Диаметр фланца, мм	7,5–7,7	7,6	7,50–7,82
ПУЛЯ			
Тип пули	ОБ: МХт; СТт	ОБ: МХт; Лт	ОБ: МХн; Лн
Длина пули, мм	11,5–12,6		11,50–11,90
Диаметр пули, мм	6,3–6,4	6,4	6,38–6,49
Масса пули, г	3,2–3,35	3,2	3,19–3,2
Масса пороха, г	0,08–0,1	0,1	0,08–0,11
Начальная скорость пули, м/с	230–247	249	228

Примечание: ОБ – оболочечная; МХт – мельхиор, плакированный томпаком; МХн – мельхиор, плакированный никелем; СТт – сталь, плакированная томпаком; Лт – латунь, плакированная томпаком; Лн – латунь, плакированная никелем.

Некоторые применяемые для снаряжения патрона пороха сведены в табл. 2. В колонках показаны снимки (сверху вниз): общего вида пороха, отдельных зерен и сгоревших (полусгоревших) пороховых зерен

Таблица 2

Форма зерна – пластинчатая Толщина пластинки – 0,2–0,3 мм Размер стороны пластинки – 0,6–1 мм Цвет – серо-зеленый	Форма зерна – цилиндр, пористый Длина зерна – 0,6–1,2 мм; Диаметр зерна – 0,7–0,9 мм Цвет зерна – зеленый



Патрон является штатным к следующим моделям пистолетов:

СССР – конструкции Коровина («ТК» – тульский Коровина);

Австрия – «Steyr» мод. 1909; «OWA»;

Англия – «Webley» Hammer model, Hammerless Model;

Бельгия – «Warnant»; «Bayard» Model de Poche 1930, Model de Poche 1923, Model de Poche 1908; «Delu»; «Melior» мод. 1920, «Melior Jieffeco»; «Browning» мод. 1906 г., «Browning BABY»; «Pieper» мод. 1907, мод. 1908; «Clement» мод. 1907, мод. 1908, мод. 1909; «Dictator»; «Monobloc»; «Liegeoise»; «Francotte»;

Венгрия – «Eiler»; «Frommer LILIPUT»; «Frommer BABY»;

Германия – «Menz» мод. II; «Mauser» WTR Mod. II, мод. 1910, мод. 1914, Mod. 1, мод. 1910, «Mauser-C»; «Ortgies»; «Schmeisser» мод. I, мод. II; «Mann WTM»; «Helfright» мод. 2, мод. 3, мод. 4; «Simson Selbstlade Pistole»; «Bergmann Erben» мод. II; «Lignose» мод. 2, мод. 2A, мод. 3A, мод. 3; «Walther Selbstlade Pistole» мод. 1, мод. 2, мод. 5, мод. 7, мод. 8, мод. 9; «Menta»; «Bergmann» мод. I I, мод. 2A, мод. 3A; «Liliput» мод. 1926; «Sauer WTM», «WTM 28», «Kommer» мод. I, мод. II, мод. III; «Zehna»; «Stock»; «Kobra»; «Langenhan» мод. II, мод. III; «Dreyse»;

Испания – «Tatra»; «Union»; «Astra» мод. 1924, мод. 200; «Junior Colt»; «Star» мод. E, мод. «Bufalo», Mod. CO; «Marte»; «Trust»; «Vesta» мод. 1924, 1912 гг.; «Favorit»; «Duan»; «Continental»; «The Victory» мод. 1914; «AAA» мод. 1919; «SEAM»; «Atlas»; «Liberty» мод. 1924; «Fortuna»; «Union I»; «Regent»; «Walman» мод. 1926; «Kaba Spezial»; «Triumph»; «Phoenix»; «SEAM»; «Ruby»; «Fiel»; «Singer»; «Ydeal»; «Victor»;

Италия – «Galesi Brescia»; «Beretta» mod. 950 B, мод. 1915, мод. 1919, мод. 318 (1934);

США – «Colt Pocket Model», «Colt» мод. 1908 г.; «Harrington and Richardson»;

Франция – «Triomphe Francais»; «Le Steph»; «Verney-Carron» («Ver-Car»); «Le Majestic»; «Pinkerton»; «Unique»; «Le Francais» Modele de police, Modele de Poche; «MAB» Brevete мод. A;

Чехословакия – «Jaga»; «Mars»; «PZK»; «Ceska Zbrojovka» мод. 1922, мод. 1936, мод. 1945, мод. Z; «Slavia»; «Perla»; «Duo»; «Ideal»; «Singer»; «Little Tom»; «Praga» мод. 1921;

Швейцария – «Chylewski».

Используя сведения, содержащиеся в статье, следует иметь в виду, во-первых, что список моделей оружия не является исчерпывающим и, во-вторых, что аналогичные пороха могут применяться в других патронах к огнестрельному оружию.

*Р. Р. РАХМАТУЛЛИН**

Некоторые тенденции развития частных криминалистических теорий

В науковедении частнонаучная теория (учение) понимается как особое теоретическое построение, являющееся результатом познания и одновременно отражением в идеальной форме сущности исследуемых явлений. Большой вклад в развитие теории вносят представители Уральской школы криминалистов. По их мнению, данная теория представляет собой не просто объединение абстракций, а систему концептуальных положений. Таким образом, неотъемлемыми признаками частнонаучной теории являются системность, понимаемая как органичная связь с другими элементами данной отрасли научного знания, и внутренняя упорядоченность, взаимная обусловленность отдельных положений. Частные теории должны иметь теоретическое и практическое значение, т. е. расширять научные положения, представления и предоставлять возможности для освоения, изменения окружающей действительности. Однако, как справедливо отмечают эти же авторы, не все теоретические конструкции, подаваемые как частные криминалистические теории, в действительности являются таковыми. Появление многих из них нельзя объяснить иначе как стремлением авторов к оригинальности[1].

В отечественной криминалистике разработаны различные частные криминалистические теории (учения). В числе наиболее сформировавшихся криминалистических теорий и учений называются: теория криминалистической идентификации; теория криминалистической диагностики; криминалистическое учение о механизме преступления (составной частью которого стало разработанное ранее учение о способе преступления); криминалистическая теория временных связей (отношений); учение о признаках; криминалистическое учение о навыках преступника; учение о криминалистической регистрации; криминалистическая теория ситуаций (криминалистическая ситуалогия); учение о противодействии расследованию и криминалистических методах его преодоления; учение о криминалистической версии и о планировании расследования и др.[2]

---

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета.

[1] *Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н.* Криминалистика: учебник. М., 2007. С. 7–8.

[2] Криминалистика: учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М., 2008. С. 11.

В этом перечне автор видит только один недостаток – неопределенность в понятиях «учение» и «теория» и, прежде всего, в аспекте их соотношения, что нередко вводит сумятицу в головы молодых ученых или, тем более практиков. На наш взгляд, все указанные выше и иные теоретические конструкции, являющиеся результатом познания и одновременно отражением в идеальной форме сущности исследуемых явлений, вправе называться частными криминалистическими теориями, а учение – это, образно говоря, «высшая» теория. Для признания таковым учение должно пройти своеобразный теоретический и практический «отбор».

По нашему мнению, учение в криминалистике по своей значимости (прежде всего, по отношению к теории) по образному представлению должно быть близким к категории «принципы» в уголовном процессе, когда каждый из принципов обладает свойством всеобщности на всех этапах уголовного судопроизводства. Поэтому при определении принадлежности вводимого или уже действующего учения к системе частных криминалистических теорий следовало бы руководствоваться следующими критериями:

широкая распространенность применения учения на всех этапах деятельности правоохранительных органов и их должностных лиц в процессе раскрытия преступлений (например, теория криминалистической идентификации следует назвать учением, так как его положения используются различными субъектами и на разных этапах) – от момента получения информации о преступлении до вынесения судом приговора;

использование положений учения наиболее широким кругом субъектов раскрытия и расследования преступлений и другими участниками уголовного судопроизводства;

минимальное заимствование положений учения из смежных наук (например, криминалистическая конфликтология, бесспорно являясь частной криминалистической теорией, вряд ли может претендовать на роль учения, так как существенную роль при ее формировании сыграла конфликтология – область психологии, изучающая поведение человека в конфликтной ситуации);

основные положения учения опубликованы и прошли соответствующие испытания и экспертизы (защита докторской и кандидатских диссертаций, внедрение в практическую деятельность и учебный процесс и т. п.).

Большинство из приведенного выше перечня криминалистических теорий соответствуют этим критериям и вполне могут именоваться

учениями. Другие теории, в соответствии с предлагаемыми нами критериями и в силу различных современных тенденций развитии системы частных криминалистических теорий, называться учениями не могут.

В. П. Лавров в своих последних работах, давая общую характеристику системы частных криминалистических теорий, называет и подробно рассматривает отдельные тенденции в развитии этой системы:

создание новых криминалистических учений, таких, например, как теория поисково-познавательной деятельности при расследовании преступлений; теория криминалистических операций, криминалистическое учение об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства и др.;

более глубокая реализация положений частных криминалистических теорий в создании рекомендаций по решению отдельных криминалистических задач (обеспечения раскрытия преступлений, совершенных в условиях неочевидности; предупреждения преступлений в ходе расследования и по его материалам; возмещения ущерба, причиненного преступлением; повышение эффективности отдельных следственных действий; технического и тактического обеспечения проверки сообщения о преступлении и т. п.)[1].

Исходя из таких подходов, основанных на изменяемости частных криминалистических теорий, мы провели специальное исследование частной криминалистической теории о противодействии расследованию и методов его преодоления, в ходе которого мы пришли к следующим выводу: частная криминалистическая теория о противодействии расследованию и методов его преодоления, обслуживающая преимущественно предварительное расследование, в последние годы фактически перерождается во всеобщее (охватывающее все этапы раскрытия преступлений) учение об упреждении, выявлении и преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Однако совершенно неправильно говорить, что теория о противодействии расследованию и методов его преодоления изжила себя, ее развитие неизбежно и в дальнейшем, но уже в рамках формирующегося нового криминалистического учения.

На наш взгляд, процесс становления криминалистического учения об упреждении, выявлении и преодолении противодействия рас-

[1] *Лавров В. П.* Частные криминалистические теории как элемент криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел, 2016. С. 225–229; *Его же.* Частные криминалистические теории: современное состояние и тенденции развития // Известия ТулГУ. Сер. Экономические и юридические науки. Тула, 2016. С. 85–90.

крытию и расследованию преступлений дифференцируется на четыре этапа. Начало *первого этапа* можно соотнести с периодом зарождения криминалистики (начало XX в. – конец 60-х гг. XX в.), когда ее первопроходцы (Г. Гросс, И. Н. Якимов, В. И. Громов и др.) в своих работах особо выделяли различные уловки, направленные на уклонение виновных от ответственности.

На *втором этапе* (70-е гг. – конец 80-х гг. XX в.) осуществлялась разработка данной проблемы применительно к одному из трех элементов способа преступления – сокрытию преступления. В работах ученых-криминалистов (Р. С. Белкин, И. М. Лузгин, В. П. Лавров, В. Н. Карагодин и др.) был дан подробный анализ взглядов на проблему сокрытия преступления, давалась теоретическая концепция, проводилась классификация способов сокрытия по группам (утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация информации и ее носителей); описывались факторы, побуждающие к сокрытию преступлений и влияющие на выбор способа и возможность сокрытия.

Однако, на практике, по мере активизации организованной преступной деятельности, все чаще стали проявляться ситуации, когда сокрытие преступлений не охватывалось общим умыслом на преступление и выступало в виде самостоятельной системы преступных и постпреступных действий, направленных на воспрепятствование расследованию преступлений. Образно говоря, проблеме стало тесно в прежних рамках сокрытия. Стали необходимы безотлагательное изучение современных способов противодействия расследованию и разработка соответствующих рекомендаций для практических работников.

Указанные обстоятельства позволяют выделить *третий этап* (конец 80-х гг. XX в. – 2008 г.), когда все чаще противодействие расследованию стало проявляться как элемент организованной преступной деятельности, с реализацией присущих этой деятельности жестких способов воздействия на источники и носители криминалистически значимой информации. Именно на этом этапе твердо укоренилось криминалистическое понятие «противодействие расследованию преступлений». Рядом ученых был сделан справедливый вывод о сформировавшейся частной криминалистической теории противодействия расследованию и методов его преодоления, как самостоятельного элемента общей теории криминалистики[1].

---

[1] *Лавров В. П.* Криминалистическая теория противодействия расследованию преступлений и методы его преодоления (сущность; история; перспективы развития) // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2006. С. 24; *Тишутина И. В.* Противодей-

Весьма оперативно отреагировала на разработки ученых и правовая наука. Хотя термин «противодействие» в Уголовном кодексе РФ не употребляется, тем, не менее, законодателем предусмотрена уголовная ответственность за ряд действий, так или иначе препятствующих расследованию преступлений, а в конечном итоге – правосудию (гл. 31 УК РФ).

Вместе с тем, в последние годы потребности практики стали диктовать новые подходы в борьбе с преступностью. Так, до сих пор исследователи рассматривают противодействие и методы по его преодолению применительно, как правило, только к стадии предварительного расследования. Однако все явственнее осознается: лица, заинтересованные в воспрепятствовании деятельности правоохранительных органов по собиранию, исследованию и использованию розыскной и доказательственной информации по уголовному делу, противодействуют установлению истины на всех этапах раскрытия преступления. Это, видимо, означает, что способы противодействия зачастую носят длительный и взаимосвязанный характер.

А если преступники противодействуют организованно и непрерывно на всех стадиях уголовного судопроизводства, то задачей правоохранительных органов должно стать также системное (комплексное) проведение мероприятий по упреждению, выявлению и преодолению противодействия. На наш взгляд, решению указанных задач будут способствовать новые подходы в понимании термина «раскрытие преступления», который и является тем емким понятием, отвечающим потребностям практики в аспекте комплексного использования сил и средств на всех этапах деятельности правоохранительных органов и их должностных лиц по установлению истины[1].

В криминалистическом аспекте *под раскрытием* преступления мы понимаем деятельность компетентных лиц (следователя, дознавателя, оперативного сотрудника и их руководителей, прокурора и судьи) в условиях информационной неопределенности и направленной на установление доказательственной информации о событии преступления, лице, его совершившем, и других неочевидных обстоятельств, имеющих значение для дела.

ствие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления: моногр. / под общ. ред. А. Ф. Волынского. М., 2012. С. 52.

[1] См.: *Газетдинов Н. И., Рахматуллин Р. Р.* Термин «раскрытие преступлений» и его место в науке и практике // Современные проблемы раскрытия преступлений в условиях состязательного процесса (криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты): материалы Междунар. круглого стола. Казань, 2016. С. 11–23.

Все изложенные выше и иные обстоятельства позволяют нам говорить о начале *четвертого этапа* (с 2008 г. по настоящее время), когда теория противодействия расследованию и мер по его преодолению фактически трансформируется в криминалистическое учение об упреждении, выявлении и преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений.

Таким образом, именно 2008 г. явился в определенной мере знаковым годом для совершенствования уже сформировавшейся теории противодействия расследованию и методов его преодоления и зарождения фактически нового учения об упреждении, выявлении и преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений.

Во-первых, было поставлено под сомнение доводы ученых и практических работников о том, что доказательственный процесс начинается и завершается на стадии предварительного расследования, а суд лишь оценивает доказательства. Стало очевидно: судебное следствие носит самостоятельный характер, представляя собой новое, полное, всестороннее, объективное исследование всех обстоятельств дела и вынесение законного и обоснованного приговора. Все это нашло отражение в последних работах, посвященных криминалистическому обеспечению судебного разбирательства уголовных дел и особенно в условиях противодействия[1].

Во-вторых, противодействие раскрытию и расследованию преступлений и прежде всего организованной преступной деятельности все чаще стало проявляться в форме коррупционных отношений. К сожалению, современная юридическая наука и практика не смогла выработать надежный инструмент-заслон от влияния коррупции на ход раскрытия и расследования преступлений. Именно в 2008 г. в России принимается Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 15.02.2016), и с тех пор борьба с коррупцией стала предметом пристального внимания ученых и практиков.

Итак, на современном этапе исследования проблем воспрепятствования преступной среды осуществлению правосудия можно говорить

[1] См., например: *Ульянов В. Г.* Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002; *Корчагин А. Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008; *Аутлев Ш. В.* Противодействие в ходе судебного следствия по уголовным делам в суде первой инстанции и меры по его преодолению: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.

о начале формирования нового криминалистического учения – учения об упреждении, выявлении и преодолении противодействия раскрытию и расследования преступлений. Его возникновение было обусловлено необходимостью обобщения и систематизации практики раскрытия и расследования преступлений в условиях противодействия, а вместе с тем потребностями практики в разработке адекватных криминалистических методов, средств и рекомендаций по упреждению, выявлению и преодолению противодействия.

*Н. В. РАЧЕВА**

Некоторые особенности подготовки к проведению очной ставки

Очная ставка с криминалистической точки зрения является не только средством достижения главной цели – установление истины по спорным обстоятельствам, но и служит средством решения ряда тактических задач: изобличения во лжи лица, противодействующего следствию, проверки выдвинутых версий, распознавания прочности позиций, занятых допрашиваемым на следствии, выявления ранее неизвестных обстоятельств и эпизодов преступной деятельности и т. д.

Проведению очной ставки в обязательном порядке должна предшествовать тщательная подготовительная работа, иначе она «как правило, приносит больше вреда, чем пользы»[1].

При принятии решения следователь должен задаться вопросом: своевременно и целесообразно ли проведение очной ставки, имеются ли для этого надлежащие условия? А также убедиться, что проведение ее действительно необходимо.

В соответствии со ст. 192 УПК РФ следователь в праве, а не обязан проводить очную ставку. Он самостоятельно, согласно своему внутреннему убеждению, с учетом обстоятельств уголовного дела и психологических особенностей допрашиваемых лиц принимает решение о производстве очной ставки. На практике складываются и такие ситуации, когда следователю дают указание провести очную ставку руководитель следственного органа и в некоторых случаях – прокурор. При таких обстоятельствах следователь должен взвесить все «за» и «против» это-

* Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

[1] *Зорин Г. А.* Руководство по тактике допроса. М., 2001. С. 12.

го следственного действия с учетом нюансов данного уголовного дела и решить, есть ли действительно необходимость в производстве очной ставки.

В конкретной следственной ситуации в распоряжении следователя может быть несколько путей разрешения имеющихся противоречий в показаниях, и он по своему усмотрению может выбрать наиболее целесообразный из них. Иногда следователи проводят очную ставку, когда никакой надобности в ней нет. Например, при наличии несущественных противоречий в показаниях допрошенных, а также по спорным обстоятельствам, которые могут быть устранены иным способом – путем запроса соответствующих документов, проведения различных видов экспертиз, дополнительных допросов и т. п., но чаще для «закрепления показаний» признавшегося лица (особенно обвиняемого).

На основании анализа имеющихся данных следователь может отказаться от проведения очной ставки в определенный момент, поскольку производство ее процессуальными сроками не ограничено.

Решение не проводить очную ставку принимается, когда противоречия относятся к несущественным, либо обстоятельства, по поводу которых возникли противоречия, уже достоверно установлены и проверены другими следственными действиями.

В отдельных случаях следователь может отказаться от проведения очной ставки и принятие такого решения должно быть обоснованным. Причиной отказа может явиться, прежде всего, очевидная ее бесперспективность. Следует отказаться от производства очной ставки и по тактическим соображениям, когда следователь убежден, что допрашиваемые используют данное следственное действие для согласования показаний против установления истины. Не исключены случаи, когда нравственные критерии (болезнь, малолетний возраст одного из участников и т. п.) налагают запрет на производство тактически обоснованной очной ставки. Так, С. Г. Любичев считает: «Когда очная ставка может иметь тяжкое отрицательное последствие для потерпевшего, отказ от ее проведения будет нравственно оправдан»[1].

Подготовка к проведению очной ставки предполагает ряд других важных мероприятий. Большинство следователей перед очной ставкой занимаются, в частности, изучением протоколов допросов предполагаемых ее участников и определением предмета допроса.

Наличие информации только по указанным обстоятельствам далеко не всегда может обеспечить успех очной ставки. Усилия следователя должны быть направлены на собирание оптимального объема

[1] *Любичев С. Г.* Этические основы следственной тактики. М., 1980. С. 43.

исходных данных. При этом необходимо выделить информацию как подтверждающую, так и опровергающую показания предполагаемых участников. Н. В. Бахарев считает, что на данном этапе подготовки очной ставки следователь должен хотя бы ориентировочно определить, чьи показания из предполагаемых участников можно принять за достоверные[1]. Многие следователи действительно уже перед началом очной ставки относят одни показания к правдивым, к другим относятся как к ложным. Поэтому на очной ставке субъективно относятся как к ее участникам, так и к их показаниям, чего не должно быть при производстве любого следственного действия.

Полученную в результате анализа материалов уголовного дела информацию необходимо систематизировать в виде выписок применительно к обстоятельствам, по поводу которых возникли существенные противоречия в показаниях. Выписки составят основу планирования, обеспечивая целенаправленное и организованное проведение данного следственного действия.

Информация, относящаяся к предмету очной ставки, может содержать сведения, для оценки и понимания которой следователю необходимы специальные познания. Отсюда следует использовать помощь специалиста, либо самому ознакомиться со специальной литературой, либо непосредственно на месте ознакомиться с производственным процессом, порядком документо- и товарооборота и т. п. Знание специальных вопросов поможет следователю провести очную ставку на должном уровне, не даст возможности участникам ввести следователя в заблуждение.

При подготовке к очной ставке изучение личности ее участников облегчается тем, что следователь с ними уже встречался при подготовке и производстве других следственных действий (допросов, обысков, выемки и др.). Однако таких сведений далеко недостаточно, и следователь обязан разобраться в сложившихся между допрашиваемыми личных взаимоотношениях, например, выяснить с какого времени допрашиваемые знают друг друга, какие обстоятельства послужили их сближению, что явилось причиной ссор, неприязненных отношений, вражды и т. д.

Изучение взаимоотношений поможет определить линию поведения допрашиваемых на очной ставке, степень возможного изменения показаний одного из них в пользу другого.

---

[1] *Бахарев Н. В.* Очная ставка. Уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы. Казань, 1982. С. 69.

При подготовке к очной ставке следователь решает ряд вопросов: об участниках очной ставки; предмете очной ставки и постановке вопросов ее участникам; времени и месте производства; планировании хода очной ставки; очередности допроса лиц, в чьих показаниях имеются противоречия; необходимости предъявления доказательств; психологической подготовке участника, дающего правдивые показания.

Очная ставка может проводиться с участием лиц из числа потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых. Очная ставка с участием несовершеннолетних имеет ряд особенностей и вызывает трудности из-за своего субъектного состава. При производстве очной ставки с участием несовершеннолетних, не достигших 16 лет, участие педагога или психолога обязательно, а при достижении 16 лет – по усмотрению следователя.

Несовершеннолетние иногда стесняются давать показания, особенно по делам о половых преступлениях, при участии знакомых лиц. В таких случаях целесообразно приглашать незнакомого педагога. В случае необходимости вызывается законный представитель несовершеннолетнего или его близкие родственники или педагог, который пользуется у подростка авторитетом и уважением.

Если лицо не владеет языком судопроизводства, то следователь обязан пригласить квалифицированного переводчика и провести с ним подготовительную беседу, в ходе которой выяснить, какое у него образование, в какой мере он знает язык, сможет ли обеспечить точность перевода. Если данное лицо удовлетворяет требованиям, предъявляемым к переводчику, то его нужно подготовить к предстоящей очной ставке, уведомить о месте и времени ее проведения.

По многоэпизодным делам, совершенным в соучастии, практически всегда в качестве защитников принимают участие высокооплачиваемые адвокаты. Следователю необходимо учитывать данный факт при планировании подготовки к производству очной ставки.

В настоящее время руководитель следственного органа наделен широкими властно-распорядительными полномочиями по процессуальному руководству и практически по надзору за деятельностью следователей, а также по непосредственному участию в расследовании преступлений. Руководитель следственного органа вправе принять участие в очной ставке. Личное участие предполагает подготовку, включающую: изучение материалов уголовного дела, ознакомление с тактическим планом следователя, при необходимости формулирование дополнительных вопросов, согласование приводимых доводов и предъявляемых доказательств.

Профессиональный опыт руководителя следственного органа, его умение использовать убеждение помогут изменить в благоприятную сторону конфликтную психологическую атмосферу очной ставки и достичь истины по спорным обстоятельствам.

Кроме того, при производстве очной ставки необходимо присутствие сотрудника органа дознания, который работает по этому же уголовному делу, особенно если один из ее участников является подозреваемый или обвиняемый. «Участие в очной ставке на всем ее протяжении сотрудника, наблюдающего за допрашиваемыми, представляется не только желательным, но и необходимым»[1].

При современных темпах и уровне развития науки и техники, огромном потоке поступающей информации следователю становится труднее ее воспринимать и усваивать на высоком профессиональном уровне. Расследование же требует именно профессиональных знаний в тех отраслях науки и техники, в которых они совершаются. При подготовке к очной ставке специалист помогает следователю глубже изучить спорные обстоятельства, затрагивающие специальные области знаний, разобраться в специальной терминологии, сформулировать грамотно и точно вопросы к допрашиваемым, лучше понять, кто из них дает достоверные или ложные показания.

Правильный выбор времени производства очной ставки имеет важное тактическое значение. Очная ставка, как правило, не является первоначальным следственным действием. Известно, что как преждевременное, так и запоздалое производство очной ставки чревато серьезными отрицательными последствиями. Из тактических соображений иногда производство очной ставки лучше перенести на более поздний срок, например, чтобы не раскрывать какими доказательствами обладает следователь.

В законодательстве нет прямых указаний, в какое время суток допускается производство очной ставки. Однако, в любом случае, проведение очной ставки в ночное время не должно использоваться как средство прямого или косвенного психологического давления на допрашиваемых лиц.

Определяя продолжительность очной ставки, необходимо учитывать характер существенных противоречий, взаимоотношения сторон, их возраст, состояние здоровья и ряд других факторов. При организации очной ставки с несовершеннолетними следует иметь ввиду, что они могут быть внимательными и сосредоточенными только строго определенный промежуток времени.

---

[1] *Закатов А. А.* Следственные действия: процессуальная характеристика, тактические и психологические особенности. Волгоград, 1984. С. 179.

При определении продолжительности очной ставки надо иметь ввиду и то, что иногда она может занять больше времени, чем предполагалось. Поэтому следует предусматривать некоторый разрыв во времени для того, чтобы при необходимости продлить очную ставку или провести неотложные мероприятия.

В подавляющем большинстве случаев очную ставку целесообразно проводить в служебном кабинете следователя. По целому ряду обстоятельств иногда производство очной ставки на месте происшествия, по месту нахождения одного или нескольких ее участников является более целесообразным и эффективным, чем в кабинете следователя (к таким обстоятельствам относятся болезнь, малолетний возраст одного ее участника и др.). Очная ставка может быть проведена в местах предварительного заключения, если ее участники содержатся под стражей.

С малолетними свидетелями (потерпевшими) очную ставку целесообразно проводить в привычной для них обстановке, что способствует установлению необходимого психологического контакта. В случаях, когда показания несовершеннолетнего обвиняемого в силу добросовестного заблуждения противоречат показаниям очевидца события, очная ставка может быть проведена на месте происшествия. В любом случае, как отмечает А. Б. Соловьев, когда очная ставка проводится не в кабинете следователя, необходимо обеспечить, чтобы сохранилась официальная обстановка и исключались или сводились к минимуму различные обстоятельства, нарушающие порядок производства следственного действия[1].

При подготовке к очной ставке следователю необходимо определить лицо, с которого предполагается начать допрос. По общему правилу очную ставку рекомендуется начинать с допроса лица, давшего показания, которые подтверждаются материалами дела и поэтому представляются достоверными. Такая очередность затруднит возможность сговора между участниками очной ставки, окажет сильное психологическое воздействие на недобросовестного участника.

Иногда первым на очной ставке может быть допрошено конфликтующее лицо. Это возможно в случаях, когда позиция добросовестного допрашиваемого не вызывает сомнения, следователь из тактических соображений стремится «разжечь конфликт» между участниками, ложь очевидна и это подтверждается иными обстоятельствами по делу. При этом, следователь должен быть убежден в том, что добросовестный участник не изменит своих показаний. Это достигается путем психологической подготовки участника, дающего правдивые показания.

[1] *Соловьев А. Б.* Очная ставка: метод. пособие. М., 2006. С. 47.

Необходимо, чтобы добросовестный участник проникся доверием к действиям следователя и понял, что в случае необходимости ему будет гарантирована безопасность.

Большое значение имеет подготовка доказательств, изобличающих виновного в совершении преступления. Посредством этого оказывается особая психологическая поддержка добросовестного участника следственного действия. Причем могут предъявляться только тщательно изученные и проверенные, достоверные доказательства.

Тщательная подготовка тактического плана позволит следователю правильно оценить создавшуюся ситуацию, принять соответствующее решение, завершить очную ставку с максимальной пользой для дела. Письменный план необходим при проведении любой очной ставки. Анализ его положений позволит выявить слабые места и ошибки в рассуждениях и своевременно устранить их, значительно облегчит в дальнейшем составление протокола. План должен содержать следующие данные: обстоятельства, являющиеся предметом очной ставки в определенной последовательности; суть показаний допрашиваемых по каждому спорному обстоятельству; доказательства, подтверждающие или опровергающие показания участников очной ставки, с указанием, при рассмотрении каких спорных обстоятельств, в каком объеме и последовательности будут предъявляться; вопросы участникам очной ставки; время и место проведения; состав участников следственного действия; примечание, где делается отметка о результатах очной ставки, мероприятиях и вопросах, которые предстоит выяснить в дальнейшем.

Определяя предмет очной ставки, следователь должен учитывать сложившуюся в данный момент ситуацию, актуальность и важность устранения существенных противоречий в показаниях, объем имеющейся информации.

Предмет очной ставки может быть ограничен в связи с опасностью сговора допрашиваемых о согласованной даче ложных показаний или из-за необходимости предотвратить нарушение психологического контакта с допрашиваемым в силу остро конфликтной ситуации. При наличии нескольких существенных противоречий спорные обстоятельства необходимо разрешать от менее важных к более важным, что позволит разоблачить ложь.

В ситуации, когда следователь уверен, что рассмотрение основного спорного обстоятельства может привести к установлению истины, очную ставку допустимо начать именно с него.

Иногда по тактическим соображениям целесообразно наряду с существенными противоречиями вынести обстоятельства не спорного

характера, но тесно с ними соприкасающиеся. Включать такие обстоятельства в предмет очной ставки можно лишь в том случае, если их рассмотрение, по мнению следователя, создаст предпосылки для наиболее эффективного устранения существенных противоречий[1].

Важное значение имеет подготовка следователем вопросов к допрашиваемым и последовательность их постановки. На данном этапе необходимо предварительно определить, с какой степенью конкретизации будут выясняться спорные обстоятельства. Как правило, применение детализирующих вопросов позволяет эффективно разоблачать ложь, восстанавливать ассоциативные связи и затрудняет выдвижение ложных объяснений.

---

[1] *Соловьев А. Б.* Указ. соч. С. 36.

*Н. В. РОМАНЕНКО**

О некоторых проблемах осуществления оперативно-розыскной деятельности в отношении судей

Вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности тесно связаны с вопросами криминалистики. Как отмечается учеными, «розыскная, сыскная деятельность сопутствует правосудию на всем протяжении его истории. Именно в ее функции входило раскрытие преступлений, установление и розыск виновных, подлежащих затем передаче в органы судебной власти»[1]. Особенно остро некоторые вопросы встают в тех случаях, когда меры розыскного, а также криминалистического характера приходится осуществлять в отношении лиц, наделенных статусом судьи, поскольку законом установлены гарантии их неприкосновенности, ограничивающие производство указанных мер.

Специфика осуществления ОРД в отношении судей регулируется ст. 16 Закона о статусе судей, а также ст. 9 ФЗ об ОРД. В первую очередь они касаются особенностей получения судебного разрешения на проведение ОРМ в отношении судей. Объясняя их, Конституционный Суд РФ отметил, что «установление специального судебного порядка

---

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной деятельности Уральского государственного юридического университета.

[1] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов: в 3 т. 3-е изд., доп. Екатеринбург, 2001.

получения разрешения на проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении судей служит дополнительной гарантией, предоставленной в целях обеспечения их независимости, а также самостоятельности судебной власти в системе разделения властей и справедливости правосудия как конституционно значимых ценностей и само по себе не может рассматриваться как нарушение Конституции РФ»[1]. Эти особенности заключаются в следующем:

1) изменена родовая подсудность: рассмотрение ходатайства о проведении ОРМ осуществляется Верховным Судом РФ либо областным и соответствующим ему судом (п. 7 ст. 16 Закона о статусе судей). Следует отметить, эти суды обладают широкой территорией юрисдикции, поэтому могут рассматриваться и как суды по месту нахождения ходатайствующего органа, и как суды по месту проведения ОРМ;

2) изменена территориальная подсудность (в отношении иных судей, кроме судей Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, областного и соответствующего ему суда): рассмотрение ходатайства о проведении ОРМ может осуществляться в ином равнозначном (т. е. областном и соответствующем ему) суде на основании решения Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя. Такое решение принимается при наличии обоснованных опасений относительно возможности рассекречивания содержащихся в ходатайстве и судебном решении сведений;

3) ФЗ об ОРД не затрагивает перечня ОРМ, на осуществление которых в отношении судей необходимо получение согласия. В свою очередь, Закон о статусе судей регламентирует права судей, подлежащие дополнительной защите от оперативного вторжения. Определяя в ст. 16 понятие неприкосновенности, он защищает от него также личность судьи, занимаемые им служебные помещения, используемые им личные и служебные транспортные средства, принадлежащие ему документы, багаж и иное имущество, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений). Согласимся с мнением Ю. А. Цветкова, что «любое ОРМ в отношении судьи так или иначе нарушает его неприкосновенность в ее конституционно-правовом понимании, а значит, по каждому такому факту требуется

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П по делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И. В. Аносова // ИПС «Гарант».

предварительно получить разрешение суда»[1]. Отсюда можно сделать вывод, что на ОРМ, связанные с ограничением любых прав судьи, тоже необходимо получение судебного разрешения, хотя ФЗ об ОРД прямо об этом не говорит;

4) закон не содержит ограничений по статусу лица, вносящего ходатайство о проведении ОРМ в отношении судей. Ст. 9 ФЗ об ОРД говорит лишь об «органе, ходатайствующем об их проведении», не вводя никакой специфики, – в отличие, например, от права на внесение ходатайства о заключении под стражу или о даче согласия на возбуждение уголовного дела (привлечение в качестве обвиняемого), которым наделен только Председатель Следственного комитета РФ. Перечень категорий руководителей этих органов устанавливается ведомственными нормативными актами[2]. Как отмечается учеными, «к числу руководителей, наделенных правом вынесения постановления о проведении рассматриваемых оперативно-розыскных мероприятий, могут быть отнесены начальник территориального органа, осуществляющего ОРД, либо его заместитель, ведающий ОРД, вне зависимости от уровня оперативного подразделения»[3]. Чаще всего такие постановления выносятся руководителями управлений по субъектам РФ. Конституционный Суд РФ не установил в таком положении какого-либо ущемления прав проверяемых лиц: «Устанавливая круг руководителей, управомоченных обращаться в суд за разрешением на проведение оперативно-розыскных мероприятий, путем отсылки к ведомственным нормативным актам, ч. 2 ст. 9 ФЗ об ОРД не нарушает прав и свобод граждан, поскольку решение о проведении ОРМ, которое ограничивает конституционные права граждан, принимает не руководитель ходатай-

---

[1] *Цветков Ю. А.* Особенности уголовного преследования судей // Уголовный процесс. 2017. № 3.

[2] См., например: Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД РФ № 368, ФСБ РФ № 185, ФСО РФ № 164, ФТС РФ № 481, СВР РФ № 32, ФСИН РФ № 184, ФСКН РФ № 97, Минобороны РФ № 147 от 17 апреля 2007 г. (действовавший до 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. // Там же.

[3] *Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е.* Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). М., 2008.

ствующего органа, а суд»[1]. Однако это объяснение, вполне приемлемое для «обычных» граждан, не совсем соотносится с логикой законодателя, устанавливающего для одних действий в отношении судей ранг должностного лица не ниже Председателя Следственного комитета РФ, а для других, схожих по правовой природе, допускающего их осуществление даже от лица руководителя районного (городского) звена;

5) законодатель «усиливает» гарантии независимости увеличением состава суда, рассматривающего ходатайства оперативных органов: если разрешение на проведение ОРМ в отношении «обычных» граждан дает судья единолично, то в отношении судей такие вопросы решает судебная коллегия из трех человек (для судей Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, областного и соответствующего ему суда – в составе трех судей Верховного Суда РФ, для иных судей – в составе трех судей областного и соответствующего ему суда). Очевидно, устанавливая такую иерархию, законодатель исходил из того, что для самого судьи эти лица всегда должны быть равными либо выше по рангу. Однако, например, обращение органа, осуществляющего ОРД в отдаленных субъектах РФ, в Верховный Суд РФ, с ходатайством о проведении ОРМ, представляется довольно затруднительным, что вызывает обоснованные сомнения в своей оправданности, особенно с учетом необходимости неотложного осуществления ОРМ.

Если судьи, санкционирующие ОРД в отношении «обычных» лиц назначаются распоряжением председателя соответствующего суда, то составы этих судебных коллегий в соответствии с п. 9 ст. 16 Закона о статусе судей ежегодно утверждаются соответственно ВККС РФ и ККС субъектов РФ. Как правило, они выбираются из числа наиболее опытных судей, специализирующихся на рассмотрении уголовных дел, возможно, из числа тех же самых, которые рассматривают аналогичные материалы в отношении «рядовых» граждан. К исключительной подсудности этих коллегий, кроме того, также относятся вопросы о санкционировании в отношении судьи следственных действий, связанных с ограничением его гражданских прав либо с нарушением его неприкосновенности (если в отношении него еще не возбуждено уголовное дело, либо он еще не привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу); об избрании в отношении судьи в качестве меры пресечения заключения под стражу; о привлечении судьи к административной ответ-

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой // ИПС «Гарант».

ственности. До 2009 г.[1] эти же коллегии давали заключение о наличии в деянии судьи признаков преступления.

Анализируя эффективность коллегиальной составляющей при рассмотрении данных категорий дел, обозначим, в первую очередь, правовую позицию Конституционного Суда РФ: «Судебная власть в Российской Федерации может осуществляться коллегиально судьями, с привлечением народных и присяжных заседателей и судьей единолично. Все виды судопроизводства, за исключением конституционного, допускают рассмотрение дел единолично судьей, что не противоречит положениям главы 7 Конституции Российской Федерации. Судья в таком случае действует как носитель именно судебных функций, т. е. выступает в качестве органа судебной власти. Следовательно, и осуществление судебного контроля единолично судьей при рассмотрении материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий также допустимо и не является нарушением конституционных прав человека и гражданина»[2].

Ученые, также проводя различия между единоличной и коллегиальной процессуальной формой, отмечают следующее:

«Единоличная правоприменительная деятельность… обеспечивает большую оперативность в решении конкретных процессуальных задач, абсолютную персонификацию власти и ответственности… Законодательный выбор единоличной формы обусловлен необходимостью быстроты, самостоятельности оперирования способами решения процессуальных задач, строгой персонификации власти и ответственности конкретного должностного лица за производимые действия и принимаемые властные решения…»[3];

«Единоличное рассмотрение направлено на снижение материальных, временных, трудовых затрат при осуществлении судопроизвод-

---

[1] См.: ст. 13 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона „О противодействии коррупции“» // ИПС «Гарант».

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой.

[3] *Тарасов А. А.* Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2001.

ства, а также на повышение оперативности рассмотрения уголовных дел»[1];

«Коллегиальная уголовно-процессуальная деятельность (характерная для коллегиальных составов суда) позволяет привлечь нескольких людей с их знаниями, профессиональным и житейским опытом к решению наиболее сложных правовых задач, ограничить опасность единоличного произвола со стороны конкретных представителей власти… Выбор коллегиальной формы определяется необходимостью привлечения к решению процессуальной задачи повышенной сложности нескольких независимых друг от друга лиц с тем, чтобы максимально использовать их индивидуальный мыслительный и творческий потенциал, исключить опасность единоличного властного произвола, создать повышенные правовые гарантии от принятия незаконных и необоснованных властных решений»[2];

«Коллегиальная деятельность позволяет привлечь для решения особо сложных мыслительных и практических задач нескольких лиц, повысив тем самым их совокупный потенциал интеллектуальных способностей, знаний, профессионального опыта и практических навыков, что максимально позволяет исключить судебные ошибки. Коллегиальный порядок рассмотрения уголовного дела предполагает обмен информацией, активную обратную связь между судьями, что способствует вынесению наиболее качественных судебных решений. Кроме этого, на всю коллегию судей повлиять значительно сложнее, чем на одного судью, что способствует взвешенной и всесторонней оценке обстоятельств дела и усилению гарантий независимости суда»[3].

То есть обе формы, хотя и в одинаковой степени, реализуют судебную власть, однако имеют четко обусловленные, принципиальные различия. В силу этого выбор единоличной или коллегиальной формы не должен быть произвольным. С учетом того, что сочетание единоличных и коллегиальных начал должно служить оптимальности рассмотрения разных уголовных дел в зависимости от их материально- и процессуально-правовых особенностей, неизбежно возникает вопрос: обеспечивается ли эта оптимальность исключительно тем, что в отношении «обычных» лиц предусмотрен единоличный состав при рас-

[1] *Ничипоренко Т. Ю.* Единоличное рассмотрение судьей уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

[2] *Тарасов А. А.* Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации.

[3] *Фадеева Е. И.* Коллегиальность состава суда в ходе судебного производства по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.

смотрении ходатайств о проведении ОРМ, а в отношении судей – коллегиальный?

Представляется не совсем ясным, как коллегиальная форма рассмотрения может устранить недостатки данной судебной процедуры (отсутствие гласности, состязательности сторон, очности, засекреченность от проверяемого лица, затруднительность реализации его права на судебную защиту), не позволяющие называть рассмотрение ходатайств о проведении ОРМ правосудием?[1] Судебная коллегия областного и соответствующего ему суда, а также и Верховного Суда РФ в данной ситуации вынуждена принимать решения в условиях секретности, отсутствия состязательности, возможности заявить ей отвод, возможности обжалования принятого решения и т. п. Повышается риск деперсонификации ответственности (ведь при единоличном «именно конкретный судья обязан и вправе принять единственное юридически значимое решение по существу ходатайства оперативно-розыскного органа»[2]). Не всегда коллегиальность обеспечивает незамедлительность рассмотрения, максимальное соблюдение тайны, что противоречит основному предназначению ОРД;

7) ФЗ об ОРД не регламентирует рассмотрение обязательного для производства в отношении судьи вопроса об обусловленности его преследования деятельностью по отправлению правосудия, хотя п. 8 ст. 16 Закона о статусе судей содержит указание на необходимость выяснения этого обстоятельства не только при решении вопроса о возбуждении в отношении судьи уголовного дела либо привлечении его в качестве обвиняемого, но и при выдаче разрешения на проведение ОРМ или следственных действий. То есть у процедуры рассмотрения ходатайства в порядке ст. 9 ФЗ об ОРД в отношении судьи должно быть два предмета доказывания: а) общий, характерный для производства в отношении любых лиц – о наличии и достаточности фактических данных, обосновывающих законность и необходимость проведения ОРМ; б) специальный, характерный только для судей – об отсутствии обусловленности проведения ОРМ деятельностью судьи по отправлению правосудия.

Однако неясно, каким образом могут реализоваться указанные нормы, если специфика судебной процедуры рассмотрения ходатайств о

---

[1] Подробнее см.: Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И. Г. Черновой.

[2] *Киселев А. П., Васильев О. А., Белянинова Ю. В.* Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // ИПС «Гарант».

разрешении на ОРМ в условиях засекреченности не предполагает участия самого судьи (кто должен предоставлять доказательства обусловленности преследования позицией, занимаемой им при осуществлении им судейских полномочий?), не предполагает участия представителей ККС (кто должен оценивать представленные доказательства обусловленности преследования?), не содержит критериев обусловленности испрашиваемого ОРД деятельностью судьи по отправлению правосудия (как должны оцениваться представленные доказательства обусловленности преследования позицией, занимаемой им при осуществлении им судейских полномочий?). В исследованных материалах не было обнаружено случаев, когда бы отказ в даче разрешения на проведение ОРМ в отношении судьи был бы обусловлен его позицией, занимаемой при осуществлении судейских полномочий, а также впоследствии обжалован. Таким образом, гарантии неприкосновенности в данном случае не могут исключить оказание на судью давления осуществлением в отношении него ОРД, поскольку условия для исследования этого вопроса в ходе судебной процедуры рассмотрения ходатайства о разрешении на ОРМ не созданы. Справедливости ради стоит отметить, что и самих таких случаев, когда бы попытки оказать на судью давление осуществлялись путем проведения ОРМ, в исследованных материалах установлено не было, но это уже совсем другой вопрос, касающийся добросовестности или недобросовестности сотрудников оперативных органов, а не эффективности гарантий судейской неприкосновенности.

Анализируя, насколько указанные особенности гарантируют, как отмечал Конституционный Суд РФ, «обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти, справедливости правосудия», заметим, что при сохранении существующих для общей процедуры недостатков, при наличии дополнительно возникающей невозможности выяснить вопрос об обусловленности оперативного преследования деятельностью судьи по отправлению правосудия, вряд ли свидетельствуют о действительно серьезной защите судей, обеспечивающей их независимость. Судьи при осуществлении ОРМ подвергаются тем же рискам, что и рядовые граждане в аналогичной ситуации. После возбуждения уголовного дела или привлечения в качестве обвиняемого законодатель в данной ситуации вообще приравнивает их к рядовым гражданам. Для органов же, осуществляющих ОРД, гарантии судейской неприкосновенности при действительной необходимости проведения ОРМ оборачиваются лишь дополнительными препятствиями (необходимостью обращения в Верховный Суд РФ, потерей времени, повышенным риском разглашения конспиративной информации), ста-

вящими под угрозу достижение намеченных ОРД целей. Полагаем, что это может быть поводом для совершенствования законодательства в плане повышения эффективности гарантий судейской независимости и усиления неотвратимости их уголовной ответственности в случае совершения преступления.

*Е. Р. РОССИНСКАЯ**

Вектор развития криминалистики и криминалистической дидактики в русле современных технологий

Очередной этап научно-технической революции в России в конце XX – первой четверти XXI в. сопровождается всеобъемлющим проникновением современных технологий практически во все области человеческой деятельности. Но наряду с неоспоримыми достижениями, технологизация и информатизация принесли с собой целый ряд сложных негативных явлений, связанных с противоправным использованием этих новаций. Криминальные структуры в полной мере приняли на вооружение современные технологии для совершения «высокотехнологичных» преступлений и обеспечения своей «традиционной» преступной деятельности, создания систем конспирации и скрытой связи, для оказания активного противодействия правосудию. Происходит слияние уголовной и экономической преступности, отмечается интеллектуализация преступной деятельности, ее ужесточение, проникновение ее во многие жизненно важные сферы общества и государства, попытки установить контроль над финансово-промышленными группами, отдельными предприятиями. В условиях глобализации в рамках единой стратегии противодействия преступности необходима разработка современных комплексных криминалистических технологий обеспечения этого противодействия[1].

С другой стороны, объективизация процесса рассмотрения гражданских дел, в том числе арбитражных споров, административного судо-

* Заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, доктор юридических наук, профессор, директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз.

[1] *Россинская Е. Р.* Некоторые направления развития криминалистики сквозь призму современных технологий // Актуальные проблемы криминалистической тактики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 28 марта 2014 г.). М., 2014.

производства невозможна без внедрения в эту сферу передовых научных достижений, что как раз и является одной из функций криминалистики[1].

Криминалистика сегодня в силу интеграции и комплексирования научного знания является основным проводником достижений естественных, технических и гуманитарных наук в сферу судопроизводства.

Основные направления развития общей теории криминалистики, обеспечивающие реализацию современных технологий это:

дальнейшее изучение закономерностей, составляющих предмет криминалистики, т. е. закономерностей механизма преступления, движения потоков криминалистически значимой информации (и в связи с этим возможностей новых информационных технологий) и др.;

развитие методологических основ криминалистики, т. е. изучение возможностей интеграции в нее новых научных методов и разработка на этой основе криминалистических методик;

совершенствование криминалистической систематики и унификация языка науки на основе интеграции в нее новых научных достижений, например, информационных технологий;

пополнение системы частных криминалистических теорий новыми опять-таки не в результате изолированного развития криминалистики, а за счет творческого использования ею достижений фундаментальных и прикладных наук.

Сравнительный анализ современных определений предмета криминалистики, данных ведущими учеными-криминалистами России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Азербайджана[2], показывает, что большинство из них так или иначе согласуется с определением предмета науки Р. С. Белкина[3], поэтому, как нам представляется, криминалистам пора, хотя бы на время, отвлечься от дискуссий о предмете науки, которым посвящено огромное число публикаций[4]. Критики указывают,

[1] *Жижина М. В.* Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом процесс: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017.

[2] *Эксархопуло А. А.* Криминалистика: учеб. СПб., 2009; *Ищенко Е. П.* Криминалистика: учеб. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011; Криминалистика: учеб. / под ред. Л. Я. Драпкина, В. Н. Карагодина. М., 2004; *Баев О. Я.* Основы криминалистики: курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009; Криминалистика: учеб. / под общ. ред. А. Г. Филиппова. 4-е изд., испр. и доп. М., 2009; *Яблоков Н. П.* Криминалистика: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011; *Порубов Н. И., Грамович Г. И., Порубов А. Н.* Криминалистика: учеб. пособие / под ред. Н. И. Порубова. Минск, 2007; *Шепитько В. Ю.* Криминалистика: курс лекций. 3-е изд. Харьков, 2008; Криминалистика: учеб. / под ред. Д. И. Сулейманова. 2-е изд., перераб. и доп. Баку, 2008.

[3] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М., 2001.

[4] См., например: *Жижина М. В., Ищенко Е. П.* История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики // Библиотека

что в определении Р. С. Белкина перечислены далеко не все закономерности, изучаемые криминалистикой. Да это и невозможно, поскольку каждый из авторов делает акцент на своих «любимых» закономерностях, изучаемых криминалистикой[1]. Но совершенно справедливо высказывание А. А. Эксархопуло, что определение Р. С. Белкина отражает не все содержание предмета науки криминалистики, а, главным образом, его сущность[2]. Мы разделяем позицию В. Н. Карагодина, что пока «ни одному из инициаторов модернизации теоретико-доказательственной концепции предмета криминалистики или ее замены не удалось доказать наличия объективных потребностей в этом»[3], что не означает отрицания необходимости развития криминалистической науки. Однако давно пора уже перейти к решению других насущных задач.

Интеграция в криминалистику новых научных методов и разработка на этой основе новых криминалистических технологий, а также разработка частных криминалистических теорий за счет творческого использования ею достижений фундаментальных и прикладных наук, в первую очередь связана с развитием криминалистической техники, где обозначился ряд новых направлений. Наряду с уже устоявшимися в 90-е гг. прошлого века в криминалистической технике (и учебном курсе криминалистики) криминалистической фоноскопией, криминалистическим исследованием веществ, материалов и изделий, практически традиционным стал раздел «криминалистическое исследование пахнущих следов» или «криминалистическая ольфакторика» (от olfactus, ольфакторный» – воспринимаемый посредством обоняния, обонятельный) отрасль криминалистической техники; изучающая свойства и характеристики следов пахнущих веществ, воспринимаемых посредством обоняния, (ольфакторных следов), средства и методы их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования в целях криминалистической диагностики и идентификации по следам, обнаруженным на месте про-

---

криминалиста. 2012. № 3; *Шепитько В. Ю.* Криминалистика в системе научного знания: задачи и некоторые тенденции в современных условиях // Там же; *Эксархопуло А. А.* Учение о предмете криминалистики как теоретическая база для постановки ее актуальных задач // Там же; *Кустов А. М.* Научный взгляд на предмет и объекты российской криминалистики и др. // Там же.

[1] *Россинская Е. Р.* Ревизия определения предмета криминалистики: за и против // Библиотека криминалиста. 2012. № 4; *Ее же.* К 95-летию со дня рождения Р. С. Белкина – ученого и педагога // Там же. 2017. № 5.

[2] *Эксархопуло А. А.* Учение о предмете криминалистики как теоретическая база для постановки ее актуальных задач // Библиотека криминалиста. 2012. № 3.

[3] *Карагодин В. Н.* Формирование и развитие современных представлений об объекте и о предмете криминалистики // Библиотека криминалиста. 2012. № 3.

исшествия[1]. Хотя во многих учебниках вопреки рекомендациям специалистов, осуществляющих ольфакторные исследования, этот раздел называют еще по старинке «криминалистической одорологией», что является не совсем корректным, поскольку одорология — это наука о запахах, т. е. об ощущениях, возникающих при обонянии. Заметим, что запахи являются психическими образами, не подлежащими инструментальным исследованиям. Ольфакторные характеристики объектов обусловлены качественным и количественным составом пахнущих компонентов пота и крови, т. е. идентификация субъекта осуществляется в ольфакторном исследовании не по запаху, а по пахнущим следам этого человека[2].

В последние годы назрела необходимость дальнейшего совершенствования и обновления и традиционных разделов криминалистической техники. Это связано, в первую очередь, с разработкой новых криминалистических технологий, позволяющих получать ранее недоступную криминалистически значимую информацию.

Так сформировалась микротрасология как самостоятельное направление в рамках традиционной трасологии. Как указывает Н. П. Майлис, «особый интерес представляют исследования контрафактной продукции: компакт-диски, кредитные карты, ювелирные изделия и многие, многие другие. Технология их изготовления меняется за счет нового, более совершенного оборудования, современных технологических процессов, а также материалов, из которых они изготавливаются. В связи с этим на изделиях массового производства появляются новые признаки производственно-технологического характера»[3].

Другим примером видоизменения традиционных криминалистических объектов является появление сигнальных устройств нового поколения, которые представляют собой одноразовые технические средства, конструкция и технология производства которых обеспечивает выполнение двух функций: подлинности и целостности (неприкосновенности) механизма (системы), преграждение несанкционированного

---

[1] См., например: *Старовойтов В. И, Панфилов П. Б., Самыгин Ф. И., Гудкова Е. Н.* Основы судебной экспертизы запаховых следов человека. Ростов н/Д, 2008; *Панфилов П. Б.* Основные принципы обеспечения достоверности исследований запаховых следов человека с использованием собак-детекторов в судебной экспертизе. М., 2007; *Старовойтов В. И.* Задачи и объекты судебно-биологической ольфакторной экспертизы пахнущих следов человека // Судебная экспертиза: методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2014.

[2] Исследование запаховых следов человека: учеб. пособие / под ред. Т. Ф. Моисеевой, В. Г. Савенко. М., 2008.

[3] *Майлис Н. П.* Трасология и трасологическая экспертиза: курс лекций. М., 2015.

вскрытия и повторной установки. В отличие от ранее существующих пломб и закруток целями применения этих сигнальных устройств являются уведомления об определенных запрещениях, например, «не вскрывать, вскрытие будет обнаружено; удостоверения подлинности объектов; удостоверения собственности на объекты; удостоверения определенного качества объектов; удостоверения конкретного производителя данных объектов; удостоверения прав на получение определенных товаров и услуг, учет объектов[1]. Таким образом, можно считать уже сформировавшимся новый раздел криминалистической техники: Криминалистическое исследование запирающих механизмов и сигнальных устройств (в том числе магнитных, электронных и пр.), который далеко выходит за рамки традиционной трасологии[2].

Мы поддерживаем позицию И. О. Перепечиной о необходимости введения в криминалистическую технику нового раздела, связанного с «Генетической идентификацией личности»[3]. Хотя такое название представляется нам слишком узким. Думается, что раздел должен называться «Криминалистическое исследование биологических следов человека» и включать в том числе ольфакторику.

Несмотря на интеграцию компьютерных технологий во все сферы человеческой деятельности, к сожалению, закономерности возникновения, движения и видоизменения потоков криминалистически значимой информации, с использованием компьютерных средств и систем, за исключением рассмотрения этих вопросов в методике расследования преступлений в сфере компьютерной информации, криминалистикой изучаются пока явно недостаточно. Литература на эту тему, хотя и многочисленная, носит неупорядоченный фрагментарный характер. Возможности получения подобной информации большинству криминалистов-практиков неизвестны, и думается, что для исследования подобных компьютерных средств необходим особый комплекс специальных знаний, тем более, что как справедливо отмечают некоторые ученые, при расследовании компьютерных преступлений возникают трудности даже с определением места его совершения[4]. Предлагаем концепцию новой частной теории информационно-компьютерного

---

[1] *Меланич Е. В.* Криминалистическое исследование сигнальных устройств в уголовном и гражданском судопроизводстве: дис … канд. юрид. наук. М., 2007.

[2] *Россинская Е. Р.* Криминалистика: учеб. М., 2014.

[3] *Перепечина И. О.* Генетическая идентификация личности // Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М., 2014.

[4] *Протасевич А. А., Зверянская Л. П.* Особенности осмотра места происшествия по делам о киберпреступлениях // Известия Иркутской гос. экон. академии. 2013. № 2.

обеспечения криминалистической деятельности[1]. Предметом этой теории могут служить закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений. Объектами являются компьютерные средства и системы, особенности криминалистических технологий собирания (выявления, фиксации, изъятия) и исследования этих объектов для получения доказательственной и ориентирующей информации. Данная частная теория должна объединять криминалистическое исследование компьютерных средств и систем; рассмотрение в криминалистической тактике особенностей тактики и технологии производства следственных действий, направленных на получение криминалистически значимой компьютерной информации и служить базой для разработки методики расследования компьютерных преступлений. Одной из основных составляющих этой теории является новый раздел криминалистической техники – криминалистическое исследование компьютерных средств и систем[2].

Развитие криминалистической тактики в современных условиях, думается, должно идти по пути «технологизации» и «психологизации», т. е. использования точных экспериментальных методов естественных, технических, экономических наук, прежде всего судебной психологии, а также положений математической логики – для оптимизации и алгоритмизации производства конкретного следственного действия, теории информации – для изучения процессов возникновения и передачи сведений, разработки новых эффективных тактических приемов допроса и других следственных действий; совершенствования существующих и разработки новых тактических приемов и тактических комбинаций, связанных с изменениями процессуального законодательства; разработки путей и форм использования рекомендаций криминалистической тактики в гражданском и административном судопроизводстве.

Что касается методик расследования отдельных видов преступлений, то существующее положение нельзя признать приемлемым. Методические рекомендации зачастую носят шаблонный характер и практически бесполезны для следственной практики. Криминалистические характеристики отдельных видов преступлений без реального инфор-

[1] Подробнее об этом см.: *Россинская Е. Р.* К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. 2016.

[2] *Россинская Е. Р., Шамаев Г. П.* Новый раздел криминалистики: криминалистическое исследование компьютерных средств и систем // Baikal Research Journal. 2015. № 1. Т. 6.

мационного наполнения превратились в перечни всем известных действий и мероприятий. Именно об этом некогда говорил Р. С. Белкин, который не был противником этой криминалистической категории, а возражал против ходульных штампов, зачастую составляющих этот раздел в учебниках криминалистики и даже в монографиях и статьях ученых-криминалистов[1].

С позиций вышеуказанной частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности криминалистическую характеристику можно рассматривать как некую информационную модель вида преступления, включающую статистически обобщенные данные о механизме (способе) преступления, субъекте преступления, типичном потерпевшем, типичных обстоятельствах сопутствовавших или препятствовавших совершению и сокрытию преступления.

Переход юридического образования на двухуровневую систему предопределил резкое сокращение часов, отведенных на изучение криминалистики в рамках бакалавриата. Во многих университетах мода на цивилистические специализации привела к включению криминалистики в блок дисциплин по выбору. В этих вузах полагают, что криминалистика необходима лишь при подготовке следователей. Магистерских программ криминалистического направления мало. Бакалавры, опять-таки следуя моде, их выбирают редко. Это не может не привести к весьма негативным последствиям для правоприменительной практики.

Криминалистика всегда являлась одной из базовых дисциплин в системе подготовки профессиональных юристов. Впервые курс криминалистики был прочитан С. Н. Трегубовым в Императорской военно-юридической академии и Училище правоведения в 1912–1913 гг. Но в рамках университетского образования становление курса криминалистики произошло в Московском государственном университете. Известный советский криминалист И. Н. Якимов читал его сначала на факультете общественных наук, а затем на правовом факультете. С тех пор криминалистика стала неотъемлемой частью высшего юридического образования. Ее необходимость при подготовке юристов любой специализации в настоящее время вытекает из определения предмета этой науки. Криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, о закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познаниях этих закономерностей средствах и методах судебного исследования и предотвра-

[1] *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.

щения преступлений[1]. Следует подчеркнуть, что судебное исследование на современном этапе должно трактоваться расширительно как вся юрисдикционная деятельность компетентных органов по раскрытию и расследованию преступлений, судебному разбирательству не только уголовных, но гражданских дел и административных дел[2].

Новые федеральные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) 3 и 3+ декларируют основной целью подготовки формирование профессиональных компетенций юриста, в том числе реализацию в своей профессиональной деятельности норм процессуального права; владение навыками выполнение должностных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества, государства; способность выявлять, пресекать, раскрывать и расследовать преступления и иные правонарушения и пр., что невозможно без изучения криминалистики. Поэтому курс криминалистики должен стать обязательным для всех бакалавров, независимо от профиля подготовки.

Более того, практика показала, что Болонская система в сфере юриспруденции не позволяет обеспечить подготовку специалистов по целому ряду направлений, весьма важных для государства. С самого начала в рамках специалитета (пятилетнее обучение) остались специальности «Правоохранительная деятельность» и «Судебная экспертиза», к которым присоединилась новая специальность «Правовое обеспечение национальной безопасности». С 2016 г. появилась еще одна специальность «Прокурорская и судебная деятельность». Очевидно, что программы преподавания криминалистики по этим специальностям, где предусмотрен достаточно большой объем часов, должны быть ориентированы на профессиональные компетенции, заложенные в ФГОС ВО по этим специальностям, и включать современные достижения криминалистической науки и практики.

---

[1] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. М., 2001.

[2] *Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р.* Криминалистика: учеб. для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

*Е. А. РУСАКОВА**

Криминалистическая характеристика субъекта, незаконно использующего специальные технические средства для негласного получения информации в целях совершения преступления

XXI век богат на достижения и открытия в области создания различных гаджетов, облегчающих человеческую жизнь. Не обошел стороной научный прогресс и промышленное производство всевозможных специальных технических средств (далее – СТС). Во многих странах мира СТС используются в «мирных целях», а именно легально СТС используются в оперативно-розыскной деятельности, в некоторых случаях в частной детективной деятельности, в целях обеспечения безопасности на государственных предприятиях и т. д. Однако, все больше и больше проявляется тенденция нелегального использования СТС для решения личных задач (зачастую путем незаконного вмешательства в частную жизнь других людей, нормальное функционирование организаций, фирм, предприятий и др.), сугубо в своих личных целях и интересах, начиная от простой личной заинтересованности и заканчивая промышленным и государственным шпионажем. С каждым годом разработчики СТС модернизируют их возможности, и если ранее, например, прослушивающее устройство требовало постоянного электропитания и периодической подзарядки, то сейчас оно может работать автономно или получать энергию от других энергоисточников. Особое место среди рассматриваемой категории СТС занимают устройства для негласной передачи звуковой информации – подслушивающие устройства. Например, сетевые прослушивающие устройства устанавливаются в розетки, удлинители, которые используют питание от сети, а также могут быть напрямую вмонтированы в силовую линию.

Многообразие выбора и доступность осуществления заказа и покупки в сети Интернет сделали СТС доступным средством для получения аудиоинформации незаконно, иными словами, совершения преступлений, предусмотренных ст. 138[1] УК РФ, заинтересованными в этом лицами. Так на сайтах aliexpress.com, alibaba.com, avito.ru без каких-либо ограничений в открытом доступе можно приобрести СТС

* Магистрант кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

для скрытого получения информации (запись аудио, видео, перехват радиочастот и др.) путем электронного заказа удаленно от места их производства, что составляет проблему для таможенных и иных правоохранительных органов при выявлении лиц, заказавших такую аппаратуру и привлечении их к ответственности. Среди средств, предлагаемых для покупки в такого рода торговых точках, наряду со средствами непосредственно предназначенных для негласной фиксации информации, имеется значительное число НТС, у которых такая функция присутствует факультативно, наряду с основной. Следует отметить, что в большинстве устройств, относящихся к охранной сигнализации, таких как GPS-трекеры, одной из важнейших функций является скрытая передача сигнала на базовую станцию – приемник лица, установившего это средство. Причем независимо от того, где будет приобретено такое средство – в России у фирмы, которая стремится к монополии владения правом установки таких устройств, или через интернет-магазин любой страны, его функции не изменяются. В данном случае, на наш взгляд, таможенным и иным правоохранительным органам следует проводить широкую разъяснительную работу с четким указанием признаков, которыми должно обладать средство, за приобретение которого может наступить уголовная ответственность.

Чтобы оградить и защитить граждан от стороннего вмешательства в их личную жизнь, бизнес, защитить от утечки их персональные данные, в 2011 г. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодатель вводит статью 138[1] Уголовного кодекса Российской Федерации (незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации)[1]. Норма данной статьи еще не нашла свое отражение в методических рекомендациях и криминалистических методиках для правоохранительных органов, поэтому на данный момент имеется острая необходимость в их разработке для борьбы с такого рода преступлениями.

Одной из основных проблем на первоначальном этапе расследования такого рода преступлений является выявление и обнаружение незаконно установленных СТС. Порой обнаружение прослушивающих и подглядывающих устройств, практически невозможно или затрудни-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 декаря 2011 г. № 420-ФЗ // URL: http://base.garant.ru/70103074.

тельно без научно-технических средств (НТС), предназначенных для их обнаружения по различным техническим параметрам (звуку, радиосигналам, индикаторам в различных спектрах и т. д.). Но все же это возможно.

Анализ практики показал, что по большей части незаконным техническим оборудованием для скрытого и негласного получения информации пользуются определенные группы лиц, таким образом, условно можно выделить три таких группы:

профессионалы (бывшие, действующие сотрудники правоохранительных органов, частные детективы);

непрофессионалы;

лица, сбывающие прослушивающие устройства с целью получения прибыли (продажа СТС как первой, так и второй группе лиц).

Результаты анализа материалов уголовных дел, связанных с преступлениями, предусмотренными ст.138[1] УК РФ, проведенного автором, свидетельствуют о том, что основой для криминалистической характеристики личности преступника является возраст, пол, мотив, место совершения преступления и т. д. Как правило, возрастной состав варьируется от 20 до 50 лет, пол в основном мужской. В большинстве случаев преобладают два вида мотива: корыстный и личностная неприязнь.

Места совершения преступления различны и во многом зависят от мотива преступления.

Так, с использованием профессиональных навыков и знаний бывший (а иногда и действующий) сотрудник спецслужб может выбирать неординарные места для установки СТС с целью получения негласной информации. Варианты установки могут быть различны: часы, телефоны, настольные лампы, флэш-карты, ручки и т. д. Подслушивающие устройства могут скрываться в очках, в игрушках, вентиляционных отверстиях, предметах декора и мебели, пожарной и охранной сигнализации. Обычно для установки прибегают к помощи обслуживающего персонала: официантов, секретарей, уборщиц, сантехников, электриков и т. д. Часто СТС для скрытого снятия негласной информации маскируют под дорогие подарки и сувениры – авторучки, зажигалки, запонки и ювелирные украшения.

Для того чтобы установить «жучок» конкретному лицу, необходимо знать интересы и увлечения этого лица с целью маскировки под тот или иной объект устанавливаемого прослушивающего устройства[1]. Таким образом, с одной стороны, прежде чем устанавливать прослуши-

[1] Интервью с О. Пытовым // Вести ФМ: URL: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/207978.

вающее устройство, необходимо изучить психологию объекта, т. е. его интересы, увлечения и привязанности, с другой стороны, для предотвращения такого посягательства необходимо знать и психологию субъекта, устанавливающего такие устройства, его цели и мотивы.

Прежде стоит сказать, что существует огромное множество звукозаписывающих, прослушивающих устройств, таких как акустические, вибрационные, телефонные, сетевые, лазерные и инфракрасные.

Проверка помещений на наличие прослушивающих устройств – единственный метод предотвращения утечки важной информации. Обнаружить «прослушку» в помещении не так-то просто. Местом для установки прослушивающего устройства может служить любая ниша, это может быть: потолочный или паркетный плинтус, рама окна, любой электрический прибор. Одним из немногих факторов для установки является наличие бесперебойного питания. Чтобы проверить помещение на наличие прослушивающих устройств понадобится достаточно много времени на обследование, для этого используются специальные технические устройства («антижучки», «глушилки») для обнаружения скрытых, замаскированных устройств записывающих, снимающих и передающих негласную информацию. В зависимости от направления и сложности «антижучков», они могут находить беспроводные, удаленно-управляемые, скрытые видеокамеры, или другие типы СТС. Устройства аудио-, видеозаписи, передающие информацию беспроводным путем выявить легче всего. Для этого сканируется радиоэфир, выявляются сторонние частоты. Для того чтобы обнаружить нахождение камер, имеются различные типы приборов. Один из самых распространенных, это лазерно-лучевой сканер. Направленный луч, отразившись от светочувствительного элемента камеры, возвращается назад к устройству, тем самым позволяя «антижучку» обнаружить местоположение видеокамеры. Например, при осмотре места происшествия на наличие скрытых камер может использоваться специальное устройство ОПТИК-2 – обнаружитель скрытых видеокамер с объективами типа «pinhole» по оптическому признаку[1].

Следует сказать, что в настоящее время имеется острая необходимость в разработке методики установления личности преступника по данной категории дел. В данный момент методика находится на начальной стадии своего формирования, а именно идет процесс сбора, накопления, обработки и систематизации соответствующей информа-

[1] ОПТИК-2 (профессиональный обнаружитель скрытых видеокамер) // URL: http://omsk.sledcom.ru/folder/876748/item/876751.

ции для создания основ методики расследования по преступлениям, связанным с незаконным получением негласной информации.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) как и всякое достижение научно-технического прогресса, появление, распространение и доступность СТС наряду с положительным влиянием создало условия для их незаконного применения;

2) незаконное использование СТС ставит перед правоохранительными органами задачи выявления признаков преступлений, связанных с их использованием, среди которых важное место занимает необходимость разработки методик их обнаружения, фиксации и использования полученной информации в доказывании;

3) в обнаружении незаконно установленных средств, наряду с профессиональными знаниями, важное место занимают НТС, предназначенные для их обнаружения, разработка и совершенствование которых не должны отставать от внедряемых средств негласного получения информации.

*В. И. САНЬКОВ**

Электронное судопроизводство и криминалистика

Современный период правоприменительной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений характеризуется использованием передовых средств обнаружения, фиксации, исследования значимой информации, связанных с применением цифровых технологий. Все чаще в уголовном судопроизводстве приходится иметь дело с так называемыми «электронными доказательствами», т. е. доказательственной информацией, существующей в «цифровом» формате, которую возможно обнаружить и зафиксировать с помощью различных электронных устройств (компьютерной техники, мобильных телефонов, съемных носителей информации и т. п.). Соответственно, возникают новые задачи у науки криминалистики в части разработки новых методик расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве, тактики работы с электронными документами, которые представляют собой «специально организованную в соответствии с единым замыслом в упорядоченную систему цифровых объектов с соответствующим

* Кандидат юридических наук, заместитель директора НИИ криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

информационным и программным обеспечением, размещенную на цифровых носителях и предназначенную для хранения семантически значимой информации»[1].

В юридической литературе предлагаются различные направления дальнейшего развития «электронного» судопроизводства. Одни авторы говорят о появлении нового вида доказательств – «электронных», обладающих определенной спецификой, но фиксация которых должна производиться в традиционной форме с помощью протокола соответствующего следственного действия[2]. Обосновывается возможность и целесообразность использования в процессе производства по уголовному делу электронных документов, включая электронные протоколы процессуальных действий[3].

Сторонники более радикального подхода к решению вопроса о развитии «электронного» уголовного судопроизводства предлагают не только отказаться от традиционной – «бумажной» формы процессуальных документов при расследовании уголовных дел, но и вообще от протокольной, следственной, формы сбора доказательств. Так, по мнению П. С. Пастухова, сравнительно-правовой анализ грузинского, украинского, немецкого законодательства позволяет сделать вывод о необходимости смены технологии доказывания – освобождении ее от следственной формы и введении состязательного порядка. Документированию в письменном виде как несовершенному способу фиксации доказательственной информации надо предложить альтернативу в виде электронного документа – видео- или аудиозаписи в цифровом формате, на смену протоколу должен прийти электронный документ в виде видеозаписи следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия. «Что же касается личных доказательств, то они по общему правилу должны формироваться только в судебном разбирательстве в ходе судебных допросов сторонами и судом осведомленного о фактах лица, видео- или аудиозапись показаний как производное доказатель-

---

[1] *Ищенко Е. П.* Актуальные проблемы развития российской криминалистики / Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: коллектив. моногр. / отв. ред. Е. П. Ищенко. М., 2016. С. 19.

[2] См., например: *Бикмиев Р. Г., Бурганов Р. С.* Собирание электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Информационное право. 2015. № 3. С. 17–21.

[3] *Фролкин Н. П.* Возможности протоколирования процессуальных действий в уголовном судопроизводстве с использованием электронных (цифровых) средств // Рос. следователь. 2015. № 11. С. 5–8.

ство может воспроизводиться в суде только в специально предусмотренных законом случаях»[1].

В то же время в современных условиях замена письменной формы уголовного судопроизводства на электронную невозможна, прежде всего, по причине отсутствия достаточных финансовых средств, технической оснащенности не только органов расследования, но и всех, кто попадает в орбиту предварительного следствия. Ведь переход полностью на электронный способ формирования материалов уголовного дела предполагает наличие у всех субъектов, вовлеченных в уголовное судопроизводство, соответствующей компьютерной техники, программного обеспечения, бесперебойного подключения к Интернету, наличие электронной цифровой подписи и т. д. Помимо этого, с учетом того, что материалы уголовного дела содержат сведения, составляющую тайную следствия, а также иную охраняемую законом тайну, необходимы надежные способы защиты «электронного уголовного дела» от несанкционированного доступа, в том числе при передаче таких ма-териалов с помощью информационно-телекоммуникационных сетей. Сегодня да и, видимо, в ближайшем будущем невозможно создание условий для обеспечения всех участников уголовного процесса, особенно граждан, возможностью полноценно реализовать свои права и обязанности в «электронном» уголовном судопроизводстве. Следует согласиться с мнением профессора П. А. Скобликова, считающего, что «…даже если электронный документооборот будет вводиться, то на первом этапе разумно сделать его лишь в качестве дополнения к уже существующему порядку; стоит задача создания некой разумной модели интеграции одного с другим»[2].

Необходимость «бумажной» формы уголовного дела в настоящее время и в обозримом будущем связана еще и с тем обстоятельством, что при расследовании, особенно должностных, экономических преступлений, следователю приходится изымать и приобщать к материалам дела большое количество документов, изготовленных в письменной форме. Соответственно, полный переход на электронную форму уголовного дела возможен при условии перехода на такую форму документооборота во всех государственных, муниципальных учреждениях, предприятиях и организациях.

---

[1] *Пастухов П. С.* К вопросу о создании процедуры использования «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. М., 2015. № 2. С. 5–8.

[2] *Скобликов П. А.* Электронные документы в уголовном процессе. Доводы «за» и «против» / URL: http://www.pravda.ru/news/expert/28-11-2016/1318994-skoblicov-0/#.

На наш взгляд, следует различать применение электроники, информационно-телекоммуникационных сетей в уголовном судопроизводстве для его совершенствования и оптимизации, сокращения сроков предварительного расследования (фиксации процесса получения доказательств, формирования документов, их сохранения, пересылки, ознакомления с ними и т.п.), и сам процесс получения доказательств в ходе производства следственных действий, который происходит с обязательным участием и взаимодействием субъектов уголовного процесса (следователя и других участников следственного действия), с использованием знаний криминалистики. При этом «электроника» не сможет заменить человека, оставаясь лишь способом получения, фиксации, сохранения, передачи доказательственной информации, полученной следователем в результате производства следственных действий в рамках уголовно-процессуальной формы, наполненной криминалистическим содержанием.

Упразднение протокольной (следственной) формы уголовного судопроизводства означает отказ от существующего на протяжении более полутора веков отечественного института предварительного следствия, производимого сначала судебными следователями, затем – следователями, состоявшими в различных ведомствах, а с 15 января 2011 г. – в том числе и следователями полностью самостоятельного Следственного комитета Российской Федерации, независимого от ведомственной принадлежности.

Отказ от протокольной формы расследования имеет определенные положительные моменты, к которым можно отнести ускорение процесса сбора доказательств, его упрощение и «облегчение», экономию за счет отсутствия «бумажной» формы, сокращение срока, в течение которого преступник может предстать перед судом.

Представляется, что такая форма уголовного судопроизводства целесообразна при расследовании очевидных преступлений небольшой тяжести, или «уголовных проступков», в ситуации полного признания вины, когда нет необходимости сбора большого объема доказательств. Например, вор-карманник застигнут при совершении кражи кошелька у прохожего, что зафиксировано видеокамерой наружного наблюдения, он сразу задержан подоспевшим нарядом полиции и признался, выдав похищенное – в подобной ситуации, действительно, нет необходимости проведения предварительного расследования, такой преступник может сразу же предстать перед судом и получить соответствующее наказание, применение криминалистических средств и методов здесь минимальное или вообще отсутствует.

Другое дело сложные преступления – неочевидные, многоэпизодные, расследование которых происходит в конфликтной ситуации отрицания вины или самооговора – в таком случае заподозренное лицо либо вообще отсутствует и идет кропотливая работа по его установлению и изобличению, либо подозреваемый задержан, но предстоит выполнить большой объем следственных и иных процессуальных действий по сбору доказательств его виновности (или невиновности), соответственно, он не может сразу же предстать перед судом, необходима стадия предварительного расследования. В противном случае суд должен взять на себя функцию сбора первоначальных доказательств вместо следователя, что противоречит его предназначению – осуществлять правосудие.

При осуществлении предварительного сбора доказательств следователем протокольная форма приобретает важное значение, поскольку фиксирует в определенной, установленной законом, форме (бумажной или электронной) деятельность следователя по сбору доказательств. Именно протоколы (и вообще процессуальные документы – постановления и т. д.) позволяют иным участникам судопроизводства, а затем и суду ознакомиться с результатами действий следователя, оценить их с точки зрения соблюдения процессуальных норм и криминалистических рекомендаций. Поскольку по таким делам важнейшее значение имеет применение всех отраслей криминалистических знаний (техники, экспертизы, тактики, методики и т. д.), факт и результаты использования этих знаний также должны получить отражение в процессуальных документах – протоколах следственных действий, постановлениях о назначении экспертиз, приобщения вещественных доказательств и т. п.

Например, одним из основных общепризнанных тактических приемов допроса является максимально возможная детализация показаний, которая достигается постановкой уточняющих, дополнительных, напоминающих, контрольных вопросов. Применение данного приема находит отражение в подробных, детальных показаниях, зафиксированных в протоколе допроса. Эффективность использования приема детализации показаний подтверждена научными исследованиями и многолетней правоприменительной практикой. Так, еще два века назад, известный английский философ, юрист Иеремия Бентам писал в своем трактате о судебных доказательствах: «Чем более обстоятельств, тем более исходных точек, по которым, в случае ложности показания в некоторых пунктах, его ложность будет открыта. От того, чем обстоятельнее показание, тем более оно дает обеспечений против ошибки»[1].

[1] Цит. по: *Карнеева Л. М.* Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. Волгоград, 1976. С. 67–68.

Комментируя Устав уголовного судопроизводства 1864 г., выдающийся российский криминалист, сенатор, профессор Санкт-Петербургского университета И. Я. Фойницкий отмечал, что «все действия предварительного следствия записываются в протоколы, от которых закон требует величайшей подробности»[1].

Современные ученые также указывают на важность данного тактического приема, особенно при допросе подозреваемого (обвиняемого), признающего свою вину: «допрос и в этой благоприятной ситуации должен проводиться столь же тщательно и детально, как и при отрицании допрашиваемыми своей вины»[2].

Несомненна при этом эффективность применения технических средств видеозаписи показаний, но именно изложение показаний в письменном протоколе в предусмотренной УПК РФ форме, подписанном всеми участниками допроса, позволяет удостоверить факт и результаты проведения данного следственного действия, соблюдение уголовно-процессуальных норм и криминалистических рекомендаций и впоследствии получить оценку суда. Думается, что в сегодняшних условиях сочетание письменной, протокольной формы и видеофиксации следственных действий является оптимальным и реально осуществимым. Со временем, при появлении соответствующего технического обеспечения, возможен переход на электронную форму уголовного судопроизводства, в том числе протоколов следственных и иных процессуальных действий, что не означает, однако, отказ от протокольной формы ведения судопроизводства (вместо бумажного будет электронный протокол) и института предварительного следствия как такового.

Вместе с тем, сама протокольная форма ведения предварительного расследования в настоящее время не лишена недостатков, обусловленных как несовершенством законодательства, так и процессуальными и тактическими упущениями следователей при составлении протоколов следственных действий. Данная тема заслуживает отдельного обстоятельного обсуждения.

---

[1] *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 1. С. 89.

[2] Криминалистика: учеб. / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М., 2014. Т. 2. С. 141.

*В. А. СЕМЕНЦОВ**

Криминалистика в системе номенклатуры специальностей научных работников по юриспруденции

23 апреля 2010 г. в Саратовской государственной академии права на координационном совещании руководителей диссертационных советов по юридическим наукам состоялась дискуссия об изменении и дополнении но-менклатуры специальностей научных работников по юриспруденции. В итоге принято решение передать данный проект для широкого обсуждения с привлечением ученых и заинтересованных учреждений.

Авторам рабочей группы по подготовке данного проекта, образованной в экспертном совете Высшей аттестационной комиссии по праву при Министерстве образования и науки Российской Федерации (далее – ВАК), была сформулирована целевая установка – сделать оптимальной номенклатуру специальностей «как с точки зрения развития и будущности юридической науки, так и с позиции подготовки высококвалифицированных специалистов, эффективной работы диссертационных советов»[1].

В рабочую группу поступили заключения «от ученых советов юридических вузов России (в их числе МГЮА, МГИМО(У) МИД России, РУДН, Всероссийская академия внешней торговли, Нижегородская академия МВД России, Уральская государственная юридическая академия и др.); научных учреждений (ИЗиСП, ИГП РАН), от Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию законодательства, от диссертационных советов, а также отзывы и предложения ведущих ученых и специалистов в области юриспруденции. Всего 76 документов»[2].

В числе новаций номенклатуры специальностей научных работников по юриспруденции предложено обсудить возможность обособления и комплексного развития специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность, поскольку знания в сфере криминалистики и экспертной де-

---

* Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета.

[1] *Власенко Н. А.* О номенклатуре специальностей научных работников в области юриспруденции // Журн. рос. права. 2010. № 7. С. 98.

[2] *Власенко Н. А., Мацкевич И. М.* Новая номенклатура научных специальностей в сфере юриспруденции // Журн. рос. права. 2011. № 8. С. 84.

ятельности, по мнению участников рабочей группы, связаны не только с уголовным процессом, но и другими процессуальными науками. Здесь необходимо подчеркнуть, что рабочая группа не считала предлагаемые нововведения бесспорными и надеялась «на конструктивную критику и доброжелательность»[1].

В заключении, подготовленном профессорами А. А. Хмыровым и В. А. Семенцовым, представляющих две кафедры – криминалистики и уголовного процесса, обсужденному и одобренному на заседании ученого совета юридического факультета Кубанского государственного университета 27 июня 2010 г., отмечалось следующее.

1. Название специальности 12.00.09 уже подвергалось многократным изменениям, последнее из которых – в 2009 г. путем исключения из нее судебной экспертизы[2]. Столь частое изменение одной и той же научной специальности, во-первых, не вызывается объективной необходимостью, во-вторых, ведет к нестабильности в научных исследованиях, порождает обоснованные опасения исследователей при выборе соответствующей тематики, что в целом создает опасную тенденцию научной стагнации либо неоправданного ускорения научных разработок в ущерб качеству как в области науки уголовного процесса, так и науки криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертизы.

2. Во многих юридических вузах давно и успешно функционируют объединенные кафедры уголовного процесса и криминалистики, основанные на плодотворном сотрудничестве ученых и практиков в указанных областях знаний.

3. Сердцевина уголовного процесса – доказывание и его теория. УПК РФ определяет нормативную основу и формы доказывания, а криминалистика – содержательную сторону и средства этой деятельности. По этой причине их обособление представляется спорным.

4. Объединение уголовного процесса с криминалистикой и оперативно-розыскной деятельностью обусловлено многовековой историей, позитивным современным опытом правоприменения и взаимного обогащения указанных отраслей научного знания. В связи с этим вызывает удивление неаргументированное утверждение авторов проекта о том,

---

[1] *Власенко Н. А.* О номенклатуре специальностей научных работников в области юриспруденции. С. 101.

[2] Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников: приказ Минобрнауки России от 25 февраля 2009 г. № 59 (с изм. от 16 ноября 2009 г. № 603, от 10 января 2012 г. № 5, от 20 февраля 2015 г. № 114, от 14 декабря 2015 г. № 1458, от 8 июня 2017 г. № 507) // Бюл. нормат. актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 20.

что объединение уголовного процесса с криминалистикой и оперативно-розыскной деятельностью «постоянно порождает противоречия между ними, искусственно сдерживает развитие самого уголовного процесса, особенно в части новых механизмов процессуальной деятельности, направленных на обеспечение прав и свобод личности».

5. Представляется неточным определение цели уголовного процесса – обеспечение возможности реализации уголовного закона, при отрицании необходимости раскрытия и расследования преступлений. Следуя этой логике уголовный процесс необходимо объединить с уголовным правом в рамках одной научной специальности. Кроме того, что цель уголовного процесса обозначена в ст. 6 УПК РФ и может быть реализована путем решения взаимосвязанных и взаимообусловленных задач, в том числе задачи раскрытия преступлений и изобличения виновных, без которой защита прав лиц и организаций, потерпевших от преступлений невозможна.

6. Независимо от своего организационного расположения в системе научных специальностей, достижения прикладных юридических наук – криминалистики и оперативно-розыскной деятельности могут быть эффективно использованы (помимо основного своего предназначения по обеспечению уголовного процесса) для достижения целей гражданского и арбитражного процесса, производства об административных правонарушениях.

7. По отношению к криминалистике и оперативно-розыскной деятельности уголовный процесс занимал и занимает ведущее положение, служит нормативной и теоретической основой для их развития и совершенствования, а не ограничивает их возможности, как утверждается в проекте.

8. Предложения авторов проекта об изменении перечня научных специальностей, по включению судебно-экспертной деятельности во вновь создаваемую специальность 12.00.12 выглядит нелогичным, даже с учетом обоснования, имеющегося в проекте. Его авторы полагают, что в данной специальности подлежат объединению родственные прикладные юридические науки, обеспечивающие судопроизводство. Аргументы приводятся следующие: исследования в области судебной экспертизы в настоящее время тормозятся рамками уголовного судопроизводства, тогда как требуется проводить соответствующие научные изыскания в гражданском, арбитражном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях.

Думается, что данные аргументы не выдерживают критики по следующим основаниям: в рамках административного, арбитражного

и гражданского процесса, имеется соответствующее нормативное регулирование процедуры производства судебной экспертизы, что не исключает, а предполагает и поощряет соответствующие направления научных исследований. Примерами тому могут быть успешно защищенные кандидатские и докторские диссертации по этому направлению исследований.

Учитывая теоретическую и практическую значимость исследований в области судебной экспертизы, в заключении было предложено два возможных варианта решения этой проблемы:

1. На протяжении многих лет специальность 12.00.09 включала в качестве составной части теорию судебной экспертизы и это благотворно сказывалось на развитии, как самой науки судебной экспертизы, так и уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Взаимообогащение достигалось за счет непосредственного использования в теории судебной экспертизы и практики ее реализации достижений криминалистики в области обеспечения экспертной деятельности. Полагаем возможным вернуться к прежнему названию специальности 12.00.09, выделив самостоятельным пунктом судебную экспертизу, подчеркнув ее значение для специальности в целом.

2. Определить место судебной экспертизы, исключенной ранее из научной специальности 12.00.09, в специальности 12.00.11, что позволит изучать специфические закономерности, как организации судебной экспертной деятельности, так и ее особенности применительно к административному, арбитражному, гражданскому и уголовному процессу.

Сегодня можно назвать и третий вариант, когда исследования в области судебной экспертизы могли бы осуществляться в рамках самостоятельной, вновь созданной научной специальности. Указанный компромиссный вариант позволит решить проблему неоправданного исключения судебной экспертизы из числа отраслей научного знания, будет способствовать сохранению юридической научной школы судебной экспертизы и развитию теории и практики судебно-экспертной деятельности.

Как известно, 10 января 2012 г. решение было принято иное – то, что предложено авторами рабочей группы – о выделении из уголовного процесса в отдельную научную специальность 12.00.12 криминалистики, судебно-экспертной деятельности и оперативно-розыскной деятельности, хотя, как справедливо отмечается в литературе, «до конца не верилось, что такое произойдет»[1].

[1] *Зникин В. К.* Уголовный процесс без криминалистики и ОРД: проблемная ситуация // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. Право. 2015. № 4. С. 32.

Ряд ученых (Л. А. Воскобитова, А. Я. Гришко, Б. Б. Булатов и др.) были против изъятия из специальности 12.00.09 такого ее компонента, как «криминалистика». По их мнению, специальности «уголовный процесс» и «криминалистика» существуют неразрывно, а судебно-экспертную деятельность следует ввести в специальность 12.00.09, как это уже было сделано в 2009 г., либо включить в специальность 12.00.11 (ученый совет юридического факультета Южно-Уральского государственного университета и др.)[1].

Действительно, для уголовного процесса и криминалистики общими являются ряд теоретических положений, например, теория доказательств, учение о следственных действиях и др. Неразрывная взаимосвязь уголовного процесса и криминалистики очевидна и проявляется в однородном объекте изучения. Если уголовный процесс, имеющий ярко выраженный нормативный правовой характер, определяет условия применения криминалистических рекомендаций в раскрытии, расследовании преступлений, то криминалистика разрабатывает средства, приемы и рекомендации по оптимальному достижению цели уголовного судопроизводства. Именно криминалистические рекомендации по использованию при расследовании преступлений такого метода познания, как эксперимент, способствовали появлению в уголовно-процессуальном кодексе таких следственных действий как следственный эксперимент и проверка показаний на месте.

Анализируя соотношение уголовного процесса и криминалистики, Р. С. Белкин и А. И. Винберг отмечали такое явление, как «взаимопроникновение» этих наук, подчеркивали невозможность и даже ненужность, вредность попыток воздвигнуть между ними своеобразную «китайскую стену»[2].

Л. Я. Драпкин, оценивая значительный вклад профессора Р. С. Белкина в развитие теории доказательств, пишет: «Благодаря его блестящим научным работам и несгибаемой воле, из чисто процессуальной научной дисциплины (теория доказательств. – *В. С.*) превратилась в эффективный, тесно связанный с правоохранительной практикой, важнейший пограничный раздел, лежащий на стыке уголовного процесса и криминалистики»[3].

---

[1] *Власенко Н. А., Мацкевич И. М.* Новая номенклатура научных специальностей в сфере юриспруденции. С. 89–90.

[2] *Белкин Р. С.* Закон, уголовно-процессуальная наука и криминалистика // Сов. государство и право. 1979. № 4. С. 85; *Винберг А. И.* Теория судебных доказательств в науке советской криминалистики // Там же. 1977. № 12. С. 75.

[3] *Драпкин Л. Я.* Научное наследие выдающегося ученого-криминалиста, профессора Р. С. Белкина // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 11.

По мнению В. В. Николюка и В. А. Антонова, «возникнув в границах уголовного процесса и затем отделившись от него, криминалистика не потеряла „кровных уз“ с уголовным судопроизводством. Напротив, уголовно-процессуальная деятельность, отдельные процессуальные институты оказались наполнены криминалистическим содержанием в результате успешного взаимодействия данных наук»[1].

По вопросу о выделении из уголовного процесса в отдельную научную специальность криминалистики достаточно эмоционально высказался О. Я. Баев: «процессуалисты и криминалисты – не соседи по кухне в коммунальной квартире с неизбежными в этой ситуации сварами о том, кто на ней хозяин (в которые нас пытаются вовлечь А. С. Александров и ряд поддерживающих его мнение авторов); процессуалисты и криминалисты – игроки единой команды на поле, именуемом уголовным судопроизводством… Изучать уголовный процесс и криминалистику в отрыве друг от друга – и как науки, и как учебной дисциплины – все равно, что пытаться нарисовать прямоугольник одной линией – либо без длины, либо без ширины»[2].

Базируясь на приведенных позициях известных ученых по указанному вопросу можно утверждать, что подавляющее большинство из них едины во мнении и выступают против обособления специальности 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность, несмотря на уже принятое небесспорное решение об этом.

Теперь осталось выяснить, была ли достигнута цель предложенных нововведений – сделать оптимальной номенклатуру специальностей в части выделения из уголовного процесса в отдельную научную специальность криминалистики?

Здесь подчеркнем, что целевая установка на реформирование номенклатуры специальностей научных работников по юриспруденции включала три компонента: 1) развитие и будущность юридической науки; 2) подготовка высококвалифицированных специалистов; 3) повышение эффективности работы диссертационных советов.

Первые два из названных компонентов не вызывают сомнения в необходимости их реализации как сейчас, так и в будущем, что, однако,

---

[1] *Николюк В. В., Антонов В. А.* Проблемы взаимосвязи уголовного процесса и криминалистики в условиях действия УПК РФ (2002–2016 гг.) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Баев О. Я.* Уголовный процесс – криминалистика как система наук, учебных дисциплин и специальностей // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер. Право. 2012. № 1. С. 371.

возможно лишь в единстве с повышением эффективности работы диссертационных советов, на чем остановимся подробнее.

Да, действительно, принятые меры повышения эффективности работы диссертационных советов объективно позволили добиться высокой степени открытости защит диссертаций, в определенной мере изменить структуру и схему работы советов. Наряду с этим следует учитывать, что существенным элементом эффективности работы диссертационных советов служит подготовка и успешная защита диссертационных работ, при наличии советов в вузах каждого региона страны. Как справедливо подчеркивает В. Гутенев, «только это создает возможности для обновления научной среды, повышения ее конкурентности и инновационности, для формирования научных школ, позволяющих решать прикладные задачи регионального развития»[1].

В то же время принимаемые в последние несколько лет решения по оптимизации сети диссертационных советов оправданы не в полной мере. Невольно возникает вопрос – можно ли улучшить качество диссертаций, решить другие накопившиеся проблемы диссертационных советов за счет сокращения их числа?

Безусловно, что нет, хотя по-прежнему остается проблема качества диссертационных исследований, но ее нельзя решать только путем запретов и ужесточения требований.

Например, увеличение числа так называемых ваковских публикаций для соискателей ученой степени служит, с одной стороны, стимулом к качественному изложению основных результатов исследования, а с другой, дополнительным финансовым обременением (по достаточно известным расценкам), тем более, что в сети Интернет можно найти десятки предложений о публикациях «под заказ». Н. Н. Ковтун по этому поводу отмечает следующее: «ценность указанных публикаций прямо пропорциональна платежному поручению и финансовым возможностям диссертанта»[2].

В перспективе решением ВАК от 15 июня 2017 г. № 1-пл/1 признано целесообразным ввести с 1 января 2019 г. новое требование к соискателям ученой степени – опубликование не менее трех статей для соискателей ученой степени доктора наук и не менее одной статьи – для соискателей ученой степени кандидата наук в научных изданиях, включенных в Web of Science, Scopus, PubMed, MathSciNet, zbMATH, Springer, GeoRef. При этом Министерству образования и науки Россий-

---

[1] *Гутенев В.* Сокращение диссертационных советов может привести к негативным последствиям // СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Ковтун Н. Н.* Недостатки в работе диссертационных советов? И только // Юрид. образование и наука. 2011. № 3. С. 9.

ской Федерации рекомендовано обеспечить внесение необходимых изменений в нормативно-правовую базу в срок до 1 января 2018 г.[1] Хочется надеяться, что в обозримом будущем новелла по публикациям в журналах зарубежных индексов цитирования будет носить не обязательный, а справочный характер применительно к номенклатуре специальностей научных работников по юриспруденции, с учетом доминирования в сфере современной науки естественно-технических разделов.

И еще. «Опасность обвального закрытия диссертационных советов, – пишет профессор В. М. Меньшиков, – настоящая трагедия для университетов, сопоставимая с закрытием школ для села: закрыли школу на селе – закрыли село. Но что школа для села, то диссертационный совет для университета, для НИИ. Закрыли совет – закрыли университет, закрыли НИИ, потому что им некуда дальше расти, потому что они в значительной мере лишаются возможности готовить кадры высшей квалификации»[2].

А теперь о паспорте научной специальности 12.00.12, содержанием которого *является исследование проблем использования современных возможностей криминалистической науки и их реализации в практике раскрытия и расследования преступлений, а также разрешения дел в суде; закономерностей формирования и развития судебных экспертиз различных классов, родов и видов, типизации их объектов, задач, методов исследования, а также ситуаций и форм использования этих возможностей в судопроизводстве; проблем теории и практики оперативно-розыскной деятельности по обнаружению, предупреждению и раскрытию преступлений, оперативно-розыскному обеспечению расследования и судебного разбирательства уголовных дел, пресечению и нейтрализации криминального противодействия уголовному судопроизводству*[3].

Однако анализ содержания специальности 12.00.12 как области научного исследования убеждает в ряде нестыковок, а именно:

1) неоправданное включение отдельными авторами в эту сферу научного исследования такого направления, например, как тактика защиты. Подтверждением этого тезиса служит размещение на сайте

---

[1] О дальнейших направлениях совершенствования и оптимизации перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: решение ВАК при Минобрнауки России от 15 июня 2017 г. № 1-пл/1 // URL: http://vak.ed.gov.ru/87.

[2] *Меньшиков В. М.* Спасти диссертационные советы – спасти Россию // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. 2013. 19 июня.

[3] Паспорт специальности 12.00.12 / ВАК. Нормативно-справочная информация. Паспорта научных специальностей // СПС «КонсультантПлюс».

ВАК текста автореферата диссертации, выполненной по специальности 12.00.12 на тему «Тактика защиты в досудебном производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», где прямо указывается объектом исследования деятельность защитника[1]. Не отрицая важность существования и разработки научного направления тактики защиты, необходимо учитывать его отсутствие в паспорте научной специальности 12.00.12;

2) обращает на себя внимание неточность разграничения объектов научных исследований (в ряде случаев), когда некорректно сформулированы области исследования судебно-экспертной деятельности. Так, в п. 2.17 определен такой объект исследования, как специалист в следственных и судебных действиях, его процессуальные и непроцессуальные формы участия. Но специалист один из участников уголовного судопроизводства, с определением его процессуального статуса в УПК РФ.

Резюмируя изложенное отметим главное.

Принятое 10 января 2012 г. решение в части выделения из научной специальности 12.00.09 в отдельную научную специальность криминалистики не привело к достижению заявленной цели оптимизации – повышению качества диссертационных исследований и эффективности работы диссертационных советов по этому направлению, а напротив стало основанием для разрыва исторически сложившей и объективно обусловленной взаимосвязи уголовного процесса и криминалистики.

[1] *Марина Е. А.* Тактика защиты в досудебном производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2017.

*К. А. СИВАК**

Тактика проведения судебной экспертизы

В период проведения следственных мероприятий у следователя могут возникать вопросы, требующие научный подход, и для их решения они прибегают к помощи экспертов, занимающихся исследованиями данных отраслей. Мероприятия по установлению каких-либо фактов, необходимых для помощи, называются судебной экспертизой. На мой взгляд, это является одним из ключевых элементов в процессуальном

* Магистрант юридического факультета заочной формы обучения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, юрисконсульт.

действии и самым востребованным в наши дни, потому что наука в области криминалистики шагнула далеко. На сегодняшний день экспертиза переживает очередной этап в своем развитии, исходя из непосредственного внедрения современных технологий и научных достижений. Благодаря этому вниманию мы можем расширить границы в исследованиях каких-либо факторов, влияющих на расследование преступлений, которые помогают значительно точно, а главное быстрее предоставлять органам, проводившим расследование, ответы на поставленные ими вопросы. Именно это и повлияло на выбор мною данной темы.

На мой взгляд, наиболее точно передать суть судебной экспертизы в своем учебнике по криминалистике смог доктор юридических наук, профессор Е. П. Ищенко: «Одной из наиболее важных процессуальных форм использования специальных познаний считается экспертиза, назначение которой предусмотрено ст. 195 и 196 УПК РФ». Если следователь и специалист применяют специальные познания в процессе обычных (рабочих) следственных действий, например осмотра, обыска, освидетельствования, следственного эксперимента, то эксперт использует их при особенном следственном действии – экспертизе.

Судебные экспертизы помогают изучить следы и другие вещественные доказательства, определить психическое состояние участников уголовного процесса, установить причину смерти потерпевшего, аварии, взрыва, катастрофы, то есть ответить на самые различные вопросы путем выявления и изучения фактических данных о событии преступления и лицах, его совершивших»[1].

В судебной экспертизе объектом всегда является то, на что направлено исследование. Это могут быть материальные и не материальные предметы, которые содержат в себе какую-либо информацию. Субъектом же являются сами эксперты, работающие в экспертных учреждениях.

Зачастую многие сравнивают деятельность экспертов со специалистами, но как правильно подчеркнули доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Л. Я. Драпкин и доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ В. Н. Карагодин в своем учебнике по криминалистике: «Эксперт отличается от специалиста, прежде всего тем, что проводит исследование, связанное с использованием специальных познаний. Специалист также, как и эксперт, обладая специальными познаниями, привлекается к проведе-

[1] *Ищенко Е. П., Топорков А. А.* Криминалистика. 2-е. изд., доп. и перераб. М., 2010.

нию следственных действий для оказания помощи в собирании предметов и документов, применении технических средств, содействия в постановке вопросов при назначении экспертизы, разъяснения суду и следствию вопросов, решение которых требует специальной профессиональной подготовки (ч. 1 ст. 58 УПК РФ). Можно констатировать, что специалист оказывает техническую и консультативную помощь в собирании доказательств.

Эксперт же самостоятельно осуществляет исследование, то есть получает, проверяет и оценивает фактические данные. Таким образом, функции и задачи эксперта более широкие, нежели чем у специалиста. Отсюда и различия в порядке привлечения эксперта и специалиста к участию в уголовном процессе. Для проведения экспертизы необходимо вынесение постановления или определения, что необязательно для использования помощи специалиста»[1].

Назначение судебной экспертизы может быть проведено не только в момент предварительного расследования (ст. 57, 80, 195–207 УПК РФ), но и в период судебного разбирательства (ст. 283 УПК РФ).

В свою очередь, исходя из постановления Пленума Верховного Суда от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», следует понимать всю необходимость привлечения экспертов для обеспечения достоверных фактов, необходимых в ходе судебных разбирательств для более точной оценки происходящего, а также для более объективных и многогранных доказательств, которые могут существенно повлиять на итоговое решение.

В российском законодательстве перечислены основные случаи, в ходе которых необходимо прибегать к помощи экспертов, а именно для определения:

физического и психологического состояния подозреваемого или потерпевшего, если такое необходимо для следствия;

возраста лиц, относящихся к делу;

время и причина смерти;

степени и характера причиненного вреда жизни и здоровья человеку.

После того, как в ходе предварительного следствия была выявлена необходимость проведения судебной экспертизы, субъект, ведущий данное уголовное дело, выносит постановление, носящее мотивировочный характер, для привлечения экспертов. В свою очередь потерпевшие, свидетели и подозреваемые могут только вынести ходатайство, которое может быть отклонено или принято.

---

[1] *Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н.* Криминалистика. 2-е изд, доп. М., 2011.

По окончанию производства судебной экспертизы, эксперт должен вынести свое заключение в письменном виде и подтвердить своей подписью. В данном заключение указывается: время и место проведения экспертизы, данные о том, кто назначил экспертизу, сведения об эксперте, сведенья об объекте исследования, оценка полученных результатов и выводы, которые можно сделать исходя из данного исследования.

В учебнике Л. Я. Драпкина и В. Н. Карагодина на мой взгляд правильно указано, что «в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, в заключении эксперта должны быть указаны применявшиеся методики. Отсутствие такого указания, применение устаревших, а также признанных ошибочными или убедительно оспариваемых методик может рассматриваться в качестве основания для проведения повторной экспертизы. К подобным основаниям относятся и нарушения уголовно-процессуального законодательства при назначении и проведении экспертизы. Среди них можно выделить нарушения процедуры обнаружения, изъятия и фиксации объектов, направляемых на экспертизу, выполнение этих операций ненадлежащим субъектом, нарушение права на защиту подозреваемого и обвиняемого при отборе у них образцов для сравнительного исследования, объявлении постановления о назначении экспертизы, помещении в специальное медицинское учреждение для производства экспертизы и т. п.

Нарушениями закона считаются также исследования, проводимые экспертом вне своей компетенции, либо не обладающим достаточными специальными знаниями. Отдельные авторы относят к нарушениям и назначение экспертизы по вопросам, разрешения которых не требует специальных познаний»[1].

Более точно процесс судебной экспертизы был описан в учебнике по криминалистике Е. П. Ищенко «Процесс экспертного исследования состоит из подготовительной стадии; стадии раздельного исследования; стадии сравнительного исследования; стадии оценки результатов и формулирования выводов.

При назначении экспертизы определяющее значение имеет правильный подбор образцов, необходимых для сравнительного исследования объектов. Получение таких образцов является самостоятельным следственным действием, проводимым в соответствии со ст. 202 УПК РФ. Все образцы, направляемые на экспертизу, должны отвечать требованиям: воспроизводимости (полное и точное отображение в них идентификационных признаков); сравнимости (возможность использования образцов для сравнения на основе общих и частичных признаков); не-

[1] *Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н.* Криминалистика.

изменяемости (стабильность отображенных признаков в течение идентификационного периода); достоверности происхождения.

Процесс получения образцов подробно фиксируется в протоколе, какие конкретно образцы были получены; условия, при которых это происходило; технические средства, применявшиеся для изъятия; специалисты, участвовавшие в получении образцов для сравнительного исследования.

Выводы, к которым приходит эксперт при даче заключения, могут быть категорическими и вероятными (положительными и отрицательными). Категорическое заключение эксперта является источником доказательств, а фактические данные, изложенные в заключении, доказательствами по делу. Вероятное заключение не является источником доказательств; оно намечает лишь дальнейшую направленность расследования. Вероятное заключение играет оперативно-тактическую роль и, естественно, не может быть положено в основу приговора»[1].

По окончании судебной экспертизы и вынесении по ней заключения, следователь или иные по данному вопросу органы могут вынести постановление о проведении дополнительной экспертизы в виду того что даже при наличии у того же следователя возможности присутствовать во время проведения, а также задавать вопросы для разъяснений, у них не только могут оставаться вопросы по процедуре, но и по итоговому решению в целом. В свете того, что от данного заключения во многом в дальнейшем будет зависеть, тем же или иным экспертным отделом будет производиться. Если в ходе полученных результатов у следователя будут оставаться сомнения в правильности и правдивости заключения экспертов, он может назначить повторно судебную экспертизу, но уже в другом учреждении.

На мой взгляд, хоть и назначение судебной экспертизы не обязательно, а больше несет за собой рекомендательный характер, я бы все же не относила их к второстепенным мероприятиям. Исходя из того, что эксперты, приступая к решению вопроса, пользуются не только научными изысканиями, которые оттачивались годами, но и прибегают к помощи современных технологий, которые стремительно внедряются в повседневной жизни, и благодаря этому расследование многих преступлений проходило бы значительно быстрее.

---

[1] *Ищенко Е. П., Топорков А.* Криминалистика.

*А. С. СИДОРОВ**

К вопросу о содержании способов грабежей и разбоев

Среди общеуголовных корыстных преступлений разбои и грабежи занимают второе место[1].

В уголовно-правовом отношении грабежи и разбои являются самостоятельными видами преступлений. В то же время с точки зрения криминалистики они обладают сходными структурными элементами криминалистической характеристики: обстановки, предмета преступного посягательства, способов и механизма следообразования.

В свое время один из авторитетных отечественных ученых-криминалистов Р. С. Белкин не согласился с такой постановкой вопроса, отметив, что «если провести операцию по удалению из такой характеристики данных уголовно-правового и криминологического характера, то в ней окажется лишь один действительно криминалистический элемент – способ совершения и сокрытия преступления и оставляемые им следы»[2]. И несмотря на то что подавляющее большинство ученых все же продолжали и продолжают отстаивать право на существование категории криминалистической характеристики категории в системе методики расследования преступлений, многие авторы согласны с тем, что способ совершения преступлений является центральным элементом криминалистической характеристики преступления, все же остальные элементы, несмотря на их относительную самостоятельность, находятся в большей или меньшей, непосредственной или косвенной зависимости от него[3].

---

* Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета.

[1] См., например: Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 549.

[2] *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 222–223.

[3] См., например: *Танасевич В. Г., Образцов В. А.* О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 25. М., 1976. С. 99–100; *Филиппов А. Г.* О понятии и содержании криминалистической характеристики преступлений // Вопросы совершенствования методики расследования преступлений. Ташкент, 1984. С. 12; *Хмыров А. А.* Криминалистическая характеристика преступления и пути доказывания по уголовному делу // Правоведение. 1978. № 3. С. 59 и др.

Придерживаясь заявленной темы статьи и не вдаваясь в дальнейшую дискуссию о «праве существования» такой категории как криминалистическая характеристика преступлений вообще, и криминалистическая характеристика грабежей и разбоев в частности, обратим внимание на некоторые современные классификации способов рассматриваемых видов преступления, в которых определяющее значение имеет содержание данного элемента криминалистической характеристики.

Сразу отметим, что в научной литературе мы не встретили единой классификации способов рассматриваемых преступлений.

В отдельных работах, посвященных методике расследования грабежей и разбоев дается лишь описание способов данных видов преступлений в различной обстановке места совершения преступления: на открытой местности[1], в условиях крупного города[2], в кредитно-финансовых организациях[3], на автомобильных трассах[4] и др. При этом способы рассматриваются также применительно к отдельным категориям потерпевших (перевозчики денежных средств, водители транспортных средств) либо характеристикам личностей преступников (несовершеннолетние, организованные группы).

Существуют также следующие классификации способов грабежей и разбоев, которые представлены в одном из учебников по криминалистике под редакцией А. Г. Филиппова:

нападения на открытой местности либо в помещении, совершаемые с использованием фактора внезапности, без применения насилия (рывки сумок, шапок, денег у граждан, вещей с прилавков магазинов и т. п.);

нападения на открытой местности, а также во дворах и подъездах домов с применением или угрозой применения насилия;

---

[1] *Долинин В. Н., Рачева Н. В.* Особенности расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых на открытой местности: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2002.

[2] *Целищев А. Я.* Расследование грабежей и разбоев в условиях крупного города. М., 1981.

[3] *Гасанов Р. С.* Предупреждение грабежей и разбойных нападений на объекты кредитно-финансовой сферы и перевозчиков денежных средств: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2015.

[4] *Берестнев М. А.* Методика расследования разбойных нападений на автодорогах вне населенных пунктов, совершаемых организованными преступными группами: дис. … канд. юрид. наук. Тула, 2009; *Псарева Б. В.* Расследование корыстно-насильственных преступлений в отношении водителей автотранспорта, пассажиров и перевозимых грузов: диссертация ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2003.

нападения на граждан в жилых помещениях с проникновением в эти помещения под каким-либо предлогом либо с применением насилия;

нападения на кассиров, продавцов, сотрудников государственных и коммерческих банков, совершаемые в помещениях торговых предприятий, финансовых учреждений, отделений связи и других государственных или частных учреждений или предприятий;

нападения на граждан в подвижном составе железнодорожного, водного и иного транспорта;

нападения на водителей такси с целью завладения их выручкой или автомашиной и др.[1]

По нашему мнению, с такими классификациями в полной мере согласиться нельзя, поскольку в теории криминалистики под способом преступления понимается *объединенное общим замыслом и детерминированное объективными и субъективными факторами поведение* (выделено нами) преступника или преступной группы по подготовке, совершению и сокрытию преступления.

Из этого определения следует, что благоприятные условия объективной обстановки (времени, места и др.), предметы преступного посягательства, характеристика потерпевших и особенности их поведения, а также специфические черты личности преступников могут лишь способствовать выбору способа грабежа или разбоя, но сами по себе его элементами не являются.

Вышеуказанное позволяет сделать вывод, что при классификации грабежей и разбоев по способам преступления необходимо учитывать лишь такую форму действий преступников, как нападение, а также его характеристику в виде наличия или отсутствия насилия по отношению к потерпевшему либо угрозы применения такого насилия. Кроме того, данная классификация, представленная, например, в вышеуказанном учебнике под редакцией А. Г. Филиппова, представляется не совсем корректной с точки зрения действующего законодательства.

Дело в том, что нападение представляет собой внезапное активное воздействие виновного в отношении потерпевшего и вне насилия не имеет место. Поэтому о такой форме действий преступников можно говорить лишь применительно к разбою. В связи с этим, например, «нападение на открытой местности либо в помещении, совершаемые без применения насилия», не может относиться к способу грабежей, так как грабежи не предполагают нападений, и также не может отно-

[1] Криминалистика: учеб. / под ред. А. Г. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 472–473.

ситься к способу разбоя, так как. разбой не может быть совершен без применения насилия.

Несмотря на то, что общей чертой способов грабежей и разбоев является значительная дерзость действий преступников при совершении каждого из рассматриваемых видов преступлений, способы данных видов преступлений могут значительно различаться.

Так, например, если грабежи и неквалифицированные разбои могут совершаться как с предварительной подготовкой, так и без таковой (например, когда умысел на совершении преступления у лица, находящегося в алкогольном опьянении, возникает внезапно), то для совершения более серьезных преступлений, особенно совершаемых группами лиц по предварительному сговору или организованными группами, преступному событию предшествует тщательная подготовка.

Поэтому более правильной представляется классификация способов грабежей и разбойных нападений, предложенная В. Н. Долининым и Н. В. Рачевой, согласно которой данные преступления по способу можно разделить на две группы:

1) совершаемые без предварительной подготовки;

2) совершаемые с предварительной подготовкой[1].

В свою очередь грабежи можно подразделить по критерию наличия или отсутствия со стороны преступников применения насилия (не опасного для жизни или здоровья) и угрозы применения такого насилия.

Совершая грабеж или разбой без предварительной подготовки, преступники, стремясь завладеть имуществом потерпевшего, совершают импульсивные действия под влиянием внезапно возникшего умысла. Такие ситуации возникают чаще всего когда у грабителя или разбойника, неожиданно для него самого, появляется возможность для совершения преступления использовать виктимное поведение жертвы (например, совместное распитие спиртных напитков, беспомощное состояние потерпевшего и т. д.) и появляется возникает потребность в деньгах для приобретения спиртного, наркотических средств и т. п.

Кроме того, в грабеж, не имеющий стадии подготовки, может перерасти кража, если в процессе ее совершения преступник понимает, что характер его действий распознан окружающими или он до окончания хищения применит насилие либо угрозу насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего[2].

---

[1] *Долинин В. Н., Рачева Н. В.* Особенности расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых на открытой местности: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2002. С. 19.

[2] *Хабаров А. В.* Преступления против собственности: учеб. пособие. Тюмень, 1999. С. 57.

Способы завладения имуществом граждан при грабежах и разбоях отличаются по характеру примененного насилия и по содержанию конкретных действий преступников.

Так, например, грабежи, не сопряженные с насилием или угрозой его применения, действия преступников, как правило, заключаются в срывании головных уборов, украшений, отбирании предметов одежды, вырывании из рук потерпевших или салонов автомашин сумок, барсеток и другой ручной клади.

В случае совершения грабежа с предварительной подготовкой преступник заранее подбирает жертву с учетом наличия у нее необходимого предмета преступного посягательства, выслеживает и осуществляет наблюдение, выбирая удобный момент для завладения имуществом в малолюдных и (или) плохо освещенных местах.

Нанесение жертве ударов, побоев и других видов физического насилия, связанных с причинением потерпевшему боли, не влекущих последствий в виде кратковременного расстройства здоровья, выступает средством облегчения завладения имуществом при грабеже.

Кроме того, под насилием, не опасным для жизни или здоровья понимаются действия преступников, направленные на ограничение свободы потерпевшего (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)[1].

Такие действия могут совершаться как с предварительной подготовкой, так и без подготовки.

Как правило, подготовка включает подыскание соучастников преступления, подготовку оружия и других орудий преступления, изучение систем сигнализации и охраны объектов, приобретение автотранспорта, специальных средств связи, форменного обмундирования сотрудников полиции и других силовых ведомств и т. д. Жертвы преступлений выбираются по внешнему виду, модели автотранспорта, внешнему виду дома, по окнам и дверям квартиры и т. п. Преступник ведут за будущими потерпевшими наблюдение, изучая их образ жизни, маршруты передвижения и т. д.

Действия, направленные на подготовку к совершению разбоя, кроме того, могут заключаться в изготовлении и подыскании оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Как отмечают некоторые исследователи, оружие используется примерно в 30 % случаев, причем почти в половине из них – это ножи, в остальных случаях – поровну

[1] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 16.05.2017) // Рос. газ. 2003. 18 янв.; СПС «КонсультантПлюс».

огнестрельное оружие или предметы, приспособленные для нанесения потерпевшему ударов[1].

Под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего (перочинный или кухонный нож, топор и т. п.), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, например, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами[2].

Подготовка оружия и орудий преступления усиливает агрессивность преступника, придает уверенность в достижении поставленной цели и неуязвимости со стороны лиц, которые могут оказать сопротивление или воспрепятствовать посягательству.

В отличие от грабежа, разбой всегда совершается с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Чаще всего при совершении разбойного нападения преступники действуют быстро и неожиданно, используя фактор внезапности. Их поведение, как правило, связано с демонстрацией готовности применить по отношению к жертве оружие, причинить вред его здоровью и даже лишить его жизни. При этом нападение может закончиться как простым подавлением воли потерпевшего, когда тот приходит к выводу, что лучше уступить требованиям преступников, чем продолжать подвергать опасности свое здоровье и жизнь, так и действительным причинением вреда его здоровью или жизни в случае отказа от выполнения условий злоумышленников.

Нередки случаи применения к потерпевшим пыток и истязаний в случаях, когда последние отказывались сообщить о месте хранения денег и иных ценностей.

Так, Тюменским областным судом был вынесен обвинительный приговор членов банды, возглавляемой Я., совершивших ряд тяжких преступлений, в том числе разбоях. Для совершения преступлений члены банды использовали форму и поддельные удостоверения сотрудников милиции, маски с прорезями для глаз, с помощью радиостанций прослушивали служебные каналы связи органов внутренних дел. На вооружении банды находилось 44 единицы огнестрельного оружия.

---

[1] См., например: Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 549.

[2] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 16.05.2017) // Рос. газ. 2003. 18 янв.; СПС «КонсультантПлюс».

В течение нескольких лет преступники совершили разбойные нападения на Тюменское отделение Свердловской железной дороги, оружейный магазин «Охота Сибири», офис торговой компании «Бест-Тюмень», а также ряд тюменских и свердловских бизнесменов.

Во время совершения преступлений они избивали потерпевших, пытали электротоком и раскаленным утюгом, вынуждая жертв под угрозой убийства выдать деньги и имущество либо указать их местонахождение. Три человека, оказавшие сопротивление, были убиты[1].

В качестве способа разбоя могут также иметь место введение в организм потерпевшего против его воли или путем обмана опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения его в беспомощное состояние, а также использованием собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека[2].

Так, например, несовершеннолетний Г., действовал по одной схеме: вечером подходил на улице к ровесникам и требовал отдать ему сотовые телефоны. Если подросток отказывался или говорил, что у него нет телефона, Г. грозил натравить на него собаку бойцовской породы стаффордширский терьер. В двух случаях грабитель отдавал команду собаке, которая бросалась на жертву: в одном случае стаффорд укусил подростка за руку, а в другом – вцепился в лицо[3].

В большинстве случаев наряду с подготовкой к совершению грабежей и разбоев преступники предпринимают действия по сокрытию следов преступления. С этой целью они могут закрывать лицо маской или иным способом маскировать внешность; использовать чужую одежду и обувь; как можно быстрее сбывать похищенное; уничтожать, выбрасывать или прятать в тайниках предметы преступного посягательства и орудия преступления при возникновении опасности задержания и т. д. После задержания оказывают противодействие расследованию путем отказа от дачи показаний или дачи ложных показаний; оказания психического или физического воздействия на потерпевших, свидетелей и соучастников с целью склонения их к отказу от дачи показаний или даче заведомо ложных показаний и др.

---

[1] *Лазарев В.* Верховный суд не пощадил тюменских бандитов // Тюменский областной суд // URL: http://oblsud.tum.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=131 (дата обращения 01.06. 2017).

[2] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 16.05.2017) // Рос. газ. 2003. 18 янв.; СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Лазарев В.* Грабитель собакой травил подростков // Тюменский областной суд: URL: http://oblsud.tum.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=66 (дата обращения 01.06. 2017).

*Е. В. СМАХТИН**

Уточнение содержания закономерностей, входящих в предмет криминалистики

Оценивая познавательную деятельность с позиций философии обычно выделяют объект и предмет познания, имея ввиду, что первый значительно шире, так как интерес для науки представляет не весь изучаемый объект, а то закономерное, что ученые относят к предмету любой науки. Например, человека изучают многие медицинские науки, но каждая через призму своего предмета.

Следовательно, предмет – «некоторая целостность, выделенная в процессе познания» объекта[1].

В качестве объектов исследования автором выделены преступник и преступление (преступная деятельность), а также деятельность по его расследованию и судебному рассмотрению уголовного дела, как два вида деятельности человека, которые изучаются не только криминалистами, но и представителями других уголовно-правовых наук, в том числе отраслевых.

Г. Гросс, предложив систему криминалистики, обобщил и приемы, используемые преступниками, воровской язык, различные виды симуляций и ложных показаний, тайные знаки в среде преступников, суеверия в отношении предметов, оставляемых на месте преступления, и вещей, носимых при себе[2]. В зависимости от преступной специализации и способа совершения преступлений характеристику преступникам давал А. Вейнгарт[3].

В России аналогичные исследования связывают с И. Н. Якимовым, который изучал данные, характеризующие типы, категории преступников по уголовному законодательству; их обычные приемы обмана и пр.[4]

---

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета.

[1] *Возгрин И. А.* Объект, предмет и понятие криминалистики // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2000. № 4. С. 68.

[2] *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002. С. 346–514.

[3] *Вейнгарт А.* Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений / пер. с нем.; под ред. и с прим. В. И. Лебедева. СПб., 1912. С. 100–119, С. 126–149; С. 168–171; 248–252 и др.

[4] *Якимов И. Н.* Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М., 2003. С. 229–247, С. 231–235.

Значение навыков преступника, черт их характера при расследовании преступлений подчеркивалось и в работах других российских ученых-криминалистов[1].

Накопление и обобщение научных знаний о первом из рассматриваемых объектов привело к необходимости уточнения предмета криминалистики и ее взаимосвязи с уголовным и уголовно-процессуальным правом. Наиболее удачной представляется позиция Р. С. Белкина, который сосредоточил свое внимание на функциональной стороне противоправной деятельности, предложив некую систему, образующую механизм преступления[2]. Не вдаваясь в дискуссию, представляется более удачным термин «механизм совершения преступления», который и будет использоваться в статье.

Если рассматривать функциональную сторону противоправной деятельности в системе «преступник – жертва», то наибольшее значение в криминалистике имеют следы, не только материальные, но и идеальные, остающиеся в сознании людей. Поскольку познание следователем события преступления направлено в прошлое, носит ретроспективный характер, оно познается именно по оставленным преступником следам (материальным и идеальным). Как правило, по неочевидным преступлениям именно с познания следов начинается познание всего события преступления. В этом проявляется как специальный характер криминалистики, так и взаимосвязь с отраслевыми науками: уголовным и уголовно-процессуальным правом. Зачастую именно по оставленным следам, благодаря достижениям криминалистики, устанавливается конкретный преступник, дается правильная квалификация его действиям, успешно решаются задачи уголовного судопроизводства.

Функциональная сторона преступления или механизм его совершения может быть представлена в виде системы взаимодействующих в преступлении лиц, материальных объектов и идеальных процессов. В механизме совершения единичного (конкретного) преступления могут быть выделены элементы, знание о которых служат информационной основой для деятельности следователя и суда. Полагаем, что это эмпирический уровень познания событий, явлений и процессов объективной действительности, связанной с совершением преступления и его механизмом. На этом уровне ученые-криминалисты исследуют

---

[1] См., например: *Громов В. И.* Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений: осмотр места преступления: сб. науч. тр. М., 2003. С. 453–455, 465.

[2] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 116–117.

многочисленные аналогичные преступления, обобщая и осмысливая полученные закономерные факты, переходят к теоретическому уровню познания, имеющему некоторую степень абстракции. Таким абстрактным научным понятием, образующим предметную сферу криминалистики в изучаемом объекте, является криминалистическая характеристика преступления.

Таким образом, один из объектов познания в криминалистике – преступник и преступление (преступная деятельность), соответственно, в предмет включаются закономерности механизма совершения преступления и образования его следов, в совокупности образующие криминалистическую характеристику преступления как некую абстрактную модель.

Несколько слов о механизме следообразования и личности преступника. Изучению личности преступника ученые-криминалисты уделяют особое внимание прежде всего как носителю следовой, т. е. криминалистически значимой информации.

Исследование личности преступника на эмпирическом уровне, как правило, осуществляется в следующей последовательности: след – преступник – характеристика личности (по нераскрытым преступлениям). Теоретический уровень познания предполагает разработку учения о криминалистической характеристике личности преступника. Например, в результат изучения личности абстрактного преступника, Р. Л. Ахмедшиным дана криминалистическая характеристика базовой модели его личности[1].

Формирование вышеназванных и других структурных элементов криминалистической характеристики (модели) того или иного преступления, в последующем позволяет адаптировать, внедрить полученный научный результат в практику. Полагаем, что внедрение научного результата в практическую деятельность, учитывая угрожающий в последние годы разрыв между теорией и практикой, представляется важнейшим направлением в деятельности ученых-криминалистов.

Немецкие криминалисты еще в начале XX в. сначала излагали тактические аспекты в действиях следователя, а затем уже характеризовали преступников[2].

Приверженность идеям зарубежных коллег высказывали и русские ученые, которые в своих работах делали акцент уже не только на дея-

---

[1] См., например: *Ахмедшин Р. Л.* Криминалистическая характеристика личности преступника: дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2006.

[2] *Вейнгарт А.* Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений. С. 1–64.

тельности следователя, но и эксперта[1], на порядке осмотра места происшествия, обнаружении и исследовании следов биологического происхождения[2].

В деятельности следователя как объекте изучения вскоре также была выделена его функциональная сторона, что позднее позволило утверждать, что предметом изучения криминалистики в рассматриваемом объекте является не только криминалистическая характеристика деятельности следователя, но и криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел[3] либо криминалистическая деятельность[4], что представляется более точным.

Полагаем, что криминалистическая деятельность направлена на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, прежде всего события преступления криминалистическими приемами и средствами.

В свою очередь установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, осуществляется так называемыми участниками уголовного процесса, обладающих властными полномочиями. На наш взгляд, они и являются субъектами, осуществляющими криминалистическую деятельность. Это утверждение отнюдь не исключает возможности использования достижений криминалистики другими участниками уголовного процесса, например, защитником. Однако последний криминалистическую деятельность, на наш взгляд, не осуществляет.

Поэтому рассматриваемый второй объект мы ранее определили как деятельность по расследованию и судебному рассмотрению. Выделенные в рассматриваемом объекте закономерные приемы и средства образуют содержание криминалистической деятельности.

В научной и учебной литературе подчеркивается единство рассмотренных объектов познания и их взаимосвязь[5].

Интересна позиция М. К. Каминского, который считает, что структура преступной деятельности и структура расследования преступления должны соответствовать друг другу по методологическому прин-

---

[1] *Трегубов С. Н.* Основы уголовной техники, научно-технические приемы расследования преступлений. М., 2002. С. 5.

[2] *Макаренко Н. П.* Техника расследования преступлений. Харьков, 1925. С. 5–28.

[3] *Гавло В. К., Ким Д. В.* Криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел: проблемы становления и развития (исторический аспект) // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: материалы науч.-практ. конф. Вып. 5. Барнаул, 2005. С. 36–44.

[4] Криминалистика: учеб. / отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 24–27.

[5] Там же. С. 23–27.

ципу изоморфизма («зекральности»)[1]. Взаимосвязь объектов познания криминалистики подчеркивается и в более поздних работах ученого[2].

Как уже отмечалось, непосредственное соприкосновение с нераскрытым преступлением зачастую возможно только по оставленным материальным следам. В результате исследования следов, устанавливается следовая картина произошедшего, появляется знание о механизме совершения преступления (преступной деятельности). В ходе эмпирических научных обобщений учеными формируется абстрактная модель – криминалистическая характеристика преступления (преступной деятельности), учитывающая, в том числе типологические особенности преступника с учетом его преступной специализации. Затем определяются криминалистические закономерности в деятельности следователя и суда: типовые версии, ситуации, алгоритм деятельности. На этой основе формируется частная криминалистическая методика расследования и судебного рассмотрения конкретных видов или групп преступлений. Полученные научные знания уточняются в ходе последующего обобщения следственной и судебной практики, выявления положительного опыта и ошибок в расследовании и судебном рассмотрении конкретных преступлений.

Считаем, что к раскрытию преступлений, используя достижения криминалистики, приводят сведения о преступлении и преступнике, которые отразились в следовой картине происшедшего события. Следовательно, это именно та информация, которая нуждается в научном осмыслении, именно она составляет суть предмета криминалистики и криминалистических научных исследований.

Причем, не только само преступление, как акт человеческого поведения, интересует криминалистов. Интерес для криминалистики представляют сведения не только о совершении, но и о приготовлении и сокрытии преступления (способ совершения преступления), следовой картине происшедшего события, поведении преступника как до, так и после совершения преступления, взаимодействии объектов живой и неживой природы в механизме совершения преступления. Некоторые криминалистически значимые сведения в предмет доказывания могут и не входить. И в этом смысле термин «кримина-

[1] *Каминский М. К.* Криминалистическая характеристика деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений // Правовые и общественно-экономические науки и борьба с хищениями социалистического имущества. Тр. ГВШ МВД СССР. Горький, 1977. Вып. 8. Ч. 1. С. 153–158.

[2] *Каминский М. К.* Современные проблемы криминалистической идентификации в свете работ профессора А. И. Винберга // Значение творческого наследия профессора А. И. Винберга в развитии отечественной криминалистики (к 100-летию со дня рождения): сб. материалов 49-х криминалистических чтений. М., 2008. С. 40.

листическая характеристика преступления» носит условный характер, так как сфера интересов ученых-криминалистов зачастую выходит за рамки собственно преступления. Поскольку в обиход уголовного права давно вошел термин «преступная деятельность», в этом контексте полагаем возможным и в криминалистике применять термин «криминалистическая характеристика преступной деятельности». Введением такого понятия подчеркивается общий объект изучения и отличие криминалистических знаний от знаний других уголовно-правовых наук.

Под криминалистической характеристикой преступления (преступной деятельности) нами понимается совокупность обобщенной криминалистически значимой информации о системе взаимодействующих и взаимозависимых элементов в механизме совершения преступления (преступной деятельности), образующих типовую следовую картину события преступления.

Отметим, что фундаментальных работ, посвященных исследованию криминалистической деятельности, практически нет, что также является перспективным научным направлением в криминалистике.

Ранее мы неоднократно отмечали, что вопрос дифференциации знаний при изучении общих объектов познания является одним из основных как в криминалистике, так и любой другой отрасли научного знания. Необходимы критерии для разграничения предмета криминалистики от предметов ведения других юридических наук уголовно-правового цикла. Например, это могут быть цель и задача познания. В криминалистике целью можно считать установление следовой картины события преступления, а соответственно задачей – обнаружение и работу с материальными и идеальными следами-последствиями преступления.

Уточнение содержания закономерностей, входящих в предмет криминалистики, позволяет более корректно дать ее определение. Зачастую сделать это довольно сложно, не определив природу науки. В России большинство ученых считает криминалистику специальной юридической дисциплиной. Хотя существуют и сторонники неправового характера криминалистики, которые предлагают все юридические науки разделить на правовые и неправовые. Первыми могут быть признаны лишь отраслевые юридические науки. Криминалистика является неправовой юридической наукой, так как не имеет своей системы норм права, регламентирующих общественные отношения, возникающие в ее предметной сфере деятельности[1].

[1] *Лаврухин С. В.* Природа криминалистики и вопросы правоприменения // Криминалистика в системе правоприменения: материалы конф. (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 27–28 октября 2008 г.). М., 2008. С. 50–51.

Точка зрения о неправовом (неюридическом) характере криминалистики распространена и среди наших европейских коллег. Например, ученые из Германии полагают, что криминалистика входит в число криминальных (уголовных) наук, однако наряду с криминологией является неюридической наукой[1].

Полагаем, что подобная позиция является неверной. Например, в России теория оперативно-розыскной деятельности, судебная экспертиза, входящие наряду с криминалистикой в научную специальность 12.00.12, имеют свою систему норм права, а как вид государственной деятельности существуют наряду с деятельностью уголовно-процессуальной. Причем, на всех стадиях оперативно-розыскной, судебно-экспертной и уголовно-процессуальной деятельности научный потенциал криминалистики используется напрямую, а само использование носит исключительно правовой характер. Например, в работе следователя-криминалиста, эксперта-криминалиста на месте происшествия, при производстве криминалистических исследований, экспертиз и т. п. Следовательно, вполне обоснованно вести речь и о криминалистической деятельности, которая в настоящее время регламентирована не только уголовно-процессуальным и оперативно-розыскным законодательством, законодательством о судебно-экспертной деятельности, но и подзаконными нормативными правовыми актами. Поэтому через призму системно-структурного подхода предлагаем вернуться к идее разработки и принятия федерального закона «О криминалистической деятельности».

Приведенные нами аргументы также не бесспорны. И все-таки считаем, что криминалистика является специальной юридической наукой уголовно-правового цикла. Свое право на существование она обрела именно в системе юридических наук. Остается в ней и сейчас, что подтверждается номенклатурой научных специальностей.

Таким образом, криминалистика – это специальная юридическая наука уголовно-правового цикла о закономерностях механизма совершения преступления, его отражения в материальных следах и идеальных образах, и основанном на этом познании деятельности, направленной на реализацию назначения уголовного судопроизводства криминалистическими приемами и средствами.

Достижение единства взглядов ученых на предмет криминалистики и ее природу можно считать важной задачей, объединяющим фактором, создающим предпосылки для формирования единого криминалистического пространства.

---

[1] См., например: *Ackermann R., Koristka C., Leonhardt R., Nisse R., Wirth I.* Zum Stellenwert der Kriminalistik. Sonderdruck aus Kriminalistik 9/00, 10/00, 11/00 und 12/00. Kriminalistik Verlag. Huthig GmbH & Co. 2001.

*О. А. СЛАВГОРОДСКАЯ**

К вопросу о криминалистическом анализе показаний свидетеля

Основу успешной деятельности по расследованию преступлений составляет умение лица, осуществляющего данную деятельность максимально эффективно использовать все имеющиеся источники криминалистически значимой информации. В ситуации информационной неопределенности получение любого вида информации способствует установлению всех обстоятельств совершенного преступления.

Непреложность того, что основой успешного расследования является процесс собирания, проверки и использования доказательств, подчеркивает признание ключевой роли доказывания как «сердцевины уголовного процесса». Профессор С. А. Шейфер акцентирует внимание на том, что «получение доказательств и оперирование ими в целях воссоздания действительной картины изучаемого события – является единственным средством достижения целей судопроизводства, т. е. защиты прав и законных интересов потерпевшего и ограждения личности от незаконного привлечения к уголовной ответственности, ограничения ее прав и свобод»[1].

Применяя различные способы получения доказательственной и ориентирующей информации, следователь сталкивается со сложностями не только объективного, но и субъективного характера. К усложнению расследования приводит как отсутствие объективной информации, так и тактические просчеты в ее выявлении и использовании. Совершенствование способов получения доказательственной и ориентирующей информации в процессе расследования, составляют одну из актуальных задач современной науки.

Акцентируя внимание на возможностях современной криминалистики, Н. П. Яблоков подчеркивает, что имеющийся потенциал позволяет раскрывать практически любое преступление. Однако существует расхождение имеющихся возможностей с реалиями действительности. «Фактически же уровень раскрытия преступлений на практике, к сожалению, не соответствует указанным возможностям криминалистики. Происходит это либо в силу криминалистической безграмотности

---

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии.

[1] *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 16.

лиц, осуществляющих расследование, или в результате пренебрежения принципами и рекомендациями науки криминалистики. Пренебрежение же наукой всегда оборачивается уродливым деформированием практики»[1].

Полноценное использование достижений науки в практической деятельности всегда составляло основу высокого профессионализма в следственной деятельности. Г. Гросс предопределил непростую судьбу этого процесса, указав, что труд следователя «не есть искусство, но есть искусная деятельность, состоящая из отдельных действий или приемов, которые нужно знать, а для этого предварительно их изучать»[2]. К сожалению, определенный нигилизм в отношении к криминалистическим рекомендациям становится признаком сегодняшнего следствия. Написано и сказано об этом немало. Реализация в уголовном судопроизводстве самых современных достижений криминалистической мысли будет успешной только в случае определения единого вектора движения науки и практики. Возможности использования в процессе расследования разработок криминалистики неразрывно связано с определением места науки в практике расследования преступлений.

Деятельность следователя в процессе производства расследования по уголовному делу предполагает необходимость прогнозирования, моделирования, выстраивания линии поведения и последовательности действия. Следователь при работе с любыми источниками информации должен не только оценивать объективно имеющиеся данные, но и прогнозировать потенциал, заложенный в источниках информации и возможности его извлечения, для последующего использования.

Организованная и целенаправленная деятельность позволяет не просто оптимизировать процесс расследования, но и повысить его качественную составляющую, эффективность которой обеспечивают и личные качества следователя.

Исследуя сущность моральных основ следственной деятельности, профессор В. А. Дубривный обращает внимание на то, что «следователь не может работать, „добру и злу внимая равнодушно“. Он должен быть противником зла и неустанным поборником добра, верно служить своему делу, своему народу. Бездеятельностью ума, отсутствием совести можно объяснить такое отношение следователя к делу, когда он не желает глубоко анализировать обстоятельства совершенного преступления, ленится разобраться в имеющихся противоречиях, утешая себя

---

[1] Криминалистика: учеб. для вузов / отв. ред. Н. П. Яблоков. М., 1995. С. 1–2.

[2] *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепечат. с изд. 1908 г. М., 2002. С. 13.

при этом мыслью, что если и допущена с его стороны ошибка, то ее исправит прокурор или суд»[1].

Ошибки в деятельности следователя могут возникать по различным причинам, но в целом существуют две основные группы: это причины, относящиеся к личности следователя и причины, связанные с особенностями осуществления профессиональной деятельности. Отсутствие у лица интеллектуальных, познавательных, нравственных, волевых качеств, а также чрезмерная доверчивость, конформность, беспринципность и нравственная нечистоплотность составляют основу профессионально непригодной личности для осуществления следственной деятельности. В профессиональном плане ошибки в деятельности следователя возникают по причине слабого владения искусством доказывания, невозможности ориентироваться в вопросах собирания, проверки и особенно оценки доказательств[2].

Результатом реализации информационно-познавательного процесса, направленного на оценку доказательств является суждение о ценности доказательственной информации[3]. К одному из видов доказательственной информации требующей серьезной оценки следует относить показания свидетелей. С момента возникновения общества и появления процесса судопроизводства его неизменным участником является свидетель. Возможности получения доказательственной информации из источников ранее представлявшихся маловероятными, в век информационных технологий и достижений науки не вытеснил возможностей использования такого способы получения информации как свидетельские показания.

Свидетельские показания традиционно направлены на подтверждение определенных обстоятельств, либо их опровержение, либо на установление сущности предмета судебного рассмотрения.

Причем в течение всего длительного периода привлечения лица, осведомленного в отношении конкретных фактов процесс их установления осуществлялся посредством свидетельствования, т. е. личного сообщения лица о том, что и в отношении каких событий ему лично известно.

Специфика процесса свидетельствования, основанная на необходимости личного восприятия или иной непосредственной осведомленно-

---

[1] *Дубривный В. А.* Деятельность следователя по расследованию преступлений. Саратов, 1987. С. 17–18.

[2] *Лазарева В. А.* О профессиональной непригодности к следственной работе // Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности. Куйбышев, 1988. С. 95–97.

[3] *Белкин Р. С.* Избранные труды. М., 2008. С. 296.

сти по отношении к устанавливаемым обстоятельствам, составляя сущность данного института, одновременно породила проблему выработки критериев достоверности информации, сообщаемой свидетелем.

Свидетельские показания являются доказательством, имеющим одну из наиболее долгих историй существования, что подтверждается упоминаниями о возможности свидетельствовать еще в источниках права Древнего мира. И столь же долгой является история поиска критериев, позволяющих получать максимально объективные и полные свидетельские показания. В связи с чем одним из важных по степени значимости выявляемых обстоятельств, но весьма непростым с позиции его тактической реализации является допрос свидетелей. Основной целью любого допроса свидетеля является получение максимально полных показаний относительно обстоятельств совершенного преступления. Ценность свидетельских показаний заключается в возможности получить сведения от лица непосредственно находившегося «внутри» события преступления, воспринявшего его основные элементы или располагающего иной доказательственной информацией. Допрос способствует получению сведений от лиц, непосредственно осведомленных относительно обстоятельств совершенного преступления, его участников или иную информацию.

При определении возможностей получения максимально объективных свидетельских показаний, в процессе доказывания основную функцию выполняет следователь.

Упоминавшийся ранее своеобразный нигилизм по отношению к криминалистическим разработкам со стороны отдельных сотрудников правоохранительных органов приводит к отрицанию необходимости и возможности руководствоваться достижениями науки в процессе расследования преступлений и порождает многие проблемы организационного, методического характера. Не является исключением и допрос свидетелей.

Причины подобной ситуации, сложившейся в отношении одного из наиболее востребованных способов получения доказательств неоднозначны. Одна из них заключается в том, что при распространенности данного следственного действия сложность производства допроса свидетелей не принимается во внимание и, как следствие, зачастую игнорируются базовые рекомендации, касающиеся тактики его производства.

Применительно к допросу свидетеля, практически изжил себя как таковой свободный рассказ, а присутствует вопросно-ответная форма ведения допроса.

Значение свободного рассказа априори предполагало возможность установления круга полной осведомленности свидетеля обо всей информационно содержательной стороне расследуемого события, исключая возможность определения рамок и, устраняя, возможность при точечном исследовании поля знания свидетеля выпадения определенных областей, о которых лицо производящее расследование не было осведомлено. Помимо этого свободный рассказ позволяет свидетелю выстраивать наиболее удобную линию повествования, и таким образом активизировать мыслительные процессы, увеличивая интенсивность припоминания всех известных обстоятельств. Отсутствие в практике ведения допроса свидетелей свободного рассказа снижает его содержательное наполнение и негативно сказывается на эффективности, как процесса доказывания, так и процессе расследования в целом.

Сами же показания фиксируются шаблонно и формально, что очевидно прослеживается при анализе протоколов допроса нескольких свидетелей в отношении одного обстоятельства, по мнению следователю установленного и не требующего проверки Связано это с тем, что показания свидетелей записываются в манере изложения, наиболее привычной для следователя. Затем они благополучно воспроизводятся в протоколах допроса разных свидетелей. Подобное отношение свидетельствует о снижении интереса со стороны лиц осуществляющих расследование к такому виду доказательств как показания свидетеля.

Потребность общения со следователем со стороны лица, располагающего информацией о преступлении может быть служит основой при выделении определенных категорий свидетелей.

Производство допроса свидетелей, не оказывающих противодействие расследованию, может происходить в следующих ситуациях:

1) лицо добровольно сообщило о своей осведомленности в отношении расследуемого преступления или же выявило свою осведомленность в процессе действий по выявлению свидетелей. Потребность в совместной деятельности со стороны лица, вызванного на допрос в подобной ситуации в качестве свидетеля, может быть обусловлена его активной жизненной позицией, необходимостью сообщить информацию, имеющую значение для расследования. В подобном случае адаптация свидетеля будет происходить без особых сложностей и при тактически правильном поведении следователя, возможность возникновения конфликтной ситуации минимальна;

2) свидетель в силу различных обстоятельств скрывает свою осведомленность в отношении расследуемого преступления. Установить подобное лицо удается после комплекса следственных действий и опе-

ративно-розыскных мероприятий, осуществляемых в целях выявления всех лиц, располагающих информацией имеющей значение для расследования.

В дальнейшем при производстве допроса подобного свидетеля возможно возникновение конфликтных ситуаций. По справедливому мнению конфликтные ситуации связаны с максимальным обострением противоречий в межличностных отношениях. Приводит к конфликтной ситуации наличие противоположных интересов участников уголовного судопроизводства, происходящее в условиях информационной неопределенности планов и намерений сторон[1]. Нейтрализовать конфликтную ситуацию в подобных случаях позволяет принятие обоснованного тактического решения, базирующегося на предварительно проведенном криминалистическом изучении личности свидетеля. Неслучайно к числу сложностей, возникающих в процессе расследования наряду с отсутствием или неполнотой доказательственной и ориентирующей информации относится и возникновение конфликтных ситуаций в ходе расследования, в том числе и с недобросовестным свидетелем[2].

Рассматривая отсутствие существенных изменений в деле получения достоверных свидетельских показаний, следует отметить, что ключевую роль в сложившейся ситуации играет теоретический вакуум, выражающийся в отрицании необходимости формирования криминалистического учения о личности свидетеля как частной криминалистической теории.

Изучение личности свидетеля должно осуществляться на базе теоретических разработок криминалистического изучения личности в целом. К сожалению, до настоящего времени подобная система не сложилась как целостная и единая.

Одной из ключевых причин отсутствия сформировавшихся основ данного учения в первую очередь является своеобразный «приговор», вынесенный профессором Р. С. Белкиным в отношении необходимости выделения в качестве самостоятельной теории, криминалистического учения о личности.

В свое время профессор Р. С. Белкин посчитал преждевременной возможность разработки в качестве частной криминалистической теории криминалистического учения о личности, считая, что кримина-

---

[1] *Драпкин Л. Я.* Использование методики рефлексивного моделирования при изучении темы «Тактика допроса подозреваемого в конфликтной ситуации» // Рос. юрид. журн. 2013. № 6. С. 96.

[2] *Драпкин Л. Я., Шуклин А. Е.* Следователь: профессиональная характеристика и основные методы деятельности // Рос. юрид. журн. 2011. № 1. С. 203.

листическим ее составляющем является изучение только: а) соматических и психофизиологических свойств личности, данные о которых используются в целях розыска и идентификации; б) соматических и психофизиологических свойств личности определяющих и проявляющихся в способе совершения преступления; в) методики изучения личности участников процесса следователем и судом, т. е. методов и правил изучения личности в практических целях[1].

Возможность создания криминалистического учения о личности как частной криминалистической теории не отрицалась категорически как в отношении создания учения относительно личности обвиняемого, так и иных участников уголовного судопроизводства, а представлялась проблемной только в определенный временной период. В этой же работе профессор Р. С. Белкин отметил, присущее всем частным криминалистическим теориям свойство изменяемости как качественно, так и количественно.

Необходимо отметить, что с учетом временного периода, прошедшего с момента выхода работы и накопившегося материала составляющего основу для формирования криминалистического учения о личности вопрос относительно состоятельности ее как новой частной криминалистической теории претерпел изменения и в качественном и количественном направлении.

В основе формирования криминалистического учения о личности свидетеля лежит понимание того, что оно основано на теоретическом обосновании единого подхода к существованию так называемых «идеальных следов преступления», как самостоятельного вида следов.

Следовательно, основы изучения личности свидетеля в целях повышения уровня получения показаний, на всех стадиях судопроизводства, заложенные ранее, в настоящее время не потеряли своей актуальности, и могут быть использованы посредством осмысления и использования имеющихся разработок в формировании теоретических основ.

Свидетель в качестве носителя информации о событии преступления должен рассматриваться как единое целое, подлежащее криминалистическому исследованию. Событие преступления в результате взаимодействия субъекта и объекта преступления порождает результат отображения в виде материально фиксированных отображений и образов в сознании людей, являющихся потенциальными носителями и источниками криминалистически значимой информации.

---

[1] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов: в 3 т. 3-е изд., доп. М., 1997. Т. 2. С. 35.

Возможность более полного и точного получения информации, которой располагает свидетель, зависит от различных факторов объективного и субъективного характера и степени прикосновенности к событию преступления.

*А. Г. СОЛОДОВНИКОВ**

Анализ и пути разрешения проблемных следственных ситуаций, возникающих в ходе расследования корыстных нападений, совершаемых организованными группами

Начальный этап расследования преступлений корыстно-насильственной направленности, совершаемых организованными группами, традиционно вызывает повышенный интерес как в научной среде, так и со стороны практических работников. Следственные ситуации, которые возникают на этом этапе, характеризуются отсутствием криминалистически значимой информации, как о событии преступления, так и относительно лиц, причастных к нему. Результатом такой неопределенности является невозможность принятия аргументированного решения по делу. В литературе такие ситуации называют проблемными[1]. Анализ существующих точек зрения позволяет определить проблемную следственную ситуацию как систему условий, которые возникают на определенном этапе расследования, влияют на обстановку расследования и порождают в результате их оценки лицом, производящим расследование, сложные познавательные задачи, обусловленные информационной неопределенностью относительно характера события преступления, его основных элементов или личности преступника, в связи с чем невозможно определить способ действий, которые обеспечивают с высокой степенью вероятности раскрытие преступления.

Для более подробного изучения этого сложного явления и повышения его практической значимости в литературе предпринимались

* Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоохранительной и судебной деятельности Луганской академии внутренних дел им. Э. А. Дидоренко.

[1] *Антипов В. П.* Планирование расследования в проблемных ситуациях // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. № 34. С. 74; *Волчецкая Т. С.* Криминалистическая ситуалогия. Калининград, 1997. С. 45; *Драпкин Л. Я.* Криминалистические и оперативно-розыскные аспекты раскрытия и расследования преступлений: учеб. пособие. Екатеринбург, 2014. С. 21.

попытки построения классификации или типизации проблемных следственных ситуаций, которые возникают во время расследования нападений, совершаемых организованной группой. Так одни авторы выделяют в качестве основного информационного блока уровень осведомленности следователя о личности преступника и организованной группе в целом[1]. Другие авторы выделяют типичные проблемные следственные ситуации, опираясь на источник поступления информации о событии преступления[2]. Встречаются даже попытки построения целостной системы оснований для формирования подобных классификаций[3].

На наш взгляд, наиболее эффективной и перспективной, с точки зрения возможного практического использования, является классификация, предложенная В. В. Тищенко. Взяв за основу наиболее информативный на момент возбуждения уголовного дела элемент – событие преступления, он выделяет следственные ситуации по схеме отношений: «событие преступления – личность преступника», «событие преступления – личность потерпевшего», «событие преступления – предмет преступного посягательства»[4].

Опираясь на эту концепцию, мы можем выделить такие проблемные следственные ситуации, присущие начальному этапу расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых организованными группами:

I. Характеристика следственных ситуаций с учетом особенностей связи «событие преступления – личность преступника».

Ситуация 1-1. Есть информация о совершении нападения. Известны обстоятельства совершения преступления, но относительно личности преступника (преступной группы) сведения отсутствуют или их крайне мало: отдельные нечеткие данные о признаках внешности, одежды, количества лиц, которые нападали, и тому подобное. Сведения о нападении содержат информацию о месте, времени и других условиях преступления, о способе, орудиях, средствах, следах его совершения

---

[1] *Жердеев В. А, Комисаров В. И.* Расследование серийных корыстно-насильственных преступлений, совершаемых организованными грушами, на первоначальном этапе. М., 2002. С. 86; *Целищев А. Я.* Расследование грабежей и разбоев в условиях крупного города: лекция. М., 1986. С. 13.

[2] *Алексеров В. И., Шаталов А. С.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых организованными преступными группами // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: спец. курс лекций. М., 2003. С. 120.

[3] *Куликов В. И.* Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности. Ульяновск, 1994. С. 158–185.

[4] *Тищенко В. В.* Корыстно-насильственные преступления: криминалистический анализ: моногр. Одесса, 2002. С. 246.

и количестве лиц, непосредственную принимавших участие в нападении. Такие сведения могут быть разной степени полноты, но в целом дают верное представление о событии преступления.

Данная ситуация весьма сложная, однако достаточная полнота сведений о сути и основных обстоятельствах события совершенного преступления позволяет на основе их анализа, результатов осмотра места происшествия, допроса свидетелей-очевидцев, неотложных оперативно-розыскных мероприятий собрать данные, которые характеризуют организованную группу в целом или личность отдельных преступников, и сформулировать версии о круге подозреваемых лиц.

Ситуация 1-2. Четкие сведения о содержании и обстоятельствах события отсутствуют, но имеются данные о нападающих. Данная ситуация образуется чаще всего при совершении покушения на преступление, видовые признаки которого, цель и мотивы действий виновного на момент получения первичной информации трудно определить. Все преступники или отдельные личности, которые участвовали в нападении, в таком случае задерживаются на месте происшествия по горячим следам или они известны потерпевшему, свидетелям-очевидцам, или кто-то из нападающих потерял при нападении личные документы и др.

Такая ситуация оценивается как достаточно благоприятная для расследования, поскольку уже сразу после задержания подозреваемого лица в ходе проведения первоочередных следственных действий удается от задержанного, а также из показаний других лиц (потерпевшего, свидетелей), осмотров, обысков получить информацию, которая позволяет правильно определить характер преступления, направленность намерения, мотивов, вид корыстно-насильственного преступления.

Вместе с тем редко удается задержать организованную преступную группу в полном составе, а задержанные лица, как правило, отказываются давать полные правдивые показания из корыстных побуждений, в надежде на поддержку соучастников, которые остались на свободе, или, побаиваясь мести других членов группы. К тому же придется устанавливать еще не известные эпизоды преступной деятельности. Эти обстоятельства также негативно влияют на ход расследования и позволяют классифицировать ситуацию, которая складывается, как проблемную.

Ситуация 1-3. Четкие сведения о событии преступления и личности нападавших отсутствуют. Названная ситуация возникает в случаях исчезновения потерпевшего, обнаружения трупа вне местожительства, трупа неизвестного лица потерпевшего, а также когда потерпевший находится в обморочном состоянии, доставлен в тяжелом состоянии

в медицинское учреждение и не может давать показания. Свидетели-очевидцы в таких случаях на момент поступления информации не выявлены, место совершения преступления точно не известно.

Описанная ситуация является наиболее сложной, проблемной и неблагоприятной для расследования, поскольку характеризуется резким дефицитом информации, наличием лишь отдельных, нередко отрывочных и недостаточно ясных сведений о сущности и обстоятельствах расследуемого события, личности преступников, мотивов и целей их действий. В данном случае создается проблемная ситуация с широким кругом поисковых заданий, которые требуют быстрого их решения в условиях существенного тактического риска.

II. Характеристика следственных ситуаций с учетом особенностей связи «событие преступления – потерпевший».

Выделение типичных следственных ситуаций в данном случае основывается на содержании способов и результатов действий преступника относительно потерпевшего.

Ситуация 2-1. К потерпевшему применены ядовитые, одурманивающие и другие сильнодействующие вещества, средства, препараты, которые создавали угрозу жизни потерпевшего. В таких случаях адекватность восприятия им события, которое произошло, и признаков личности преступника зависит от последствий влияния на его физическое и психическое состояние. Нередко потерпевший сохраняет способность вспомнить и описать обстоятельства, которые предшествовали потере сознания: где, в какое время находился в момент употребления напитков, еды, приема медицинских препаратов, инъекций, с кем общался, приходил ли в себя после первой потери сознания и т. п. Однако он не всегда откровенный, скрывает или искажает сведения об обстоятельствах события, которые его компрометируют, разоблачают его низкие моральные качества и др.

Ситуация 2-2. Потерпевший похищен, место его пребывания неизвестно, а требования имущественного характера предъявляются преступником ему лично.

Данная ситуация существенно отличается от предыдущей, поскольку связана с нападением и похищением не имущества, а самого потерпевшего. Как правило, похищение потерпевшего преследует ряд целей. Это моментальное завладение имуществом, которое находится при потерпевшем (деньги, драгоценности, автомобиль и т. п.); запугивание потерпевшего с целью выполнения им в последующем действий имущественного или не имущественного характера в пользу преступников. В отличие от вымогательства, при нападении, которое сопровождается

похищением потерпевшего, преступники осуществляют постоянный физический контроль за жертвой до момента передачи имущества. Это лишает потерпевшего объективной возможности обратиться за помощью в правоохранительные органы или к посторонним лицам.

В данном случае потерпевший не может, как правило, сообщить информацию о преступниках и месте своего пребывания, что значительно усложняет следственную ситуацию.

Ситуация 2-3. Потерпевший убит. В этой ситуации к моменту возбуждения уголовного дела поступает информация о выявлении трупа потерпевшего с признаками насильственной смерти. Такая информация может быть существенно дополнена, если установлена личность потерпевшего, тело выявлено по месту жительства потерпевшего, есть признаки, которые указывают на корыстный мотив убийства, выявлены свидетели-очевидцы. Степень полноты первичной информации в указанных обстоятельствах и определяет большую или меньшую проблемность следственной ситуации и перспективы быстрого раскрытия совершенного преступления.

Из-за того, что в рассмотренной ситуации никакая вербальная информация от потерпевшего не может быть получена, перед следователем возникает достаточно большой круг сложных тактических заданий. К ним необходимо отнести:

установление личности потерпевшего;

установление места совершения убийства;

изучение личности потерпевшего, характера его жизни, круга родственников и знакомых, жизненных обстоятельств, которые предшествовали убийству;

установление характера и мотивов убийства;

выяснение основных обстоятельств события (время, способ, орудия, обстановка преступления);

выявление свидетелей;

выявление данных, которые указывают на количество и признаки преступников.

III. Характеристика следственных ситуаций с учетом особенностей связи «событие преступления – предмет посягательства».

Типичные следственные ситуации в данном случае определяются в зависимости от характера и точности информации о похищенном имуществе и способе завладения им.

Проблемная ситуация возникает, когда нет полных и достоверных сведений о похищенном имуществе, о его количестве, наименовании, а также индивидуализирующих признаках. Названная ситуация обра-

зуется в силу того, что потерпевший оказывается убитым или ему причинены телесные повреждения, которые лишают его возможности дать ясную и подробную информацию о похищенном имуществе. Также возможная ситуация, когда владелец имущества временно отсутствует, а лицо, ответственное за него, не знает о количественно-качественных характеристиках похищенного (например, нападение совершенно на охранника). Такая ситуация усложняет как розыск похищенного, так и расследование в целом. Однако она может быть информационно дополнена во время выполнения первоначальных следственных действий: осмотр места происшествия, допрос родственников и других лиц, хорошо знакомых с потерпевшим, которые пользовались его имуществом и др.

В других случаях наличие информации о похищенном имуществе позволяет следователю выдвигать версии о личности преступников, о способе совершения корыстного нападения, о возможных направлениях поисково-познавательной деятельности.

Считаем, что рассмотренную классификацию следственных ситуаций целесообразно использовать для дальнейшего определения круга и содержания тактических задач, присущих проблемным следственным ситуациям, определения последовательности и способов их решения.

Основной целью решения названных проблемных следственных ситуаций является проведение действий, направленных на получение новой необходимой криминалистически значимой информации. Следователь должен четко осознавать возможные источники поступления такой информации. На начальном этапе расследования информация может быть получена в результате:

1) допроса потерпевшего, свидетелей и очевидцев относительно количества нападавших, характера их действий, механизма совершения преступления;

2) осмотра места происшествия для выявления признаков совершения преступления организованной группой;

3) проведения обысков по месту жительства подозреваемых лиц;

4) проведения тактических операций, что предопределенно необходимостью проведения комплекса следственных действий одновременно в нескольких местах с предсказуемыми промежуточными результатами, которые будут использоваться в дальнейшем процессе расследования. По исследуемой категории дел именно проведение тактических операций показало свою повышенную эффективность в сравнении с отдельными разрозненными следственными действиями;

5) использование информационно-справочных систем (не только тех, которые ведутся в системе правоохранительных органов, но и других –

архивы предприятий, органов здравоохранения, военкоматов и т. п.). Это позволяет установить материальное положение членов организованной группы, их связи, полученные ими ранения, телесные повреждения, сферу интересов преступного формирования и т. п.;

б) использование материалов оперативно-розыскной деятельности, которое традиционно рассматривается в двух направлениях: а) использование оперативных данных для принятия тактических решений (ориентирующая информация); б) использование оперативных данных в процессе доказывания (доказательная информация).

В ситуациях, когда и эти источники не предоставили необходимую информацию, существенную помощь в выдвижении версий и определении дальнейшего направления расследования может оказать криминалистическая характеристика исследуемой категории преступлений. Перспективной в этом вопросе нам представляется позиция В. В. Бирюкова и Т. П. Бирюковой, которые справедливо указывают, что с учетом развития компьютерной техники криминалистическая характеристика преступлений представляет собой потенциальный резерв для оптимизации практики расследования. Это обусловлено возможностью создания специализированной криминалистической информационной системы, которая, концентрируя в себе информацию, собранную в ходе расследования конкретных преступлений, интегрировала бы в себе сведения других криминалистических учетов[1]. Наличие такого инструмента в руках следователя существенно повысило бы обоснованность выдвигаемых версий и эффективность определения направления поисковой деятельности для решения, как тактических, так и стратегических задач расследования.

В любом случае принятию решения о дальнейшем направлении расследования предшествует деятельность следователя по выдвижению версий. Отдельные авторы, рассматривая возможность решения проблемной следственной ситуации, отводят ведущую роль в этом процессе именно построению версий[2]. Без сомнения, следователь планирует свою деятельность по расследуемым уголовным делам в соответствии с выдвинутыми им следственными версиями и именно ими предопределено избрание системы следственных действий. Однако само по себе построение версии еще не является ее решением, ведь она не решает

---

[1] *Бирюков В. В., Бирюкова Т. П.* Криминалистическая характеристика конкретных преступлений: значение и перспективы использования в теории и практике расследований // Рос. право: образование, практика, наука. 2016. № 3. С. 36.

[2] *Жердеев В. А, Комисаров В. И.* Указ. соч. С. 92; Драпкин Л. Я. Разрешение проблемных ситуаций в процессе расследования: учеб. пособие. Свердловск, 1985. С. 53.

вопроса информационной недостаточности. Она лишь содержит вероятностное предположение, которое еще должно быть проверено проведением соответствующих поисково-познавательных мероприятий. Поэтому мы считаем, что именно тактическое решение, сформированное на основе существующей информации и построенных в соответствии с этим версиях, выступает основным способом решения проблемной следственной ситуации.

*В. Ю. СОКОЛ**

О проблемах вхождения российской криминалистики в мировое криминалистическое пространство

С развалом социалистического «лагеря» и падением «железного занавеса» постсоветская Россия включилась в мировое глобализационное развитие, что обусловило противоречивые процессы трансформации ее финансово-экономических и общественно-политических связей, ломки прежних общественных отношений, исследовательских схем и стереотипов поведения.

Процесс глобализации затрагивает все сферы общественной жизни – политику, экономику, науку, образование, культуру, преступность и т. д. Так, воздействие глобализации на преступность проявляется в том, что она становится все более интернациональной, организованной, мобильной, способной к воспроизводству более изощренных форм и видов и т. п., что предъявляет новые требования к мировой криминалистической науке.

Глобализация преступности обусловливает потребность не только в обмене информацией между правоохранительными органами различных государств, создании общих баз данных и образцов (оружия, шин транспортных средств и т. д.), но и объединении и координации научной криминалистической работы, а также гармонизации методов обнаружения и доказывания преступной деятельности на международном уровне[1].

В условиях, когда российское государство и его правоохранительные органы активно участвуют в интеграционных международных

* Кандидат юридических наук, доцент, помощник министра образования, науки и молодежной политики Краснодарского края.

[1] *Feješ I.* Tendencies of criminalistics development in the 21st century // Journal of criminalistics and law. Criminal justice and police academy. Belgrade. 2009. S. 102–103.

процессах, связанных с усилением борьбы с преступностью, отечественная криминалистика должна коренным образом пересмотреть свои устаревшие положения, основанные на прежних идеологических догмах и стереотипах, без чего невозможно обеспечить ее интеграцию в международное криминалистическое сообщество. В частности, профессор криминалистики из Словении Д. Мавер прямо указывает, что переработка и удаление ненужных идеологических помех марксизма-ленинизма обеспечит российской криминалистике прочную основу для серьезного теоретического исследования в будущем[1].

Однако в отечественной криминалистической литературе практически отсутствуют работы, в которых бы освещались вопросы, связанные с исследованием современного состояния зарубежной (прежде всего западной) криминалистики.

Зародившись в Западной Европе на рубеже XIX–XX вв., криминалистика (как область знаний) развивалась в дальнейшем в различных странах во многом под влиянием национальных условий и традиций. Именно существенные разногласия о понятии, предмете и системе криминалистики привели к ее последующей раздробленности, формированию и развитию относительно независимых национальных криминалистических школ. Так, А. Ф. Волынский выделяет австро-германскую, романскую, англосаксонскую и советскую (или социалистическую) школы[2]. Встречаются и другие классификации моделей развития криминалистики: римская, англо-американская, а также общая для Германии и России[3]; «восточная» криминалистика (СССР и страны Восточной Европы), «западная криминалистика» или англо-американская криминалистика и «среднеевропейская (центральная) криминалистика»[4] и др. Указанные модели криминалистики предлагают в настоящее время различные концепции и перспективы развития криминалистики. С учетом изложенного, настоятельно требуется переход от изоляции отдельных национальных криминалистических школ к их диалогу (интеграции) в направлении формирования единой мировой криминалистической науки, использующей богатый опыт национальных криминалистик.

---

[1] Kriminalistika: uvod, taktika, tehnika / Darko Maver in soavtorji. Ljubljana: Uradni list Republike Slovenije. 2004. S. 57.

[2] *Волынский А. Ф.* Криминалистика в зарубежных странах // Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. А. Ф. Волынского. М., 1999. С. 41–42.

[3] *Halilović H., Bojanić N.* Criminalistics – Scientia Sui Generis – Arguments Pro et Contra // Policing in Central and Eastern Europe: Dilemmas of Contemporary Criminal Justice. December, 2004. P. 2.

[4] Kriminalistika: uvod, taktika, tehnika / D. Maver in soavtorji. Ljubljana: Uradni list Republike Slovenije. 2004. S. 56–57.

Так, говоря об актуальных достижениях различных национальных криминалистик, Д. Мавер называл разработку немецкими криминалистами проблематики криминалистической стратегии и ряда новых методик расследования отдельных видов преступлений; русской и восточноевропейской криминалистикой – так называемой теоретической криминалистики; американской – метода психологического профилирования, который позже превратился в криминалистическое профилирование; голландской и американской – криминалистической аналитики и т. д.[1]

Несмотря на значительные содержательные различия, связанные с неодинаковым определением криминалистики, ее системы и спецификой институализации, зарубежные криминалисты склонны отмечать близость различных моделей криминалистики западноевропейских стран, их общую направленность на решение конкретных практических проблем[2]. Национальные сообщества криминалистов западных государств активно развивают международные связи с профессиональными криминалистическими объединениями других стран. Например, Европейское сообщество (ЕС) создает единое криминалистическое пространство обеспечения безопасности государств-членов Европейского союза в интересах эффективной совместной борьбы с преступностью, что предполагает согласованную выработку и реализацию соответствующих мер. В частности, в условиях объединенной Европы успешно действует так называемая Сеть европейских техников-криминалистов (ENFSI), развиваются процессы аккредитации и сертификации зарубежных экспертно-криминалистических учреждений по единым стандартам качества.

Рабочая группа Правоприменение (Law Enforcement Working Party) на своих заседаниях в 2011 г. обсуждала проекты развития европейской судебной науки (криминалистики) и ее инфраструктуры до 2020 г.

Совет Европейского Союза 23 ноября 2011 г. подготовил документ «Проект выводов Совета о видении европейской криминалистики 2020, в том числе создание пространства криминалистики Европы и развития криминалистической инфраструктуры в Европе»[3]. Речь идет о проведении на территории ЕС ряда прикладных, технических, методических и дидактических мероприятий, стимулирующих дальнейшее

[1] Kriminalistika: uvod, taktika, tehnika / D. Maver in soavtorji. S. 67.

[2] *Kurapka V. E., Malevski H.* Kriminalistiklehre an Universitäten – Notwendigkeit, Realität oder Problem? // Kriminalistik. 2005. Heft 1. S. 50.

[3] Проект выводов Совета о видении европейской криминалистики 2020, в том числе создание пространства криминалистики Европы и развития криминалистической инфраструктуры в Европе. Проект. Совет Европейского Союза. Брюссель, 23 ноября 2011 года.

развитие криминалистической инфраструктуры. Тогда как информация об активном участии российских криминалистов в подобного рода международных проектах отсутствует.

«Социалистическая» криминалистика, в которую входили национальные криминалистики государств «лагеря социализма», к числу важных задач относила разоблачение реакционной сущности буржуазной криминалистики. Поэтому ни о каком реальном сотрудничестве с «буржуазными» криминалистами в то время не могло быть и речи.

Прежде достаточно широкий лагерь социалистической криминалистики, объединявшей представителей криминалистики социалистических стран и обеспечивавший тем самым «локальную социалистическую глобализацию» прекратил свое существование. Это привело к тому, что представители российской криминалистики существенно ограничили свои связи с коллегами из восточно-европейских стран. А с развалом СССР значительно сократились и контакты с криминалистами бывших союзных республик, многие из которых под влиянием глобализационных причин, впрочем как и конъюнктурных, все больше стали ориентироваться на Запад, заявляя о близости их криминалистического учения с моделями западноевропейских стран[1]. Это привело к тому, что прежнее влияние российских (советских) криминалистов стало значительно ослабевать.

Отношения российских криминалистов с западными коллегами складываются весьма непросто. Среди основных причин этого следует назвать не только языковой барьер; усиливающуюся на Западе «русофобию», но и воспроизводство в российской криминалистической среде устаревших исследовательских схем и образцов поведения, основанных на марксистко-ленинских догмах; признание некоего «особого» статуса и «уникальности» российской криминалистики, веры в то, что «западные модели» криминалистики теоретически не развиты, не применимы к российской действительности, бессистемны, непоследовательны и т. п. Негативные оценки современной западной криминалистики во многом являются отражением прежде господствовавших в советской криминалистике классовых и партийных подходов, от которых отечественная криминалистика так до конца и не избавилась.

В свою очередь, западные криминалисты обвиняют российскую криминалистику в философствовании, политизации, чрезмерном теоретизировании, отрыве от практики и т. п.

---

[1] *Kurapka V. E., Malevski H.* Kriminalistiklehre an Universitäten – Notwendigkeit, Realität oder Problem? // Kriminalistik. 2005. Heft 1. S. 47.

Выезд российских криминалистов за рубеж в последние годы и поддержка ими контактов с зарубежными криминалистами существенно не способствовали усилению влияния российской криминалистики в мировом пространстве.

В условиях возрастающей глобализации и усиливающейся англо-американской экспансии во всех сферах жизни, включая и борьбу с преступностью, российская модель криминалистики (впрочем, как и немецкая) испытывает на себе давление англо-американской модели.

При этом складывается впечатление, что современная российская криминалистика не заинтересована в восстановлении утраченного влияния в европейских странах – прежних участницах социалистического лагеря, хотя там еще продолжают плодотворно работать многие криминалисты, которые обучались в Советском Союзе и поддерживают концептуальные основы российской криминалистики.

Российская криминалистика по-прежнему «варится в собственном соку» в отрыве от интернациональных криминалистических исследовательских сетей. Ее изоляция от современной западной криминалистики оказывает негативное влияние на развитие отечественной криминалистической науки; затрудняет процесс сближения различных криминалистических школ, разработку единой общей теории, методологии и терминологии мировой (всемирной) криминалистики, а также современных приемов предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

Так, в отечественной литературе широкое распространение получили предложения Н. П. Яблокова о разработке теоретической концепции криминалистического мышления[1]. Однако современному российскому криминалисту практически ничего неизвестно о работах иностранных криминалистов в этой области, в частности, Ф.-Р. Шуриха, А. Форкера, Р. Бертеля из Германии; Г. Валдера из Швейцарии, книга которого «Криминалистическое мышление» (Kriminalistisches Denken) выдержала шесть прижизненных изданий; Д. Мавера из Словении и т. д. На факультете уголовного правосудия и безопасности в университете в Любляне (Словения) преподается самостоятельный предмет «Криминалистическая психология», в котором излагаются проблемы криминалистического мышления.

Развивающиеся процессы глобализации преступности и интернационализации криминалистики настоятельно требуют от российских

[1] *Яблоков Н. П.* Некоторые проблемы криминалистики в свете сегодняшнего дня // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 г.). М., 2014. С. 116.

криминалистов активных действий по вхождению в мировое криминалистическое «пространство», повышению мобильности научных кадров, укреплению их связей с зарубежными партнерами, изменению тематики криминалистических исследований и т. п. Указанная работа невозможна без кардинального переосмысления предмета и системы отечественной криминалистики, пересмотра ее методологических основ, замены устаревшей парадигмы, основанной на «ленинской» («белкинской») теории отражения и «единственно научном методе» – материалистической диалектике.

Перед отечественными криминалистами стоит сложная задача по отвоеванию «места под солнцем» мировой криминалистики и восстановлению прежних лидерских позиций. При этом следует ломать стереотипы западной криминалистики, которая, по сути, всегда с недоверием и подозрительностью относилась к советской (российской) криминалистике, игнорировала ее достижения и переносит прежнее негативное отношение на современную российскую криминалистику. Кроме того, настоятельно требуется восстанавливать и укреплять связи с криминалистами бывших социалистических стран, продолжающими разделять многие теоретические концепты российской криминалистики.

В противном случае российская криминалистика может оказаться на обочине интеграционных процессов мировой криминалистики, окончательно превратившись в «туземную» и маргинальную науку с великим прошлым, ограниченную лишь интересами и контактами в пределах русско-говорящего пространства.

Российским криминалистам необходимо решительно брать инициативу в свои руки. Первым шагом на этом пути может быть организация и проведение в России международной конференции с привлечением широкого круга ведущих отечественных и зарубежных криминалистов, основная тематика которой должна быть посвящена формированию основ единой мировой (всемирной) криминалистики.

*И. Н. СОРОКОТЯГИН**
*Д. А. СОРОКОТЯГИНА***

Оценка юристом заключения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы

В теории и практике судебной экспертизы заключение экспертов не считается особым видом доказательства и оценивается по общим правилам оценки доказательств.

Заключения эксперта служит доказательством по делу в том случае, если юрист убежден в его относимости, допустимости, достоверности, соответствии экспертному заданию, полноте научности.

Законодатель четко обозначил, что заключение эксперта подлежит оценке по внутреннему убеждению юриста, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех в совокупности обстоятельств дела.

В юридической и специальной литературе периодически поднимается вопрос о способности юриста (следователя, судьи, адвоката и др.) критически оценить заключения эксперта. Общепринято, что оценить заключение эксперта – это означает, что юрист должен его понять. В настоящее время в связи с усложнениями экспертных исследований, обилием специальных терминов, понятий и т. д. оценить ход и результаты проведенных экспертных исследований становится труднее.

Теория и практика судебной экспертизы предполагает следующие варианты решения проблемы:

назначить повторную или дополнительную судебную экспертизу;

пригласить сведующее лицо в качестве консультанта с целью осуществить оценку заключения;

допросить эксперта, проводившего экспертизу, по конкретным вопросам.

Объективность оценки заключения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы во многом зависит от подготовки юриста (следователя, судьи, адвоката) по неюридическим вопросам, в частности в области психологии и психиатрии.

---

* Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовой психологии и судебных экспертиз Уральского государственного юридического университета.

** Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовой психологии и судебных экспертиз Уральского государственного юридического университета.

Судебно-следственная практика показывает, что юристы не имеют широкого представления о современных возможностях науки, техники, искусства и ремесла.

Однако опыт расследования дел, их рассмотрения в судах позволяет юристу разобраться в объективности, всесторонности, полноте и научности экспертного исследования.

Оценка заключения судебной экспертизы заключается в обнаружении и своевременном устранении допущенных *экспертных ошибок*.

Под экспертной ошибкой следует понимать непреднамеренные неверные суждения (умозаключения) или действия эксперта при установлении фактических данных в процессе исследования объектов и оценки результатов, а также нарушения процессуального закона (уголовного, гражданского и др.) способные привести к неверному решению, не обеспечивающему полноту, объективность, всесторонность проведенного исследования[1].

Р. С. Белкин подробно описал классификацию экспертных ошибок, разделив их на три класса: процессуального характера, гносеологические и в деятельности (операционные)[2].

Позднее указанная классификация была дополнена психологическими и комплексными классами экспертных ошибок.

Ошибки в заключении эксперта могут быть обнаружены не только в процессе производства экспертизы, но и юристом (следователем, судом, адвокатом, защитником).

В комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) должны присутствовать все три части (элемента) заключения.

Оценка заключения КСППЭ юристом осуществляется путем изучения частей вводной, исследовательской и выводов, применительно к установленной классификации экспертных ошибок.

Анализ многочисленных заключений КСППЭ показал, что большинство экспертиз не содержат предложенной структуры, так как основное внимание уделено разделам психиатрического исследования и психологического.

Во вводной (начальной) части заключения КСППЭ допускаются следующие экспертные ошибки.

Не указывают основания назначения КСППЭ, которые описываются в постановлении (определении) органа или лица назначившего судебную экспертизу. Основаниями назначения и проведения КСППЭ

---

[1] *Аубакирова А. А.* Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 33.

[2] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. М., 2010. С. 471.

в уголовном процессе являются: сомнение в нормальном состоянии психически здорового обвиняемого и др.; странности в его поведении и высказываниях, последствия черепно-мозговой травмы или заболевания головного мозга, а также совершения преступлений в состоянии перевозбуждения, вызванного каким-либо раздражителем (оскорбления, унижения, истязания и др.), т. е. аффективном, стрессовом, фрустрационном и др.

Компетенция членов экспертной комиссии часто нуждается в серьезных разъяснениях. Например, не указана специальность эксперта. В заключении записано – эксперт имеет высшее медицинское образование, но отсутствует специальность врача (хирург, стоматолог, психиатр, невропатолог и т. д.).

Общеизвестно, что не все врачи имеют профессиональную подготовку в области психиатрии, педагоги – в сфере психологии и т. д.

Отсутствуют сведения о стаже экспертной деятельности и прохождении повышения квалификации врача-психиатра.

В последнее время в заключениях комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз появилась специальность эксперта «медицинский психолог». В заключениях не указываются, какое высшее образование имеет «медицинский психолог» (медицинское или психологическое). Нуждается в уточнении и стаж работы, особенно в экспертной деятельности. В заключении указывается общий стаж, без выделения экспертного стажа. Не отмечается, по какой специальности (врача или психолога) эксперт проходил повышения квалификации за последние пять лет.

Отсутствие указанных данных у экспертов ставит под сомнение их компетенцию.

В заключении КСППЭ не указывается пункт «Материалы, переданные экспертам для исследования», в котором перечисляются: уголовное или гражданское дело, медицинские документы, индивидуальные карты больного, сведения о лице, которое находится под наблюдением врачей-психиатров и др.

Поэтому эксперты не сообщают номера документов, нумерацию листов, способы соединения листов, наличия печатей, штампов, состояние упаковки (повреждения) и др.

Отсутствие указанных сведений ставят под сомнения их объективность.

В заключении КСППЭ необходимо указать, представлены документы в копиях или подлинниках, а также эксперты должны сообщить, какие медицинские документы подэкспертного были изучены, а какие экспертами не исследовались.

Представляется, что необходимо указать данные о лице, доставившем материалы для экспертизы.

В начальной (вводной) части заключения КСППЭ отмечается, какие вопросы были поставлены перед экспертами.

Как правило, эксперты не дают оценку поставленным вопросам и не вносят (при необходимости) свои предложения.

Эксперты должны четко определить, какие вопросы относятся к психиатрам, а какие к психологу (медицинскому психологу). При оценке заключения КСППЭ юристу постоянно приходится при изучении содержания заключения самостоятельно решать, какой вопрос относится к психиатрам, а какие к медицинскому психологу. Используя собственные специальные знания в области психиатрии и психологии, или получив разъяснения от специалистов, экспертов, юрист пытается решить проблему самостоятельно.

Было бы правильно, чтобы разделение поставленных вопросов между психиатрами и психологами осуществили члены экспертной комиссии и сообщали в своем заключении.

В литературе высказывались предложения о сокращении текста заключения за счет исключения в нем описания признаков объектов исследования[1].

Согласится можно по некоторым криминалистическим и иным экспертизам.

При производстве КСППЭ представленные материалы должны строго классифицироваться и изучаться соответствующими экспертами, так как любая информация о личности подэкспертного может существенно повлиять на выводы экспертов.

Эксперты могут предложить вопросы, которые не поставлены юристом, но необходимы для всестороннего и полного изучения подэкспертного.

В исследовательской части заключения КСППЭ описывается ход и результаты исследования применительно к поставленным вопросам, дается оценка экспертами полученных результатов и приводится обоснование даваемых выводов.

В заключении КСППЭ исследовательская часть отдельно не оформляется, поэтому юристу приходится самостоятельно относить информацию к вводной части, исследовательской и выводам.

При оценке заключения КСППЭ складывается впечатление, что в заключении экспертов исследовательская часть практически отсутствует.

---

[1] *Мирский Д. Я., Лифшиц Е. М.* Значение оптимизации содержания и формы заключения эксперта: Общетеоритические, правовые и организационные основы судебной экспертизы. М., 1987. С. 78.

Эксперты не объясняют причину отсутствия «исследовательской части». Кроме того, во многих заключениях КСППЭ отсутствуют поставленные вопросы в тексте исследовательского раздела и подробное описание самостоятельного исследования по каждому вопросу.

В изученных заключениях КСППЭ всегда указаны, какие были использованы методы при исследовании. Например, клинико-психиатрические исследования (анамнез, катамнез, медицинские наблюдения, клиническая беседа, описание психического состояния, анализ имеющихся психических расстройств), а также данных лабораторных, инструментальных и экспериментально-психологических методов исследования. Эксперты не объясняют, почему при исследовании были использованы указанные методы. В то же время существуют другие методы (например, клинический анализ соматического, неврологического и психологического состояния).

Практика проведения КСППЭ показывает, что исследования осуществляются по общепринятой схеме: анамнез, показания свидетелей по делу, показания истцов, ответчиков, клинический анализ и психологический анализ.

Анамнез – это совокупность сведений о больном («карта больного»), развития у него психического расстройства или соматического заболевания, полученных путем расспроса самого больного (субъективный анализ) и окружающих лиц (объективный анализ), а также сведения из медицинских документов.

Особое внимание уделяется изучению медицинских документов. Диагнозы описываются подробно. Например, «подэкспертный страдал» распространенным остеохондрозом, артериальной гипертензией, протрузией межпозвоночных дисков, стенокардией, хроническим рецидивирующим течением, обострениями и др.

Серьезным недостатком заключения КСППЭ является то, что эксперты-психиатры, анализирующие соматические заболевания подэкспертного, не показывают, могли ли указанные заболевания повлиять на психическое состояние подэкспертного в юридически значимый период (например, в момент подписания завещания).

Определенную информацию о психическом состоянии подэкспертного, его психических расстройствах могут сообщить участники уголовного или гражданского процесса.

Показания свидетелей, истцов, ответчиков, обвиняемого, подсудимого субъективны, противоречивые, иногда заинтересованные в исходе дела.

Юрист должен при оценке показаний свидетелей и других участников процесса, обращать внимание на признаки заинтересованности их в исходе дела. Сколько свидетелей объективно оценивают состояние подэкспертного, какими фактами из его жизни располагают, в частности, его состоянии здоровья, психических отклонениях, отношении к окружающим и т. д. Например, в одном из заключений КСППЭ указано, что трое свидетелей сообщили, что подэкспертный вел себя неадекватно и десять утверждали, что подэкспертный в общении был адекватен, в семье и в быту спокойный, общительным в конфликтах не замечен и т. д.

Эксперты в заключении КСППЭ ссылаются только на показания трех свидетелей, а о десяти других информация отсутствуют. Можно утверждать, что заключение КСППЭ не отвечает принципу объективности экспертного исследования.

Эксперты в исследовательской части заключения обязаны объяснять причины отказа от показаний десяти свидетелей (сообщения не относится к делу, сведения не конкретные и др.)

Показания свидетелей в КСППЭ не является убедительным доказательством, так как они не несут клинически значимой информации. Однако эксперты не должны их игнорировать, а наоборот, показать их состоятельность.

По гражданским делам довольно часто выступают в качестве свидетелей заинтересованные лица, которые характеризуют подэкспертного как неадекватную личность. Особенно при подписании завещания не в их пользу.

Определенный интерес вызывают использование в исследовательской части заключения КСППЭ «языка науки».

Следует согласиться с мнением А. В. Аверьяновой, которая считает, что в исследовательской части заключения целесообразно использовать «язык науки» путем применения специфической для данной области специальных терминов[1].

Например, при расследовании убийства, совершенного К., было установлено, что обвиняемый длительное время терпел издевательства соседей, неоднократно обращался в полицию, но соседи (заплатив штраф) продолжали свое действие (включали ночью громкую музыку, пьянствовали, пели песни, т. е. мешали отдыхать другим). Психотравмирующая обстановка ускорила наступление эмоционального взрыва:

[1] *Аверьянова Т. В.* Влияние процессов интеграции на язык криминалистики и судебной экспертизы // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовного процессуального законодательства. Екатеринбург, 2003. С. 8.

К. схватил ружье, зарядил его, вбежал в квартиру соседей и убил троих (мужа, жену и брата мужа). В процессе расследования была проведена комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза К.

Перед экспертами были поставлены вопросы, в том числе «не находился ли К. в момент совершения преступления в состоянии аффекта?»

Эксперты, исследовав ситуацию, пояснили:

В динамике аффекта выделяются три последовательные стадии (фазы):

а) нарастание аккумуляции эмоционального напряжения (накопление негативных эмоций). У К. – длительная психотравмирующая ситуация;

б) эмоциональный (аффективный) взрыв. У К. – ослабление контроля своих действий, сужения сознания и др.;

в) спад аффективного состояния – снижение функционального уровня (у К. – жалость к потерпевшим, полное раскаянье); человек стремится объяснить содеянное эмоциональным состоянием (у К. «они меня достали: пьянки, громкая музыка, телевизор на полную»).

Эксперты пришли к выводу, что К. в момент совершения преступления в состоянии аффекта не находился.

Заключение КСППЭ подэкспертного К. было направлено специалистами в области судебных экспертиз.

Специалисты оценили заключение КСППЭ с позиции «языка науки» пришли к выводу, что К. совершил свои действия в состоянии физиологического аффекта, предложили назначить и провести повторную КСППЭ.

Специалисты свои выводы обосновали «научным языком». Все признаки физиологического аффекта применительно к обвиняемому К.

Внезапность возникновения. (К. располагался ко сну, за стеной у соседей послышались мужские голоса. Ушел на кухню, раздалась громкая музыка, вскочил, зарядил ружье и убежал к соседям…).

Взрывоопасная динамика – за малый промежуток времени состояние достигает высшего предела (К. вскочил, открыл сейф, схватил ружье, зарядил и оказался на крыльце квартиры соседей, открыл дверь и произвел выстрелы).

Кратковременность – аффект исчисляется секундами и минутами. Утверждение, что аффект длится 15–20 и более минут, является преувеличением (К. считает, что произошло очень быстро).

Интенсивность и напряженность – в состоянии аффекта у человека появляется дополнительная физическая сила и возможности. (К. вы-

скочил из кухни, открыл сейф, зарядил ружье, оказался на крыльце квартиры соседей, открыл дверь, расстрелял собаку и трех человек). Дополнительные физические возможности позволили К. интенсивно совершить свои действия.

Дезорганирующее влияние на психическую деятельность. (В состоянии аффекта наблюдается сужение сознания. У К. мышление отсутствует, он стремился к соседям, увидел темный коридор и свет в конце пути, резко утрачивает самоконтроль, нарушается целесообразность действий – стреляет в тень, в мелькнувший объект…).

Усиление двигательной активности – (в следствии часто появляется предположение о преступлении с особой жестокостью), резкое усиление поведенческих актов (К. совершает беспорядочные движения, стреляет в собаку, наносит множество ранений в грудь, живот своим жертвам).

Вегетативные сдвиги – изменение кожных покровов (покраснения, побледнения), модуляция голоса, аритмия дыхания, пересыхание полости рта, интоксикация деятельности сердца и др.) В деле отсутствует информация о вегетативных сдвигах.

Последствие аффекта – может быть частичная амнезия и астенический синдром (К. не в состоянии вспомнить отдельные детали происшествия, например, сколько сделал выстрелов, куда стрелял, не слышал звуков выстрела и т. д.).

На основании изложенного специалисты приходят к выводу, что в действиях К. имеются все признаки физиологического аффективного состояния.

Целенаправленное научное обоснование конкретного психического состояния (аффект, стресс, страх, тревога, фрустрация и др.) позволяют более обстоятельно раскрыть основные элементы психического состояния личности.

В исследовательской части КСППЭ могут быть и другие экспертные ошибки:

выход экспертов за пределы своей компетенции (например, медицинский психолог анализирует психические вопросы);

обоснования выводов материалами дела, а не результатами экспертного исследования;

выражение экспертной инициативы в не предусмотренных законом формах (эксперт самостоятельно занимается собором доказательственной информации);

употребление в заключении юридических понятий «вменяемый», «невменяемый», «вина» вместо установившихся психиатрических утверждений – способность лица осознавать (не осознавать) фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими в юридический значимый период;

медицинский психолог не указывает, какие методы и методики позволили ему провести экспертное исследование.

В процессе оценки выводов экспертов юрист должен определить на все ли вопросы ответили эксперты.

Ответ на каждый вопрос должен быть самостоятельным и подтвержден психолого-психиатрическим обоснованием.

Отсутствие четкого определения, какими вопросами занимаются психиатры, а какими медицинский психолог способствует усложнению ответов на вопросы.

Представляется, что выводы экспертов КСППЭ должны быть категорическими. Вероятные выводы способствуют появлению дополнительных вопросов.

В последнее время в заключениях в КСППЭ появился вывод: «В большей степени вероятности подэкспертный страдает…»

Эксперты не объясняют, что понимается под «в большой степени вероятности». Как справедливо отмечает Е. Р. Россинская, заключение с категорическими выводами служит доказательством по делу, а «вероятное заключение не может быть источником, а лишь позволяет получить ориентирующую, поисковую информацию, подсказать версии, нуждающиеся в проверке»[1].

Юрист должен убеждаться, что выводы экспертов вытекают из вводной и исследовательской частей заключения и обязательно содержать оценку полученных в процессе экспертизы сведений, определить, достаточно ли ясно, конкретно, без сложных специальных терминов изложены выводы экспертов.

Выводы экспертов не являются обязательными для юриста (следователя, суда и др.). Однако свое несогласие с заключением эксперта лицо, назначившее экспертизу, должен мотивировать в обвинительном заключении или в постановлении о прекращении дела.

---

[1] *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 45.

*А. А. ФАЙЗУЛИНА**

Некоторые проблемы судебно-медицинской экспертизы при расследовании умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога

Судебно-медицинская экспертиза назначается при наличии на месте пожара трупов и решает вопросы о причине смерти и характере телесных повреждений, их происхождении, а также исследует, какой степени ожоги имеются у потерпевшего, подозреваемого. Результаты этой экспертизы могут иметь решающее значение для определения направления расследования и выдвижения следственных версий. Так, если судебно-медицинской экспертизой будет установлено, что во время пожара действию огня подвергся не живой человек, а труп, или что имеющиеся на трупе телесные повреждения были нанесены до воздействия огня, следователь может предположить, что в данном случае имело место убийство, а поджог явился способом сокрытия следов преступления. Признаками прижизненного воздействия огня на человека является наличие на кожных покровах трупа ожогов первой (покраснение кожи) и второй (пузыри) степени. При производстве судебно-медицинской экспертизы трупа важным является определение наличия в дыхательных путях пепла, копоти и других продуктов горения, а в крови токсической концентрации карбоксигемоглобина (соединение гемоглобина с окисью углерода), что также свидетельствует о прижизненном пребывании человека в очаге пожара. Отсутствие же их дает основание предполагать, что смерть потерпевшего наступила не в результате воздействия пламени, а от иных причин. Рассмотрим пример.

По факту обнаружения трупов О. и Е. с признаками насильственной смерти при тушении пожара в квартире было возбуждено уголовное дело по признакам составов преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 167 УК РФ. В ходе осмотра места происшествия обнаружены и изъяты молоток, нож с пятнами бурого цвета, фрагменты обгоревшей газеты, с тела трупа Е. изъяты объекты, похожие на волосы. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы трупов причиной смерти обеих потерпевших явилась закрытая черепно-мозговая травма. В результате судебно-химического исследования образцов

* Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

крови трупов карбоксигемоглобин не обнаружен. Это свидетельствует о том, что воздействие пламени причинено посмертно. При исследовании представленных материалов уголовного дела пожарно-технический эксперт выдвинул две основные версии о причине возникновения горения. Исходя из мест максимального термического воздействия причинами возникновения пожара могли послужить: источник зажигания малой мощности (тлеющее табачное изделие) или занесение источника открытого огня (в виде пламени спички, зажигалки, свечи и т. д.) извне. По результатам анализа указанных версий пожарно-технический эксперт пришел к выводу о том, что непосредственной причиной пожара в квартире явилось занесение источника открытого огня извне на сгораемые материалы в два пространственно не связанных очага пожара (в коридоре и в одной из жилых комнат) с созданием значительной пожарной нагрузки, не исключено, с интенсификатором горения – разлитой горючей или легковоспламеняющейся жидкостью, например бензином. Органам следствия удалось доказать причастность Л. к совершению данных преступлений. В ходе расследования уголовного дела было установлено, что Л., находясь в квартире О. и Е., по причине возникшей между ними ссоры на почве личных неприязненных отношений нанес им множественные ножевые ранения, а также удары молотком в область головы, что стало причиной смерти обеих потерпевших. Затем с целью сокрытия убийства преступник облил бензином находящийся в квартире горючий материал и поджег его[1].

При проведении экспертизы трупов, обнаруженных на месте пожара, используются различные методы исследования. К таковым относятся гистологические методы, представляющие собой микроскопическое изучение органов и тканей человека с целью установления патологических изменений, обусловленных насильственным воздействием или заболеванием, определения прижизненного или посмертного характера телесных повреждений, в том числе ожогов, их давности; судебно-химический анализ частей внутренних органов трупа, биологических жидкостей (крови, слюны, желчи и др.); позволяющий выявить наличие карбоксигемоглобина и окиси углерода, этилового спирта, растворителей, технических жидкостей, наркотических, лекарственных веществ и пр.; судебно-биологическое исследование крови, слюны, пота, волос и других биообъектов, изъятых с места пожара; цитологические исследования и др.[2]

---

[1] Уголовное дело № 6908109/2014 // Архив Советского районного суда Уфы Республики Башкортостан.

[2] Судебные экспертизы в Республике Башкортостан: пособие / под общ. ред. А. А. Касьянова. Уфа, 2009. С. 35.

Применение преступниками изощренных способов уничтожения останков своих жертв обуславливает необходимость разработки и использования в экспертной деятельности эффективных методов идентификации личности. В этой связи научный и практический интерес представляет созданная под руководством профессора В. Н. Звягина и внедренная в экспертную практику новая медицинская технология «Определение прижизненных соматических размеров тела человека при судебно-медицинской экспертизе скелетированных и сожженных останков»[1]. Она позволяет определять длину тела, размер головы, туловища, конечностей и ряд других соматических характеристик по костным фрагментам, в том числе сожженным до стадии серого каления. Впервые выявлены количественные критерии, допускающие диагностику типа телосложения и массивности скелета по размерным характеристикам черепа. Разработан метод определения массы зольных останков по длине и массе тела человека, который можно применять на месте пожара для проверки следственных версий о личности погибшего, что представляет большую ценность для практических работников.

Следует отметить, что при воздействии высокой температуры кожные покровы, мягкие части тела обгорают или обугливаются, кости становятся хрупкими и легко разрушаются, поэтому в случае сильного обгорания трупа установить причину смерти в результате судебно-медицинского исследования не всегда представляется возможным.

Ввиду воздействия высоких температур на тело потерпевшего в ряде случаев ходе производства судебно-медицинской экспертизы возникают трудности в определении того, являются ли обнаруженные на трупе повреждения (например, трещины костей черепа) результатом действия высокой температуры, или они произошли от механических причин[2].

Как показал анализ экспертной практики, причиной наступления смерти в результате убийства с последующим поджогом чаще всего является нанесение телесных повреждений при ударе тупым или острым предметом, механической асфиксии. В качестве средств поджога наиболее часто используются дрова, керосин, бензин. В случае применения преступником легковоспламеняющейся жидкости и горюче-смазочных материалов на одежде трупа, в его легких могут быть обнаружены следы данных жидкостей.

---

[1] *Звягин В. Н., Галицкая О. И., Григорьева М. А.* Определение прижизненных соматических размеров тела человека при судебно-медицинской экспертизе скелетированных и сожженных останков. М., 2015. С. 7.

[2] Методика расследования поджогов и нарушений правил пожарной безопасности: научно-практ. пособие / под общ. ред. В. М. Логвина. М., 2016. С. 134.

При назначении судебно-медицинской экспертизы по делам о поджогах перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы.

1. Наступила ли смерть от действия высокой температуры либо от других факторов?

2. Какова давность наступления смерти?

3. Подвергался ли воздействию огня живой человек или труп?

4. Каковы характер и степень тяжести телесных повреждений, их количество, локализация, какие из них оказались смертельными, какие имеют посмертный характер, время причинения телесных повреждений?

5. Какими предметами могли быть причинены телесные повреждения, в каком положении находился потерпевший в момент их нанесения?

6. Каков характер ожогов тела? Чем они были причинены (действием пламени, горючей жидкости или раскаленных газов), носило ли их причинение прижизненный либо посмертный характер?

7. Какова была поза потерпевшего в момент получения ожогов?

8. Могло ли в обнаруженной позе тело оказаться в огне самостоятельно?

9. Имеются ли на трупе повреждения, не характерные для действия высокой температуры? Если да, то каков их характер и происхождение?

10. Какова причина наступления удушья (от воздействия дыма, газа, физического насилия)?

11. Кому принадлежат обнаруженные в ходе осмотра места происшествия костные останки – животному или человеку? Если человеку, то каковы его возраст, пол, расовая принадлежность?

Завершая рассмотрение данного вопроса, отметим, что заключение судебно-медицинского эксперта представляет собой важнейший источник доказательств по уголовным делам о рассматриваемой категории. Результаты экспертных исследований в совокупности с другими доказательствами позволяют определить причину смерти, характер произошедшего события (убийство, самоубийство, несчастный случай), диагностировать признаки поджога и установить обстоятельства его совершения.

*А. Н. ХАЛИКОВ**

Криминалистика как практическое направление познания уголовной сферы в системе юриспруденции

Как известно, есть мнения (а под эти мнения закладывается и их практическая реализация) о том, что криминалистика как наука и учебный курс не нужны в гражданских юридических вузах, а ее место только в образовательных учреждениях правоохранительных органов. Если эту мысль довести до ее логического завершения, то мы придем к абсурдному выводу, что вместе с криминалистикой следует из названных вузов убрать и все другие учебные отрасли уголовно-правового цикла – уголовное право, уголовный процесс, криминологию, юридическую психологию и тем более отдельные спецкурсы по перечисленным дисциплинам. Иными словами, в гражданских вузах останутся отрасли гражданского права, конституционного права, административного права и другие предметы, не связанные с понятием преступлений и способами борьбы с ними.

Подобные позиции, на наш взгляд, не просто принижают значение криминалистики, но и в целом ведут к непониманию ее практического смысла во всех науках, связанных с уголовно-правовыми дисциплинами. Любая отрасль права, полностью посвященная или касающаяся определенной своей стороной преступлений и борьбы с ними, в практическом русле всегда выходит на криминалистику. Это следует из самого определения криминалистики как науки о закономерностях проявления преступления, собирания следов и иной информации о ней, направленных на раскрытие, расследование, судебное исследование и предупреждение преступлений[1]. Из типичного определения криминалистики следует, что только данная наука непосредственно соприкасается с физическим понятием преступления и активными способами борьбы с данными явлениями. Прежде чем теоретически исследовать уголовно-правовой состав преступления или уголовно-процессуальные способы борьбы с ними, даже при наличии собственной теоретической базы и методологии, эти преступления нужно материально ощутить, собрать соответствующий эмпирический материал о соответствующих общественно опасных деяниях, привести данный материал в опреде-

* Доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

[1] *Шурухнов Н. Г.* Криминалистика: определения, схемы, таблицы, диаграммы. М., 2010. С. 5.

ленную систематику. С позиций философии науки основанием любой научной теории, включая теоретические постулаты отраслей права, «определяющим и ограничивающим ее содержание «снизу», является множество утверждений ее эмпирического базиса, аккумулирующих в себе соответствующие результаты наблюдений и экспериментов»[1]. Иными словами, начало исследования преступлений берется в криминалистике исходя из закономерностей преступной деятельности, ее деталей и конкретных проявлений, а затем уже следует переход на обобщающие закономерности, допустим, в сфере криминологии или юридической психологии. Соответственно преступление изначально исследуется криминалистическими методами познания криминальной действительности с соответствующим научным инструментарием и практическими возможностями.

Допустим, как только мы отходим от теоретической части уголовного права как отрасли права, устанавливающей понимание преступления и наказания за них, и попадаем в практическую область преступных деяний, то мы оказываемся в области криминалистики. Анализ преступления не может исходить из сухого перечисления его элементов как объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон, поскольку любая объективная сторона или субъект преступления при «живом» уголовном деле постигаются практическими, а значит, криминалистическими путями исследования. К примеру, квалифицирующие обстоятельства убийства по ч. 2 ст. 105 УК РФ, квалифицирующие признаки различных видов хищений, современных компьютерных преступлений и т. д. – все это изначально прошло путь криминалистического исследования и обобщения, чтобы после перейти на криминализацию деяния и его уголовно-правовую квалификацию.

Вместе с тем криминалистика больше известна своими методами расследования преступлений, что регулируется в первую очередь отраслью уголовного процесса, юридической психологии, частично гражданским и гражданско-процессуальным законодательством. Разумеется, перечисленные и другие отрасли права, имеют свой предмет, принципы и методы познания действительности. Однако в вопросах оптимизации правовых методов борьбы с преступностью практическое основание любых отраслей права лежит на практике расследования преступлений. Правила производства следственных действий, проверка и оценка доказательств, вопросы преюдиции или гражданского иска по результатам преступления – все это изначально проходит апробацию

[1] *Лебедев С. А.* Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М., 2008. С. 491–492.

в процессе расследования преступлений, когда происходит проверка работоспособности процессов, схем, моделей, методов, установленных теоретическим путем и проводимых в реальных условиях. Рекомендации криминалистики, пишут Н. П. Яблоков и А. Ю. Головин, не только конкретизируют, но порой и восполняют процессуальные нормы в таких следственных ситуациях, которые не предусмотрены законом, но требуют законных и обоснованных решений[1].

Тем самым, практическим источником, переходящим на обобщающие положения отраслей права, является сама преступность и закономерности практики борьбы с ней, которые изначально познаются в сфере криминалистики.

Однако, несмотря на излагаемые положения, которые больше касаются теоретических основ формирования отраслей права уголовного направления, нас больше интересует «выход» этих отраслей на практику борьбы с преступлениями. Такой выход в практической деятельности всех уголовно-правовых отраслей права осуществляется исключительно на область криминалистики. «Готовый продукт» в виде расследованного и направленного прокурору и в суд уголовного дела возможен при совокупности применения всех отраслей права, «обслуживающих» уголовное дело. Успешное расследование преступлений, а следовательно, методика его выявления, раскрытия и расследования включает в себя верную уголовно-правовую квалификацию, оптимальные и законные уголовно-процессуальные способы доказывания обстоятельств преступления и виновности лица его совершившего, нахождение гражданско-правовых путей возмещения ущерба. Сюда можно добавить и административно-правовые нормы, применение которых может приводить к составу преступления при их неоднократности либо исключать преступное деяние.

Если мы примем без комментариев, что на сегодня суды в 99,5 % случаев выносят обвинительные приговоры, причем которые по квалификации в большинстве случаев совпадают с предъявленными органами расследования обвинениями, то как факт следует признать, что основным органом борьбы с преступностью являются органы дознания и предварительного следствия. А поскольку основная область применения криминалистики – это сфера досудебного производства, то вся совокупность наук уголовно-правового цикла находится в сфере предварительного расследования, а значит именно криминалистики. Соответственно если мы будем говорить о необходимости изучения

[1] *Яблоков Н. П., Головин А. Ю.* Криминалистика: природа, система, методологические основы. М., 2009. С. 16.

уголовного права или уголовного процесса с позиций их практического применения, то автоматически становится необходимой криминалистика, без которой перечисленные и другие отрасли права теряют свой прикладной смысл.

Тем самым несмотря на дискуссионный наш вывод, считаем, что криминалистика, при имеющемся своем объекте и предмете исследований, в практическом своем действии вбирает в себя всю совокупность уголовно-правовых наук, направленных на борьбу с преступностью. Как говорил И. Гете, «суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет». Именно криминалистика, применяя множество отраслей права в своей практической деятельности по расследованию преступлений, дает им практику применения и постоянный, скажем так, творческий рост, направленный на выполнение задач общества и государства.

Рассуждая о криминалистике и ее месте среди наук уголовно-правового цикла, нельзя не сказать и о более общем фундаментальном положении, заключающемся в понимании роли государства по борьбе с преступностью. Как известно, преступность – это вечный спутник истории человечества, исходящий из философских законов единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания и др. Преступность всегда была, есть и будет – вопрос только стоит в приемлемом для общества ее количественных и качественных показателях. Однако с другой стороны борьбе с преступностью присущи карательные способы деятельности, которые нередко стоят на грани и за гранью соблюдения прав человека, охраны его интересов, к которым относятся в первую очередь жизнь и свобода. И если мы примем за аксиому, что правовые способы борьбы с преступностью исследуемые уголовным правом, уголовным процессом, криминологией и иными дисциплинами уголовного направления, имеют практический выход исключительно на криминалистику, то последняя становится главной точкой соблюдения прав и свобод человека в карательной деятельности государства по борьбе с преступностью. Тем самым вряд ли разумным шагом в данном видении значения криминалистики будет ее изучение только в вузах правоохранительных органов. Более того, если вновь говорить об абсурде и отрицать криминалистику как практическое направление результатов исследования перечисленных наук уголовно-правого цикла, то данные науки также следует отдать в вузы правоохранительной системы. Соответственно уголовно-правовая деятельность должна иметь место только в органах правоохранительной системы, направленной в практическом применении только на обвинительный уклон, особенно в кризисные для государства времена. Думается, вряд ли позиции нормального государства

и гражданского общества позволят сделать такой шаг губительный для свободы и прав человека.

Таким образом, если мы говорим о необходимости криминалистики и как науки и как учебного курса, то она должна быть на своем законном и обоснованном месте среди таких отраслей права как уголовное право, уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, юридическая психология и др. Без криминалистики перечисленные области права и иные научные знания не будут эффективно работать по изучению преступлений и их последствий, а особенно по применению специфичных способов и средств борьбы с преступлениями. Иными словами, без криминалистики теряется практическая значимость наук уголовно-правового направления. При этом заметим, что криминалистика в данном положении, является не орудием или средством обвинения в уголовном преследовании или средством защиты, допустим, в адвокатской работе, а отраслью знаний, направленной на поиск истины вне сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве.

*Р. С. ХАМИДУЛЛИН**

Типовые следственные ситуации, возникающие в процессе расследования при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

Успешное использование норм особого порядка уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (далее – ДСоС) во многом зависит от умения следователей правильно оценивать сложившуюся следственную ситуацию и профессионально ее разрешать. Такой подход к расследованию преступлений является наиболее эффективным как при заключении ДСоС, так в ходе расследования с перспективой заключения такого соглашения.

Большинство ученых-криминалистов, среди которых Р. С. Белкин, В. А. Образцов, В. Г. Танасевич, В. И. Шиканов, под следственной ситуацией понимают объективную обстановку, в которой ведется расследование[1]. Р. С. Белкин считал, что «следственная ситуация – это

* Адъюнкт кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России.

[1] *Образцов В. А., Танасевич В. Г.* Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации // Сов. государство и право. 1979. № 8. С. 113; *Шиканов В. И.* Разработка теории тактических операций – важнейшее условие совершенствования

совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, т. е. та обстановка, в которой протекает процесс доказывания»[1].

А. Н. Колесниченко определил следственную ситуацию как определенное положение в расследовании преступлений, которое характеризуется наличием тех или иных доказательств и информационного материала и возникающими в связи с этим конкретными задачами по их собиранию и проверке. В. К. Гавло же под следственной ситуацией подразумевал определенную обстановку, складывающуюся в результате возбуждения уголовного дела и его разрешения по существу, в соответствии с задачами уголовного судопроизводства, объективно отражающую внутреннее состояние, ход и условия расследования на основе совокупности фактических и иных данных.

Т. С. Волчецкая определяет следственную ситуацию как «степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразные по делу решения»[2]. Подобный подход крайне важен, поскольку отражает связь и взаимную зависимость следственных ситуаций с принятием следователем решений.

В свою очередь, Л. Я. Драпкин под следственной ситуацией понимает «динамическую информационную систему, отражающую с различной степенью адекватности многообразные логико-познавательные связи между установленными и еще неизвестными обстоятельствами, имеющими значение для дела, тактико-психологические отношения участников (сторон) уголовного судопроизводства, а также организационно-управленческую структуру и уровень внутренней упорядоченности процесса расследования»[3]. Одним из важнейших и фундаментальных критериев, определяющих следственные ситуации, Л. Я. Драпкин считает признак, «главный с практической точки зрения… – благоприятна или неблагоприятна данная ситуация для расследования… Эта модель имеет отличительные особенности: динамизм, постоянное

методики расследования преступлений // Методика расследования преступлений. М., 1976. С. 157.

[1] *Белкин Р. С.* Курс советской криминалистики. М., 1979. Т. 3. С. 70.

[2] *Волчецкая Т. С.* Ситуационный подход в криминалистической практической и исследовательской деятельности: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Калининград, 2001. С. 93.

[3] *Драпкин Л. Я.* Общая характеристика следственных ситуаций // Следственная ситуация: сб. науч. тр. М., 1984. С. 18.

отражение сложившегося состояния расследования по уголовному делу… постоянное развитие, переход от одного состояния к другому»[1].

В криминалистической литературе классификация следственных ситуаций приводится, как правило, по различным основаниям. В данной работе нам для разработки мер тактико-криминалистического обеспечения деятельности следователя необходимо выделить типичные следственные ситуации по уголовным делам с участием или перспективой участия подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

В литературе предлагается несколько классификаций следственных ситуаций. Наиболее полно эти классификации представлены Л. Я. Драпкиным[2]. Полемизируя с ним, Р. С. Белкин пришел к выводу, что все они носят частный характер, а теоретически и практически значимыми являются лишь те из них, в которых следственные ситуации подразделяются на типичные и специфические; бесконфликтные и конфликтные; начальные, промежуточные и конечные[3]. Однако дальнейшее развитие теории следственных ситуаций пошло по иному пути, подтвердившему теоретическую и практическую значимость исследования проблемных, тактического риска, организационных, конфликтных и других разновидностей сложных следственных ситуаций, предложенных Л. Я. Драпкиным. Именно с этих классификационных позиций, отражающих содержательную сторону следственных ситуаций, многими авторами написаны десятки диссертаций и монографий, сотни статей и других публикаций.

Проведя анализ следственных ситуаций и их классификаций, можно сделать вывод о том, что при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве возникают как простые, так и сложные ситуации.

Следственные ситуации, возникающие на первоначальном этапе расследования при наличии перспектив заключения ДСоС, во многом зависят от следующих факторов:

задержаны ли при возбуждении уголовного дела подозреваемые;

характер тактической позиции, занятой подозреваемыми или обвиняемыми;

все ли преступные эпизоды выявлены.

---

[1] *Драпкин Л. Я.* Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. С. 17.

[2] *Драпкин Л. Я.* Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений: науч. тр. Свердловского юрид. ин-та. Вып. 41. Свердловск, 1975. С. 34.

[3] *Белкин Р. С.* Избр. тр. М., 2009. С. 460. (Следует отметить, что данная классификация проведена профессором Р. С. Белкиным по разным логическим основаниям.)

Следует отметить, что о следственных ситуациях при заключении ДСоС или с перспективой такого заключения мы можем говорить только тогда, когда лицо, совершившее преступление, установлено.

В ситуации, когда лица, совершившие преступление, установлены и они находятся под оперативным контролем, следователь обладает достаточной базой негласной информации о совершенном преступлении и о лицах, его совершивших, которая необходима для успешного раскрытия и расследования преступления. В другом случае, если следователь не обладает конкретной информацией об основных аспектах криминальных деяний и о лицах, их совершивших, то наряду с раскрытием и расследованием данного преступления следователю необходимо принять меры к установлению таких лиц. Следственная ситуация может в корне измениться в зависимости от того, задержаны ли лица, подозреваемые в совершении преступлений, или нет, а также от позиции, которую они займут; будет ли кто-то из подозреваемых ходатайствовать о заключении с ним ДСоС или нет. Подозреваемые могут сотрудничать со следствием либо оказывать активное противодействие. Развитие следственной ситуации по уголовному делу с перспективой применения норм особого порядка уголовного судопроизводства при заключении ДСоС также зависит и от того, о каком количестве преступлений, совершенных подозреваемыми, у следователя имеется информация.

В зависимости от наличия и характера затруднений, стоящих перед следователем, можно выделить следующие ситуации.

Простая ситуация. Лицо задержано на месте совершения преступления или сразу после его совершения «по горячим следам», желает сотрудничать со следствием, ходатайствует о заключении с ним ДСоС.

Данная ситуация является наиболее благоприятной для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако даже в условиях воспринимаемой следователем простоты ситуации необходимо убедиться в искренности намерений подозреваемого, правдивости его показаний, а также оценить преследуемые им мотивы. Сделать это необходимо с целью определения возможной конфликтности ситуации, а также того, не является ли внешне простая следственная ситуация мнимо простой, неправильно воспринятой следователем.

Сложные ситуации. *Ситуация № 1*. Подозреваемый желает сотрудничать и заключить досудебное соглашение, но в силу сложившихся обстоятельств опасается угрозы жизни или здоровью его самого или его близких со стороны соучастников преступлений. Данная ситуация может быть охарактеризована как конфликтная с нестрогим соперничеством, поскольку при внутреннем совпадении интересов следователя

и подозреваемого, имеются внешние факторы, затрудняющие благоприятное развитие следственной ситуации.

Ситуация № 2. Подозреваемый отрицает свою причастность к расследуемым преступлениям и, соответственно, заключать досудебное соглашение о сотрудничестве не желает.

Вторая сложная следственная ситуация с точки зрения перспективы сотрудничества неблагоприятна тем, что подозреваемый отказывается взаимодействовать со следствием и заключать какие-либо сделки, занимает позицию противодействия расследованию, поэтому такую ситуацию следует назвать конфликтной со строгим соперничеством. В сложившейся следственной ситуации наиболее рациональным ее решением может стать привлечение подозреваемого к сотрудничеству путем применения различных тактических приемов и операций. При этом важно установить психологический контакт с подозреваемым.

Ситуация № 3. Подозреваемый высказывает внешнее желание сотрудничать со следствием, ходатайствует о заключении с ним ДСоС, преследуя при этом совершенно иные цели. Таким целями могут быть направление следствия по ложному пути, затягивание времени, подготовка побега или иной формы взаимодействия с соучастниками, находящимися на свободе, ложный оговор невиновных лиц и т. д. Такая ситуация может являться мнимо простой и носит проблемно-конфликтный характер с элементами тактического риска.

Следует отметить, что несмотря на указанный конфликтный характер приведенных ситуаций, в них также проступают черты проблемных ситуаций и ситуаций тактического риска. Проблемность в этом случае обусловлена возможной нехваткой у следователя данных для принятия последующих решений, а рискованность – «возможностью принятия неверного решения, способного не только нарушить и серьезно замедлить ход расследования, но и привести к дополнительным негативным последствиям»[1], например окончательному занятию подозреваемым позиции отказа от дачи показаний.

Предложенные алгоритмы действий следователя в указанных типичных следственных ситуациях не являются универсальными и исчерпывающими. Отдельные элементы могут и не использоваться либо использоваться в совокупности с другими действиями в зависимости от необходимости.

---

[1] *Бахтеев Д. В.* Переход от вероятностных знаний к достоверным и достаточным: вопросы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 130.

Следственные ситуации по уголовным делам, по которым с подозреваемыми (обвиняемыми) заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, можно классифицировать и по иным основаниям.

А. В зависимости от того, знаком ли один из подозреваемых (обвиняемых) с другим подозреваемым (обвиняемым), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве:

1) подозреваемый (обвиняемый) знаком с другим подозреваемым (обвиняемым), заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве;

2) подозреваемый (обвиняемый) не знаком с другим подозреваемым (обвиняемым), заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве.

При совершении преступления относительно небольшим количеством соучастников вторая ситуация невозможна, однако она вполне вероятна в случае противоправной деятельности организованной преступной группы (преступного сообщества).

Б. В зависимости от осведомленности одного из подозреваемых (обвиняемых) о том, что вместе с ним по уголовному делу привлекается к уголовной ответственности другой подозреваемый (обвиняемый), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве:

1) подозреваемый (обвиняемый) знает о том, что вместе с ним по делу привлекается к уголовной ответственности другой подозреваемый (обвиняемый), заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве;

2) подозреваемый (обвиняемый) не знает о том, что вместе с ним по делу привлекается к уголовной ответственности другой подозреваемый (обвиняемый), заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве.

Указанное классификационное основание по-иному можно охарактеризовать как осведомленность о факте заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Владение подозреваемым (обвиняемым) информацией о факте заключения такого соглашения создает предпосылки для возникновения высказанных (сообщенных) угроз в отношении подозреваемого (обвиняемого), сотрудничающего с правоохранительными органами, что необходимо учитывать при осуществлении соответствующей тактической операции.

В. В зависимости от того высказываются (осуществляются) угрозы подозреваемым (обвиняемым) или его близкими лицами в отношении подозреваемого (обвиняемого), сотрудничающего с правоохранительными органами, на следующие ситуации.

1. Подозреваемый (обвиняемый) высказывает (осуществляет) угрозы в отношении другого подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, или его близких лиц.

2. Подозреваемый (обвиняемый) не высказывает (не осуществляет) угрозы в отношении другого подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, или его близких лиц.

Следует отметить, что приведенные ситуации последовательно зависят друг от друга: если подозреваемые не знакомы, не имеет значения осведомленность одного из них о заключении другим ДСоС; если подозреваемый (обвиняемый) не знает о заключении его знакомым ДСоС, то невозможно высказывание или реализация угроз вследствие заключения такого соглашения.

Следственные ситуации, возникающие при расследовании уголовных дел при применении норм особого уголовного судопроизводства, можно разграничить также по времени заключения досудебного соглашения о сотрудничестве:

1) следственные ситуации, при которых досудебное соглашение еще не заключено;

2) следственные ситуации, возникшие после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Общим в рассмотренных типовых ситуациях является то, что они в целом направлены на обеспечение взаимодействия с подозреваемым (обвиняемым). В первую очередь это необходимо для получения важной информации, которую указанное лицо сообщает в рамках заключенного соглашения. И независимо от того, выполнит ли подозреваемый (обвиняемый) обязанности, указанные в соглашении, информация, которую он предоставил, поможет раскрыть и расследовать другие преступления, пресечь совершение новых, разыскать похищенное имущество и т. д. Однако «передача знаний подозреваемым, обвиняемым следователю о самом факте совершения группового преступления с участием называемых им лиц – о событии неделимом – непосредственно расследования, предметом которого этот факт является, не завершает. Для завершения следователю необходимы достаточные знания об обстоятельствах, объясняющих совершившийся факт, об отношении последнего к совершенному факту, его последствиям и т. д.»[1].

[1] *Баев О. Я.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения: моногр. М., 2013. С. 183.

*А. Е. ХОРОШЕВА**

Деидеологизация современной криминалистической методики судебного разбирательства уголовных дел: миф или реальность?

Оговорюсь сразу: термин «деидеологизация», используемый в настоящей статье, не имеет ничего общего с теми философскими и социально-политическими концепциями, которые обычно приходят на ум при его произнесении. Это явление, приведенное в названии, подразумевает некий методологический концепт, в русле которого и будут излагаться соответствующие мысли и идеи. Кроме того, деидеологизация не означает отказа от всех идеологических воззрений, на основе которых формировалась современная криминалистика. Скорее, деидеологизация – это совокупность не только определенных взглядов на развитие криминалистики, но и возможность передачи «духа» и смысла правопонимания и правоприменения, без сложившегося взгляда на которые не может существовать и полноценно развиваться ни одна юридическая наука.

Нужно отметить, что те механизмы, в рамках которых функционирует современная криминалистика, имеют вполне устоявшиеся основы и уже не вызывают сколько-нибудь серьезных дискуссий. И даже если и имели место в разные периоды споры относительно «жизнеспособности» отдельных криминалистических категорий, все они прекращались за неимением иной, более оправданной альтернативы. Вспомним хотя бы криминалистическую характеристику преступления, названную профессором Р. С. Белкиным «научным фантомом». Да и не только ее, а вообще всю криминалистическую деятельность, которую авторитетный ученый назвал «иллюзией»[1].

Методика судебного разбирательства уголовных дел – область особая. Настоящая статья не ставит перед собой задачу обосновать важность и практическую значимость данного понятия. Работы последних лет являются ярким подтверждением того, что данное научное на-

---

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета.

[1] *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 236–237.

правление жизнеспособно и небесполезно[1]. Чему хотелось бы уделить внимание, так это опровержению или же, напротив, утверждению тех стереотипов (или идеологем), которые доминируют в области формирования методик судебного разбирательства.

Любое упоминание о криминалистической методике судебного разбирательства уголовных дел неизбежно начинается с вопроса о ее адресате. Как показал анализ работ по представленной теме, любые предлагаемые сегодня комбинации субъектов-адресатов криминалистических рекомендаций неизбежно вызывают споры. Криминалистические методики, предлагаемые только государственным обвинителям, не позволяют вести речь о полноценной структурированной системе, так как основный акцент в них переносится на прокурора, именно на сферу его деятельности экстраполируются существующие в криминалистике подходы[2].

Подобные методики, базирующиеся на уголовно-правовом и криминалистическом знании о преступлении, позволяют разрабатывать оптимальные алгоритмы действий государственного обвинителя, в том числе и учитывающие особенности его взаимодействия с иными участниками судебного процесса. Но, повторю, вся методика выстраивается исходя из закрепленной в процессуальном законе функции, сочетающей в себе черты обвинения и надзора за деятельностью органов предварительного следствия. Речь идет о надзоре, реализуемом в судебных стадиях уголовного судопроизводства, наделяющего прокурора правом отказаться от предъявленного подсудимому обвинения полностью или в части. Таким образом, методики по поддержанию государственного обвинения по уголовным делам отдельного вида занимают особое место в системе криминалистики.

В противовес подобным методикам, криминалистические методики судебного разбирательства уголовных дел, рассчитанные на судей и прокуроров, безусловно, не соответствуют общей парадигме уго-

---

[1] *Ароцкер Л. Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964; *Его же.* Тактика и этика судебного допроса. М., 1969; *Егоров К. С.* Проблемы криминалистического обеспечения судебного следствия: дис. … канд. юрид. наук. М., 1994; *Кисленко С. Л.* Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2002; *Корчагин А. Ю.* Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2007.

[2] *Коршунова О. Н., Ялышев С. А.* Деятельность государственного обвинителя как один из элементов науки криминалистики // Вестн. криминалистики. 2013. Вып. 4. С. 49.

ловно-процессуального закона, ориентированного на состязательное производство хотя бы в такой его части как судебное разбирательство. И если для отдельных процессуальных форм это может быть допустимо, например, в рамках особого порядка рассмотрения уголовных дел, для такой сложной и казуистичной формы судопроизводства как суд с участием присяжных заседателей подобное не может быть приемлемо. Кроме того, криминалистические методики судебного разбирательства уголовных дел, ставящие перед собой задачу обеспечить своими рекомендациями профессионального судью и государственного обвинителя, не учитывают еще и дифференцированный подход, вкладываемый в содержание их криминалистической деятельности. Так, в суде с участием присяжных заседателей с самого начала реализуется модель «активного судьи», еще на этапе отбора коллегии присяжных заседателей. В дальнейшем эта модель утверждается посредством блокировки информации, которая не должна быть доведена до сведения присяжных заседателей, через задействование механизма так называемых процессуальных «фильтров». Таким образом, можно с уверенностью констатировать значение формы уголовного судопроизводства для развития методики судебного разбирательства.

Что же касается разработки криминалистических методических рекомендаций для защитников, то данный вопрос при всей его многогранности и масштабности, уже решен не в пользу указанных участников процесса.

Изучение на протяжении нескольких лет криминалистических особенностей рассмотрения и разрешения уголовных дел, в том числе и в суде с участием присяжных заседателей, позволило сделать вывод о необходимости пересмотра заявленного контекста. Полагаю, что в современный период формулировка «для кого» должна отойти на второй план, уступив место идее целеполагания. Обозначенный подход позволяет, во-первых, избежать правового конфликта, при котором криминалистика может быть обвинена в некоторой архаичности, а, во-вторых, позволяет решить методологическую коллизию, когда выдвигание на первый план любого субъекта доказывания способствует применению узкоформального подхода, заставляет уйти от системности и даже в каком-то роде обедняет такие исследования. Хотя для решения внутриведомственных задач все вышеперечисленное может быть допустимо и не нанесет особого ущерба. Что же касается разрешения масштабной методологической задачи по формированию прикладной абстрактно-определенной методики судебного разбирательства, то этого явно недостаточно. Совершенно прав В. Я. Колдин, который пишет:

«В числе целенаправленной деятельности цель определяет средство, но не наоборот. Истина как общесистемный принцип и цель процесса определяет систему средств ее достижения, в числе которых подчиненные принципы, структурная организация процесса, функции его участников, используемые ими методы, методики и технологии. Только рассмотренным в такой системе принципам состязательности и непосредственности и функциям обвинения и защиты может быть дано истинное истолкование. Все они как системные процессуальные институты являются средствами реализации высшего иерархического принципа истины»[1].

Руководствуясь принципом системного анализа, мы поддерживаем точку зрения С. И. Коновалова, который приводит мнение академика А. Н. Кочергина относительно значения системного подхода для различных отраслей знаний. В качестве заключительной особенности ученый упоминает о такой характеристике: «Поведение любого элемента системы влияет на поведение других ее элементов. Это влияние можно рассматривать в качестве принципа, который, подобно закону тяготения, устанавливает связь любой части системы со всеми остальными ее частями. Поэтому для оценки любого решения в рамках организации необходимо определить все существенные взаимосвязи и установить его влияние с учетом этих взаимосвязей на поведение всей организации как единого целого, а не только на ту часть, которая первоначально рассматривалась»[2].

Остается добавить, что в этом смысле любой анализ деятельности судьи, прокурора и адвоката-защитника в рамках структуры методики судебного разбирательства, классификация их поведенческих моделей в конкретных ситуациях, выявление причин допущенных ими ошибок, должны подвергаться оценке при помощи не формально процессуальных, а специальных содержательных критериев. Такое соответствие определяется соотношением сил между процессуальной репрессией и правовыми гарантиями, среди которых защита личности от необоснованного осуждения; право на квалифицированную юридическую помощь; гарантия права на справедливое судебное разбирательство; реализация права на состязательную экспертизу. Именно подобный баланс и позволит сформировать такую криминалистическую методику судебного разбирательства, которая бы способствовала анализу системы

[1] *Колдин В. Я.* Проблемы методологии правоприменения // Государство и право. 2011. № 1. С. 13.

[2] Коновалов С. И. Актуальные проблемы теории и методологии криминалистики. Ростов н/Д, 2010. С. 16.

в целом, с учетом всех недостатков и проблем и выработки адекватных механизмов для их решения. Абстрактная форма системного подхода в этом плане является оптимальной.

Идеологическое отличие предварительного и судебного следствия заключается, прежде всего, в дифференцированных подходах к формированию доказательств. И если в рамках предварительного следствия факт становится доказательством в процессе поисковой деятельности, носящей розыскной характер с присущими ей принципами тайности, негласности и обязательного документирования. То судебное доказательство формируется публично, открыто и, главное, устно, а преобладающее значение в этом играет «фактор судебной аудитории»[1]. Верификация факта – судебного доказательства, главная задача деятельности всех профессиональных участников процесса, которая может быть реализована только посредством двусторонней тактики. В этом смысле познавательная деятельность судьи (присяжных заседателей), тактика обвинения и защиты признаются единым объектом, в центре которого – изучение особенностей преступления и личности подсудимого. Таким образом, ядро всей криминалистической деятельности профессиональных участников судебного разбирательства составляют поведенческие модели. В целом же вся их криминалистическая деятельность складывается из следующих направлений:

действия председательствующего по конкретизации предмета судебного разбирательства и определению границ его исследования в судебном заседании;

верификационная активность, т. е. действия сторон и председательствующего, направленные на проверку собранных в ходе предварительного следствия доказательств;

эвристическая активность – действия сторон и председательствующего, направленные на привлечение новых, ранее не исследованных доказательственных фактов;

поиск истины как проблема высшего интегративного порядка, реализуемая в целях изучения преступления и личности подсудимого.

[1] *Кухта А. А.* Доказывание истины в уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 12.

*Е. В. ХРИСТИНИНА**

Взаимодействие следователя с органом дознания при расследовании и раскрытии получения взятки в системе высшего образования

Для эффективного расследования и раскрытия получения взятки в системе высшего образования следователю необходимо взаимодействовать с органом дознания. В процессе анализа уголовных дел было установлено, что проблема эффективного взаимодействия изучается не только теоретиками-криминалистами, но и практиками.

Термин «взаимодействие» раскрывается в толковом словаре русского языка как взаимная поддержка, взаимные действия кого-либо[1]. Данное определение имеет общий характер, поэтому применимо к любой области. Причем взаимодействие можно трактовать как наличие между определенными субъектами отношений, из которых вытекает перечень прав, обязанности и правил несения ответственности.

В криминалистической теории ученые по-разному интерпретировали термин «взаимодействие». Например, Г. Г. Зуйков определял взаимодействие как деятельность элементов определенной системы, основанную на законодательстве, согласованную по целям, месту и времени, не подчиненных друг другу[2]. Однако в определении нет конкретики относительно статуса, правового положения субъектов взаимодействие, поэтому следует констатировать, что определение имеет общий, абстрактный характер.

Другие ученые, например И. Ф. Герасимов и Е. В. Цыпленкова, изучали именно процессуальное взаимодействие между следователем и органом дознания, под которым понималось правильное и эффективное сочетание и использование полномочий и методов работы органов строго в рамках закона, необходимое для раскрытия, расследования преступности[3].

---

* Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры таможенного дела и права Омского государственного университета путей сообщения.

[1] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2005. С. 78.

[2] *Зуйков Г. Г.* Научная организация управления и труда в следственном аппарате органов внутренних дел: учеб. пособие. М, 1974. С. 62–63.

[3] Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М., 2000. С. 72.

Р. С. Белкин использовал термин «взаимодействие субъектов доказывания», где в определении четко указал цель – раскрытие преступления, полное расследование уголовного дела, розыска преступников и похищенных ценностей и других обстоятельств, значимых для уголовного дела[1].

Н. А. Бурнашев изучал не только взаимодействие следователя с оперативными работниками, но и с другими службами органов внутренних дел, например экспертно-криминалистическими центрами и др.[2]

Ю. В. Гаврилин справедливо указывал, что взаимодействие может происходить как в процессуальных, так и в не процессуальных формах между следователем и другими субъектами уголовного судопроизводства по раскрытию и расследованию преступлений[3].

Представляется, что взаимодействие следователя с другими участниками уголовного судопроизводства – это комплекс мероприятий, соответствующих законодательству, проводимый на всех этапах предварительного расследования, согласованных по целям и условиям проведения, осуществляемых в процессуальных и не процессуальных формах для раскрытия и расследования определенной категории преступлений.

Необходимо выделить процессуальные формы взаимодействия между следователем и органом дознания при расследовании получения взятки в системе высшего образования (ст. 38 ч. 4 УПК РФ):

выполнение отдельных поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий (65,3 %);

совместное обсуждение и составление согласованного плана следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (51,3 %);

совместная подготовка оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий (21,6 %);

совместное производство отдельных следственных действий (13,5 %);

совместное обсуждение результата оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий (8,1 %)[4].

---

[1] *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия: справ. пособие. М., 1997. С. 31.

[2] Криминалистка: учеб. / под ред. А. Г. Филиппова и А. Ф. Волынского. М., 1998. С. 204.

[3] Криминалистка: учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М., 2008. С. 536.

[4] По некоторым изученным уголовным делам установлены различные виды взаимодействия, что, естественно, повлияло на статистические данные.

Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями должно происходить на любом этапе предварительного расследования, начиная с проверки поступившего сообщения о преступлении, так как необходим сбор значимой информации для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, изобличении преступника. Чаще всего обмен информацией между следователем и оперативным сотрудником происходит в процессе участия обоих в составе следственно-оперативной группы при производстве следственных действий, подготовке оперативно-розыскных мероприятий. Для эффективности деятельности следственно-оперативной группы составляется единый согласованный план, в котором фиксируются время, участники, техническое оснащение и тактические особенности проводимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

На основании опроса практических работников было установлено, что взаимодействие следователя с органом дознания при расследовании получения взятки в системе образования:

а) осуществлялось посредством составления плана расследования, вследствие чего было произведено эффективное расследование уголовного дела – 88,3 %;

б) план расследования по уголовному делу не составлялся, но это не повлияло на качество расследования – 5,8 %;

в) план расследования по уголовному делу не составлялся, вследствие этого было недостаточное взаимодействие – 3,6 %;

в) план расследования по уголовному делу не составлялся, что сказалось на качестве проведения предварительной проверки и всего расследования в целом – 2,3 %.

Важную роль отводится взаимодействию следователей и оперативных подразделений на этапе проверки сообщений по факту взяточничества в сфере высшего образования.

Данная проверка должна проводиться целенаправленно, что может быть достигнуто посредством ее планирования, которое представляет собой мыслительный процесс уяснения органами предварительного расследования, стоящих перед ними задач проверки (выяснение необходимых сведений по делу) и определения оптимальных путей и наиболее эффективных способов их решения.

Необходимо отметить, что основной проблематикой на этапе проверки, как показало изучение материалов уголовных дел, явилось отсутствие должного взаимодействия следственных и оперативных подразделений при проведении проверочных действий, которое выражалось лишь в форме даче следователями поручений оперативным работникам.

Думается, что взаимодействие руководителей следственных и оперативных подразделений должно происходить уже на этапе возбуждения уголовного дела при ознакомлении с материалами оперативного учета, которое позволит оценить собранную информацию на предмет достаточности для решения вопроса о возбуждении уголовного дела или указать вопросы, требующие выяснения для возможности принятия указанного процессуального решения.

Взаимодействие руководителей следственных и оперативных подразделений должно выражаться в совместном планировании проверочных действий по поступившему заявлению (сообщению) о совершенном или готовящемся преступлении.

Планирование предварительной проверки исключает излишнее затягивание ее сроков, чрезмерное и ненужное выяснение дополнительных обстоятельств при принятии процессуального решения и способствует быстрому и эффективному выявлению преступления. Содержание плана предварительной проверки по поступившей информации из оперативных источников, должно включать:

1) определение вида ситуации предварительной проверки;

2) установление перечня оперативно-розыскных методов и средств и определение последовательности их проведения;

3) выбор оперативного работника, который будет проводить оперативно-розыскное мероприятие;

4) установление сроков проведения мероприятий;

5) подведение итогов и обсуждение результатов оперативно-розыскной деятельности и планирование дальнейших действий органа дознания и органа предварительного следствия.

Совместная подготовка к производству оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий – важный вид взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений.

Однако существует дискуссионный вопрос, может ли следователь участвовать и оказывать содействие органу дознания в проведении оперативно-розыскных мероприятий по делам расследования получения взятки в системе высшего образования (наблюдение, оперативный эксперимент).

Ю. П. Гармаев считает, что следователь, согласно оперативно-розыскному законодательству, не является субъектом проведения оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, обосновывая свою позицию, автор отмечает, что если указанное участие следователя произошло, тогда согласно ст. 56 УПК РФ он признается свидетелем,

а статус свидетеля в соответствии с п. 1. ч. 1 ст. 61 УПК РФ исключает его дальнейшее участие по данному уголовному делу[1].

В. Д. Холоденко, напротив, говорит о некоторой возможности участия следователя в проведении оперативно-розыскных мероприятий. Следователь, по его мнению, приобретает статус не свидетеля, процессуальная фигура которого появляется только после возбуждения уголовного дела, а очевидца преступления, которому УПК РФ не запрещает участвовать в производстве по уголовному делу и собирать доказательства до момента придания ему статуса свидетеля[2].

М. А. Трухин говорит о реальной возможности такого участия следователя, проводя различие в понятиях «участие в оперативно-розыскных мероприятиях» и «проведение оперативно-розыскных мероприятий»[3].

Представляется, что следователь не может принимать участие в оперативно-розыскных мероприятиях, по двум причинам: во-первых, в силу своего процессуального статуса, а во-вторых, из-за специфики указанных мероприятий, так как они носят конфиденциальный характер, о чем свидетельствует статус субъекта, специально уполномоченного на проведение оперативно-розыскных мероприятий; сочетание гласных и негласных методов и средств, использование специальной техники в процессе их производства и т. д.

Поэтому взаимодействие следователя с органом дознания при расследовании взяточничества должно заключаться в совместном планировании оперативно-розыскных мероприятий и складываться из ознакомления с меморандумом, составленным по материалам оперативной разработки; участия в составлении плана реализации; консультирования и дачи рекомендаций при составлении плана проведения оперативных мероприятий.

Совместное обсуждение данных, полученных следователем и оперативным работником – еще одна форма взаимодействия правоохранительных органов, которая имеет огромное значение при планировании их деятельности. В таком обсуждении могут принимать участие руко-

---

[1] *Гармаев Ю. П.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о взяточничестве: практ. пособие. Иркутск, 2005. С. 6–7.

[2] *Холоденко В. Д.* На следователя, участвовавшего в проведении оперативно-розыскных мероприятий, нельзя возлагать полномочия по осуществлению предварительного следствия и дознания // Рос. следователь. 2005. № 9. С. 7–9.

[3] *Трухин М. А.* Некоторые проблемы выявления, раскрытия и расследования взяточничества и коммерческого подкупа в сфере образования // Рос. следователь. 2007. № 9. С. 4–7.

водители следственных и оперативных подразделений и другие сотрудники, оно может носить коллективный характер при соблюдении необходимых требований конспирации источников оперативно-розыскных данных.

Таким образом, планирование, проведение и оценка следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий должно быть совместной и согласованной для эффективного раскрытия и расследования уголовного дела.

*Е. В. ШИШКИНА**

Правовая природа и тактика проверки показаний на месте

15-летие вступления в действие УПК РФ – не только круглая дата, вызывающая, как это принято, определенные эмоции, но прежде всего как и любой юбилей – время подведения итогов. 15 лет назад УПК РФ ознаменовал начало нового этапа развития уголовно-процессуального законодательства, в том числе благодаря расширению арсенала следственных действий.

Легализация проверки показаний на месте как процессуального следственного действия в УПК РФ многими авторами была встречена позитивно и расценена как шаг вперед в развитии средств доказывания[2]. Несмотря на многочисленные научные исследования, посвященные проверке показаний на месте, которые велись до включения ее в УПК РФ, и которые по большому счету оказали влияние на волю законодателя, с 2002 г. начался новый этап в разработке тактических правил ее производства.

Сейчас, по прошествии 15 лет реализации проверки показаний на месте в качестве законодательно установленного способа собирания доказательств, споры о ней по-прежнему не утихают и касаются самых разных аспектов ее практического применения. На наш взгляд, это является следствием прежде всего сложной процессуальной, организационной, психологической, тактической и гносеологической природы этого следственного действия. Накопленный опыт применения провер-

* Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета.

[1] *Власенко Н. В., Степанов В. В.* Сущность и тактика проверки показаний на месте. М., 2004. С. 4.

ки показаний на месте требует анализа и разработки тактических рекомендаций по ее производству в различных следственных ситуациях, в том числе проблемных, а также описания особенностей ее применения по делам различных категорий и с участниками различного процессуального статуса. Недостаточно исследованы вопросы тактики производства проверки показаний на месте с участием несовершеннолетних, в том числе малолетних, лиц. То есть научная активность должна быть направлена, на наш взгляд, прежде всего на разработку тактических рекомендаций на основании обобщения следственной и судебной практики. Вместе с тем продолжают появляться публикации, которые ставят под сомнение правовую природу проверки показаний на месте, несмотря на ее законодательное урегулирование. Например, Е. А. Осавелюк и О. С. Антипов называют проверку показаний на месте «результатом лоббирования чьих-либо интересов», «сырым» процессуальным институтом, оценивая в целом негативно факт придания ей законной силы[1].

Можно согласиться с тем, что правовая регламентация проверки показаний на месте в УПК РФ далека от совершенства, но для обвинения законодателя в «лоббировании чьих-либо интересов» нужны веские доводы. Анализируя огромный объем исследований, посвященных проверке показаний на месте, и проведенных задолго до ее легализации, невольно приходишь к выводу, что единственный интерес, который двигал учеными – это интересы науки и практики. Появление в арсенале следователя нового следственного действия, несомненно, обогатило расследование новыми возможностями поиска доказательственной информации и ее проверки.

Спорный характер отдельных вопросов применения проверки показаний на месте не может являться основанием для того, чтобы считать ошибкой ее законодательное закрепление. Это обстоятельство является свидетельством непростой процессуальной и тактической природы проверки показаний на месте, требующей четкого понимания его сущности, целей, задач, оснований и правил производства. Как раз в этом направлении и ведется большинство современных исследований по вопросам применения проверки показаний на месте.

Одним из аргументов против проверки показаний на месте до 2002 г., безусловно, был тот, что она не была закреплена законодательно и потому практика ее применения была незаконной априори. Бе-

[1] *Осавелюк Е. А., Антипов О. С.* Проверка показаний на месте как следственное действие: проблема состоятельности в современном уголовно-процессуальном законодательстве России // Вопр. современной юриспруденции. 2015. № 48. С. 44.

зусловно, это был серьезный довод, который ставил под сомнение целесообразность разработки тактики несуществующего следственного действия. Один из феноменов проверки показаний на месте состоит в том, что она есть результат логичного развития науки, когда «практика опережает закон, выдвигает свои требования, ставит перед учеными новые задачи, одна из которых – подготовить своими исследованиями принятие наиболее четкой, лаконичной нормы»[1].

Тем более странным, а главное, недопустимым, следует считать современные предложения отдельных авторов по тактике проведения проверки показаний на месте, которые по сути содержат в себе призывы к нарушению закона и тем самым опять провоцируют критику в ее адрес. В частности, речь идет о попытке интерпретировать императивно установленное в законе правило о недопустимости одновременной проверке на месте показаний нескольких лиц (ч. 3 с. 194 УПК РФ). М. В. Давыдов и А. Ю. Харыбин утверждают, что поскольку «противоречия в показаниях участников раздельной проверки показаний на месте возникают неизбежно по причине различной степени избирательности или субъективности каждого, успех совместного проведения анализируемого следственного действия с несколькими из них приобретает большее значение»[2]. При этом авторы не настаивают на исключении ч. 3 ст. 194 УПК РФ. По их мнению, «представляется спорным вопрос о недопустимости одновременной проверки показаний на месте нескольких лиц. Полагаем, что одновременная проверка показаний на месте нескольких лиц возможна, но только в случае, если после производства названного следственного действия в показаниях нескольких лиц относительного одного и того же события имеются противоречия»[3]. По сути авторы ставят соображения целесообразности выше принципа законности, предполагающего неукоснительное соблюдение установленных законом правил уголовного судопроизводства.

Вопрос соотношения целесообразности и законности решен давно и возвращаться к нему на уровне частной дискуссии не имеет смысла. Как писал Р. С. Белкин, «противоречия между законностью и целесо-

---

[1] *Цыпленкова Е. В.* Тактика проверки показаний обвиняемого на предварительном следствии: дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1991. С. 113.

[2] *Давыдов М. В., Харыбин А. Ю.* Вопросы совершенствования производства проверки показаний на месте на современном этапе развития уголовного судопроизводства // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Междунар. конф. к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николюка. М., 2016. С. 14.

[3] Там же. С. 149.

образностью не может быть, ибо целесообразным признается только то, что законно»[1].

Во многом позиция указанных выше авторов объясняется тем, что они считают неэффективной раздельную проверку показаний на месте (хотя это никак не оправдывает призыва к нарушению закона). Так ли это на самом деле? Основным аргументом в пользу одновременной проверки показаний на месте является так называемый «эффект присутствия», который позволяет якобы устранить противоречия в показаниях участников проверки. Этот довод кажется нам неубедительным по нескольким причинам. Во-первых, сами авторы признают наличие определенного риска при одновременной проверке показаний, который заключается в возможном оказании влияния одного участника на позицию другого. На самом деле наличие этого и других рисков, связанных с проблемами организации, обеспечения охраны, безопасности участников и пр., уже можно считать достаточным основанием для отказа от такой формы проверки показаний. Тем не менее позволим себе привести еще один аргумент содержательного плана против обозначенной авторами позиции.

На наш взгляд, установленный в законе запрет одновременной проверки показаний на месте нескольких лиц основывается именно на соображениях тактической целесообразности. Законодатель тем самым, с одной стороны, предупреждает возможные риски, о которых мы ранее говорили, с другой стороны, полагает, что именно такой способ устранения противоречий является наиболее правильным. Задача следователя заключается в том, чтобы при наличии противоречий в оказаниях нескольких лиц и при отсутствии препятствий для проведения проверки их показаний на месте тщательно разработать ее тактическую структуру, создав тем самым основу для устранения противоречий. Тактика проверок показаний на месте с разными лицами, проходящими по одному делу с целью устранения противоречий в их показаниях относительно одних и тех же обстоятельств должна быть тщательно продумана и спланирована. В число тактических приемов проведения этих следственных действий могут быть включены следующие.

1. Каждое следственное действие должно проводиться по разработанному плану и содержать комплекс тактических приемов, направленных на установление достоверности показаний проверяемого лица относительно спорных обстоятельств. В числе приемов проверки показаний на месте могут быть использованы: проверка показаний по «опорным точкам», детализация показаний относительно спорных

[1] *Белкин Р. С.* Курс криминалистики: учеб. М., 2001. С. 209.

обстоятельств, наблюдение, использование дополнительных средств, обеспечивающих наглядность восприятия (макеты оружия, манекены), фиксация хода и результатов проверки на видео и др.

2. С целью создания максимально благоприятных условий для сопоставления результатов проведенных проверок показаний на месте с разными лицами следует при их производстве использовать аналогичные вспомогательные средства (макеты, манекены), производить видеосъемку с одинаковых точек, проводить проверки показаний в схожих условиях видимости, освещения.

3. При проведении проверки показаний на месте с последующим участником использовать в качестве ориентирующей информацию, полученную при проведении предыдущей проверки показаний.

4. Результаты проверки показаний могут быть использованы при проведении последующих следственных действий – допросов, назначении экспертиз, очных ставок.

Правильно выбранный тактический рисунок серии проверок показаний на месте с разными лицами позволит решить те задачи, которые ставит перед собой следователь. При этом нельзя забывать, что каждая самостоятельная проверка показаний на месте с одним из участников преступления при условии ее правильной организации и удачной тактической разработки способна решать многие следственные задачи, включая проверку достоверности показаний проверяемого лица.

Феномен проверки показаний на месте состоит в том, что, возникнув из недр практической следственной деятельности как эффективный тактический прием расследования, она пробивала себе дорогу, ища способы процессуального оформления получаемых доказательств. Тактический потенциал проверки показаний на месте сложно переоценить. Обобщенный опыт применения проверки показаний на месте позволил выработать комплекс тактических рекомендаций по ее применению, позволяющих решать самые разные следственные задачи: обнаружение неизвестного ранее следствию места происшествия, обнаружение свидетелей и потерпевших, вещественных доказательств, следов преступления, изобличение самооговора и других ложных показаний и др.

*М. Г. ЩЕРБАКОВСКИЙ**
*Л. П. ЩЕРБАКОВСКАЯ***

О недопустимости проведения правовых экспертиз в судопроизводстве

Проблема проведения правовых экспертиз неоднократно рассматривалась в специальной литературе. Среди практиков и ученых-правоведов есть как сторонники, так и противники проведения в той или иной форме правовых экспертиз. Рассмотрим возможность проведения правовых экспертиз в уголовном процессе. Анализ точек зрения позволяет разделить их на четыре группы. Представители первой группы прямо заявляют о необходимости проведения правовых экспертиз в связи с наличием в уголовном кодексе множества бланкетных диспозиций, большим количеством и нестабильностью источников права, многочисленными и частыми их изменениями, отсутствием концентрированного кодифицированного сборника, который бы содержал эти источники, снижением уровня квалификации правоприменителей и др.[1] Другая группа авторов, не упоминая о правовой сущности экспертизы, рекомендует ставить на решение экспертов вопросы правового характера. Так, для исследования экспертизы объектов интеллектуальной собственности предлагается ставить вопрос о правильности лицензирования объектов, о соблюдении законодательства об интеллектуальной собственности, отнесения объектов к контрафактной продукции и др.[2], рекомендуется проводить «экспертизы экспертиз» с целью правовой оценки ранее проведенного экспертного исследования, что по сути также является разновидностью правовой экспертизы[3].

---

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел.

** Судебный эксперт.

[1] *Сегай М. Я., Стринжа В. К.* Судебная экспертиза материальных следов-отображений (проблемы, методология). Киев, 1997. С. 16; *Легких К. В.* Загальнонаукові та процесуальні питання проведення судової правової експертизи в судочинстві України: автореф. дис. … канд.. юрид. наук. Київ, 2009; *Зотов Д. В.* Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж, 2015. С. 58; *Гаухман Л.* Нужна правовая экспертиза по уголовным делам // Законность. 2000. № 4. С. 21–24 и др.

[2] *Кириченко І. А.* Судова експертиза об'єктів права інтелектуальної власності: посібник. Киев, 2005. С. 50.

[3] *Бондаренко П. В.* Повторные, «параллельные» экспертизы и «экспертизы экспертиз» // Вестн. криминалистики. М., 2004. Вып. 3. С. 76–81.

Очевидно, что общим для обеих групп юристов является вынесение на разрешение экспертов вопросов правового характера. Мы полагаем, что «правовым» является вопрос, который требует для своего решения правовых (юридических) знаний. Интервьюирования экспертов, а также изучение материалов экспертных производств позволило сделать вывод о постановке перед экспертами явных или завуалированных правовых вопросов. Эти вопросы можно классифицировать на следующие группы, связанные с установлением: 1) уголовно-правовой квалификации деяния (установление элементов состава преступления, наличия вины и т. п.); 2) правовой оценки представленных на экспертизу объектов (предметов преступления или посягательства); 3) выполнения требований законодательства должностными лицами организаций, учреждений, предприятий и пр.; 4) гражданско-правовой квалификации договорных отношений, (подлинности или фиктивности, трактовка положений договоров и т. п.). Ответы на приведенные и аналогичные вопросы правового характера ведут к потере доказательственного значения заключения эксперта как недопустимого доказательства, поскольку выходят за пределы специальных неюридических знаний экспертов.

Третья группа ученых критически относятся к предложению о возможности проведения правовых экспертиз. Мы солидарны с Т. В. Аверьяновой[1], Ю. Г. Коруховым[2], В. В. Степановым, Л. Г. Шапиро[3] и другими правоведами, которые рассматривают назначение правовых экспертиз лишь как попытку переложить на эксперта решение вопросов, входящих в компетенцию должностных лиц, ответственных за осуществление судопроизводства. Среди аргументов, направленных против проведения правовых экспертиз, выделим лишь два. Первоочередным признаком правовых экспертиз является необходимость использования знаний в области права. Если стать на эту позицию, то специальные знания, как процессуальная категория любого вида судопроизводства, теряют свое значение. Термин «специальные» характеризует знания, которыми профессиональные участники процесса (следователь, прокурор, адвокат, судья) не обладают и не обязаны владеть. Если убрать это условие, процессуальный термин «специальные знания» исчезает, поскольку очевидно, что в научном значении юридические знания, безусловно, являются специальными, полученными в результате профессионального обучения. Изложенным ограничением обусловлено требование ст. 101 УПК Украины, согласно которому «экс-

[1] *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза: курс общей теории. М., 2006. С. 187.

[2] *Корухов Ю. Г.* Допустимы ли правовые и юридические экспертизы в уголовном процессе // Законность. 2000. № 1. С. 39–40.

[3] *Степанов В. В., Шапиро Л. Г.* О судебной правовой экспертизе // Вестн. криминалистики. М., 2007. Вып. 4. С. 7–18.

перт, который дает заключение относительно психического состояния подозреваемого, обвиняемого, не имеет права утверждать в выводе, имел ли подозреваемый, обвиняемый такое психическое состояние, которое представляет элемент уголовного правонарушения, или элемент, который исключает ответственность за уголовное правонарушение».

Судебная экспертиза – одно из средств доказывания, содержанием которого является научно обоснованное исследование, а целью – установление фактических данных, изложенных в заключении эксперта, являющимся источником доказательств. Основное назначение судебной экспертизы – получение доказательств по уголовному делу на основе специальных знаний. Ознакомление с предложенным в литературе перечнем общих задач правовой экспертизы показывает, что их целью является разъяснение закона и подзаконных актов; квалификация деяния; правильная трактовка норм, носящих бланкетный (отсылочный) характер и т. д.[1] Поэтому согласно ст. 242 УПК Украины «не допускается проведение экспертизы для выяснения вопросов права».

А. А. Эксархопуло предлагает проводить научный анализ обстоятельств преступления, установленных в ходе расследования или судебного разбирательства, специалистами в области правовой науки на уровне экспертизы с целью правильной уголовно-правовой квалификации содеянного либо выбора варианта принятия процессуального решения[2]. Иногда под правовой экспертизой понимают криминологическую или антикоррупционную экспертизу нормативно-правовых актов (их проектов) с целью выявления, устранения или минимизации влияния изложенных в них положений, которые детерминируют или могут детерминировать преступность или блокируют действие антикоррупционных мер (средств)[3]. Приведенные правовые экспертизы каких-либо фактических данных об обстоятельствах преступления не устанавливают, поэтому они не могут являться источником доказательств и назначаться в процессе судопропроизвдства.

Четвертая группа ученых ошибочно считает, что традиционные автотехническая, экономические, пожаротехническая, строительно-

---

[1] *Лазарева Л. В.* Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. Волгоград, 2014. № 4. С. 8–16; *Зотов Д. В.* Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж, 2015. С. 45.

[2] *Эксархопуло А. А.* Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестн. криминалистики. М., 2001. Вып. 2. С. 23–28.

[3] *Головин А. Ю.* Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в системе правоохранительной деятельности // Известия Тульского гос. ун-та. Сер. Экономические и юридические науки. 2012. Вып. № 2. Ч. 2. С. 4–12.

техническая, экспертиза безопасности жизнедеятельности и другие, в которых решаются вопросы о соответствии действий лиц определенным правилам (нарушение правил), являются, по сути, правовыми, поскольку требуют изучения положений нормативно-правовых актов. А. В. Кудрявцева и Ю. Д. Лившиц справедливо замечают, что если следовать этой логике, то такие понятия как «наркотические средства», «холодное оружие» и другие также являются правовыми в силу того, что их дефиниции даны в соответствующих законах[1]. По нашему мнению, экспертизы, при назначении которых ставятся вопросы о соответствии действий (надлежащее поведение) лица определенным правилам в определенных обстоятельствах, закрепленным в нормативно-правовых актах, не могут рассматриваться как правовые. Отметим эволюцию взглядов Е. Р. Россинской по данной проблеме. Если ранее уважаемый профессор настаивала на необходимости узаконить производство правовых (юридических) экспертиз[2], то впоследствии на основе анализа общих положений теории судебных экспертиз пришла к выводу о несостоятельности существования такого класса экспертиз, а формировании «судебно-нормативных» экспертиз, которые являются видом в рамках соответствующих родов экономических, пожаротехнических, строительно-технических, автотехнических и иных экспертиз[3]. Мы полностью соглашаемся с приведенной позицией, однако вызывает возражение тезис о том, что при производстве отмеченных экспертиз эксперты используют юридические знания. Во-первых, подобное утверждение вновь превращает нормативные экспертизы в те же правовые. Во вторых, в данном случае происходит подмена понятий. Если правовые акты регулируют общественные отношения, возникающие на основе норм права, участники которых имеют субъективные права и юридические обязанности, то технические, естественнонаучные, экономические и другие правила регулируют отношения в специальных сферах человеческой деятельности. Отличие этих правил, имеющих форму нормативов, от правовых актов состоит в том, что установление принадлежности изучаемых предметов, веществ, совершенных действий тем, которые указаны в актах, задача не правоприменителей, а специалистов (экспертов), которые обладают соответствующими специальными неюридическими знаниями. Содержанием таких актов

[1] *Кудрявцева А. В., Лифшиц Ю. Д.* Доказательственное значение «правовых» экспертиз в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2003. № 1. С. 36–37.

[2] *Россинская Е. Р.* Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журн. рос. права. 2001. № 5. С. 32–43.

[3] *Россинская Е. Р.* Судебная юридическая (правовая) экспертиза: за и против с позиций современной судебной экспертологии // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. №. 8. С. 56–69.

являются сведения специального характера, которые сформулированы в инструкциях, правилах, положениях и т. д., имеющих форму правового акта. Если рассматриваются определенные действия и специальные правила поведения, то экспертом устанавливается надлежащее поведение абстрактного лица (в том числе должностного согласно должностным обязанностям) о том, как надо действовать, соблюдать правила в той или иной ситуации. Важно подчеркнуть, что эксперт не касается субъективной стороны преступления и действий конкретного лица.

Следует подчеркнуть, что судебный эксперт обязан владеть определенным минимумом правовых знаний, которые необходимы для правильного ориентирования в правовом поле уголовного, гражданского, административного и иного судопроизводства, овладения теоретическими и методическими основами судебных экспертиз, понимания особенностей и роли судебной экспертизы в системе доказательств, процессуальной функции эксперта, его прав и обязанностей, значения результатов судебно-экспертного исследования, правильного процессуального оформления полученных выводов и др. Так, в Украине специалисты, которые намерены получить свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта, проходят обязательный курс подготовки по освоению правовых основ проведения судебных экспертиз. Эксперту любой специальности необходимо в определенном объеме обладать правовыми знаниями, но не для проведения исследований и дачи выводов, а выполнения функций участника процесса.

Если проведение правовых экспертиз не допустимо, то каким образом компенсировать их отсутствие и как правоприменителям разрешать сложные вопросы правового характера? Ответ на этот вопрос давно дан практикой проведения консультаций со специалистами-правоведами.

Одним из видов толкования норм права является неофициальное толкование-разъяснение профессиональными субъектами. А. А. Мохов правильно указывает, что специалист в области права сообщает справочные, научные сведения, выражает свое профессиональное мнение, чем оказывает помощь суду. Однако автор допускает предоставление такой помощи как в форме экспертизы, так и консультаций[1]. В. Ю. Шепитько уточняет, что в современных условиях возникают сложные юридические вопросы, которые не были включены в программы профессиональной подготовки следователя или судьи. В этом случае речь должна идти не о назначении экспертизы, а о привлечении

[1] *Мохов А. А.* Презумпция «судьи знают право» – рудимент правовой доктрины? // Эксперт-криминалист. 2007. № 1. С. 3–7.

соответствующих специалистов для предоставления консультаций[1]. Мы убеждены, что толкование норм материального и процессуального права может осуществляться только в виде консультаций специалистов в отдельных отраслях права как в процессуальной, так и непроцессуальной формах. Процессуальная форма представления письменных и устных консультаций специалистов на стадии судебного рассмотрения в суде первой инстанции предусмотрена ст. 71 и 360 УПК Украины. Однако эти толкования (консультации, разъяснения) носят характер рекомендаций и не имеют статус доказательств в уголовном деле (ст. 95 УПК Украины). Во время производства в Верховном суде Украины, согласно ст. 452 УПК Украины, судья-докладчик при подготовке к пересмотру судебного решения в случае необходимости «имеет право поручить соответствующим специалистам Научно-консультативного совета при Верховном суде Украины подготовить научное заключение о норме Закона Украины об уголовной ответственности, которая неодинаково применялась судом кассационной инстанции относительно одинаковых общественно опасных деяний». Согласно Положению о Научно-консультативном совете его членами являются высококвалифицированные юристы в области административного, уголовного и гражданского права, имеющие ученую степень доктора или кандидата юридических наук. Указанные правоведы аналогичны специалистам, которые дают консультации сторонам и суду на первых стадиях уголовного производства. Это свидетельствует о том, что специалисты, в отличие от экспертов, могут владеть как специальными, так и юридическими знаниями и своими разъяснениями способствовать решению сложных правовых вопросов.

Подводя итог, можно утверждать, что недопустимо назначение судебных экспертиз для решения правовых вопросов. С целью уяснения сложных вопросов из различных отраслей права необходимо пользоваться консультацией специалиста-правоведа для формирования внутреннего убеждения правоприменителя, которое воплощается в принятии обоснованного процессуального решения. В ходе производства экспертиз, в том числе нормативных, эксперты используют специальные, неюридические (неправовые) знания. Основы правовых знаний необходимы судебным экспертам для выполнения возложенных на них процессуальных функций. Приведенные утверждения, по нашему мнению, имеют общий характер и касаются не только уголовного, но и административного, гражданского и иного судопроизводства.

[1] *Шепитько В. Ю.* О пределах использования специальных знаний в уголовном процессе // Актуальні проблеми кримінального права, процесу та криміналістики: матер. IV міжн. наук.-прак. конф., присвяченої 95-річчю з дня народження проф. М. В. Салтевського (м. Одеса, 2 листопада 2012 р.). Одеса, 2012. С. 499–502.

Научное издание

Проблемы современной криминалистики и основные направления ее развития в XXI веке

Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летнему юбилею кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета (6 октября 2017 года)

Главный редактор Издательского дома
Уральского государственного юридического университета
А. Н. Митин

Компьютерная верстка *А. А. Холодилова*
Дизайн обложки *Е. И. Ушакова*

Подписано в печать 04.12.17. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,18. Уч.-изд. л. 28,61.
Тираж 100 экз. Заказ № 48

Уральский государственный юридический университет.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
Кафедра криминалистики.
Тел. 245-73-93

Отдел дизайна и полиграфии
Издательского дома
Уральского государственного юридического университета.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru